

СЛОВАМИ
ОГНЯ И ЛЕСА

Часть 1

Край джунглей, вулканов и каменистых плато. Хозяева здесь — низинная Астала и горная Тейит. В обоих государствах правящая верхушка и ее приближенные обладают магической силой. Только для Тейит миновало время расцвета: теперь, чтобы выжить, ей нужны ресурсы и новые земли. Но у беспечной и жестокой Асталы есть оружие, которое пугает ее саму...

Подросток-полукровка не помнит о себе ничего, кроме тяжелой работы на прииске. Не в силах больше выносить плохое обращение, он сбегает; случайная встреча в Астале дарит ему покровительство ровесника. Понемногу мальчишка начинает обретать себя... и вспоминать прошлое. Но полученная им защита несет в себе опасности не меньше, чем блага. А от его выбора зависит не только дружба.

Тонкая ниточка — одна встреча — дает начало полотну, в которое вплетены судьбы целых семей и даже народов.

Глава 1

Пролог

Птица синеголовка считала лес бесконечным. Сидя на ветке у самой реки, она видела взлетающих подруг, чье оперение также отливало оранжевым, голубым и зеленым. Слышала чуждые лесу голоса и на всякий случай остерегалась, хоть и не знала, что перьями таких, как она, украшали человечьи наряды.

Но сейчас людям было не до птиц. Они, приминая береговые цветы, стояли друг против друга и говорили громко, размахивали руками. Синеголовка не понимала, что они ссорились, но сообразила: может подобраться близко, все равно не заметят.

Поэтому она перелетела на другую ветку, потом еще на одну, описала круг, почти касаясь хвостом голов. Но ни у кого тут не оказалось в руках или раскрытой сумке лепешки или чего-нибудь другого съедобного. Зато на земле у их ног стояли невысокие ящики, в которых тускло поблескивали золотые зерна.

Пока птица искала пищу, что-то говорил самый младший из спорящих, еще не достигший даже расцвета юности. За его спиной замерли несколько человек старше годами, вооруженных, и они молчали.

Младшему ответил один из мужчин, стоявших напротив, с собранными в хвост волосами. Голоса, изначально недобрые, вскоре преисполнились ярости.

От людей не получишь хорошего, знала птица. Они и между собой-то не ладят. Синеголовка вернулась на свою ветку и смотрела, как завязалась схватка на полосе брода, как сыпались на дно утаенные золотые зерна и радугой вспыхивали летящие ножи.

А потом полыхнула трава на северной стороне, пламя пожирало подлесок, брошенные корзины, походный лагерь невдалеке; пламя охватило стволы и кроны, а затем перекинулось и на небо, враз потемневшее, потяжелевшее. Верховой пожар забушевал в лесу. Синеголовка на другом берегу вспорхнула, испуганная, и полетела прочь.

Черный дым взвился над кронами, рассыпая искры, загудел ветер. Уже и с самих туч сыпались искры, и падали горящие ветки — то тут, то там начинался новый пожар.

Люди на северном берегу пытались броситься в воду, но не успевали, превращаясь в живые факелы. Криков не было слышно за гулом и треском. Черные фигуры терялись в невыносимо-ярком пламени, и стволы были черными и тоже, казалось, шевелились, будто на том берегу погибал целый отряд великанов.

Дым доносился и на другую сторону, вызывал кашель, мешал дышать

Будь река менее широкой, не окажись берег довольно голым и галечным, вода не спасла бы, превратилась в кипяток или вовсе в пар. Дуй ветер в другую сторону, может, искры бы перенес, и запылали оба берега. Но сейчас на южном берегу, в безопасности, люди словно окаменели, и никто ни слова не проронил.

Как далеко ушел пожар, только птицы могли знать, да само небо. Но и так ясно было — даже мощные ливни не скоро вернут к жизни горельник, и через зеленую поросль долго будут проглядывать страшные черные остовы мертвых деревьев.

А мальчишка у самой кромки воды, у горящего берега стоял, опустив руки, и пламя его не трогало, и глаза его были пустыми.

В Доме звезд, как всегда, царил полумрак. Тут собрался Совет — по двое от каждого из Сильнейших родов Асталы.

Вспыхнули глаза нарисованного зверя татхе, ярче факелов — глаза из драгоценных камней; пора принимать решение.

Темный обсидиан — смерть, алый гранат — решение кровью, светлый янтарь — свобода. Отдать ли виновника северу, убить ли здесь — все равно капля обсидиана, а бросить алу, вызов на бой никто не захочет. Незачем это сейчас, устраивать схватку между родами Асталы.

Непростым оказался выбор для многих, слишком многое на весах: может, и будущее всего Юга, а не только личная неприязнь или выгода.

Каменные продолговатые бусины сыпались на гладкий пол, постукивая. Так мало надо, легкий перестук — чтобы решить судьбу человека.

Глава 1

Лес

Бахрома тонких ветвей вперемешку с прядями лишайника зашевелилась, разошлась — меж ними появилась голова. Человек высунулся из дупла в стволе старого дерева, осмотрелся, одной рукой зацепился за широкую ветку и ловко спрыгнул на землю. Мальчишка, еще не достигший юношеской поры. Длинные темно-рыжие волосы, спутанные чуть ли не до войлока, в траве и земле; чуть вздернутый нос. Нескладный и тощий, босой, на смуглой коже — поджившие ссадины и синяки. Из одежды — короткие штаны, изодранные едва не в клочья. И ничего с собой.

Он смотрел настороженно, с опаской слушал звуки вокруг, но уголки губ то и дело вздрагивали, пытались подняться вверх, выдавая, что улыбка ему привычной страха.

Поняв, что никого рядом нет, мальчишка потянулся всем телом, сорвал пару крупных почек с лианы, обвившей ствол, и отправил в рот.

Солнце брело высоко над древесными кронами, вниз света попадало немного, но ясно было — еще пара часов до полудня. Потом все заметней станет туманная дымка, уплотняясь с приближением сумерек. К утру влажное марево совсем сгустится, будет почти осязаемым, затянет все вокруг, чтобы снова растаять под солнцем. По туману в лесной чаще ходить тяжело, а леса здесь огромные — поэтому погоня, если она есть, спешит по его следу именно сейчас. А он... заспался, такое удобное дупло подвернулось — широченное, дно выстлано мхом!

Остается надеяться, что беглеца уже потеряли или попросту махнули на него рукой. Они же боятся леса...

Во влажном воздухе постоянно мельтешила мошкара, норовя облепить все живое. И сам по себе воздух, полный то терпких, то гнилостных запахов, шорохов, очень плотный, не позволял вдохнуть всей грудью. Сезон дождей закончился почти луну назад, но чаща все равно не просохла. В сыром, шелестящем подлеске мальчик заметил звериную тропу и направился по ней: в это время хищники спят. Но пустой тропа не была: то тут, то там по земле ползли огромные многоножки, мохнатые пауки или жуки с глянцевым пестрым панцирем. Под ноги мальчик не смотрел, однако ловко ухитрялся не наступить ни на кого. От шипастых лиан с листьями-ловушками тоже держался подальше — царапнет такая, и

мучайся потом от боли.

Порой, чувствуя голод, срывал тот или иной стебель или откапывал съедобные корешки — на ходу, опасаясь погони. Духи леса, невидимые и неосязаемые, смотрели со всех сторон, то отступая, то окружая плотным кольцом, но он не чувствовал их враждебности. Как и там, на прииске — может, в другое время ему стоило остерегаться незримых, но пока мальчишка им не мешал. А вот тамошние рабочие от духов страдали: то один, то другой жаловались на недобрые взгляды из пустоты или чинимые неприятности.

Он помнил лишь последние полгода, и то было плохое время.

...Смотрит сейчас — вокруг лес, пятна света мешаются с пятнами тени, все живое, дышит, переплетаясь друг с другом: трава с паутиной, островки кустарника и юных ростков-подлеска, птичьи голоса и шум ветвей. Закрывает глаза — как въяве встают глиняные стены лачуги, где его держали, много тяжелой и грязной работы — отмывать золой и песком котлы, чистить рыбу, таскать неподъемные корзины. И наградой лишь пинки и тычки, в лучшем случае. Кормили его кое-как, на вопросы почти не отвечали, и понемногу он перестал спрашивать — зато начал бояться любого, кто подходил...

До сумерек было еще далеко, но становилось ощутимо прохладней. Потянуло сыростью — близость реки; слух уловил и шум воды по камням. Пить не хотелось, довольно было влаги, собиравшейся в розетках листьев, но он так давно даже не умывался толком! Подумав, мальчишка свернул к реке. Это была другая река, больше приисковой, совсем незнакомая, с высоким обрывистым берегом. Над ухом послышался то ли смех, то ли щелканье — и почти сразу из ветвей выглянула серебристо-черная мордочка зверька. Мальчик увидел огромные желтые глазищи: древесный житель казался озадаченным, в его лесной мир внезапно пришел человек! Рассмеявшись, мальчик подошел ближе, потянулся к ветвям; зверек перепрыгнул на соседнее дерево, но спастись бегством не спешил.

Мальчишка вновь протянул к нему руку, медленно, чтобы не напугать, и вздрогнул: голоса почудились; женщина и мужчина что-то говорили друг другу, увлеченно и весело. Совсем близко, шагах в двадцати. Мальчик отшатнулся к замшелому стволу, прячась за ним. Погоня, все-таки разыскали? Или здесь кто-то совсем посторонний? Время тянулось медленно. Стало тихо, а потом будто бы снова заговорили, и угрозы в этом разговоре не ощущалось. Голоса были... знакомые. Они манили, как манит отсвет заката между ветвей, или запах свежеспеченной лепешки. Мальчик замер, пытаясь понять, и шагнул в сторону голосов. Те отдалились, и он зашагал быстрее, близко к краю обрыва, опасаясь их потерять. Он не понимал сам себя, но чувствовал — ему необходимо увидеть, кто это говорит, узнать...

Земля под ногами поехала, провалилась, и он полетел вниз, ударяясь о торчащие корни, упал в ледяную воду — течение было сильным, подхватило, приложило о камни. В первый миг он даже почти сумел встать, уцепившись за выступающий валун и ощутив другой коленом. Увидел, что река не особо широкая, хоть и бурная, полноводная — гребешки пены вздымались то тут, то там, словно спины рыб. Только бы удержаться... сведенные холодом пальцы соскользнули с гладкого камня, течение увлекло мальчишку, слишком тощего, чтобы противиться массе воды. То, что он умел плавать, уже не имело значения. Голодная река обрадовалась жертве, схватила мягкими губами, понесла вперед, собираясь раздробить добычу о камни-зубы дальше по течению. Он пробовал плыть, ну хоть развернуться, но лишь бессмысленно бултыхался в воде. Река охотилась — в отместку выловленных из нее за рыб.

Скоро, нахлебавшись воды и весь в ушибах, он сдался и лишь пытался глотнуть воздуха. Течение потянуло замерзшее тело на дно, мягко и быстро.

Чьи-то руки ухватили его за волосы, дернули вверх, протащили по камням и бросили на берегу, как рыбу. Он закашлялся, приподнимаясь, выплюнул воду и снова упал на камни лицом. За спиной слышались голоса, и не те, что он слышал недавно в лесу; и точно принадлежали живым, а не призракам или духам. Говор был почти таким же, как у людей на прииске, но голоса чужими. Искали его? Или это те, с кем приисковые торговали? Те, кого они боялись? В любом случае, добрых к нему людей еще не доводилось встречать. Мелькнула мысль притвориться потерявшим сознание — может, уедут? Но нет. Кто-то подошел совсем близко, встряхнул за плечо.

— Ты живой?

Он скосил глаза, пытаясь рассмотреть говорящего исподволь; за прямой взгляд на прииске можно было получить оплеуху. Над ним склонился юноша парой весен старше, круглолицый, с неожиданно короткими волосами — до середины шеи, они лохматились во все стороны вроде меха на беличьем хвосте.

— Поднимайся давай, — скомандовал тот грудным, певучим голосом.

Спасенный пошевелился с трудом — встать не мог, и дышал-то едва: все горело в груди. Сумел только повернуть голову в другую сторону — и уперся взглядом в чьи-то копыта, гладкие черные ноги, мохнатый бок и седло. Верховые животные, лохматые, с узкой мордой и длинной шеей... на прииске их называли грис. Ему нравились эти безобидные пугливые звери: хоть способные раздвоенным копытом раскроить череп, но готовые смиренно идти за любым, кто накинёт на шею повод. Жалко их было.

— Ты кто такой? — снова раздалось над ухом.

Он чуть отдышался, но никак не мог собраться с мыслями, чтобы ответить, и на повторный вопрос промолчал тоже. И на вопрос, откуда и как очутился в реке. Зато сумел наконец рассмотреть, кто рядом. Если его и разыскивали, то не эти люди, числом около десятка. Они выглядели куда ярче и богаче приисковых рабочих и тамошней охраны — штаны и безрукавки из чистого светлого льна, цветные узорные пояса, золотые браслеты с камнями и без. На шее широкие ожерелья у кого нарядней, у кого проще. И никто не казался рад внезапной остановке, и не ощущалось в них никакого сочувствия найденышу.

"Плохо", — подумал он, на всякий случай стараясь казаться меньше и незаметней. С другой стороны, что они сделают — избыют? Не в первый раз. Не бросят же обратно в речку, раз вытащили.

Тот же, кто вытащил, единственный среди всех в мокрой одежде, как раз спорил с другим. Этот второй был заметно старше, но все еще молод, с блестящим браслетом выше локтя, собранными в косу черными волосами и резким недобрый лицом, словно из твердого дерева выточенным — и очень нехорошим взглядом. Под ним хотелось не просто сжаться, но и вовсе врасти в прибрежные камни.

— Что, бросить его прямо тут?

— А тебе есть дело? Пусть идет, куда шел.

— Куда, если он ничего не сообщает? Его такого первый же кролик сожрет!

— И что? Предлагаешь остаться здесь? — рубин — откуда-то всплыло название камня — на браслете выше локтя сверкнул алым, словно тоже гневаясьсь.

Младший лишь вскинул голову. На нем, единственном из отряда, не было вообще ни одного украшения.

— Не хочешь возиться — я сам разберусь, — сказал он.

Продолжать корчиться на камнях — показать, что и вправду беспомощен. Если поймут, что все с ним в порядке, может, позволят идти своей дорогой? Он поднялся с трудом, покачиваясь, растерянно оглядел всадников.

Лес за ними стоял над высоким берегом, сплошной стеной. Темные ветви шевелились, словно деревья надвигались на мальчика — и шептали, шептали что-то безнадежное и угрожающее. Все тело болело от ударов о камни, и грудь болела — нахлебался воды, и потряхивало от промозглого ветра — а ветер над рекой резвился вовсю, обиженный, что лес не пускает его в свое сердце...

— Может, али, отвезти его в деревню за скалой, там оставить? Пусть разбираются, чей он и откуда вылез, и лечат, если надо, — сказал еще один из всадников. — Тут же близко, меньше часа потратим.

Молодой мужчина с рубином на браслете подумал и согласился, хотя, кажется, будь его воля, бросил бы спасенного обратно в реку.

Пока все оборачивалось не так плохо. Если повезет, в той деревушке можно будет и вовсе остаться. Если же и там люди недобрые... то сразу сбежать, или придется снова жить как на прииске, выжидая удобного момента.

А его даже расспрашивать перестали, потеряв интерес. Быстро разошлись, устроились в сёдлах и двинулись вдоль берега. На миг мальчишка подумал, что его всё же бросят на берегу, но рука, что вытащила из реки, подхватила — и вот он уже сам в седле своего спасителя.

— Ух! — выдохнул, цепляясь за густую шерсть на шее грис. В первый раз сидел на ком-то живом. Конечно, грис носят тяжести, но все-таки немал вес двоих человек — справится ли? Понял, что сказал это вслух.

— Ты ничего не вешишь, — засмеялся юноша.

Спасенный робко улыбнулся в ответ:

— Я впервые сижу на такой зверюге.

— И как, нравится?

— Она дышит, — сказал неуверенно, вызвав новый всплеск веселья у спутника. Заслышав голоса и смех, старший обернулся, брови его сдвинулись, но он промолчал.

У этих двух был одинаковый знак-татуировка на левом плече, золотой. Общий Род. Братья? Совсем не похожи, хотя, если приглядеться, угадывалось что-то общее в разрезе глаз, форме рта. И кого надо первым слушать, неясно — вроде старший тут всем распоряжается, но согласился ведь забрать найденыша с берега, хоть вообще этого не желал. А у младшего — ни одного украшения. Значит, он беднее других?

Грис неторопливо семенили по тропе вдоль реки. Брод, как узнал мальчик, был совсем рядом; процессия выехала бы по дороге прямо к нему, если б не младший, заметивший тонущего.

— Все твои рыжие волосы, — говорил он весело. — Я решил посмотреть, что такое, кто

бултыхается так отчаянно — человек или зверь? А тебя все несет и несет течением!

Мальчик слушал. Смотрел на шерсть грис, на дорогу, на темно-мохнатую стену леса — только не на реку, от нее уже тошнило. Чувствовал за спиной спутника своего — тело его казалось непривычно горячим: может, это у самого жар после холодной воды? А тот заметил, что найденыш понемногу завертелся в седле.

— Ты оклемался? Рассказывай.

Тон, хоть и дружеский, не подразумевал возражений. Что эти люди — не погоня за ним, да и вовсе безразличны к нему, мальчишка давно уже понял, так почему бы не рассказать? Подбирать слова оказалось непросто, на прииске с ним бесед не вели. Говоря, раз за разом пытался обернуться, чтобы обращаться к человеку, а не голове грис, пока спутник не стукнул его слегка по уху — сиди уже смирно!

Этот юноша казался проще остальных всадников. У него был шальной взгляд и живая улыбка, он откровенно забавлялся, наблюдая за своим "уловом", но это не казалось обидным или опасным. Да и как бояться того, кто спас жизнь? За долгое время для мальчишки это был, пожалуй, первый человек, от которого не хотелось прятаться. Было немного жаль, что ехать им недолго, а потом навсегда расстанутся.

...Сильным он не был — при такой-то пище и жизни, но, к удовольствию приисковых, оказался выносливым, ловким и цепким. Полукровка, так они говорили. И без того-то никчемный, найденыш, подобранный неподалеку от прииска, без памяти и умений. Оборванный, грязный. Пусть скажет спасибо, что кормят, не выгнали в чашу хищникам на добычу. А сами не заметили бы, сядь рогатый ворон им на голову... Рабочие подобрали его в лесу, и охрана согласилась оставить — лишние руки не помешают, коль можно не церемониться. Что было до этого, память не сохранила.

На небольшом прииске на берегу речушки добывали агаты. Он полюбил эти камни, на сколе полосатые, чаще серые с лиловыми и белыми полосами и словно грядой древесных макушек. Всмотреться, и кажется — рассвет над обрывом в тумане. Но было не до разглядываний: если только пару раз за день получил подзатыльник, праздник, можно сказать.

Два десятка работников, а годных для продажи агатов попадалось все меньше, отчего старшины становились злее и злее. Еще бы, с каждой луной люди все больше задумывались, стоит ли оно того, или бросить опасное дело. Их тоже могли отыскать...

Лагерь переносили на новое место, но мало что менялось; начинали поговаривать, что местные духи сердятся, пряча ценные камни. Приисковые рабочие не были трусами, трусы не забираются в глушь, — но и они не всегда справлялись со страхом. Их злило, что он не боялся, а он не мог объяснить, откуда знает: незримые или хищники его не тронут.

Мальчишка не стал сборщиком — не доверяли. Думали, верно, что сделает где-нибудь тайник. Или просто считали глупым, не способным отличить камень от прошлогоднего помета оленька. Полукровка, этого довольно для презрения. Хотя он слышал как-то: в Чема, в землях, куда продавали агаты, полукровок немало, и ничего, живут. Но в людное место он не хотел. Но и один не хотел оставаться, и во время сезона дождей лучше было иметь крышу над головой. Поэтому он терпел. Поначалу, когда его только нашли, и вовсе мало что сознавал, потом... начал задумываться.

Ему полагалось бояться леса — во всяком случае, местные были уверены, что никуда найденыш не денется. Считали, он трудится здесь из страха. Он же с каждым днем все

сильней понимал — темной чащи, где по словам рабочих сплошь хищники, змеи, ядовитые пауки и всякие прочие ужасы он не опасается вовсе. А вот оставаться на прииске сил больше не было.

Он сбежал ночью, прокравшись мимо охранника, и направился куда глаза глядят. Шел не меньше недели, днем держась подальше не только от тропинок и вырубок, но и от полян. Движение солнца по небу, или звезды, которые изредка видел в прогалах между кронами, словно подсказывали, направляли. Как будто была некая цель, просто он позабыл...

Вот и вся история.

— Не знаю такого места, — сказал юноша, озадаченно выслушав описание прииска. — Но они в наших землях. Ладно, это потом. С кем они торговали? Чема — это ж не деревушка.

— Мне не говорили, — отозвался полукровка, невольно сжимаясь — на прииске ответа требовали всегда, даже если его и вовсе быть не могло. Но спутник только глянул на небо, потом на запад, как бы прикидывая расстояние, хмыкнул, и велел продолжать.

На душе с каждым мгновением делалось легче. Угроза гибели отступила, незнакомцы ехали по своим делам и вреда ему причинять не собирались, и даже река постепенно из холодно-мутной становилась игривой, поблескивала бесчисленными искрами и словно уверяла — я всего лишь хотела позабавиться, не убить! Только вот голоса... почему так побежал к ним, забыв про осторожность? Ведь знал, что на краю обрывов земля ненадежна. Кто-то настоящий говорил там, или все же духи позабавились? Или просто почудилось?

Брод переходили верхом, цепочкой; тонкие ноги грис ловко ступали на самые удобные камушки. Везущая двоих рысила последней — не из-за тяжести, двое подростков весили не больше взрослого мужчины, — но из-за разговора. Они заметно отстали от прочих, которые уже почти все собрались на другом берегу.

— Глянь, что там! — полукровка прервался, указал на изогнутый кедр, ветви которого лохматой зеленой тряпкой прикрывал длинный лишайник. — Это же человек забрался, или...

Он не договорил: спутник резко дернул грис вправо и сам отклонился, отчего все трое свалились на мелководе.

На берегу возникло замешательство, но всадник, еще не покинувший брод, вскинул руку и указал на ветви.

— Вон он!

Заискрился воздух перед подобранными людьми. Вспыхнул лишайник, и чье-то тело выпало из огня.

Полукровка даже не пытался уклониться от копыт испуганной встающей грис — он во все глаза смотрел вверх, а потом на упавшего. Тот приземлился удачно и тут же вскочил, из его руки вырвалось нечто вспыхнувшее острым бликом... полетело в сторону полукровки и его спасителя.

— Сдохни, тварь! — выкрикнул чужак.

Едва уловимая глазом белая молния сорвалась с руки, украшенной рубиновым браслетом — и человек упал мертвым... от одежды его поднимался слабый дымок.

Острый осколок упал на землю, словно сбитый в полете. Погас.

— Дурак, — раздалось над головой мальчишки негромкое, обращенное к кому-то другому.

Юноша с золотым знаком стоял неподвижно, словно перед ним с дерева всего-то сбили несколько шишек. А человек с рубином и бровью не повел, но лицо его было удовлетворенным. Он встряхнул руками и поманил к себе младшего.

Полукровка коротко вскрикнул и зажал себе рот руками, зажмурил глаза.

Спутник помог ему подняться и перестал обращать внимание, взял свою грис за повод и направился к остальному отряду. Мальчик помедлил и сделал пару шагов назад, но лица стоящих на берегу ему совсем не понравились и он решил идти уж лучше вперед. Так не хотел приближаться к этим людям, не хотел... Но они могли убивать издали.

На прииске давно усвоил — если избежать наказания не получается, веди себя покорно и тихо, тогда чужой гнев гаснет быстрее. Почему они смотрят так? Может, считают, что грис упала из-за него? Исподволь глянул — она идет, не хромая, это хорошо. Но кто знает, вдруг недостаточно... ведь только что человека убили за то, что он сидел на дереве.

Сердце колотилось где-то в горле, до тошноты. Смотреть мог только на спину юноши впереди — светлый, чуть желтоватый лен безрукавки. Но на этом холсте словно запечатлели живую картину, и она повторялась и повторялась: как человек падает с дерева в пламени — и валится навзничь мертвым. Мимо его тела вот-вот предстояло пройти.

Там уже стояла половина отряда, остальные обыскивали окрестности.

— Эсса, — говорил один из них, коренастый, постарше прочих. — Похоже, засада одиночная.

Запах гари забивался в ноздри, от него кружилась голова и все сильнее хотелось бежать, хотя теперь это было совсем уж бессмысленно. Странно, почему такой сильный запах, ведь не случилось пожара, всего-то черная проплешина среди ветвей...

Горячая твердая ладонь ухватила его за локоть, потянула вперед.

— Я сразу подумал, что это их крысенок, говор у него странный, — цедил слова еще один из отряда, высокий и темный, на него мальчишка раньше и не успел посмотреть толком. — И я же знаю деревню за скалой, рыжих там нет.

— Ну да, их, как же, — вступил другой, коренастый. — Где они его прятали и как притащили?

— В лесу и ждал, недаром оборванный весь! Отвечай, ну!

Чьи-то пальцы больно впились в его плечо — мальчик пискнул, словно зверек в ловушке. Втянул голову в плечи.

— Это же война, Къятта, — проговорил коренастый. Он казался скорее расстроенным, а не рассерженным.

— Отговорятся, как раньше. Кто тебя привез к реке? — спокойно спросил человек с рубином, переводя взгляд на мальчишку.

— Не знаю. Никто... я пришел с прииска. С запада через лес.

— Зачем и куда ты шел?

— Я... не знаю, — ведь и впрямь никогда не думал об этом. Было нужно, поэтому шел... куда-то.

— Один? — издевка была столь откровенной, что мальчик подумал — а стоит ли отвечать? Кажется, ни одному его слову не верят.

...По дороге сюда мальчик видел их, убившего олененка, и запомнил, какой взгляд хищник бросил на человека, стоя над еще целой добычей. Смерть из этого взгляда манила длинным когтистым пальцем.

— Что же, продолжишь за него заступаться? — усмехнулся Къятта, указав на мальчишку. — Приманка для идиотов.

Тот закрыл глаза, думая об одном — только бы не чувствовать боли. Только бы...

Юноша с золотым знаком фыркнул сердито. Волосы его взметнулись как от порыва ветра, хоть тихо было. Другой человек, высокий и темный, сделал пару шагов к лежащему телу и обратно:

— Он привлек твое внимание, али, добился, чтобы вы отстали от всех — так сложнее промазать...

— А еще он рыба, — ядовито сказал юноша. — А это жабры, — дернул волосы полукровка в сторону, открывая шею.

— Ты не знаешь, как он на самом деле плавает...

— Я знаю, что такое пороги. И вот это — унесет и слабым течением! — он снова качнул полукровку в сторону, тот был рад и такой высокомерной защите.

— Но, али... — попробовал кто-то начать.

— Он поедет со мной в Асталу, — еще недавно веселый голос стал глуховатым, и в нем слышались грозвые нотки.

— Не мели ерунды, — отрезал старший. — Доездились.

В его руке очутился продолговатый полупрозрачный камень, солнечно-золотистый. Полукровка растерянно глянул — и вдруг перед ним возникла спина в светлой льняной безрукавке, загораживая и от руки, и от камня.

— Хватит уже. Он мой. Раз уж подвернулся в реке и потом указал на этого...

— Но ведь можно дома проверить, подослан он или нет, и если да, то лучше нам знать, — подал голос старший из всадников. Он по-прежнему казался самым спокойным и рассудительным из всех. — Пусть неблизко, но мы теперь настороже.

Державший солнечный камень на миг нахмурился, а потом вдруг внезапно кивнул.

— Верно. Об этом я не подумал — лучше узнать, что в этой голове, — и указал на полукровку. Тот невольно подался назад, словно голову уже собрались отрывать. Может, и не выдержал бы, побежал — удержала легшая на плечо рука, тяжелая и горячая; это неожиданный заступник полуобернулся, жестом веля Огоньку стоять.

— Разберемся, — тихо сказал юноша, то полукровке, то ли родичу. Грозвые нотки из его голоса исчезли.

Пока берег не скрылся из вида, мальчишка несколько раз обернулся, со страхом глядя на обугленное тело меж камней. Другие назад не смотрели.

По хорошей дороге — передвигались быстро. Когда небо окрасилось рыжим, остановились для короткого отдыха.

Полукровка прислонился спиной к высокому гладкому дереву. Бока, ноги и руки были все в ссадинах и синяках, больно и двинуться. Закрывать глаза и слушать, как далеко на ветвях переговариваются птицы-кауи. Трава успокаивающе шуршала, огромный жук с гудением

приземлился на колено мальчика. Тот дернулся, охнул, стукнувшись о ствол. Сам себя выругал — дожил, еще от жуков шарахаться!

...Поначалу его хотели везти связанным, и чтоб звука издать не мог, но юноша с золотым знаком отстоял, разрешили так-только больше они не ехали вместе. Теперь полукровку вез тот, высокий и темный, и следил, казалось, за каждым вздохом. Теперь они двигались в середине процессии. Лишь на привале и смог немного расслабиться.

Идти было некуда. Люди, что спасли его, теперь внушали только страх. Как легко им отнять жизнь... Сквозь полуприкрытые веки мальчик видел, как его защитник что-то сказал одному из людей, и тот подошел к найденышу, протянул баклажку.

— Пей. Потом тебя накормят. Сколько времени ты не ел?

— Не помню, — прошептал, съезживаясь под тяжелым взглядом.

Человек чуть не силой всунул баклажку ему в руку и отошел. Мальчишка осторожно поднес деревянную бутылку к губам... попробовал пару капель, потом сделал глоток побольше. Пряный напиток теплом разлился в желудке, согрел все тело.

Свежий запах травы хола прервал его мысли — траву эту знал хорошо, еще до прииска, кажется, да и там ее сок использовали от мошкары. Сам пользовался в сырое время.

— На, возьми, — бесшумно подойдя, юноша протянул и ему пучок. — Иначе сожрут ночью.

И верно, ведь совсем позабыл, что дважды побывал в реке и с кожи все смыло.

— Спасибо...

Юноша сел рядом, прислонился спиной к тому же стволу. Последние лучи пробивались сквозь листву, падали на них, рассеивались в густеющей влажной дымке. Золотой знак на плече был теперь почти перед глазами полукровки. Словно свет под кожей: не то луковица, не то бутон со вписанной фигуркой человека.

— Что это за знак?

— Род Тайау, — юноша посмотрел на него озадаченно.

— Но что он означает?

— Возрождение. Единство с миром. Это давний символ...

— Твой род очень древний?

— Ну, не настолько... — он шевельнулся, устраиваясь поудобней. Рядом с ним полукровке было легче: единственная защита. И, кажется, довольно надежная.

— Что так на меня смотришь? — луч ушел, в полумраке тени блеснули глаза, и не только белки, но и радужка. — Спрашивай, если хочешь.

— Молния... белая... что это? — мальчик был не уверен, что хочет знать именно это. Но вопрос был единственным, который он не боялся задать о случившемся на переправе. И когда вспоминал, чувствовал — еще миг, его вывернет наизнанку.

— Чекели. Не видел?

Он вновь дружески улыбнулся мальчишке.

— Ты ведь не знал эту крысу, нет?

— Нет, не знал. Я... — мальчик сжался, вспомнив, как падал человек из горящих ветвей. Это первая смерть, которую видел — или просто не помнит?

— Он хотел убить тебя?

— Да. Он же сказал.

...И впрямь радужка юноши была странной — не просто синяя, но словно из мелких чешуек слюды, отчего казалась непривычно яркой. А у того, с рубином, запомнил — глаза

желто-оранжевые, словно хищник смотрел из зарослей. Остальных и не разглядывал, не до того было.

— Убить... Но за что?

...Атакуя, тот человек выкрикнул "сдохни, тварь!" — и это вряд ли относилось к грис или полукровке...

— Может, за реку. Эсса же. Да ну их в болото, — засмеялся юноша. То, что произошло, не оставило на этом лице ни единого следа — ни страха, ни досады, ни даже злорадства. Беспечное лицо, ясное и веселое. Лишь царапина на щеке — от их падения на переправе.

— За реку? — переспросил, отчаянно желая, чтобы все оказалось шуткой, странной забавой, или вовсе почудилось.

— Дурак он, и все... — Фыркнул совершенно по-звериному. — Может, личная месть. Может, поручили ему. Но все равно они скажут — мы и представить себе не могли...

Призадумался и добавил чуть погодя:

— Один из посольской свиты, наверное. Послы были из Уми, а он примазался. Как бы иначе узнал, где поедет? Да ты что?

— Я... — говорить полукровке становилось трудней с каждым словом. — Тот человек со знаком, как у тебя...

— Къятта — мой брат.

Мальчик помедлил, собираясь с духом.

— Он сказал... что со мной будет?

Теперь замолчал его собеседник. Переламывал в пальцах тонкие палочки, затем сказал неохотно:

— Ведь нетрудно узнать, что человек думал и делал. Он сам скажет и не соврет... да не дергайся ты. Для тебя это опасно только если и вправду тебя прислали эсса. Я не хочу этого.

— Ты сможешь меня защитить от расспросов?

— Нет.

Сказать правду меня не пугает, думал полукровка, прислушиваясь к стрекотанию птиц над головой — к сумеркам оно становилось все громче. Я-то скажу, но вот тот, с рубином, Къятта... он согласится с тем, что я ни при чем?

— Спасибо тебе, — сказал он вслух. — Я ведь не поблагодарил...

— Меня зовут Кайе. Тебя?

— Никак меня не звали. "Эй, ты", — в лучшем случае.

— Но хоть что-то ты о себе знаешь?

— Пока я знаю только, что рыжий, — сказал найденьш. — И это не краска.

— Огонек, — засмеялся юноша, дотронулся до его головы, вставая. — Этот цвет не любят ни здесь, ни у эсса, а по мне хорошо.

— Огонек? — извернулся, пытаюсь глянуть на спутника — назад, как умеют совы: — Пускай так...

Что мальчику дали поесть, он уже не помнил. То ли кончились силы, то ли что-то было в питье. Запомнил одно — чьи-то руки подняли его в седло. И всадники снова помчались куда-то, и постукивали о дорогу копыта покорных грис... Огонек спал.

Следующий привал был под утро. Полукровку опустили на траву и пристально следили за ним. Братья устроились неподалеку, поглядывая на неподвижное тело подростка.

— Ну что тебе на сей раз взбрело в голову? — устало спросил Къятта. И впрямь — как не устать от такого? Вечно как на ножах танцуешь, когда братишка рядом. Да и не рядом — всегда о нем думать, беспокоиться, не натворил бы чего.

Младший дернул головой вместо ответа. Къятта сделал длинный глоток из маленькой плетеной бутылки, взглянул на бледнеющие звезды в небольшом просвете среди листвы — скоро дом. Нарочно покинули Асталу, пока там находились послы, и вот... Продолжил, не думая, что слова подействуют:

— Нравится играть в неуживимого? Доиграешься.

— Я помню про "щит"... дед прожужжал все уши!

— Я не заметил, чтобы ты ставил его.

Младший прикусил губу.

— Спасибо.

— Не благодари. У тебя лицо, будто мешок кислых яблок съел. Лучше скажи, зачем тебе это лесное пугало? Проверить его необходимо, но с чего ты с ним возишься?

— Он меня спас, между прочим.

— А ты его. Квиты.

— А почему бы нет? Занятный.

— Камушек на тропе подобрал... младенец!

— Да ну тебя. Этот... детеныш опасный? Скажи кому в городе, так вся Астала смеяться будет.

— Пожар был меньше года назад, у северян есть повод... да что там, повод у них будет и десять весен спустя.

— Ой уж, — прилетело в ответ тихое, но довольное. — Если через десять весен они смогут мне припомнить только это...

— Не тем гордишься! — Къятта помолчал и добавил:

— Северяне довольно умны. Даже в засаду направили одного человека. Двое уже заговор, повод к войне... А тут ничего не докажешь — даже посольство не северное, хотя любой младенец знает, что Уми уже почти вотчина эсса. И ладно бы так... — он потянулся, но не расслабленно, а будто перед прыжком: — Что бы сделал ты, желая уничтожить врага, которого нельзя или трудно убить в открытую? Подослать такого крысенка можно. Заметь, как-то очень уж вовремя он указал на засаду, словно того дурака подставили, или он заранее знал — и собой пожертвовал.

— Бред! И помню я про осторожность!

Пальцы старшего пробежали по золотому знаку на плече Кайе:

— А то я не знаю тебя. Уже про все позабыл. Другие только не забудут.

— Отцепись! — отбросил руку.

— Ну, пусть. Только пока подальше от него держись. А там выясним, как приедем.

— Хватит командовать! Я не ребенок!

— Ты? Ладно, сориться с тобой из-за лесного недоумка не хочу, — лениво откинулся назад, прислонился спиной к стволу.

Младший издал тихий звук, похожий на фыркание пятнистой куницы-кейли. Къятта взглянул на него сквозь ресницы — не знает, что сказать, но с поражением не согласится. Пятнадцать сравнялось пару лун как, но еще совсем дитя неразумное временами. И мог погибнуть уже много раз — а все такой же беспечный...

Восемь весен назад

Лодочка — круглая плоскодонка, плетенная из коры. Кайе любил плескаться в реке Читери, любил мчаться в лодке, лавируя между порогов. Река Читери опасна — глубокая, быстрая. Плавать братишке Къятта позволял одному, но развлекаться возле порогов — нет. Про любого ровесника младшего брата сказал бы — не справится с веслом, про Кайе — позабудет, что река смертельно опасна. Он же смеется, влезая высоко на деревья, смеется и разжимает руки, чудом еще не свалился ни разу. Или не чудом, а тем, что он — это он?

Пока старший был занят, не мог сопровождать братишку, тот придумал себе забаву — по одному из притоков Читери огибать часть земель квартала, какое-то время плескаться в безлюдной заводи меж больших валунов, а потом пешком идти обратно, уже через город. Лодку домой возвращали слуги.

Поначалу за ним следовал кто-то из синта, стараясь остаться невидимым, но мальчишка быстро вычислил слежку и на весь дом возмущался. Теперь его оставляли в одиночестве — все равно никто не посмеет тронуть, а сама река здесь уже безопасна, время ливней и бурного течения позади.

Ирисы, нежные, розовые и фиолетовые, росли на берегах Читери, оттеня свирепые пороги. Но они росли и тут, у домашней маленькой пристани, на берегу неширокого притока. Мальчишка носом зарылся в чашечку цветка.

— Сладко...

— Пчела, — хмыкнул Къятта. Мальчик показал ему язык и с воплем ошпаренного ихи кинулся в воду, поднимая тучу брызг. Влез в лодку, достаточно ловко, учитывая, что смотрел куда придется, но не перед собой. На нем только передник был, с широким поясом — простой, лишь кайма узорная.

— Лягушка, — наклонился с мостков, отвесил младшему легкий подзатыльник.

— Ты меня назвал пчелой, — напомнил Кайе, облизываясь — на губах и кончике носа все еще оставался желтый след от пыльцы. Не только ирисы, половину цветов на берегу перепробовал.

— Сейчас выясним, кто ты! — Къятта положил в лодку весло, отвязал ее от колышка, сопровождаемый высоким залиvistым смехом. И если бы младший только смеялся — вертелся, будто сел в куст чертополоха.

— Сиди спокойно, наказание мое! Перевернешься ведь!

— Ну и пусть! Ну и... ах! — Къятта как следует качнул лодку:

— Уймись!

— Да помню я всё! — фыркнул мальчишка. — Спокойная же река. До порогов все равно по этому рукаву не доплыть... — в голосе явственно звучало сожаление.

Оттолкнул лодку от берега, Къятта долго смотрел, как она быстро плывет, приминая огромные листья кувшинок — течение само ее несло, а веслом нужно было лишь подправлять курс.

Сегодня он получил послание, которое тревожило — неизвестный советовал ему быть в заводи, где любит плескаться младший, и наблюдать, оставшись незамеченным. Мол, сам поймешь, что и когда делать. Это могло быть злым розыгрышем — сиди, жди невесть чего.

Но могло быть и правдой, а рисковать он не собирался.

И вовсе бы не отпустил младшего в одиночку, но тогда не узнать, к чему было это послание. Какое-то время подумывал деду сказать, но решил, что и сам разберется. Что может случиться на все еще быстрой, но уже спокойной реке, в их собственных землях? Да и люди почти на всем пути, их нет только в заводи, где любит купаться младший. Но туда придет сам Къятта.

Пешком по городу было бы ничуть не быстрее, чем плыть на лодке, и риск опоздать, поэтому Къятта вскочил на заранее оседланную грис. Он добрался вовремя, даже раньше, и успел не только занять удобное место, где его даже младший бы не заметил, но и начать волноваться. Но вот показалась и лодочка. Кайе заполнил ее кучей водных растений, плыла настоящая клумба. Вот он причалил к берегу, побродил по нему и с боевым воплем снова кинулся в реку, подняв тучу брызг. Потом еще и еще, потом начал карабкаться на один из больших валунов, торчащих со дна заводи. Вода быстро огибала их, пенилась, чистая — не то что в сезон дождей, когда несет всякий сор.

Ничего не происходило. Никто не появлялся.

Братишка плескался уже молча, пару раз обплыл вокруг валуна, направился к противоположному берегу — недалеко, в шагах не более тридцати, повернул обратно, и вдруг исчез.

Нырнул, подумал Къятта, но вокруг мальчишки вдруг вспенилось кольцо воды. Маленькая смуглая рука вырвалась наружу, словно хотела уцепиться за воздух, и скрылась, накрытая невесть откуда взявшейся волной.

Къятта добежал до берега, до стоящего на мелководье высокого камня, и с него стрелой бросился в воду, на середину. В несколько гребков добрался до мальчишки, ухватил его за руку, выдернул на поверхность. Тот махал всем чем придется, не сдаваясь. Не понял, что пришла помощь, глотнул ртом воздух и дернулся в сторону; удалось удержать, не дать снова погрузиться с головой.

Вода чуть притихла, все еще быстрая, пенная, словно в пороги попали.

— Цепляйся за плечи, — сказал Къятта. — Сейчас выплывем.

Братишка уже оправился от приступа ужаса, что беспомощен, игрушка реки. Возбужденно вертел головой. Ну, река, красивая, но глупая. Как же — вызов его силе и ловкости, а проиграть Кайе не сможет. Не должен, проигрыши не для него. Глупый зверек. За старшего держался цепко, но правильно, двигаться не мешал.

— Может, я сам?

— Уймись. Старайся держать голову над водой, и все.

— Ладно. А что это бы...

Къятте показалось, вода вывернулась наизнанку, встала волна, и в ней словно пасть распахнулась, мутно-зеленая, с тысячами брызг вместо зубов — прямо перед ним. Юноша растерялся, потерял управление телом и с головой ушел под волну. Там его подхватило, закружило, поволокло. Валуны гладкие были, не зацепиться, а вода бурлила, словно кипящая. Вынырнул и увидел, как мальчишка вскрикнул пронзительно, скрываясь под водой. Опять появился — глаза огромные, как луна.

— Ай! Танни! — и снова исчез.

Къятта нырнул сам, протянул руки, но ловил только плотные водяные струи. В панике

метнулся вправо, влево, воздуха уже не хватало... мимо пронеслось что-то темное. Юноша успел ухватить за волосы ребенка, которого снова потащило водоворотом, всплыл и вытянулся между камней, упираясь в них. Притянул к себе брата, тот отплевывался от воды. Сам кое-как отдышался. Краем глаза уловил движение в прибрежных кустах на другой стороне. Человек? Или почудилось? Хотел позвать на помощь, но мелькнула мысль — послание было ловушкой. На них обоих. Или же нет? На берегу разберемся...

Если удастся выплыть. Теперь уже точно сомнений не было, что ярость воды не причуда самой заводи, а дело чужих рук. А потом их тела тут найдут и скажут — утонули в какой-то луже...

Держаться за гладкие валуны было все тяжелей, но так можно было хотя бы передохнуть. И от берега закрыт. На всякий случай — а вдруг молния чекели прилетит? Хотя это вряд ли, тем, кто это сделал, нужна естественная смерть потомков Рода Тайау. Или одного, а второй за компанию. Как же такую пару любящих родственников разбивать!

Зеленая пасть обдала брызгами, что-то дернуло за ноги, и он потерял опору, ударился головой, глотнул воды — изнутри обожгло грудь.

"Обойдешься!" — подумал он яростно, и рванулся наверх, к свету, который все не приближался, не приближался... а потом расступилась волна, и он только кашлял, забыв, как дышать.

Кайе держался на поверхности. Верно, тот, на берегу, отвлекся на старшего. Мальчишка смотрел по сторонам, стараясь не плотнуть носом бурлящую воду; временного исчезновения брата он не заметил.

— Танни, я... ой! — Кивком указал на пенные водовороты. Волны подскакивали, крутились, заваливаясь то на один бок, то на другой. Таковы пороги Читери. И такого не может быть здесь.

— А правда, что в воде духи живут? Говорят, их видят среди порогов.

— Те, кто тонут, и лохматую рыбу увидят, — пробормотал Къятта. — Говорящую...

Вода вокруг них снова стихала, но юноша уже знал, что это затишье перед следующим ударом. Он ждал, только удара все не было. Река бурная, но никаких зеленых пастей, и водоворот ослабел. Наконец Къятта сказал:

— Поплыли, только не мешай мне. Какой ты сильный и ловкий, покажешь на берегу.

— Я сам?

— Нет.

Легкий... как бы ни старался, ему не справиться даже сейчас...

Кто бы ни сотворил такое с водой, оставалось надеяться, к нему не придет подмога, тогда всё. Голова все сильнее болела — ударился сильнее, чем думал. Тяжелая коса ожила, некстати мелькала перед лицом. Мальчишка молодец, подумал Къятта. У него короткие волосы. Правда, за длинные держать удобней, и ловить, если что. Перед глазами все потемнело, только особо наглые брызги плясали. Противно. Бесцветная кровь у реки, алая лучше. Горячая. Если тот, на берегу, ударит еще раз, не выйдет у него ничего. Потому что мальчишка всхлипнул над ухом, плотнув воды; а Къятта не позволит никому тронуть его. Даже на расстоянии.

Осознал, что на твердой земле стоит, только когда уже от воды отошел и братишку на траву положил. В ирисы. Впился взглядом во взгляд — темный, измученный. И выругался чрезвычайно грязно, как ни разу не позволял себе в присутствии родных. Остановился, заметив на бледном лице ребенка явный интерес к сказанному. Обернулся — заводь была

тихой, будто маслом ее полили. Только сейчас осознал, что выбирался уже из спокойной воды. Проговорил, оглядываясь по сторонам:

— Я видел здесь, на берегу, человека. Надо его найти.

В кустах неподалеку он отыскал тело. Человек умер недавно, его лицо потемнело от прихлынувшей крови, немного крови выступило из носа и ушей. Такое бывало, если надорвешься, используя Силу. Такое, или сожжешь себя сам — неважно: суть была понятна. Къятта перевернул мертвого — черты, искаженные, все же показались знакомыми — и удовлетворенно кивнул. Знак на плече был — не золотой, разумеется, но позволяющий определить Род. Теперь Къятта вспомнил — этот человек служил Арайа, был одним из доверенных синта. Сам ли он явился на реку и попытался убить мальчишку, пока тот беспечно плескался? И кто предупредил о покушении, и с добром ли, или заманивал?

Къятта бросил на тело презрительный взгляд. Так или иначе, на двоих сил этого неудачника не хватило.

**

Настоящее

Грис бежали легкой рысцой, неутомимые. Еще день... Вконец измученный Огонек уже еле сидел, хоть сильная рука всадника удерживала его, не давала свалиться. А он то и дело засыпал, и просыпался испуганно, оглядываясь по сторонам, уже успев позабыть, кто и куда его везет. Впрочем, куда — он не знал все равно. И вот в очередной раз провалился в полузабытье.

— Мы почти приехали. — Кайе коснулся его щеки. — Эй... не умирай! Рановато пока!

— Да, я уже, — прошептал Огонек, встряхиваясь. И забыл как дышать.

Впереди, ниже по склону, среди стволов проглянуло что-то золотое, медное, белоснежное... Каменная пена — террасы, уступы, башни — и пена живая, зеленая; местами уже цветущие деревья — не то сады, не то рощи. Скопления домиков поменьше и потемнее. Вокруг них широко раскинулись поля, то тут, то там прерванные рядами деревьев. Узкие, вспыхивающие под солнцем каналы — упавшая на землю хрустальная паутина.

— Астала! — негромко проговорил Кайе.

Огонек смотрел вокруг во все глаза. Он и во сне подобного не видел.

Город растекся в ложбине у подножия холмов, будто озеро. Спустишься к нему, и утонешь, растворись, станешь одной из капель. Но это не пугало — влекло.

Къятта оглядел восторженно закрутившего головой полукровку, обронил:

— Тихо сиди. Только дернешься в сторону...

Огонек вздрогнул, побледнел и опустил глаза.

— Я понял.

Дорога была — вымощенная камнем, и копыта грис постукивали звонко. Через поля, рощицы, ровно посаженные ряды кустарника, которому он не знал названия. Потом невысокие стены, и стены, и стены... иногда поворот или мутноватая рябь канала, отсюда совсем не похожего на блестящую нить. Лиловые и белые цветы среди массы листьев ползли по каменным и глиняным заборам, лились через забор или вздымались древесные кроны, но деревьев все равно было мало, сильно меньше, чем привиделось сверху, со склона. Встречные кланялись низко, и не поднимали взгляд. Но Огоньку все равно казалось, что именно на него все смотрят — справа, слева, со всех сторон. Он невольно съеживался, старался стать незаметней, прижаться одновременно к грис и своему спутнику, за что получил уже пару слегка раздраженных "сиди нормально!"

Как много людей... зачем им селиться так тесно?

Улочки, то лежащие в тени, то опаленные солнцем. Женщин намного больше, чем мужчин — видно, те на работе. Что же будет, когда они вернутся??

...Играющие на мостовой малыши, вот-вот и попадут под копыта...

Нет... неправильно, не должно быть столько людей. Бело-зелено-золотое озеро, стоило и впрямь погрузиться в него, оказалось пугающим. И воздух здесь изменился, сгустился, ушла горьковатая нотка зелени: здесь пахло сырой известью, пылью, дымом и свежим хлебом, и чем-то приторно-сладким. Запахи перебивали друг друга, толкались, не сливаясь в общий хор. Дороги чем дальше вглубь города, тем выглядели чище, на многих ни сухого листика, ни веточки; но он предпочел бы обычную лесную тропу. Что-то неестественное было в такой чистоте: как этого можно добиться? Ведь сколько людей проходит по ней ежедневно?

То закрывая, то открывая глаза, выхватывал — шарахнувшись от их процессии, пробежал мальчик с плетеным коробом; кричат друг на друга разносчики — кто-то разбил кувшин; женщина в платье с нашитыми цветными лоскутами вытряхивает циновку; толстая пестрая птица с трудом взлетела на невысокий заборчик и вопит, будто ее режут.

Наконец толпа заметно поредела. Появились небольшие рощицы, разделенные мостиками, и строения здесь стояли неплотно. Кустарник с перистыми листьями почти скрыл очередной забор, а в нем обнаружили ворота, и всадники свернули туда, в широкий двор. Из золотистого выглаженного камня огромный дом; высокий фундамент — ни щелки, никак не залезешь, если не по лестнице подниматься. Крыша держится на столь же гладких каменных стволах, тоже светлых, но с широкими кольцами-полосами: словно толстые змеи застыли, стоят на хвостах. На террасу выбежала девушка парой весен постарше Кайе: алый и розовый сполох, цветы в волосах. Слетев по ступеням, не дождалась, пока всадники спустятся, пока грис уведут, кинулась к приехавшим, и кисти рук ее, увешанные голубыми браслетами из металла, плеснули, словно крылья, и зазвенели.

— Где вы так долго! Здесь было такое, дедушка даже хотел... Ой... — она заметила Огонька, которого только что спустили с седла. — А это что? Ведь полукровка!

— Подобрали в лесу, — сказал Къятта. Он девушке не улыбнулся, да и едва на нее посмотрел.

А она подлетела к подростку, гибкая и подвижная, но Къятта остановил ее, протянув руку.

— Скажи деду — мы сейчас будем.

Огонька, который едва мог ходить и даже стоять после долгого пути верхом, передали слугам или охране, и они были все одинаковые: любопытные, расслабленные, недобрые. На плече темный узор; а у тех, что поодаль стоят, не смея подойти и вовсе, кажется, никакого.

Иди, — Къятта подтолкнул его в спину, прочь от звенящей девушки. Кайе только кивнул Огоньку и махнул рукой.

Недолгой теперь дорога была, и мальчишка запомнил лишь, как отчаянно трещали цикады и ласточки носились низко-низко, порой едва не касаясь крыльями живой изгороди, мимо которой его вели.

Темно было там, где Огонька закрыли, сухо и очень темно. И, осознав, что остался один, он забился в угол, обхватив руками колени, и мечтал, почти что молился — никого больше, никогда, только чтобы никто сюда не зашел. А там, снаружи, люди, так много... больше, чем муравьев в муравейнике. Смуглые руки, звенящие серьги и ожерелья, громкие голоса. Как все они могут запомнить друг друга?!

Когда схлынули испуг и возбуждение, понял, что здесь совсем тихо. Так не было никогда — лес шумит, перекликается днем и ночью, а прииск стоял пусть не в лесу, но близко.

Думать, что теперь делать, казалось бессмысленным — не от него зависит. Тогда Огонек попытался понять, куда же он все-таки шел. Почему раньше не думал об этом? Почему не остался где-нибудь в безопасном месте? Откуда-то знал ведь, где в лесу безопасно. Что или кого он искал? Теперь был уверен: на прииск он вышел как раз в этих поисках. Но место оказалось не то...

А потом, после побега — ведь он как будто выбрал себе направление, двигаясь по солнцу и звездам. Что он искал?

Стукнул тяжелый засов и на пороге возникла фигура, черная в свете стоящей на полу маленькой лампы. Потом рука подняла лампу, и он смог рассмотреть.

...Кожа этой женщины была цвета темного меда, волосы удерживал широкий золотой обруч — гладкий, ничем не украшенный, длинное просторное одеяние из бледно-голубой ткани скрывало фигуру. Женщина подошла к Огоньку, поспешно вскочившему, положила ладонь ему на плечо и всмотрелась в глаза. Словно колючей лианой хлестнули по лбу; отшатнулся.

— Как твое имя?

— Я не помню...

Значит, он пошел в мать, не к месту подумал Огонек. Такие же черты у него, но тоньше, словно прочерчены на медном листе — а у нее округлые, мягкие. И она совсем другая — холодная, отстраненная. Почему? Интересно, а Къятта — в отца, или сын другой женщины? А сестра — это же она была на крыльце? — похожа на обоих братьев сразу...

— Где ты жил раньше? — резко прозвучал голос женщины, ножом вошел в череп между глаз.

— На прииске...

— До него?

— Лес...

— Как звали родителей? — он начал проваливаться в мягкую полутьму. Отчаянно

замотал головой, пытаясь удержаться — он не хотел перестать быть собой...

— А ты можешь сопротивляться? — удивленно проговорила-пропела женщина, и мальчишка снова ощутил удар: лезвие в черепе провернулось, вошло глубже.

Какое сопротивляться? Что скажешь, когда в голове нож? Говорить он не мог, вот и все. Сколько это длилось, не знал, но она все же ушла наконец, и он был даже в сознании.

Вытер мокрые щеки.

Пока все складывалось неплохо... вроде обошлось, может, больше не тронут, раз ничего он не помнит. И место сухое, можно поспать. На прииске с верха шалаша вечно текло.

Когда спал, даже в забытии чудилось: со всех сторон за ним следят много-много светящихся глаз. Сейчас что-нибудь вспомнит, и сразу сожрут.

Тридцать девять весен видела Натиу из рода Тайау, но выглядела много моложе. В облике женщины всё было от ее имени — «мед». Полногрудая, неторопливая, с мягкими движениями и мягким смехом, она сохранила тонкий стан, несмотря на троих детей.

Много дождей и солнц прошло с того дня, как на прогулке увидел ее Уатта Тайау, и забрал в рощу неподалеку, а несколько часов спустя привел в собственный дом и оставил там. И большее сделал он — добился, чтобы Натиу приняли в Род, хотя отец Уатты противился тому, не понимая одержимости простой девчонкой. Для них — простой, хоть из хорошей семьи, уважаемой. Но довольно сильной уканэ оказалась юная девушка, и Ахатта Тайау согласился с прихотью сына. Золотая татуировка украсила плечо невесты, и Натиу позволено было снять браслет из серебра, знак осторожности Сильнейших. Серебро забирало способности уканэ, людей с «внутренней» силой, и те не могли ничего; пока не снимут, не отличались от обычного гончара или плотника. Но Восьми Родов Асталы это правило не касалось.

Натиу не любила Уатту, но лишь безумная стала бы отказываться от подобной судьбы — быть принятой в один из сильнейших Родов.

Двух сыновей родила Натиу, и оба не слишком походили на нее. Старший удался не столько даже в отца, сколько в деда, а младший чертами похож, но толку от этого мало.

А Киаль, хоть красавица, скорее напоминала не мать, а птицу-ольате.

Муж погиб много-много весен назад.

И все же Натиу могла гордиться собой даже не считая рождения таких детей — разве не она внушала верность не только воинам и стражам-синта Рода Тайау, но и простым охранникам их кварталов? Исполволь, по капельке помещала в сознание уверенность в том, что только этому Роду стоит служить, и жизнь отдать, если что.

А еще Натиу видела Сны.

Сон течет сквозь кожу, тело становится водой и течет сквозь сон. Ресницы отбрасывают лохматые тени. Ойоль, сновидица.

Давным-давно уканэ умели плавать по рекам снов, не тонуть в водопадах снов. И уже много-много весен никто этого не умеет. Редкие всплески — рыбка махнула хвостом, и вновь тишина.

Во сне опасней, чем наяву — так говорят.

Натиу любила сны. Училась быть ойоль. Не было учителя — брела сама, наощупь, по чудом увиденным записям, по собственным догадкам выстраивая дорогу.

Порой сон показывал прошлое или будущее куда четче, нежели это могло сделать видение, вызванное дымом шеили. А в древности, говорят, могли сном менять другой сон, делать реальность иной. Убивать могли, говорят. Натю не умела. Никто сейчас не умел.

Но она научилась рисовать перед собой двери... и заходить в них. И даже касаться того, что стояло за дверью. Долго училась, не жалела ни себя, ни зелий — а дорого обходились подобные зелья ей, тогда еще совсем девчонке. Здесь, в доме Тайау, нужды в средствах уже не испытывала, и к древним табличкам и свиткам был доступ, хоть немного их самих сохранилось. Училась, даже потеряв мужа — всю себя вложила в эти занятия.

Поначалу и не нужно было ничего больше — Сила сама хлынула в пробитую щель. Но...

Уже много месяцев сны сами не приходили. Готовила травы. Немного пожелтели белки глаз, руки подрагивали — но ей уже не для кого было оставаться красивой. Къятта видел, и презрением дышала вся его фигура. Презрение вызывало страх, и мать съеживалась, когда мимо проходил старший сын — гибкий зверь скользил в травах, где рос ее сон.

Зверь этот мог вырвать травы с корнем.

Не делал этого — то ли из презрения, то ли из другого какого умысла.

Не из любви к матери.

— Я ничего не вижу, — сказала она Ахатте Тайау, уже седому, но все еще крепкому. — Али, он будто сосуд из бронзы, а я могу только ногтями царапать — ничем не поддеть крышку. И ножа у меня нет, а разбить бронзу не выйдет.

— Что ты думаешь делать?

— Отведу его в Дом Солнца.

Глава Рода смерил ее взглядом, ощутимым, будто приложил к телу настоящую портновскую мерку.

— Тамошние жрецы сильнее тебя?

— Не слабее, — призналась она с неохотой, потирая пальцы с удлинненными позолоченными ногтями. — И я сновидица, а они привыкли делать разное. И у них есть шары внушения, и еще... Если, конечно, ты не велишь полукровку убить.

— Я всегда предпочитаю дать шанс... ты же знаешь. Но главное — нам надо понять, что он такое, и не подослан ли. Идите в Дом Солнца. Только потом не жалуйся, что Къятта снова ведет себя непочтительно. Пожалуй, и я присоединюсь к вам.

— Ты мне не доверяешь? — вспыхнула Натю.

— Ты ведь живешь в этом доме, зачем же спрашивать?

— Напекаешь, что я могу придумать историю этого найденьша? Ты ведь не тот, кто пойдет проверять.

— Иди отдохни, — сказал Ахатта почти ласково. — Ты потратила много сил.

**

Его отвели к теплому бассейну и отмыли хорошенько, срезали часть волос, которые было не расчесать. Полукровка был рад: он всегда любил воду, но даже на береговом прииске редко выпадала возможность залезть в речку, что говорить про чащу. В бассейне он просто блаженствовал; кажется, это позабавило тех, кто им занимался, и с полукровкой обращались вполне дружелюбно.

Порадовала и одежда, не из тонкого льна, как у жителей дома, а из волокна более грубого, как носили на прииске; но безрукавка и штаны чистые, хоть не новые — для него лучшая одежда в мире.

Потом ему дали большую свежую лепешку и молока. Никакого сравнения с тем, чем кормили на прииске, и он начал думать, что счастье ему улыбнулось, а всё недавнее оказалось лишь недоразумением... Если б спросили, чего еще мог пожелать, попросил бы еще одну лепешку, а так не решился, конечно. Тело после долгого пути верхом еще ныло, но уже вполне терпимо.

Солнцу предстояло еще долго карабкаться к полудню, когда полукровку вывели во двор. Он немного сник, заметив ту женщину из подвала. Рядом стоял пожилой человек с когда-то резким, но смягченным годами лицом, в темной одежде из мягкого складчатого полотна — длинной, в два или три слоя — не как у большинства виденных. Полосатый платок, искусно свернутый, завязанный на затылке, скрывал волосы. На шаг позади держался, похоже, еще один из домашних слуг — ипара охранников, равнодушных, меднокожих, с дротиками в руках.

Мальчишка склонил голову, не зная, как тут положено приветствовать старших. Покосился направо, налево — юноши по имени Кайе нигде не было. Назвал "Огоньком"...а имя его самого означает "ночь". Где же он — или нарочно отослали, чтобы без помех... сделать что?? По счастью, не было с ними и Къятты — уж его-то намерения Огонек никак не мог счесть добрыми.

Пожилой чуть кивнул женщине и указал вперед.

Огонек думал, они снова поедут на грис, но группа людей вышла за ворота и пешком направилась по светлой, ароматной от пряной зелени улочке. Навстречу мало кто попадался, и встречные были одеты в чистое и выглядели сытыми и здоровыми. Если кто-то из них нес вьюк или корзину, груз не казался тяжелым. И страха на их лицах не было, скорей любопытство.

Шли не менее получаса, прямые вроде бы улицы неожиданно изгибались — или по мостику перебегали через узкий канал.

Сейчас Огонек не мог толком разглядывать город. То и дело исподволь смотрел на идущих рядом людей — чего от них ожидать? Круглолицая женщина в накинутом на голову и плечи синем тонком шарфе — она один раз уже причинила ему боль. Высокий старик с равнодушным твердым лицом — он, наверное, очень тут уважаем... Не понять, есть ли золотой знак на плече, его закрывает широкий и длинный рукав. Но по всему ясно, этот человек никак не из слуг.

На остальных поглядывал с меньшей опаской, понимая, что решают здесь не они.

Но как бы ни тревожился, то и дело краем глаза выхватывал то мозаичный орнамент по верху невысокой стены, то разноцветные камешки, которыми был выложен центр небольшой площади, то огромного попугая с кольцом на лапе, на ветке в чьем-то саду.

И вверх, на небо с перистыми ленивыми облаками, он смотрел. И башню заметил поэтому — она стояла довольно далеко, а вокруг все еще тянулись стены домов, увитые плетями ползучих растений. Какая же громадина должна быть, чтобы хоть до половины подниматься, не заслоненной ими?!

На фоне светлого неба башня казалась темно-желтой, ее округлое тело плавно сужалось кверху, обрамленное неширокими уступами-террасами — все вместе походило на мощный ствол, обломанный сверху. Наверху, у самого края, стояло с десяток фигурок; как им не

страшно подходить близко, подумал Огонек. Сам он не боялся спать и на высоких ветвях, но там легко было уцепиться, чтоб не упасть.

Рокотали барабаны, как крокодилий хор на болоте, звук хорошо разносился; Огонек уже отворачивался, когда одна из фигурок полетела вниз.

Видел ее краем глаза и в первый миг подумал — почудилось; но ту рокот оборвался, и грянул вновь — и второе тело сорвалось с края.

Невольно мальчишка вскрикнул.

Он был далеко, не мог видеть лиц, не видел, и куда упали люди, но не сомневался — разбились. Так высоко...

— Не время, — сказал старик, прищурясь и тоже глядя на башню. — И сразу двоих... будь плохое знамение, нам бы сказали. Значит, чей-то дар. Кому понадобилось, интересно.

Он отвернулся и продолжил путь, а остальные, кроме женщины, едва и взглянули вверх — да и смотреть уже было не на что, стоящие у края повернулись спиной, уходили.

Мне почудилось, пожалуйста, пусть мне почудилось, непонятно кого заклинал Огонек, не переставая дрожать.

На прииске не убивали. Могли надавать оплеух, пнуть так, что отлетишь на пару шагов, огреть плетью-стеблем лианы, но все это было терпимо, даже ребра ни разу не треснули. А среди этих людей он увидел несколько смертей за несколько дней.

Его привели не к страшной башне, а к массивному дому в четыре уступа, и каждый был из камня разного цвета, и все — оттенков солнца. Рассветный золотисто-розовый, веселый желтый, спелый оранжевый и багряный — все вместе казалось отрадным для глаз, и на миг Огонек даже замер, восхищенный, на миг забыл только что виденное. Но ощутил легкий толчок между лопаток, и снова сжался, вспомнив, где он и не зная, зачем он здесь. Десяток ступеней вели к черному провалу в стене — туда, казалось, и вовсе не проникает свет, и откуда бы, раз солнце остается снаружи?

Я оттуда не выйду, подумал полукровка, но шел покорно и с виду вполне спокойно. А за темнотой коридора оказался круглый солнечный зал — лучи лились из отверстия в потолке, отражались от полупрозрачной светлой мозаики на стенах и на полу, от бронзовых зеркал тут и там.

Кровью здесь не пахло — был запах нагретых смол, и хвои, и сладкого пряного дыма. Те, кто привел Огонька, о чем-то заговорили с двумя людьми в длинных желтых одеждах, со множеством золотых браслетов и ожерелий, украшенных камнями еще более солнечными и разноцветными, чем стены снаружи. Потом его усадили на каменную тумбу в конце зала, и все стали поодаль, кроме женщины с синим шарфом и двух местных служителей. Велели смотреть вперед. Потянуло еще более сладким дымом, дым сгустился и в нем появились глаза — хрустальные, беспощадные, они качались и приближались, грозя его проглотить. Огонек не мог шевельнуться; на миг почудилась огромная змея, ведь не бывает, не должен быть дым с глазами!

Он был, приближался, сдавливал голову, и мозг, и все тело болели от нестерпимого блеска. Потом словно в паутину уткнулся с разбегу — многослойную, плотную, а за ней... ничего.

Чья-то рука выдернула его из дымной пасти, Огонек услышал рассерженное шипение:

— Мать моя, не тронь то, что принадлежит не тебе!

— Ты мой сын, — отозвалась женщина еще властным, но поблекшим голосом. Двое

служителей стояли за ней, и казались напуганными.

Кайе вскинул голову, осторожно поддерживая за плечи Огонька:

— Я твой сын. Но помни, кто ты и кто я кроме этого!

Женщина что-то сказала растерянно — тому, старику, понял Огонек. У него самого все еще мелькали пятна перед глазами, кружились, мешая как следует видеть.

— Пусть идут, — раздалось негромкое. И они ушли.

Съездившись на корточках у канала, Огонек смотрел вниз и никак не мог перестать дрожать, даже чуть не упал. То ли пережитый испуг был тому виной, то ли страшный обряд, да еще виденные чуть раньше смерти. Он бы точно свалился в почти неподвижную воду, если бы неожиданный заступник не стоял за спиной в паре шагов. Этого полукровке хватило, чтобы успокоиться немного и наконец развернуться, поднять голову.

— Уже встаю, не сердись только, — пролепетал он, видя, что юноша рядом очень, очень зол — кажется, и дымную змею бы сейчас придушил. Злость эта почти осязимо висела в воздухе, мешала дышать.

— За что, глупый? — голос Кайе тоже был мрачным. — Это она предложила, не дед. Больше она не посмеет...

— Я не хотел... не надо ссориться из-за меня, — пробормотал подросток испуганно.

— Ссориться? — Кайе обернулся на цветной солнечный дом. — Нет уж. Она моя мать, но не больше того.

— А я любил свою мать, — неожиданно для себя сказал Огонек. Кайе так и впился в него взглядом, но Огонек беспомощно покачал головой.

Шагая за старшим по золотистой дорожке, Огонек чувствовал себя листиком, подхваченным бурным течением. Вспомнил реку, в которой барахтался. Там он сдался течению, и оно пощадило мальчишку.

Поднялись в дом по ступенькам небольшой боковой террасы. Под крышей было заметно прохладней, хотя все равно душновато. По широкому сумеречному коридору миновали пару комнат, в которых явно жили — дверные пологи из плотной шерсти, с красивой вышивкой порой приоткрывались от ветра, и тогда на полу возникали светлые пятна. У белой с золотом занавеси Кайе остановился, отбросил ее привычно-хозяйским жестом, не глядя поманил за собой Огонька.

В комнатке почти не было мебели, лишь невысокая кровать, столик и сундук — а сама она оказалась большой. Тени и здесь покачивались, легкие и насмешливые. С тихим журчанием пробегала вдоль стены вода по каменной канавке — умываться и пить.

Мягкая золотистая шкура лежала на полу; еще заметил сидящую на жердочке огромную желтоглазую сову. Отшатнулся, встретив ее сумрачный сонный взгляд.

Почувствовал, что ноги подкашиваются, будто не спал суток трое, а до этого столько же бежал по лесу.

— Можно... я... — не договорил. Последнее, что почувствовал, это мягкая шкура под щекой.

Во сне за мальчиком гонялись огромные пещерные медведи. Огонек сначала кричал, а потом притворился камнем, и медведь подошел, обнюхал его, а потом лизнул. На щеке

остался прохладный след...

Огонек затаил дыхание, подождал — и открыл глаза.

Кайе развлекался в углу со своей угрюмой совой, щелкая ее по клюву. Видимо, это его пальцы коснулись щеки Огонька. Ощувив, что полукровка проснулся, мгновенно обернулся к нему. Лицо юноши было встревоженным... а глаза щурились не по-доброму, и губу он прикусывал, явно думая о чем-то неприятном.

— Поднимайся. Живой?

Огонек осторожно сел.

Голова кружилась, но в целом он чувствовал себя хорошо. Только вот непонятное выражение на лице недавнего заступника тревожило.

— Что-то случилось? — спросил он осторожно.

— Не спрашивай лучше, — он раздраженно махнул рукой. — Пока ты тут спал, дед рассказал, что было в Доме Солнца. Ты...

— Я ничего не помню, — сказал полукровка, и ощутил, что звучит это слишком поспешно, словно оправдывается.

— Они ничего не увидели! Понимаешь? До твоего прииска — ничего, словно тебя не было раньше! И чем-то запечатано сверху. Паутина *туи-ши*, так говорят. Так что...

— И... что это значит?

— Ничего хорошего!

Кайе оставил сову и стремительно шагнул к Огоньку.

— Просто так не запечатывают прошлое! Ударился бы головой — все бы прочли, уж поверь! А чистое полотно создавать — зачем? Это непросто. Чего ты не должен помнить, а?

Кайе говорил иначе, нежели раньше — отрывисто, с требовательным напором. Огонек чувствовал — словно язычки пламени пробегают по коже, словно слишком близко он сел к костру. Стало трудно дышать, и сердце словно чья-то ладонь сдавила.

— Чистое полотно? — выдавил полукровка, невольно отодвигаясь, почти вдавливаясь в стену.

— Идиот! — сердито отозвался юноша. Он сидел уже рядом на шкуре, сжимая плечо найденьша с силой, подходящей человеку куда старше и массивней. — Что ты должен исполнить?

— Не знаю, — задохнулся Огонек, морщась от боли — хватка у Кайе была железная. — Я не...

— Что «я»?! Что ты такое? Кто знает? Неважно, что ты ничего не помнишь. Их айо и уканэ тоже сильны. Они могли подослать тебя... скажем, убить меня, или брата. А ты и думать об этом не будешь до времени.

— Что же мне делать?! — тихо, но отчаянно воскликнул Огонек. Он не хотел думать о том, что это может быть правдой. Это не могло быть правдой! Он... да, ничего о себе не знал.

Кайе сильнее сжал плечо полукровки. Острые ногти впились в кожу.

— Скажи, зачем дарить тебе жизнь? Отравленный плод не оставляют среди прочих плодов просто так!

— Но я... — Огонек дернулся от боли и стукнулся о стену затылком. — Что же мне делать... — повторил он, и это был уже не вопрос.

— Спроси кого другого!

Хоть Огонек сидел, показалось, что пол под ним стал песком и осыпается, тащит за

собой в яму. Он отчаянно глянул на Кайе: было что-то в этом лице — в изгибе губ, сдвинутых бровях... Обида? Растерянность? Надежда? Он злится, он имеет право. Но...

На прииске полукровка выучился понимать чуть ли не по шагам, чего от кого ожидать. Только вот тут не прииск. Тут смерть повсюду.

Ухватился за руку Кайе, как за последнее, до чего мог дотянуться:

— Ну поверь же мне! Кому такой мог быть нужен?! Зачем? Я ведь и не жил еще вовсе! Не отдавай меня им, пожалуйста — ведь ты можешь! Ты можешь?!

По лицу юноши словно тень пролетела:

— Я-то? — тихо спросил тот, глядя непонятно.

Он легко отнял от себя судорожно сжатые пальцы. Потянул Огонька за собой, заставляя встать. Запрокинул тому голову, пристально глядя в глаза. В его же глазах прыгали непонятные искорки, словно от костра.

— Ты тоже считаешь, что мне... нельзя верить? — спросил полукровка погасшим голосом.

— Хотелось бы, — сумрачно откликнулся Кайе, и оттолкнул Огонька, резко, почти грубо. Но чувство угрозы, исходящее от него, погасло; кажется, и не было ничего. Добавил, помолчав немного, отвечая своим мыслям:

— Но Къятта, и они все... А, ладно.

Помотал головой:

— Может, память вернется... Вдруг ты просто узнал что-то, тебе непопознанное? Да нет, какое там, полукровку проще убить, — тут же сам себе возразил. Положил руку Огоньку на плечо, словно и не отшвырнул только что; проговорил иным тоном, почти веселым:

— Ну что же, пусть будет так. Какая разница!

Огонек отвернулся, пытаясь придумать что-нибудь и сказать, но слова не шли на ум. Так и не произнес ничего.

Кайе тем временем указал в округлый проем в стене. Там оказался выход на еще одну террасу — сразу будто нырнули во влажный горячий воздух; а за террасой раскинулся внутренний сад. Теперь Огонек мог осмотреться, украдкой вытирая глаза. День уже клонился к закату. Вдалеке, едва различимы в облаках, на западе поднимались вершины гор, темно-сиреневые, плывущие в дымке. А здесь, в небольшом саду, над цветниками, живыми изгородями повсюду порхали огромные бабочки — больше всего черных, отливающих разным зеленым, алым и синим, с причудливыми крыльями. Бабочки чувствовали себя здесь хозяйками — красуясь, взмахивали тонкими крыльями, перелетали с цветка на цветок, словно даря величайшую милость. И — никого из людей.

Огонек остановился на нижней ступени террасы. Его все еще потряхивало немного. Жадно смотрел — и вдаль, на горы, и перед собой. Чувствовал себя так, словно еще раз вытащили из стремнины. Сад был спокоен и тих, понемногу вливал тишину и спокойствие и в Огонька.

Если бы можно было остаться тут жить! Мирно, неторопливо, много-много дней. Как бабочка, пить нектар, умываться росой, слушать шелест ручья...

Но Кайе уже стоял на дорожке из цветных плиток, что вела куда-то вглубь сада.

— Пойдем! — скомандовал он.

Огонек поспешил к нему, но от и дело невольно останавливался, чтобы оглядеться. Он любил закаты, золотой свет, сизую дымку — предвестницу тумана. Только в лесу никогда не

было тихо, как здесь. Там все пело, верещало и голосило, готовясь к ночи.

Он и не заметил, что дошел до скамьи.

— Сядь, — Кайе дернул его за штанину: сам уже сидел.

Огонек присел на краешек. Непривычная тишина вновь подсказала — это чужое место. Красивое, но, кажется, очень опасное. Нет, Кайе все же был добрым с ним... надолго ли это?

— Я тут подумал, — сказал тот, будто они продолжали недавний дружеский разговор, — Мой отец погиб в тех местах, откуда ты пришел на этот ваш прииск. Дед и другая родня уверены, его смерть не была просто случаем. Там неподалеку древние развалины, много. Все их не считал никто. Вдруг там до сих пор скрывается что-то эдакое...

Огонек не успел и рта раскрыть — между высокими кустами возник старший брат Кайе: в одежде цвета закатного солнца, будто оно само спустилось в сад, и очень злой. Братья смотрели друг на друга, как два богомола, столкнувшиеся на ветке.

— Даже с обряда вытащил это чучело?

— Я не разрешал его туда забирать!

— Можно всё, что не запрещали, да? Не перестарайся.

— Посмей только тронуть! — раздалось над ухом шипение.

— Значит, матери ты не доверяешь, а какому-то ... — ровно проговорил Къятта.

— Я знаю, что делаю! Мать тебя боится, мало ли что она скажет!

Къятта смерил Огонька таким взглядом, что полукровка чуть не залез под скамью. Сказал брату:

— Очередная игрушка? Ну-ну. Опять скучно стало? Что ж, забавляйся пока! Только не рассчитывай держать при себе все время... и не строй планов, — с неожиданной, непонятной и весьма неприятной улыбкой он повернулся и исчез. Словно воздух за ним сомкнулся, и стало совсем тихо, словно даже цветы и бабочки замолчали.

Кайе сидел, опустив голову. Рука бессмысленно перебирала мелкие камешки

Огонек помолчал. Потом тихонько окликнул его.

— Да пошли они все! — неожиданно резко сказал юноша. Со злостью запустил камешки в ближайшие кусты. — Решил, наперекор ему. Скотина!

— Почему он так сказал?

— Потому что... А, помолчи! Хватит с тебя.

— Почему ты готов ссориться с родней из-за этого? — вырвалось у Огонька.

— Ты — первый, кто попросил у меня защиты, — сумрачно сказал Кайе, и неясно было, что он думает.

**

Покои Ахатты Тайау казались самыми тесными в доме — не по размеру комнат, Глава Рода мог бы занять какие угодно, только он любил все нужное держать при себе. А нужного за долгие годы накопилось много. Вот и стояли вдоль стен сундуки, столики с горами всяческих записей — от старинных глиняных табличек до вчерашних отчетов квартальных старейшин, никто сторонний не разобрался бы в этом ворохе. И массивное темное кресло — на одном и том же месте, сколько Къятта себя помнил.

Как и сестра, дед любил дымящиеся на курильнице ароматы, словно мало того, что приносит из сада. Только сестра предпочитала нежные, легкие, а здесь — пряные смолы.

— Нет, — сказал Къятта, — он стоял у окна, не глядя на своего деда, сидящего в неизменном кресле. — Я не позволю оставить эту гадость в доме.

— Не веришь, что он на самом деле просто безобидный дурачок? Кайе поверил.

— Не знаю. Мальчишка обожает риск... и развлечения находит где угодно.

— Но не сумасшедший ведь он.

— Ты же сам понимаешь, этот полукровка не может быть сыном каких-нибудь простых работников из срединных земель! Хотя бы один из его родителей...

— Не придумывай, — вздохнул Ахатта. — Так ты дойдешь до того, что он сын Лачи или его сопровительницы! У тебя самого на задворках растет случайный малыш, и что? Окажись на месте его матери симпатичная девчонка из Чема, в которой больше северной крови...

— Только на моем, как ты говоришь, малыше, нет никакой паутины памяти. Кому бы ее ставить и зачем? Мне точно не сдалось.

Ахатта снова вздохнул, прикрыл глаза. В каком бы состоянии ни опускался в кресло, всегда было удобно — словно и подушки давным-давно научились принимать нужную форму, и само дерево чувствовало, как лучше для человека.

Къятта отошел от окна, за которым почти совсем смеркло, встал почти вплотную к деду, но смотрел вверх его головы, на язычок пламени в лампе:

— А ты — веришь в случайность? Да еще после Дома Солнца? Вот так, среди леса непонятно как выживший, и так удачно подвернулся как раз на месте засады... Скажешь, и не такое случается? Да, люди теряют память, и вернуть ее не всегда можно, но тут же сторонняя сила. Знак вы видели все. Если бы этот безмозглый не вмешался в обряд...

— Нет, — сказал Ахтта, похрустывая пальцами. — Натю со служителем все успели. Пелена на памяти либо развеется, либо будет снята чудом — в противном случае умрет вместе со своим носителем.

— Но если ему отдали приказ и подослали намеренно?

— Северяне? — поморщился Ахатта.

— Нет, разумеется. Ту крысу скорее всего просто подставили. Ты знаешь, кто наши враги, и они в соседних кварталах. Эсса в жизни не придет в голову, что Кайе способен такое вот притащить в дом.

Ахатта прижал пальцы к вискам, потер их.

— Есть резон, но... порой надо уметь ждать, а не только атаковать. Скоро привезут рабочих с того агатового прииска. Мы допросим и их. Может быть, что-то прояснится. А пока просто понаблюдаем — после такой встряски он может начать вспоминать.

— Как бы ни оказалось, что поздно. За моим братцем ведь не уследишь. Все эти годы...

— Я знаю, что ты делал все эти годы! Но не спеши, не сейчас. Кайе увлекся своей находкой. Что ему может сделать этот мальчик?

— Именно такой. Он вообще не противник. А подбросить яд или припрятать ядовитый шип может и он. Или заманить в ловушку, подать сигнал... Сродни тем древесным лягушкам — даже укусить не способны, но в коже отравы. Может сам не знать, для чего прислали сюда, пока не придет время.

— Ты переоцениваешь семейство Арайа, — улыбнулся Ахатта. — Точнее, одного из них. Ему бы понравилось, сколь ты высокого мнения об его способностях.

— Есть ли хоть одна причина, по которой я не должен свернуть шею этому рыжему прямо сейчас? — спросил Къятта, наконец в упор взглянув на дела, нагнувшись к нему. Тени и отблески от лампы шевелились на лицах обоих, разделяя и соединяя черты.

— Есть. Мы предупреждены. Мы будем очень осторожны и следить за каждым изменением в нем — Натиу сумеет. Такие печати не сходят за час и даже за день. Если его и вправду подослали, пусть враз считает, что мы доверчивы и расслабились. Иначе смогут приготовить другую ловушку...

**

11 весен назад

— Кайе, ты где? — голос молодой женщины походил на журчание. Вот и она сама появилась — черноволосая, гибкая, золотой обруч держит волосы, на обруче извивается золотая же змея с хохолком из чеканных перьев и глазами дымчатого хрусталя.

Мальчик четырех весен от роду сидел на дорожке, размазывая слезы по лицу.

— Сын...

— Уходи!! Все уходите!! — завизжал он, и мать увидела рядом с ним что-то черное, обугленное. Недавно... только что это было веселой земляной белкой.

Мать, помедлив, нагнулась, взяла малыша на руки — тот пробовал отбиваться, но в конце концов разрыдался, уткнувшись носом в ее плечо. Женщина унесла ребенка из сада.

Комната была очень просторной и светлой — две пятнистых шкуры на полу, белый камень стен, яркие глиняные игрушки грудой свалены в углу. Одна откатилась от общей кучи — голова человека с выпученными глазами, вроде свирепая, а на деле смешная. Солнечные блики резвились на шкурах — это за оконным проемом качались перистые листья, создавая игру света и тени.

Опустив мальчика на дорогое тканое покрывало, женщина отошла и кивнула немолодой няньке-служанке — мол, твой черед заниматься им.

— Возьми, — та протянула малышу сочный плод тамаль, оранжево-красный шар. Мальчишка зашипел, чуть склонив голову к плечу, дернулся в сторону от руки. Служанка судорожно сглотнула, продолжая улыбаться словно приклеенной улыбкой.

— Ала, — беспомощно оглянувшись, служанка обратилась к матери мальчика. — Может, я лучше пойду? Ты его хоть на руки можешь взять, а я... Он же только больше злится.

— Он своего зверька потерял, — вздохнула мать. — Малыш, я принесу тебе новую белку.

— Не хочу ничего! — выпалил мальчик, зло сверкнув большими глазами. Слезы его уже высохли, а пальцы комкали покрывало, словно он безотчетно старался выместить горе на чем-нибудь подходящем — так, как умел.

— Тебе нужно поесть и лечь спать, — мать, Натиу, и впрямь хотела было отослать служанку, но взглянула на нее и сына нерешительно — и велела остаться.

— Накорми и уложи его. А я... мне пора.

— Ала, я не могу, — взмолилась служанка. — Я его боюсь. Сегодня белку, завтра меня...

— Прекрати! — Натиу сдвинула высокие брови. — Ты несешь чепуху!

— Ала, ну хоть на кухню меня отправь, хоть стойла грис чистить — я не могу!

— Ты будешь наказана, Киши!

— Ала, я не могу! Ну, взгляни на него сейчас!

Натиу вздохнула:

— Я наполню курильницу дымом маковых головок, и он уснет. Позаботься об остальном.

Туман стелется над горами, сползает в долину. Именно так, не наоборот; туман — это облака или дым пробужденных вулканов. Туман окутывает Асталу плотным покрывалом, плотным, но полупрозрачным, словно паутиная ткань, та, которую делают из нитей золотых пауков. И сами эти пауки сидят на развесистом кружеве, ловят туман и выжимают из него капельки. Потом торгуются с небом и продают ему плоды труда своего; небо делает из капелек росу и драгоценные камни.

Земля тоже создает самоцветы, но непрозрачные, тяжелые на вид. А вода и огонь — не умеют. Слишком весела и непостоянна вода, слишком жаден до жизни огонь.

Сейчас, в туман, пастухи сидят у огня, земледельцы закрылись в домах, а в лесу и среди высоких трав плоскогорья воют ихи и волки-итара.

А дома в самой Астале, не на окраинах, разные. Самые богатые целиком каменные, просторные. Надежны их стены. Только некого бояться их обитателям.

Ребенок и не боится. Перекатился с боку на бок на плотной льняной простыне. Лен — дорогая ткань, много дороже, чем шерсть. Чуть застонал во сне, запрокинул подбородок — снилось неприятное.

— Тшш... — ухоженная рука провела по лбу, отгоняя тяжесть сна. Ребенок заулыбался. Округлые черты, ямочка на подбородке, ресницы короткие и очень густые. На большом пальце алеет отметинка от беличьих зубов — укусила. Не повезло зверюшке...

— Так он точно сгорит. Какая-то белка... глупо.

Слова принадлежали средних лет человеку — лицо того было узким, а взгляд колючим. Волосы покрывал полосатый платок, а на плечах и груди лежало широкое ожерелье из золотой тесьмы и разноцветных опалов.

— Жаль, но уж лучше он, а не мы все, — откликнулся совсем еще юный голос. — Он слишком для нас опасен.

— В первую очередь для себя. Ты не видел еще, как бывает — сердце становится углем. Оберегай его, Къятта — ты хорошо умеешь управлять собой, а он тебе верит.

Смуглый подросток с резкими чертами помедлил — и чуть поклонился:

— Да, дедушка. Я буду. Я люблю своего брата.

Лицо его осталось сосредоточенным и недобрим.

— Мы все — дети огня. Но он... вот уж кто заслужил это прозвище.

— Ну, почему же так? — усмехнулся подросток. — Например, «зубастик» ему тоже бы подошло.

— Прекрати! — спокойно одернул его дед. — Еще непонятно, сумеет ли он выжить, и если да, то каким вырастет. Но раз ты и сейчас можешь дрессировать диких тварей, то уж с одним малышом, наверное, сладишь. Я скоро стану стариком, а вот ты... Хотя если станет неуправляемым, или погибнешь ты сам, то и ему не жить. Ты все понял?

Къятта еще раз чуть наклонил голову — звякнули звенья подвески, украшавшей длинные волосы; потом направился к дверному проему. В коридоре едва не споткнулся о молодую

йука с колокольчиком на шее — забава сестры, когда только научится следить за своим зверьем! Слуги получают свое; совсем распустились. А дед позволяет.

Отпихнул детеныша ногой, не обратив внимания на жалобное повизгивание. Вернувшись к себе, растянулся на сшитых вместе шкурах пятнистых ихти — мягкий ковер, приятно лежать на нем. С наслаждением выпил холодный чи из молока грис.

Думал о словах деда. Ахатте Тайау некогда вплотную следить за домом, и годы... получить в собственные руки зажженный факел заманчиво. У Кайе нрав не подарок, будет очень и очень тяжело, но дед сам говорит — Къятта справляется и с дикими зверями.

И все-таки, если бы жив был отец... но об этом бессмысленно думать.

А ребенок хорош — Къятта никому не признался бы, с каким удовольствием смотрит на это несносное создание. Подвижный — ни мига не посидит спокойно, даже когда спит, словно летит куда-то. И отчаянный. И глазищи огромные, дикие, а вся фигурка показывает — я центр мироздания. Вам же будет хуже, если перечить посмеете.

Къятта расхохотался, представив того, кто по неосторожности попробует снисходительно отнестись к малышу. Ах, бедняга!

И впрямь жаль, если братишка погибнет.

А дед прав — нельзя ему брать такой груз, будучи в преклонных годах. И прекрасно, что нельзя. Когда придет время, именно Къятта будет в расцвете сил.

«Сложно придется, но оно того стоит — велика награда. Я это сделаю».

И он честно исполнял свое обещание. Много-много лун.

Восемь весен назад

На стенах сколопендры расположились кольцом, и пауки — золотые. Между ними беспечные языки огня отплясывали так, как пляшут на грани жизни и смерти, под властью зелья. Огонь в крови у южан, а мастер передал суть этого пламени на мозаике и фресках, и даже на черно-алых масках, то мирных, то страшных — их черты казались бархатистым углем, под которым перекачивалось пламя.

Шестнадцать весен — детство и ранняя юность ушли, утекли дождевой водой; Къятте шестнадцать весен. Он может выходить в Круг — тело достаточно сильное, чтобы выстоять. А если кто не успел стать по-настоящему взрослым, что ж, таков закон — выживают сильнейшие.

Становясь взрослыми, простые жители приносят дары в Дом Солнца; отпрыски сильнейших Родов получают браслеты из разных камней, на удачу; какой выпадет, не знают заранее, но это не так уж важно. Не предсказание, не отражение сути — почти игра.

На севере придают камням большое значение. На севере подчиняют людей и природу, используя силу кристаллов и золота. На юге — нет, южане и без того сильны. И желтый металл, столь необходимый северянам, носят лишь в качестве украшений. А браслеты... Старинная традиция, красивая, но бесполезная ныне — впрочем, так хорошо сохраненное в памяти вряд ли может быть бесполезным, говорят многие старики. Порой их стоит послушать.

В крыле Дома Звезд проходит обряд — только Сильнейшие допускаются сюда, и избранные звездами служители. А в зал Совета, который за стенами, могут входить и вовсе единицы. Говорят, там прекрасно всё — но и тут красота несказанная. Высок потолок, черен — и украшен самоцветами и слюдой. Масляные лампы искусно закреплены у основания

купола-потолка; огонь бросает блики вниз и вверх, и оживает рукотворное небо, мечутся по нему тени созвездий. Вот их — гибкий, подвижный, злой. Вот змея-тахилика, свернулась, готовая укусить собственный хвост. Рядом птица-ольяте, раскинула крылья, кончиками маховых перьев почти задевает испуганно напрягшегося олененка. Потолок и стены не давят, хоть темны и массивны. Красиво в Доме Звезд — словно сам летишь к черному небу, и небесные жители говорят с тобой.

Запахи кедровой смолы и цветов с легкой примесью дыма шеили — голова слегка кружится. Хочется выделить из остальных и без конца вдыхать терпкий холодноватый аромат, от которого сердце раскрывается, словно бутон, и все ощущения становятся четче. И дышит пол под ногами...

А всегда молчаливые служители, да и все, кто собрался в зале, не имеют значения. Только ты, небо искусственное, ожившее под руками мастеров — и блики огня.

Их трое здесь на обряде, рожденных в одном году.

Къятта протягивает ладонь, и в нее ложится браслет из обсидиана, непроницаемо-черный. Удовлетворенная улыбка. Длинная одежда без рукавов, цвета темной бронзы, подчеркивает резкость черт. Линии татуировки золотом переливаются на смуглой коже.

Рядом стоит уже получившая браслет некрасивая девушка — Имма Инау. Цепкий паук Инау шевелит лапками на ее плече.

Кому какой камень выпадет, заранее не знают. Ей надели на руку браслет из коричневого нефрита. Закрытый камень, трудно понять, что он говорит о владельце. А черный, доставшийся Къятте — цвет неудержимой страсти, цвет безмерной гордости. Хороший знак для Сильнейших. Хотя он больше любит рубины.

Мальчик семи весен от роду чуть не подпрыгивает на древнем каменном, украшенном грубой резьбой сиденьи. Сестренка рядом еле удерживает брата за локоть.

— Кайе... сиди тихо! Ты же мешаешь всем!

Но он, похожий на уголек — маленький и горячий, откидывает ее руки:

— Отстань! Не мешай сама!

Обряд завершен.

Юноша в длинной светло-алой одежде подходит к его старшему из братьев Тайау, становится на расстоянии шага.

— Видел, что тебе выпал черный камень, какой только? А... — глянул, равнодушно отвел глаза; словно дротик, бросил усмешку. — Ясно. Гордишься?

— Не твое дело.

— Обсидиан — это застывший огонь. Мертвый. Об этом не думают почему-то... Ну, носи, гордись! — подошедший рассмеялся совсем по-девичьи.

Кайе застыл, прислушиваясь. Ийа, ровесник Къятты — и главный недруг. Он тоже силен, и отчаянно завидует Роду Тайау — такое знал мальчик. Ийа тоже сегодня получил свой браслет — янтарный, творение, пламя души.

— Мертвый? — Къятта скривил губы презрительно, оглядел соперника с ног до головы. — Это мне ты говоришь?

«Ты что ли? Похожий на девчонок, что пляшут на площади в праздник?» — прозвенело невысказанное в ушах младшего. Ийа чуть склонил голову набок, равнодушно глядя из-под чуть опущенных ресниц.

— Кому же еще. Не я всю жизнь буду в отблесках чужого огня.

Къятта почему-то медлил с ответом. Зашипев от невольной злобы, Кайе услышал еще:

— Спешу жить, пока он мал, — и юноша вновь рассмеялся легко, словно о приятном говорили.

— Ийа!!! — прозвенел детский голосок... и колонна, возле которой стояли юноши, треснула и начала падать.

Глава 3

Настоящее

Зверь впился взглядом в одну точку, жесткие усы подрагивали, хвост изгибался, выдавая волнение хищника. Припав на передние лапы со втянутыми когтями, он ловил запах добычи. Некто вкусный и маленький шел сюда, аромат его был отчетливо слышен среди запаха почвы и прелой листвы, и зверь — бурый энихи — приготовился заранее. Но добыча свернула в сторону, а потом и вовсе помчалась назад, мелькая между стволов. Хищник последовал за ней, быстро, бесшумно. Он был голоден и стар, а здесь — чужая земля. Убить добычу, съесть, сколько сможет, и убраться невредимым — вот и все, о чем он мечтал бы, обладай энихи разумом.

Близ реки стена деревьев размыкалась, в ней появлялись просветы, а за ними порой — целые поляны. Красновато-бурые молодые листочки на высоких ветвях тонули в буйной массе темно-зеленой листвы различных оттенков. Птицы перекликались на разные голоса, не заботясь о том, что происходит внизу, яркие, перепархивали от одного ствола к другому, и ветви находились в беспрестанном движении — от птичьих тел, ветра и раскачивания, дрожания деревьев, которым словно наскучивало стоять на месте.

Ребенок и не подозревал, что вызвал интерес у старого хищника. Он возился в зарослях ежевики, откуда вылез, перемазанный соком, а потом принялся собирать цветы. Огромные вьюнки — с детскую ладонь величиной, розовые и синие. Скрученные стебли поддавались плохо, а мальчик не хотел нарушить их прихотливое плетение, и старался отрывать стебли как можно аккуратней.

— Мама! — крикнул он наконец, почти вспархивая с места и устремляясь к большой поляне невдалеке. Женский голос ответил ему, ветерок донес запахи человеческого жилья и металла, и разочарованный хищник понял, что упустил добычу. На сей раз.

Огонек проснулся с колотящимся сердцем, глотая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Опомившись, сел, подтянув колени к груди. Жестковатая циновка показалась очень уютной. Там, во сне... нет, не вспомнить теперь, что так напугало. Ребенок остался цел... Но как все было зримо! И он сам — не понять, чьими глазами смотрел, малыша или хищника.

Постепенно Огонек успокоился. Сон не мог быть даже предостережением — облика ребенка он не запомнил, но слово бы дал, что давно не встречал таких маленьких, разве что в прошлом. А энихи и вовсе не видел, только следы пару раз. Иначе его бы уже в живых не было.

Долго сидел на циновке неподвижно, думал, пытался наяву поймать хоть малейший отклик на картины сна, но память молчала. Сон есть сон, но Астала была настоящей. Огонек был уверен, что никогда не жил в таком городе, разве что на самых-самых окраинах. Он не видел раньше, как сбрасывают людей с башни и убивают белой молнией. И он не помнил, боялся ли кого-либо — или что кто-нибудь опасался его самого.

Страх начался не на прииске, нет — он зародился где-то в прошлом. Но не перед

людьми, тем более не перед лесом.

Впрочем, людей теперь он боялся тоже.

Кайе собирался все же устроить его в своих собственных комнатах, чтобы разговаривать когда вздумается, но не вышло — Огонька поселили через длинный проход, под незримым присмотром, который он ощущал кожей. А Кайе, не сумевший настоять на своем, был очень зол и даже на стены смотрел враждебно. И те несколько слуг, которых успел заметить Огонек в доме, под его взглядом пытались слиться с орнаментом и поскорее исчезнуть.

— Ты погоди, — сказал тогда Огонек, — Твои близкие скоро поймут, что я ничего не скрываю и говорю правду...

Кайе смерил его взглядом, полным сомнения — и тревоги. Впрочем, сомнения и тревога в нем не задерживались, полукровка успел это сообразить. Он, кажется, в своей жизни вообще никогда не испытывал страха или бессилия, в серьезных вещах уж точно. Даже со старшим братом преуспел — только и не вышло поселить Огонька где хотел, в остальном все по его сложилось. Эдакое солнце, которое будет двигаться своим путем, и неважно, кто там и что думает. Только у солнца путь одинаков, а с Кайе вообще все вверх дном.

В первую ночь здесь Огонек никак не мог заснуть, вспоминал — и все больше не змея туманного, не разговор в саду, а просьбу свою. И выражение лица юноши, когда Огонек попросил о защите. Странное оно было, не понять. Только вот... Кайе вытащил найденьша из реки, и из того страшного дома, загородил собой от удара, и, кажется, против родни пошел. А еще — поверил. Но... кто поручится, что Огонек не лжет, сам того не желая?

Стало невыносимо, словно близкому нес пушистого птенца показать, и вдруг споткнулся, упал на него, раздавив. Может, потому и приснилось невесть что.

Теперь Кайе пришел с рассветом, удовлетворенно отметил, что полукровка уже не спит, а сидит на полу, и закружил вдоль стен, бесцельно трогая пальцами полосу мозаичного орнамента.

— Ну вот. Значит, будешь пока тут. А ты еще интересней, чем я вчера думал. Дед сказал, что в Доме Солнца нашли слабые отсветы Силы в твоей крови. У полукровок такое бывает, но редко.

Заметив, как напряглось тело все еще сидящего Огонька, мирно добавил:

— Перестань дергаться.

Развернулся, вмиг опустился на колени и прижал полукровку к стене, удерживая ладонями плечи — не шевельнуться:

— Любой зверь почует страх и ударит. Человек тоже, хоть и сам не разберет, почему. Понимаешь это?

— Охх... — выдохнул Огонек, пытаюсь унять дрожь и надеюсь, что стука сердца особо не слышно. Почти как вчера, повторяется... Оказаться вот так без возможности двинуться — страшно, что ни говори.

— Я запомню.

Снова совсем рядом увидел золотистые линии на плече юноши, символ единства с миром. Непонятное изображение — наполовину цветок, наполовину луковица со вписанной в нее фигуркой человека. Безрукавка молочного цвета, скрепленная золотой застежкой на груди, подчеркивал блеск рисунка.

Кайе заметил взгляд, с улыбкой полуразвернулся к розоватому, неяркому еще свету.

— Это Солнечный камень, краска из его частиц. Мне сделали татуировку на восьмую весну жизни.

— Это теперь навсегда?

— Если кого-то лишат Рода, его знак будет срезан.

Огонька передернуло — слишком живо он представил себе. А Кайе продолжал:

— А если примут в Род — напротив, знак поставят. Если до того был другой, первый умеют сводить.

— А когда остался один из рода, картинка будет у тебя одного, — тихо сказал Огонек. — Тебе сколько весен? — спросил поспешно, заметив удивленный взгляд юноши.

— Пятнадцать уже! Не грусти, — Кайе взъерошил его шевелюру. Голос был смеющимся, но добрым.

Затем его позвал, заглянув в комнату, какой-то немолодой важного вида мужчина; голову мужчины покрывал такой же полосатый платок, как у деда Кайе, и браслеты были красивой чеканки, но юноша откликнулся на зов без особого почтения, ушел с неохотой. Огонек мысленно отметил — значит, этого человека слушаться надо, но он тут не самый главный.

Прошло не менее получаса, никто больше не появлялся.

Найденыш не знал, можно ли ему покидать комнату, но решил выйти — на прииске, если задерживался в шалаше, где спал, получал оплеуху, и ладно, если одну. Понять, как устроен дом, не успел, но прикинул, где может находиться кухня или задний двор. Ему, вероятно, туда? Давешнего чудесного садика он по дороге не встретил. Но почти сразу обнаружил низкую лестницу, которая вела наружу, на дорожку вдоль высокого фундамента. Сперва пытался сориентироваться по запаху — где кухня, где стойла, но запахи здесь были другими, легче и разнообразней, и совсем не ощущалось лесных и речных. Но вот ноздри уловили знакомый — рыбный. Пойдя на него, Огонек увидел впереди мощеную булыжниками площадку, за ним приземистое длинное здание, мимо которого шествовал недавно встреченный важный мужчина. К нему подошла дородная женщина, величаво неся на макушке огромный узел волос, ее руки тоже перехватывали золотые браслеты — и на запястье, и выше локтя, а тело грозовой тучей окутывала сизая накидка. Эти двое выглядели здесь не слугами, а хозяевами, и говорили как близкие люди — то ли муж и жена, то ли брат и сестра.

Огонек на всякий случай спрятался за толстым каменным стволом, и понял, откуда исходил рыбный запах. Неподалеку на камнях сидела еще одна женщина, ловко счищала серебристую чешую, потрошила и бросала рыбы тушки из одной корзины в другую. Рядом с ней пристроились двое малышей, мальчики или девочки, он не видел, только одинаковые черные затылки — дети слушали сказку про девушку-зернышко, которая вышла замуж за ветер.

— И была она легкая-легкая, гнездышко, что ей свили, было сплошь из прозрачных нитей, а наряд...

— Зря ты их сюда притащила, — увлеченный, Огонек не заметил, как появилась третья женщина, крупная, в движениях резкая. Она несла на плече здоровенную корзину, полную каких-то кореньев, и с такой легкостью, что Огонек ее тут же зауважал. На прииске с ней бы считались.

— Некуда мне их девать, дочь-то болеет, а домоправительница разрешила, — ответила

чистильщица рыбы, покосившись в сторону дородной женщины.

— Ей-то что, если пострадают. Не ее ж малыши.

— Да ладно тебе, давно не было ничего такого. Я больше бы полукровки этого опасалась, у них у всех глаз говорят дурной. И несчастья приносят.

— Кто их разберет... я ни одного не видела, и этого еще не успела. А в Чема или там Уми, говорят, их немало.

— Ну и толку с тех земель? Всё поэтому. И было б, на что смотреть, на пакость такую. Опять же — ведь рыжий! Сама понимаешь. Ладно, ты мне скажи...

Огонек со вздохом отступил назад; хорошо, что его не заметили. Он с радостью помог бы почистить рыбу или принести еще что-нибудь, да и сказку послушать хотелось, но раз уж считают, у него дурной глаз...

Оглядевшись, он увидел еще лестницу и проход за ней; снаружи, во дворе и в саду, мелькали люди, слышались еще голоса, а позади было тихо и сумрачно. Хоть и страшно казалось бродить по дому без дозволения, любопытство пересилило. Может, не представится больше случая, а наказание он уже в любом случае заслужил.

Проход вел через пару комнат, заставленных ларями и корзинами, затем начинался пустой коридор; свет сюда едва проникал через узенькие окошки. Огонек шел, вздрагивая от голосов и звука шагов, понимая, что здесь прятаться негде. Нырнул в первую попавшуюся комнатку, совсем темную, а за ней обнаружилась еще одна. Эта оказалась просторной и очень светлой, мальчишка прищурился в первый миг, шагнув прямо в солнечный луч. Первое, что разглядел, когда начал осматриваться — черный каменный круг на полу, шириной не менее трех шагов. Края его были серебряными, и черное поле испещряли серебряные знаки.

Огонек осторожно прошел вперед, внутрь круга, хоть страшновато было ступать на такую диковинку; остановился. С любопытством всмотрелся в серебристые значки — некоторые походили на зверей, или насекомых напоминали. Честное слово, они шевелились — словно жуки расправляли лапки и подрагивали тяжелыми крыльями. Не рискуя коснуться, повел рукой над полом возле себя, и знаки побежали по черному полю, неторопливо поплыли по гладкой поверхности, крутясь, как щепка в водовороте. Порой то один, то другой из них слегка вспыхивал.

Огонек держал руку, изумлено глядя на знаки. Молчал, боясь нарушить это неведомое ему действие, хоть голова закружилась и он чувствовал, что может упасть.

Знаки остановились. Вспыхнуло серебро, в Огонька из круга словно ударила молния. Тот испуганно вскрикнул и отшатнулся. Услышал короткий смешок. Кайе стоял в дверном, проеме, светлая фигура на фоне темного коридора; гнева или недовольства не было на лице.

— Ты чего орешь? — полюбопытствовал он.

— Мне показалось... как на переправе, — шепотом сказал Огонек.

— Чекели? Ну нет, — расхохотался Кайе. — Нет, дурачок. Как ты сюда забрел вообще?

— Я просто ходил... ты не сердись?

— Спасибо скажи, что это я тебя нашел, — фыркнул юноша. Нет, он не сердился, ему было смешно.

— Что это за круг? — спросил Огонек виновато, понимая, что оправданий у него нет.

— Эта штука осталась от прошлого. Их всего три в Астале, и никто толком не помнит, как с ними работать всерьез. Мастера давно умерли...

— Жалко, — сказал мальчишка. — Красиво же. Неужто никто не учил других?

— Это было давно. Наши предки не сразу обосновались в Астале, когда миновали горы. Жили в других местах, других городах. Там теперь чаща... Переселяясь туда и сюда, много ли утащишь с собой? На севере, в Тейит, может и есть еще.

— Там больше ценят такие вещи?

— Там крысы норные! Их предки кинулись искать себе местечко получше и прихватили всё, что могли.

Огонек попытался разглядеть знак, который все еще светился на круге:

— А это зачем? — поежился, ощутив пробежавшие по коже мурашки.

— Знаки Неба... Штука для предсказаний и раскрытия истинной сути, так говорили. Не на самом деле просто игра, — Кайе вскинул голову, смотря на знаки чуть высокомерно: — Ну, давай попробуем. — Он шагнул в центр круга, и вновь впился взглядом в серебро символов. — Как же им показать тебя... Амауга, уже не помню ничего, давно не трогал эту штуку. Мне в детстве нравилось с ней развлекаться. И Киаль тоже.

Опустился на пол в центре, выпихнув Огонька, бормотал тихонько, порой переходя на незнакомый мальчишке язык:

— Если считать по солнцу, это будущее. Долгие дороги... *чайне мена айаль...* О! сошлось! Исцеление... странно для полукровки. *Ланиа ата ши...* Тростник. Что бы оно означало? Вообще непонятно. Амауга, — вновь явно выругался он, — Так... это.

— Довольно, — сжалился Огонек.

Кайе поднял голову:

— А знаешь, такой вот круг напророчил когда-то о полукровке — причине большой войны. И ведь некоторые верят! Я и сам в детстве... Впрочем, неважно.

— Это в любом случае не обо мне, — сказал Огонек. — Я не люблю, когда людям плохо. Но ты говорил, какой-то дар во мне все-таки есть?

— Забудь, это сказалась кровь одного из твоих родителей. Но достать этот дар — все рано что гору снести или выжать воду из камня. Никто не возьмется за это — сам пострадает, и толку? Хм. Знаешь, — Кайе встал так быстро, что Огонек не успел перевести взгляд вверх: — А на Севере, пожалуй, и не пострадали бы, хоть все равно бесполезно. Там, чтобы проявить Силу, совсем с ума сходят. Вот запрут в пещере на пару недель, и придется читать вслух какие-нибудь древние мудрости, обложившись золотом и самоцветами, не пить и не есть, — он вновь засмеялся, и Огонек не понял, всерьез он или только что придумал все это.

— Но почему полукровок так презирают? — вырвалось у Огонька. — Я слышал, что обо мне говорят здесь. Выходит, полукровки... это все равно что помесь грис и лягушки, не знаю. Ни бегать, ни плавать...

Кайе расхохотался.

— Подслушивай меньше! — сказал он затем.

— Я не хотел, — растерянно сказал Огонек, и сообразил, что ни в чем его не обвиняют. Задал вопрос о том, что давно беспокоило:

— Не раз уже слышал, у меня выговор не совсем как в Астале. Но ведь другого языка я не знаю, наверное. Хотя когда я пришел на прииск, и вовсе едва говорил, пришлось заново вспоминать все слова. Так откуда же я вообще?

— Есть же не только Астала и Тейит, — юноша примирительно подергал его за чуть вьющуюся прядь. — Есть приграничные поселения. Есть Чема, Уми — это срединные земли, куда нередко навдываются и южане, и северяне. Вероятно, там твои родители встретились.

Если женщина обладает Силой, ей нет смысла рожать нежеланного ребенка, разве что потом кому-то отдать. Но скорее всего твой отец был из сильных, вроде наших синта, на севере тоже такие есть, он о тебе и не знал, а мать... может не нужен стал ей, или другим после ее смерти. Так где-то.

Мальчишка зажмурился, стараясь срочно подумать о чем-то приятном, чтобы сдержать подступившие слезы. В долгие дни без памяти, в лесу и на прииске ему порой казалось — ищет кого-то, найдет — и всё станет хорошо, а от него, вероятно, просто избавились...

Не сразу сообразил, что они куда-то идут. Снова смог улыбаться, когда вошли в длинное узкое здание, где пахло приятно и сладковато: запах ухоженных домашних животных. Со всех сторон из-за дощатых дверок к подросткам тянулись узкие морды грис.

Охранник у входа привстал, намереваясь, остановить, но увидел, кто явился к его подопечным — и молча отступил, даже вышел наружу.

— Они тебе нравятся? — спросил Кайе; мальчишка кивнул, разглядывая скакунов. Пока сюда ехали, не до того было. Ох, здоровенные... по сравнению с этими пара приисковых была облезлыми клячами.

— Кто нравится больше?

Как их было много! Пара десятков, наверное. Всех цветов, и даже пятнистые. Но одна, с кроткими глазами, показалась самой красивой. Кайе сказал:

— Это Пена. А моя — Буря, вон та.

Грис недоверчиво потянулась к Огоньку, принялась и фыркнула ему в ухо. Огонек протянул руку и осторожно погладил ее по морде.

— В седле ты держись, как старый пень. Я тебя научу, — пообещал Кайе. — Сейчас и поедем. Главное, если свалишься, копыт берегись.

— Мне не хотелось бы в город, — просительно сказал Огонек.

— Да брось, что ты видел на своем прииске — грязный сарай и кучу камней?

Но, когда, получив первый урок, покинул дом вслед за старшим, Огонек не разглядел и Асталы, он вообще ничего не видел — только белую шею Пены, когда осмеливался приоткрыть глаз — и тут же снова зажмурился. Не скорости боялся и не высоты, а врезаться в один из домов.

Все же, когда прошло время — довольно много — он осознал, что не падает, и бег у Пены достаточно ровный. Тогда осмотрелся чуть, попытался усесться удобней, заставляя шевелиться затекшее тело. Вокруг по-прежнему было множество домов и множество людей.

Встречные с опаской глядели на Кайе и старались вжаться в стены, кусты или камни площади, смотря где проезжали всадники. Примерно как сам Огонек при виде старшин прииска, только еще заметней.

Дорога оказалась долгой, порядком вымотала, но он старался держаться. Подростки успели миновать городские кварталы, предместья, но по-прежнему скакали по вымощенной белыми плитами дороге. Здешние жители не собирались отказываться от удобства и за пределами города. Невесть сколько им приходилось работать, чтобы добиться такого порядка... Огонек знал, как быстро зелень предьявляет свои права на всё. По бокам чередовались ярко-зеленые поля и рощицы садовых деревьев с аккуратными кронами. А вскоре начался лес — еще не густой, здесь подлесок боролся с полями, созданными человеком, и лишь немногие мощные стволы уцелели. Здесь уже слышались знакомые звуки — клекот, щелканье, чье-то ворчанье. Дальше темнела чаща.

— Поедем туда? — с восторгом спросил Огонек, сердце заколотилось.

— Нет, — спутник вдруг нахмурился, глянул из-под неровной челки. — Домой.

— Ты думаешь, я убегу? — быстро спросил Огонек. — Нет, обещаю, я просто...

— Мы возвращаемся!

— Но почему? Ты разве не любишь лес?

— Заткнулся бы ты, — глаза Кайе полыхнули, — С чего такой любопытный? Еще недавно зубами клацал от страха!

Пока не выехали на открытое место, задорно блестящие зеленью поля, Огонек все оглядывался — и чувствовал кожей, что Кайе невесть на что сердится. И отчего-то было трудно дышать, хотя взгляд только радовался — простор! воля! побег свежий!

А потом уже не до радости было — опять начались предместья, а после вновь со всех сторон окружили дома. И легкий лесной запах остался разве что в шерсти грис.

Снова глиняные и каменные стены, переплетения улочек, люди, при их приближении поспешно освобождающие путь. Потом возникла небольшая задержка — толпа запрудила улочку, и, хотя они со страхом глядели на Кайе, все же не могли в один миг рассредоточиться. Вытянув шею, Огонек смотрел, что там творится.

Стражники тащили какого-то отчаянно вопящего мужчину, причем у одного был в руке полотняный мешочек.

Кайе не обратил на процессию никакого внимания и проехал бы мимо, стоило проходу очиститься — если бы не Огонек, который едва не выпал из седла, пытаясь понять, что происходит.

— Украл что-то, — равнодушно пояснил юноша. — Если хочешь посмотреть, как с ним разделаются, поедem.

— Нет, спасибо, — пробормотал Огонек, подаваясь в седле назад.

— Нормально сядь, свалишься! На вашем прииске, верно, поощряли воров? — хмыкнул спутник.

— Там... было мало народу, — не в лад пробормотал Огонек, ссутулился и ехал дальше молча, глядя только на холку грис.

**

Пять весен назад

Астала была — для Сильнейших. Астала была его. Десять весен прожил, и никто не вставал на пути. Но дома всегда тесно мальчишке, даже если дом — много-много тысяч шагов протяженностью.

Когда новый перевал открыли в горах и Къятта собрался к нему — не просился, просто сказал: я тоже поеду. Услышав «нет», отмахнулся. Как это нет? Не бывает такого слова.

— Я хочу в горы. По-настоящему. И к морю...

— Отстань.

Мальчишка разозлился, как и следовало ожидать, влез на дерево и просидел на ветке полдня — домочадцы так хорошо себя чувствовали, пока он торчал на вершине у всех на виду и далеко ото всех. Потом слез и начал собираться в дорогу. Янтарные глаза старшего наблюдали за ним, внимательно — так ястреб следит за тенью добычи в поле.

— Так просто — попроси, постарайся уговорить, разве не затем язык тебе дан? — сказала Киаль.

Не понял ее. Уговаривать — это как, и зачем? Проще бежать следом за грис, раз уж захотелось.

— Посади его под замок, — нажаловалась деду Киаль.

— Это еще к чему?

— Къятта его брат не хочет, так он все равно сбежит. Моря ему захотелось! А Къятта говорит, что не станут спускаться к морю, до перевала дойдут, и обратно, а то и меньше, если для грис тяжело подниматься.

Дед потрепал внуку по подбородку и велел быть свободной. А вечером долго смеялся — у мальчишки, похоже, было чутье на ябедников, и Киаль обнаружила здоровенную ядовитую ящерицу у себя под подушкой, со сломанными лапами, чтобы не убежала. И ведь как-то прокрался мимо служанок!

Паршивца внука ждало серьезное наказание — едва ли не впервые в жизни. Соображать надо, такую тварь подкладывать! Это у него кровь такая, что все укусы нипочем, кроме разве что особо опасных змей. А девочка могла заболеть серьезно. Ахатта задумался, что бы с ним сделать такое — боль перенесет не пикнув, ограничить его в чем — еще больше взбесится, и Киаль тогда совсем несладко придется.

В конце концов позвал к себе взъерошенное сокровище и объяснил, что оно могло лишиться сестры из-за собственной дурости. Ласково так. Чуть преувеличив, но почти незаметно — ящерицы-ядозубы и впрямь опасны, а Киаль девочка хрупкая. Сокровище кусало губы, сверкая исподлобья синими глазищами, а потом внучка нашла у себя на подушке розовую водяную лилию.

— Поедет со мной, — сказал Къятта.

— Не стоит. Словно поощрение ему, — отмахнулся дед.

— Но так будет лучше, — молодой человек смотрел на облака. Вот уж кто облик меняет, так, что постоянного нет! — Если не возьму, он тут никому жизни не даст. Нужны тебе лишние хлопоты? И ему пора ума набираться.

В путь отправились всемером. Пока ехали, Къятта рассказывал брату о землях, которыми владеют Сильнейшие Рода Асталы, и о богатствах — или скудости этих земель. У Питонов-Икуи было много меди, но не было соли, у Кауки негде сеять — сплошное болото, но они находились вблизи пары крупных дорог, караванам приходилось возить товар с осторожностью... Самыми бедными считались Анамара — некогда мощный Род, который только благодаря Шиталь и ее умению договориться удержался на плаву. Про Шиталь мальчишка слушал с удовольствием, про все остальное вполуха. Его заинтересовали только паутинные роци Инау, золотистые нити, из которых лишь мастера этого Рода умели изготавливать ткани. Секрет оберегали пуце собственных младенцев. Но, узнав, что роци находятся в другой стороне, Кайе и к этому потерял интерес. Предпочитал смотреть по сторонам, к тому же всадники углубились в места необжитые, никому не принадлежащие.

Перевал находился дальше других, и по дорогам к нему добираться было бы вдвое дольше. Решили напрямую проехать, благо, один из охотников эти места знал. По лесам не имело бы смысла — без дороги-то, но тут начинались травянистые равнины, сейчас изрядно

пожженные солнцем; грис бежали легко, раздвигая сухие стебли. Путь, занявший около десяти дней, оказался ровным — лишь одна ночь выдалась не слишком спокойной. На ровном плато, где заночевали, были словно огромной рукой рассыпаны стоячие камни — круглые и длинные, высотой в рост человека. Может, небесный гигант ожерелье порвал.

— Камни... — протянул Ньенна, родич из младшей ветви, обозревая плато. — И движутся наверняка. Следы — заметили?

Бороздки — скорее, дорожки углубленные — были отчетливо видны, словно большая тяжелая улитка ползала туда и сюда.

— Камни... движутся? — глаза мальчишки приобрели сходство с колесами.

— Много где есть такие. Опасных — мало.

— Опасных?

— Могут убить во сне, если лечь рядом. Проедет по тебе, словно по ровному месту.

— Чушь! — покривился мальчишка. — Любой проснется!

— Отчего-то не просыпаются...

Кайе, видно, представил, как через него спящего переползает огромный валун, и движется дальше, оставляя кровавую лепешку — и мальчика передернуло. Умереть в бою, или сгореть в собственном пламени — к такому можно только стремиться, но быть раздавленным тупым камнем... это уж чересчур.

— Но как? Почему они ползают?

— А как движется статуя Грома? — Къятта ухмыльнулся, заметив, что глаза брата стали еще больше.

— Никто не помнит, изготовили ее еще по ту сторону Восточного хребта, или здесь. Видят многие... Золотая, в половинный рост человека — и человека изображает. В головном уборе древнего жреца, таком — раскрытым цветочным венчиком.

— А почему гром?

— Написано. Мастер посвятил ее Грому — верно, она в Доме Земли стояла. Старая, судя по виду — мастера сейчас работают иначе. Ее замечают разные люди то здесь, то там. И в тех местах, где ее точно быть не могло.

— Может, таскает кто! — чуть свысока сказал Кайе.

— Золотую? Тяжеловато для простой забавы.

— А почему я не знал о ней? — возмущение в голосе мешалось с обидой.

— А ты не стремишься узнать. Мог бы и старые свитки прочесть, и расспросить старших.

Мальчишка отмахнулся только, отвернулся и замотался с головой в тонкое тканое одеяло; но старший знал, видел прекрасно, что Кайе не спит. И мало того — время от времени край одеяла откидывался, открывая окошко для любопытного и настороженного глаза. В жизни не признается ведь, что не по себе...

Только когда небо стало розоветь, мальчик заснул по-настоящему, успокоенный.

К вечеру следующего дня темные сторбленные фигурки замелькали между камней. Нечесанные, низколобые, они осторожно приближались, с каждым мигмом смелея. Их было десятка четыре.

— Рууна... — презрительно сказал Къятта, пальцем погладив рукоять метательного ножа. Младший брат сразу вскинулся — как же, еще не забыл своих дикарок-близнецов.

Къятта сказал:

— Хотят напасть, дурачье. Ну, пусть пробуют...

— А огня они не боятся? — подал голос один из спутников.

— Нет.

— А если пламя направить на них?

— Не выйдет — сухая трава, сами пожар не удержим.

Дикари осторожно смыкали кольцо. Самые ближние подошли шагов на полста: слишком далеко для удара чекели, но достаточно для броска булыжника.

На лице мальчика не было и намек на страх — лишь интерес. Дикари хотят напасть на них. Будет здорово показать им, кто на самом деле хозяин всех этих земель!

— Держись подле меня. Не смей атаковать, — сквозь зубы сказал Къятта, видя загоревшиеся глаза ребенка.

— Почему? — обиженно вскинулся брат.

— Слишком долго потом придется лечить своих же.

— Да я..! — начал было мальчишка, но умолк, кусая нижнюю губу.

— Именно ты, — Къятта отстранил брата и помахал Нъенне.

— Надо всем двинуться к одной стороне. Так мы достанем их, а камни сзади не долетят.

Нъенна кивнул, неумело скрывая страх. Дикарей было много... а чекели бьет от силы шагов на десять. Если станет совсем плохо, Къятта может надолго закрыться от каменного града, поставив невидимый щит, но так удастся загородить самое большее двоих. И нет сомнений, кого он закроет. Если этот «кто-то» усидит на месте. А защита Нъенны и прочих куда слабее. Кусая губы, юноша смотрел на крадущихся дикарей — движения их обретали все большую уверенность.

— Они никогда не встречали людей с Силой, — сказал Хлау.

Его первым ударил камень — сзади. Южанин сдержал крик и устоял на ногах, но дикари осмелели, видя первую удачу. У некоторых оказались пращи: град камней обрушился со всех сторон. Къятта с помощью остальных пока удерживал камни, те падали рядом, не причинив вреда. Выбрав сторону, где рууна держались кучно, отделенные от остальных, Къятта обронил, словно отдавая приказ собственной грис:

— Вперед.

Южане в три прыжка преодолели расстояние, отделявшее от дикарей; сверкнули молнии чекели и дротики. Дикари на другой стороне не успели понять, что происходит, лишь двое наиболее близко стоявших кинулись напасть сзади, пока чужаки заняты.

Кайе оглянулся — и метнулся туда.

Видя несущегося на них мальчишку, двое дикарей одновременно бросили увесистые камни. Кайе легко увернулся. Дикарь, что был ближе, замахнулся дубиной. Крик Къятты и обоих рууна прозвучали одновременно. Правый упал с дротиком Къятты во лбу, левый, завывая, катался по земле, пытаясь унять боль от огромного ожога на плече.

Къятта и остальные стояли среди тел. Между ними и живыми дикарями нахотлилась мальчишечья фигурка.

— Идиот, — негромко проговорил старший из Тайау. — Даже убить врага толком не способен. Только детишек-игрушек.

Рууна молча смотрели на страшных чужаков, не решаясь вновь нападать. Потом один из них бросил камень в мальчишку. Булыжник попал по ноге, сильно; Кайе упал на одно колено — и ближайший дикарь с воплем схватился за лицо, а его волосы вспыхнули. Та же судьба постигла еще нескольких рядом.

Скоро все закончилось.

Сбежало не больше десятка дикарей, остальные лежали мертвые. Вовремя для южан: даже у Къятты уже не осталось силы на щит и чекели, а отбиваться от града камней было невозможно.

Только мальчишка, хоть и дышал прерывисто, рвался продолжить схватку. Он весь горел — дотронувшись до его руки, брат изумленно присвистнул.

Стреб Кайе в охапку и потащил в тень валуна, не обращая внимания на попытки вырваться.

— Они еще не ушли! — отчаянно выкрикивал мальчик.

— Они не ушли, а от тебя останется одна оболочка, если не прекратишь дурить, — отрезал брат. — Сиди!

Вывал с корнем колючий куст и сунул в руки мальчишке. Кайе взвыл, уколотившись; листья на кусте скрутились, как от близости пламени. Впившись в оставленную наиболее крупным шипом ранку, промычал что-то злобное. Къятта довольно усмехнулся, видя, что тот уже не рвется догонять дикарей.

— Я тебе не ребенок! — наконец выпалил брат.

— Уже нет, — старший по-хозяйски и одновременно успокаивающе положил руку на его плечо. — Ты был в настоящей стычке, хоть и несерьезной.

— Несерьезной?! — оскорблено надулся мальчик, демонстративно отвернувшись, и начал обламывать ветки с куста. Осторожно — это снова вызвало улыбку у старшего. Значит, остыл.

Бегло оглядев мальчишку и оценив, что серьезных ушибов нет, Къятта оставил его. У него самого на плече был заметный след от булыжника, в остальном камни его не задели. Нъенне и еще одному повезло меньше, особенно Нъенне — тот сидел, пытаясь унять льющуюся на глаза кровь.

— У меня крепкий череп, — немного неестественно рассмеялся юноша. Взгляд его не мог ни на чем сосредоточиться.

— Собираешься умирать? — Къятта присел рядом.

— Не дождешься.

Къятта оглядел остальных — они занимались своим ушибами. У второго серьезно раненого была повреждена рука и сломано ребро. Ехать верхом он бы не смог.

— Придется вам двоим побыть в одиночестве, пока мы не вернемся.

— Только не здесь. Дикари могут снова явиться.

— Тогда уж убей их сейчас, — вставил Хлау, глядя исподлобья.

— Ты и останешься с ними. Перевезем вас в укрытие и пришлем людей из ближайшей деревни.

— Тут нет деревень.

— Значит, нас подождете. Да не смотри так. Эти твари больше не сунутся.

— Собираешься ехать к перевалу втроем? — спросил Нъенна.

— Вчетвером. Уж не моего ли брата ты позабыл? — спокойно поинтересовался Къятта.

— Но он ребенок. Проще вернуться всем...

— Этот ребенок разогнал тех дикарей, что ты упустил, — ласково сказал старший из Тайау. — Уж сегодня он научился многому. И не забудет.

Мальчишка за валуном слышал все — и не мог сдержать довольной улыбки.

— Но там могут быть эсса.

— Вот и посмотрит на крыс.

Крысы оказались похожими на южан. Кайе представлял себе северян-эсса сплошь серыми и выцветшими. А встретил — людей, которых только по одежде и отличишь от уроженцев Асталы, но у некоторых — бледные волосы; чем больше Силы, тем светлее пряди, он знал. Будто седеют. И глаза у таких были блеклыми, то есть совсем обычными — не то что у хозяев Юга, Сила которых заставляла радужку сверкать самоцветами. Неинтересно... Правда, смотрели северяне так, словно право имели высоко голову задирать. За каждый такой взгляд хотелось ударить — и Къятта отослал брата подальше, на лесную опушку, пока разбирался с эсса.

Только стало известно про новый перевал, северяне подоспели. Да пусть пользуются, не жалко — тропка узкая, опасная, а сам перевал далек и от Асталы, и от Тейит. Но нельзя же спесь не сбить с них. Приятно злить, а они ведутся, вот-вот и драку начнут... Сильный соблазн, но нельзя. О младшем не беспокоился — знал, что мальчишка сумеет за себя постоять.

Кайе сейчас думал не о северянах — о движущихся камнях. Вот бы себе завести... и не один. Жаль, охотиться с их помощью неудобно — медленные, да и кому нужна добыча, которую раздавило в лепешку? Он валялся среди цветов, обламывая стебельки и высасывая сладкий сок.

— Так вот ты какой? — проговорил мужчина с волосами, стянутыми в большой узел. — Совсем малыш.

— Я не малыш.

— Считай себя взрослым, если угодно. Ты многое можешь, и все же не знаешь ничего. Тебя носят на руках одни и боятся другие.

— И что же?

Тот еще раз оглядел его — гибкого, немного растрепанного, в темно-желтых свободных штанах до колена, с ожерельем на шее — раскинувший крылья орел в окружении множества солнц. Возможно, в будущем это — самый сильный страх эсса. Что ж, бывает и так...

— Ничего больше не скажешь? И не страшно? — насмешливо вскинулся мальчик.

Мужчина лишь улыбнулся, и даже как-то до обидного не зло.

— Что ж, посмотрим, скоро я вырасту, и тогда... — запальчиво начал Кайе.

— Кем бы ты ни был, ты войну не начнешь.

— Почему?

— Сказано, что это сделает полукровка. Странное предсказание, правда? Полукровки — ничтожества. И одному из них отведена такая судьба.

— Чушь. Не суйтесь к нам, вот и все!

— Нет, малыш. Мы приходим в незанятые земли.

— И перевал ваш, да? — прищурился, сел.

— Да стоит ли он ссор, перевал этот, — устало сказал мужчина. — Все равно по ту сторону гор — море да узкая полоска земли.

— Тогда вы что там забыли?

— Вряд ли это тебе интересно, — сухо прозвучало в ответ.

— Ну вдруг, — фыркнул мальчишка.

— Когда-то на береговых склонах был город. При извержении вулкана его смыло огромной волной, или часть склона ушла под воду... Мы ищем следы прошлого. Через новый перевал можно спуститься туда, где мы еще не были. Астале это не пригодится...

— Обойдетесь, — сказал Кайе.

Серебристая грис Къятты переступала тонкими ногами, пугливая, но выносливая. Из шерсти таких, серебристых, делают красивые покрывала. Только грис больше пегие рождаются или бурые, жаль. Къятта гладил по шее свою любимицу, когда мальчишка примчался, плюхнулся на траву прямо под копыта. Сидя, смотрел на старшего, голову запрокинув. Къятта едва удержал испуганного скакуна. Мальчишка и не подумал, что острыми копытами его могут поранить.

— Этот... эсса говорил о войне, о которой сказано давным-давно. Северяне собираются ее развязать?

— Не кричи от восторга — нет пока никакой войны. Мало ли чуши написано...

— Написано? Он еще говорил что-то о полукровке...

— Вернемся, поройся в свитках в Доме Звезд. У меня нет желания рассказывать сказки.

Не забывал до самого дома, переспрашивал то и дело.

Назад повернули сразу после встречи с эсса, подниматься на сам перевал не стали: Къятта решил — нет смысла. Нъенну и остальных подобрали почти там, где оставили; дикари мелькали неподалеку, но напасть не решились.

Древние свитки Тевееррики — кажется, дунь на них, и рассыплется. Необычные письмена, грубоватые, льнут друг к другу. Древний язык — хорошо его не знает никто. Кайе с трудом разбирает тусклые коричневые знаки. Неприятно читать — как смотреть на старые пожелтевшие кости, неприятно — и в то же время затягивает.

«И будет вражда между югом и севером, но лишь полукровке будет небесами предоставлено право начать войну — кровавую бойню».

— Полукровке! Ничтожеству! — он чуть ли не отшвыривает листы.

— Ты столь хочешь войны? — спрашивает дед.

— Не знаю! Но если уж начинать, то с подачи достойных! Ненавижу эсса, но пусть лучше они, если нам не повезет ударить первыми!

И, подумав, добавляет:

— А лучше я это сделаю!

Астала, настоящее

Дом пугал своими размерами и количеством комнат, но, как успел понять Огонек, располагалось все в нем довольно просто. Длинный загнутый коридор и помещения по краям, некоторые соединялись и между собой. Так странно — много-много места, не дом, а целая роща с норами, тропками и полянами. Окна с откосами от дождя, высоко от земли: стоя в саду, не заглянешь через подоконник. На полах и стенах полосы рисунков из бесчисленных плоских камешков, и то тут, то там стоит стул, или столик, или сундук. Душновато здесь, но все же удобно — наверное, тут нигде не капает сверху даже в самый сильный ливень. В коридоре всегда полумрак, а в комнатах светло. И несколько выходов с разных сторон — в сад, во внешний и внутренний двор.

Огонек был уверен — в таких домах ему не доводилось бывать. Даже спящая память все равно подсказала бы, потому что забыть такое нельзя.

Он бы часами разглядывал выложенные камешками узоры на стенах и полу — то просто фигуры, то животные и растения, но разгуливать по коридорам и чужим комнатам ему не позволяли. Поэтому смотреть приходилось почти на бегу — когда появлялся Кайе, сидеть уже было некогда.

В городе Огоньку становилось плохо — казалось, его проглотил хищный цветок, из тех, что заманивают насекомых яркой окраской и сладким нектаром. Дома большие и маленькие, сплошные заборы, камень, духота, пыль, запахи один неприятней другого, когда ветер дул со стороны кожевенных или красильных кварталов — и множество людей, чересчур много.

Кайе сжалился и больше не возил его по улицам. Подростки побывали у пастухов, посмотрели, как стригут грис, понаблюдали с холмов, как внизу сетями ловили рыбу. Огонек видел поля, сады и дамбы предместий, видел рабочих, мужчин и женщин; зрелище чужой жизни увлекало, но все-таки пугало немного. Потом Кайе все-таки передумал и согласился доехать до леса, потребовав обещания не сбегать. Предупредил, что слово лучше не нарушать, и очень мрачно глянул из-под упавшей челки, но потом уже не сердился.

В лесу Огонек оживал, там был словно у себя. Кайе поверил ему — и больше, похоже, не испытывал опасений, что полукровка тут же скроется в зарослях и поминай, как звали. Теперь они то ездили по узким тропкам — в седле Огонек все еще сидел неуверенно, и ноги болели, — то привязывали грис к дереву и уходили в чащу, где один старался опередить другого в умении находить следы, кладовые белок, диковинки разные — и состязаться в ловкости, что быстрее заберется на дерево, кто просочится сквозь кусты, не хрустнув веткой... Даже ночевали в лесу, чтобы не тратить время на дорогу.

Огонек сам не подозревал, что умеет многое. Кайе не раздражался от таких умений, как почти все на прииске — там полукровке вечно доставалось за то, что подходит бесшумно, что вылезает некстати со знанием каких-нибудь корешков или не ошибается в предсказании дождя или ветра. Нет, Кайе казался очень довольным.

Было — набрали на дерево с небольшим дуплом, в нем обнаружили бурые стручки, уже сухие, прошлогодние.

— Склад белки какой-нибудь, — Огонек взял один и куснул — оказалось вполне

съедобно, приятный чуть вяжущий вкус.

— Сладкоежка! — фыркнул Кайе. Затем в упор взглянул из-под разлохмаченной челки:

— Ты ведь жил в лесу. Что бы ты выбрал?

Огонек улыбнулся:

— Когда так спрашиваешь, я забываю, что было с утра. Словно если я ошибусь, мне плохо придется.

— Ладно... На этой поляне у двух растений съедобные корни. У двух ядовитые, — негромко проговорил юноша. — Пробуй понять, к чему потянет тебя?

— Не к нему точно! — почти не глядя, Огонек указал вниз, указал на низкий кустик с лиловыми цветочками-звездочками и большими ажурными листьями.

— А хорошо, — низким, задумчивым голосом откликнулся спутник. — От этого растения у тебя судороги бы начались, а если съесть больше — умрешь. Называется чащобник. Запомни слово.

Чуть после нырнул в кусты, скоро явился с веткой, усыпанной сиреневатыми почками.

— На. Обостряет все чувства, только больше одной почки за раз не жуй. Начнешь от любого шороха вздрагивать. Так и свихнуться недолго.

А в другой раз вышли к странной поляне, где деревья склонились в центр, словно желая обняться. Сюда и в полдень едва проникало солнце, и молчаливые длиннохвостые птицы с яркими перьями перепархивали туда и сюда.

Тут не хотелось говорить громко, даже Кайе притих. Но Огонек первым вскрикнул:

— Взгляни!

След на влажной земле отпечатался, кабана. Возле Пены, будто светящейся — разглядел. Кайе опустился на колени, потрогал пальцами след.

— Большой. С ним не стоит сейчас встречаться...

— Почему — сейчас?

— Потому что ты рядом.

— А один бы ты в драку ввязался? — ехидно спросил Огонек.

— Не знаю, — хмуро ответил Кайе.

Огонек удивленно посмотрел на него — но промолчал.

Духи леса всегда прятались, когда они заявлялись в их владения. Находясь рядом с Кайе, Огонек не чувствовал ни одного. Тот никогда не оставлял лесу даров — ни плетеных кисточек, ни куска лепешки, ни чашки с питьем. Огонек не решался спросить, почему.

А еще было — смеркалось, а в чаще стало почти совсем темно, и полукровка, смеясь беззвучно, отстал, растворился в темноте, забрался на дерево; Кайе снизу вглядывался в траву и землю, отыскивая следы, — он видел и ночью. Он не спешил и не беспокоился, зная, что найдет. А в его волосах устроился светлячок, сперва на макушке, потом перебрался ближе к шее, зеленым подсветив кожу. Кайе смахнул его и услышал хихиканье с ветки. Сам подтянулся, спихнул Огонька, и они смеялись в траве.

И лесной грот весь в зелени — сидели плечом к плечу, прятались от внезапной грозы с ливнем, может, последней в этом году, и, снова смеясь, разглядывали кору, испещренную отметинами древоточца. Соприкасаясь то коленом, то рукой, то головами, сочиняли, на что

похожи извитые линии и точки, что за история в этих знаках.

И такое было.

Не так много дней, но столько всего вместили.

Потом снова садились в седло, и у Огонька сердце сжималось. Сперва потянутся поля и плодовые рощицы вдоль дороги, замелькают фигурки рабочих, потом начнутся дома, и Астала снова поглотит его целиком. А потом будет дом, где ему вовсе не рады и — он знал — выжидают мгновения, когда он совершит оплошность, чтобы объявить опасным и убрать подальше, или убить.

Порой ему хотелось остаться в лесу, затеряться в высоком кустарнике — он же умел ходить тихо, не хрустнув веткой — но Кайе поверил ему... Единственный, кто защищает в Астале. Единственный, с кем нет страха. Если не считать, что порой пугает он сам...

**

Прилетела птица с письмом для Къятты — прииск и впрямь отыскали, неразрешенный, конечно. И да, тамошние подтвердили — несколько лун назад это полукровчатое чучело действительно нашли возле прииска и оставили для черной работы. Вел он себя смирно, ни в чем подозрительном не замечен. Ничего не помнил или прикидывался с первого дня.

Ладно, не так много времени пройдет, когда всех тех ворюг-недоумков привезут сюда, и можно будет расспросить лично.

— Али, — они снова куда-то сорвались верхом, — один из синта-охранников виновато высунулся из-за угла. — Мы не могли...

— Вы вообще ничего не можете, — отрезал Къятта. Смяв кусок тонкой ткани с письмом, он зашагал к деду, не удостоив охранника даже взглядом. Злись не злись, но братишку такие вот не остановят. Даже лучше, если пытаться не будут. А вот что снова потеряли из виду...

Плохо, очень плохо.

Еще хуже, что сам эти несколько дней занимался делами вне дома. И вот до чего дошло.

Когда разрешил оставить это чучело в доме, думал, будет под присмотром всегда. А они болтаются Хаос не ведает где! Несколько ночей и вовсе не появлялись, ладно хоть с перерывом; даже дед забеспокоился и спрашивал кровь, жив ли младший внук, а ответ — шатались по лесу! Сам ли братишка туда рванул или полукровка надоумил? Одна засада уже была, и Кайе ее пропустил... а защиту он никогда не ставит.

Разумеется, велел направить брата сразу к нему, когда тот соизволит вернуться. Да, тот мог и послушаться, но, верно, узнав, что и дед ожидает, счел за лучшее подчиниться.

Ждали в саду на всякий случай. Дом, конечно, каменный, но там места меньше. Кайе — как же иначе! — явился не один, притащил свой рыжий беспамятный хвост. Хм, а полукровка куда смелей выглядит, чем у реки и немногим позже! Наглеет помаленьку.

— Этот снова сутки пропадал в чаще, — проговорил Къятта голосом, в котором сквозило желание свернуть кому-нибудь шею. И первым — непутевому брату.

Пожилой человек нетерпеливо двинул рукой, веля молчать. Он пристально всматривался в обоих подростков и Огоньку показалось — очень обеспокоенно смотрит, но вовсе без гнева. Все еще не может поверить, что полукровка не прислан ради чего-то недоброго? На всякий случай он чуть подался назад, за спину Кайе. Не совсем уж открыто,

но... Раз уж тот пока защищает лесного найденыша, а остальные не хотят или не могут противостоять.

— Мне надоело, — ровно сказал Къятта, наклоняясь в сторону и вскидывая ладонь. Она взорвалась белым... и погасла, вспышка никому не причинила вреда.

— Остынь, — сказал дед, с трудом выдыхая. — И ты тоже, — он поднял палец, указывая на младшего внука, который уже готов был кинуться на брата. — Вот уж из-за чего ссориться!

Оглядел Огонька, качнул головой и проговорил задумчиво:

— Но пусть пока живет — ребенок.

— Ребенок?! — очень тихо и очень отчетливо переспросил Къятта. — Он старше, чем кажется. Ему тринадцать, не меньше. В его возрасте... — глянул на брата. Юноша повернулся и сжал пальцы на плече Огонька, похоже, непроизвольно. От боли тот едва не закричал. Знал уже эту хватку.

Глава Рода обратился к Кайе.

— Я тебя просил надолго не уезжать.

— А смысл тогда? Только добратся, и назад? — мрачно откликнулся Кайе, но взгляд отводил. — Один я не раз...

— То один. Ты ведь понимаешь, что будет, даже если он и впрямь никем не подослан? — спросил спокойно — и от ровного этого тона неприятные мурашки побежали по коже Огонька.

— Я знаю, что делать, — отрезал Кайе, хмуро смотря из-под густой лохматой челки.

— Его можно отправить в Чема, там хорошо устроить. Не ближе, за пределы земель Асталы — иначе ты будешь искать и найдешь. Поверь, это лучший выход, ты и сам понимаешь. Я вижу, что вам интересно вместе... но лучше сейчас закончить.

— Нет, — сказал Кайе. — Память... ну ее, ни к чему. И... и все, довольно!

— А я не про память.

А взгляд Къятты был совсем уж убийственным — под ним Огонек почувствовал себя чем-то вроде дождевого червя. Больного всеми мыслимыми болезнями и непригодного даже удобрять землю.

— Я не хочу, — сказал Кайе.

— Что ж, ты решил. Следить за ним мы будем все равно, в остальном ты сам выбрал. Идите. Пусть мальчик отдохнет, он не привык столько ездить верхом.

— Думаешь, мне всё это нравится? — сказал Ахатта, провожая взглядом запыленные фигуры в штанах и безрукавках, перемазанных зеленым соком и смолой. — Он умеет привязываться совершенно по-глупому. Лучше бы сам разочаровался побыстрее.

Къятта только рукой махнул раздраженно.

— Пока ты будешь ждать...

— Может, мы совершаем ошибку, и она непоправима, но пока ничто не говорит за то, что на полукровке какой-то приказ. Натю заходила к нему каждую ночь, пока был тут, спрашивала спящего — никаких изменений. А Кайе увлекся этой игрушкой... лучше уж он сам все сделает, чем мы станем для него противниками. Вспомни девочку, которую он хотел привести в семью...

Остановился, с удовольствием вдохнул сладкие, влажные запахи сада.

— А если этот, как его... Огонек тут задержится, может быть и полезен — найденыш полностью наш, у него нет родных и друзей, бежать некуда... и слушать он будет — нас.

— Он же глупее лесного голубя, — поморщился Къятта.

— Да какая разница. Будь он хоть лягушонком, дело-то в Кайе. Но за пределы Асталы их больше пускать нельзя. Нам двоим он подчинится. Найди ему дело здесь. Или пусть отправятся на поселение с проверкой и провожатым, лишь бы мы твердо знали, где он. Да и занятым быть — полезно. Я в его годы...

**

На другой день Кайе с утра не явился, но передал через мрачного крепыша, что будет к вечеру. Поэтому Огонек сперва отоспался как следует, сам себе удивляясь — привык подниматься с рассветом; потом поел, а после рискнул выбраться в сад — крепыш указал, где позволено быть. Видно, после вчерашней ссоры с присутствием в доме полукровки худо-бедно смирились.

Так что у Огонька можно сказать сегодня был праздник. Сидеть на мощеной гладкими камнями теплой дорожке — встать опасался, чтоб не увидели лишний раз, дожевывать остатки лепешки, смаковать, отделяя один от другого, ароматы зелени, сырой земли, свежих почек — и как в лесу, и совсем незнакомое.

Вдали зарокотал барабан, не страшно, как в городе, а задорным призывом к танцу. Ритм что-то смутно напомнил, и Огонек запел, только на середине песни осознав, что поет.

Люди хотели пить,

Хотели вина,

Но вместо вина у них были только

Лепестки цветущей акации

Ах, солнце послало им свою кровь —

Люди были пьяны до утра!

Слова сами ложились одно к одному, и он был уверен, что не сочинял на ходу, а просто случайно вспомнил. Начал выстукивать пальцами по дорожке, как бы новый узор поверх ритма, все еще звучащего в отдалении. Не готов оказался увидеть гибкую смуглую фигурку, звенящую браслетами, в широкой распашной юбке, украшенной алым и белым шитьем.

— Это ты пел? — спросила Киаль, которая уже какое-то время стояла рядом.

— Я нечаянно... — Огонек ощутил, как уши его вспыхнули, а сердце провалилось куда-то в дорожку.

Увлёкся и не заметил, что поет уже громко! Не услышал даже звона браслетов!

— Нет, я не сержусь, — улыбнулась она. — У тебя хороший голос. Не ожидала. Пойдем-ка со мной... а то сюда сбежится весь дом.

Эти комнаты оказались красивей всех других, вместе взятых. Подумалось — отсюда можно долго не выходить, не наскучит. Даже небольшой бассейн по центру, поплавать не выйдет, но освежиться в жару самое то. Проточная вода переливалась золотом, пол был выложен диковинными узорами, напоминающими водяные лилии. Камни казались живыми — они почти дышали. Приятно наступать на такой камень босыми ногами...

Из-за воды тут казалось прохладней. А с карниза над окном свисали гибкие стебли с

крохотными сиреневыми цветами, пушистыми листьями.

Девушка устроилась на узком длинном сиденье со спинкой; Огоньку указала на пол подле себя. Вскинула голову — зазвенели длинные серьги из множества колец и цепочек. Вся — звон и сверканье, яркие краски, молодость и веселье. Нет, она меньше походила на Кайе, чем показалось при первой встрече. И дело не только в чертах. Киаль была такая, такая... С ней не вязались гнев или хмурость, лишь свет и некая неотмирность. Те двое точно ее родные братья??

Девочка-прислужница поставила на столик возле хозяйки поднос с чашками, темными, украшенными замысловатым узором — от них ароматный пар поднимался, — и плетеное блюдо с разноцветными плодами расположилось рядом. Таких и не видел раньше. А еще — золотые лепешки, и коричневые кусочки чего-то, и хрустящие даже на вид завитки в меду... Огонек невольно сглотнул — нет, голодом его не морили, кормили в десять раз лучше, чем на прииске, но такого пробовать не доводилось.

— Садись. Бери, что хочешь — ты голодный, наверное.

Огонек устроился на теплых плитах пола.

— Спасибо, — он теперь только понял, насколько голоден — робко взял самую румяную лепешку и надкусил, отпил глоток из чашки. Постепенно робости поубавилось — лепешки со вкусом меда таяли во рту, а питье напоминало мальчику о нагретых солнцем ягодах.

Двигался он неловко, и смущало то, что Киаль следила за ним. Смотрела — и улыбалась. Взмахивала неправдоподобной длины ресницами, живая, хорошенькая.

— Так ты Огонек? Настоящее имя?

— Нет, если бы. Настоящего я не помню. Так назвал меня Кайе.

— Конечно! Хорошо назвал — мог придумать что и похуже, воображение у него бурное. Но ты похож. А знаешь, болотные огоньки заманивают путников в трясины! А еще есть *огни тин* — это куда хуже! Они катятся...

Мальчишка вздрогнул, прижал пальцы к губам. Одно лишь название вызвало дурноту... хотя не помнил таких, о которых сказала девушка.

Девушка удивленно подняла тонкие брови.

— Ты что?

— Так... сел неудобно, — ляпнул он первое пришедшее на ум.

— А что ты еще умеешь? А может, играешь на ули или тари?

— Нет, никогда не видел ни одного, — признался Огонек, — А петь... Я могу.

С удивлением понял, что память его пощадила не одну песню. А ведь на прииске и не пытался... Затянул первое, что пришло на ум, только оно и могло вспомниться при виде Киаль:

*Луна идет за горы Нима,
Когда девушки с медными браслетами
Танцуют в лунном круге..
Если бы весенний ветер
Подарил им крылья,
В небе стало бы больше птиц...*

Серебристый и легкий голос неожиданно отразился от стен, и казалось — поют самое

меньшее два Огонька.

— Это Север, — сказала Киаль. — Нима — горная цепь. Откуда ты знаешь?

— Так пела моя мать, — ответил мальчишка прежде, чем сообразил.

Девушка рассмеялась. Попросила еще, и еще, а он все пел и пел, не зная, откуда что берется. О нежно-розовых рассветных вершинах, белоснежных волосах Владычицы водопадов, и языке самоцветов, которые хорошо держать полной горстью или разглядывать по одному.

Киаль слушала молча, внимательно. Когда мальчик перевел дух, сказала задумчиво:

— Как всё это странно... Ты хорошо пел, и зла я тебе не желаю, но вот откуда ты знаешь песни севера?

— Я полукровка...

— Но чтобы их выучить, недостаточно одного лишь рождения! И твое прошлое не сумели раскрыть, но столько песен ты помнишь...

Словно под ледяной дождь с градом вытолкнули Огонька из теплого дома.

— Ала... я случайно, я же не знал... — начал он, и замолк.

— Что с тобой? — спросила Киаль, и вздохнула: — Не беспокойся. Я ценю талант. Меня ты порадовал, и вообще, пока он тебя защищает... — она вновь задумалась и сказала уже невпопад, отвечая собственным мыслям: — С ним можно ладить, по правде сказать...

Пора было отправляться восвояси. Киаль его не гнала, но по всему было ясно — время песен закончилось.

Ощувив себя очень одиноким, Огонек поднялся с коротким поклоном и пошел к двери — высокой арке, прикрытой чем-то вроде занавеси из нанизанных на нити маленьких деревянных бусин. Они зашуршали, как ливень, когда отодвинул, и градинками стукнули по плечам.

Но, оказавшись снаружи, он снова повеселел. Кажется, у него в этом доме появился еще один союзник. Если Киаль хоть немножечко на его стороне... и какая она красивая!

**

Меж листьев ветки, протянутой вдоль дороги, возникла серебристо-черная мордочка зверька — вроде того, что Огонек видел, выбравшись из реки.

Мальчишка невольно рассмеялся, вспомнив того, возле реки — такой же забавный и любопытный. А ведь сейчас они не в лесу, лишь в предместьях.

— Хочешь такого?

Огонек не успел ответить. Кайе выпрыгнул из седла, почти подлетел к дереву, ухватился за ветку — и стащил зверька вниз за полосатый черно-белый хвост под отчаянные вопли.

— На! Крепче держи, а то вырвется. Смотри, они проказники страшные! — С этими словами Кайе впихнул пленника в руки Огонька, вскочил в седло и снова направил грис вперед по тропке меж деревьев рощицы.

Подросток с трудом закрыл рот.

— А... это...

Зверек тянул мальчишку за палец. Сильно, до крови. Вскрикнув, Огонек выпустил пленника — а грис рванулась вслед за скакуном Кайе.

Огонек одной рукой держался за шею грис, а другую поднес ко рту, пытаясь остановить кровь.

Зря. Потому что на следующем повороте он вылетел из седла. Успел увидеть огромный пень, увенчанный острыми зубьями — ощерившись, пень изготовился впиться в грудь и горло.

«Мама»... — успел подумать — и вспышка темного огня на миг лишила сознания. Пошевелился — что-то пыльное... теплое... нет, горячее! Он лежал в середине кострища, недавно прогоревшего — так показалось вначале. Потом сообразил, что нет пня.

— Поднимайся! Ты цел? — Кайе протягивал ему руку.

— Оййее... — Огонек попытался вскочить, но скачка и новый ушиб дали о себе знать, и он поднялся лишь на четвереньки. — Что это было? — спросил растерянно, — Мне почудилось, такой пень...

— Не почудилось.

— А... — тошнота подкатила к горлу. Огонек видел пепел на самом себе, на одежде, дышал этим пеплом — но тот не обжигал, будто костер прогорел с час назад, оставив о себе только память. Кайе смотрит с досадой, хоть и немного встревожено. А значит, значит...

— Я же защиту тебе обещал! — сказал он, словно всё объясняя.

— Оххх... — Огонек сглотнул колючий сухой комок. — Ты... Ты сам...

— Я.

Первый порыв был прямо так, на четвереньках, рвануться в лес, затаиться где-нибудь под корягой, и никогда, никогда...

— Прости, я не умею ездить верхом, — прошептал Огонек еле слышно, стараясь скрыть дрожь.

— Научишься. На сегодня хватит, — спутник его улыбался, помогая встать, отряхивая, хоть это бесполезно было, лишь сам перемазался. Кожа юноши была горячей. Огонек вспомнил — а ведь так было все время, но думал — то от солнца, то от быстрых движений. Отвел взгляд от выжженного круга; его трясло. Всего-то выжженный круг, но... так близко.

Кайе взял его за руку:

— А ну-ка, посмотри на меня.

Произнес почти жалобно:

— Хоть бы спасибо сказал, а не тряся! Разве я что сделал тебе?! — со вздохом оттолкнул его ладонь и повернулся к Буре.

— Я... боюсь... огня, — выдавил полукровка.

Кайе смерил Огонька взглядом. Внезапно криво усмехнулся, снова сжал его пальцы, вскинул другую руку и сжег стрекозу на лету.

Огонек только охнул. Хотелось бежать, но он заставил себя стоять смирно — на расстоянии вытянутой ладони, рядом совсем, сгорела... Нельзя бежать. Вспомнил погибшего на переправе человека — ему не помогло расстояние. Но у того, брата Кайе, что-то было в руке... у этого пусты ладони.

— Что же ты замолчал?

Но сил не было отвечать. "Зверь почует страх и ударит", — вспомнилось некстати.

А Кайе тронул пальцами его щеку, хмыкнул и продолжал уже задумчиво и как-то нехорошо:

— Значит, огонь тебе не по нраву. Вода нравилась больше... ты так упоенно бултыхался в реке!

— Мне...

— Значит, и твое прозвище тоже не нравится?

Я чем-то очень сильно обидел его, подумал полукровка. Иначе с чего бы так... Да, наверное — он ведь всегда меня защищал, а я...

— Зато ты никогда не замерзнешь, — сказал он первое, что пришло в голову, неважно, что глупость.

Кайе встряхнул короткими волосами, замер — и расхохотался. Огонек вздохнул еле слышно, глядел, как над головой Кайе шмель — рыже-полосатый шарик — ползет к сияющей блестке воды на листе.

А тот уже не смеялся, напротив, сам выглядел чуть не напуганно. Сказал тихо, почти нерешительно:

— Попробуй мне просто поверить. Просто жить здесь...

Натиу спала, раскинувшись на синем шерстяном покрывале. Из шерсти белых грис оно было, крашенное лепестками синих цветов. Дорогое — принимать дорогого гостя.

Находясь не здесь, Натиу шла по дороге, по серым камешкам, к своему сыну. Младшему.

Кайе сидел прямо на дорожке, зачерпывая камешки и высыпая их сквозь пальцы. Был он подростком уже, не малышом. Значит, доживет, подумала Натиу; потом поняла, что не помнит, а сколько ему сейчас, снится ей прошлое или будущее. Кайе поднял голову — чья-то фигура показалась рядом. Темная. Не увидеть лица. Склонилась к мальчишке, руку протянула к плечу... Натиу испуганно вздрогнула — на плече сына не было знака Рода.

А тот, темный, стал перед ней, заслонил сидящего.

Женщина досадливо топнула ногой — не пускает сон, не дает рассмотреть.

Топнула — и дорожка распалась, под ней была пропасть.

— Спит. Как... личинка в коконе, — раздался глуховатый негромкий голос.

— Разбудишь ее?

— Нет. Пусть... спит.

Къятта скользнул в дверной проем, прочь из покоев матери, еще один человек — следом. На ходу спросил нерешительно:

— Может, попробовать разбудить? А если слишком много выпила она айка и сонной травы?

— Значит, одним человеком в роде Тайау будет меньше. Не самым ценным.

Голоса разносились свободно, отражаясь от стен — говорящим нечего было скрывать. Натиу их видела.

В ее сне оба были сильно моложе. Ньенна, подросток тремя веснами младше, смуглый почти до черноты, угловатый и острый, устроился на полу. Троюродный брат Къятты, Ньенна пытался быть его точной копией, но смахивал больше на тень, повторяющую очертания искаженно.

— Тебе не жаль мать?

— Многие даже из лучших умирают, не в состоянии одолеть свой огонь. Подумаешь... Хуже другое. Каждого из Сильнейших сила ловит в капкан.

— Новость сказал! — кончик носа Ньенны дрогнул; так всегда бывало, когда подростку делалось смешно. — Все знают, что наша сила несет в себе нашу смерть.

— Разве я говорил о смерти? Умереть... не страшно. Страшно стать пленником собственной Силы. Моя мать сны предпочитает действительности. Сестра живет в своем мирке, и вряд ли это изменится. Да и в других домах...

— А ты?

— Я не позволю Силе взять верх надо мной. Человек не она, а я.

— А как же твой дед?

— И у него есть... — Къятта осекся. — Есть, уж поверь.

— А младший твой? — чуть пренебрежительно спросил Ньенна, так, как и говорят подростки, желающие показать свою зрелость.

— И он... — глаза Къятты блеснули нехорошо. — Но я его удержу. Такие рождаются раз в сотни весен... И всем законам мира они не подвластны!

Он ошибается, подумала Натиу. Я должна сказать...

Но поняла, что слушать ее не станут. Никто не слушает. Есть ли смысл просыпаться?

**

Все-таки еще пару дней воли они получили: в город пришли караваны с побережья, и Къятта с дедом разбирались с товаром и жалобами торговцев — на них по дороге напали. По счастью, напавшие ничего не похитили, только разбросали часть тюков по дороге, и никого не убили.

— Икиари тренируют молодняк, — поделился Кайе, рассказывая Огоньку новости. — С Арайа или Кауки так легко не отделались бы. Но охрану хорошо отвлекли, молодцы!

Город подростки больше не покидали, видно, слово главы Рода все-таки что-то значило для младшего внука; но, хоть Огоньку было по-прежнему тяжело и страшно на улочках, все-таки любопытство взяло верх, и они снова выехали из дома. Были в богатых кварталах. Кайе показал ему Дома Земли и Солнца, полноводные и чистые городские каналы, ухоженные сады и рощицы, а потом привел на улицу оружейников. Луки и копья полукровку не заинтересовали, а вот красивой резьбой и наборными рукоятями ножей он восхитился, так что Кайе отвел его и к мастерам-камнерезам, и чеканщикам заодно.

— К красильщикам не пойдем, — заявил он. — Там задохнешься возле их чанов.

Огоньку нравилось бы смотреть за работой кого угодно, и сам бы еще помог, но мешал чужой страх. Стоило им появиться, люди съеживались, будто хотели исчезнуть.

На рынке их меньше боялись, поди разбери в толпе, кто к кому подошел, но, если Кайе чувствовал здесь себя как рыба в воде, Огонек из-за людского водоворота готов был спрятаться под прилавок или попросту под разложенную на земле циновку с товаром.

И все-таки одна вещица привлекла его: бронзовая пряжка со странным чудищем, из головы которого клубились хвосты или змеи.

— Головоног, — сказал продавец, низенький, шустрый; заметив полукровку, он скривился поначалу, но быстро сообразил, с кем тот, хотя Кайе в это время рассматривал что-то неподалеку.

— Это настоящая тварь, или из сказок? — Огонек протянул — и остановил палец, не рискуя коснуться диковинного создания.

— Настоящая, такие живут в море, далеко отсюда. Хочешь, бери.

— Мне нечем...

— Бери, бери, — торговец впихнул было пряжку в руки Огонька, но охнул, пригнувшись, и простерся на земле, прижимая ладонь к скуле. Над ним возвышался один из стражников дома Тайау, Огонек его видел раньше.

— Что это значит? — спросил тот, глядя на полукровку сузившимися глазами. — Чем это вы тут обмениваетесь? И что за беседы?

— Я нечаянно, — от растерянности Огонек втянул голову в плечи, пробормотал слова, которые часто произносил на прииске — впрочем, от наказания они не спасали.

— Где ты застрял! — Кайе ухватил его за локоть и увел прочь, не обратив внимания на стражника. Что стало с торговцем, Огонек не узнал, и о пряжке его больше не спрашивали. Но из дома в следующий раз просто не выпустили, чему он скорее обрадовался. Лучше дом,

чем город, если уж в лес запретили.

Следующие несколько дней точно не были скучными. Кайе сходил с ума от безделья, но не хотел оставить найденьша одного, во всяком случае днем. Что уж ему рассказали о той встрече на рынке, шпионом сочли торговца или еще кем, Огонек не знал, только на юношу это подействовало. Но одно пока оставалось прежним — непонятная благосклонность; а в стенах дома Кайе развлекался, как мог.

Он учил Огонька обращаться с грис, и не только обращаться — выделывать с несчастными скакунами и на них всяческие финты. Например, свеситься на бегу и что-нибудь поднять с земли, а то и крутануться под брюхом и вновь оказаться в седле. Весил он больше Огонька, но все же не запредельно для бедных животных. И все равно, как грис от него еще не шарахались, непонятно. От Огонька отстал, только когда тот честно едва не разбил себе голову в попытке повторить хоть самую малость — на ветке может и вышло бы что, но грис была живая и имела свое мнение, как и куда ей бежать.

Учил его ходить на руках — и тоже потерпел неудачу: Огонек был цепким и ловким, мог забраться даже на совсем гладкий столб, но тут падал все время, не мог и простоять пару мгновений.

Кайе не задавался, но веселился вовсю.

Дома он и безрукавку-то не надевал, тем более что погода с каждым днем становилась все жарче. Огонек откровенно любовался им — как блестит солнце на гладкой коже, подсвечивая мышцы, как ладно скроено и движется это тело, которое, казалось, только радость испытывает от любого движения, любого усилия, каким бы то ни было.

Немного завидовал — сам он толком не знал, как сложен, но точно видел, что слишком тощий. И сделан будто из пыльной глины. И ловкий только в лесу, а в доме торчит ни к месту, куда ни поставь, ни посади. Пугало, одним словом. Еще и рыжий.

Но Кайе было без разницы, какого цвета найденьш. Даже наоборот, необычное развлекало больше.

Таскал полукровку по дому и саду, показывая диковинки. Бабочек ловил и сажал ему на волосы, хохоча — и каких-то красивых, отливающих металлом жуков. Говорил — здорово смотрятся на рыжей гриве Огонька. Но вскоре отброшенный жук улетал в ближайшие кусты.

Порой Огоньку казалось — с ним играли так, как юные хищники играют с сухим листком или большой безобидной ящерицей, без злобы и не задумываясь, как ощущает себя игрушка.

Но знал уже — стоит кому-то бросить на полукровку косой взгляд, Кайе вмиг ошестинится.

Слуг не встречал поблизости — похоже, те старались не попадаться на глаза младшему из Рода Тайау. И казалось, что пища, одежда появляются по волшебству, порядок наводится сам собой. Сам он даже не думал, откуда берется еда или чистая одежда — еще когда возвращались из леса, все перемазанные невесть чем.

Огоньку было странно — не мог и представить, каково это, когда тебе просто нечего делать, и не в заточении, а на свободе. Когда у тебя нет никаких забот, никаких обязанностей — или ты можешь в любую минуту отмахнуться от них. На прииске полукровка об отдыхе только мечтал. В лесу было куда легче, но и там нужно было самое главное — выжить. Найти воду, еду, укрытие, позаботиться, чтобы тебя никто не сожрал и не укусил.

А Кайе...

Знал он по меркам Огонька много, соображал быстро. Реагировал еще быстрее. Играть с ним в мяч, бросать маленькие дротики в кольца, сбивать стоящие вдали чурбачки — можно было не браться, все равно не угонишься.

Его ладони никак нельзя было назвать мягкими и нежными, но не от работы — за всю свою жизнь он, верно, не поднял ни одной нагруженной корзины. Зато легко мог поднять Огонька, будто весу в том было с кролика.

А ведь они одного роста. Огонек тощий, как щепка, но все-таки...

И Кайе поражал Огонька своей беспечностью. Как-то по вечерней уже сырости нашел полукровку в саду: нес довольно большой ящик, улыбаясь со все зубы. Поравнявшись с Огоньком, бросил ящик на траву — судя по стуку, ноша была увесистой.

— Умеешь читать? — спросил без предисловий, и рванул веревку, стягивающую крышку.

Огонек подался вперед невольно: какие-то свертки... Кайе дернул за край тряпки, закрывавшей дно — на траву посыпались свитки из коры, на вид совсем ветхие.

— Это древнее письмо. Нашли в хранилище на развалинах, прислали деду в подарок.

— Ты нес ему?

— Ага. Падай рядом! Посмотрим.

Сам упал на траву, стукнул ладонью по земле рядом с собой — садись!

— Сырость им не повредит? — Огоньку было не по себе.

— Подумаешь! — рассмеялся Кайе. — В моих руках пятна от травы и росы — самое меньшее, что им грозит. Что же теперь, не касаться? Так что, можешь это прочесть?

Огонек опустил на колени, осторожно развернул ближайший свиток. Кора тонкая, верно, обработанная чем-то — не разобрать теперь, каким было дерево. Знаки оказались сильно затертыми, рыжими на серо-желтом, и понять ничего не смог.

— Так писали, когда еще Асталы не было, — снисходительно пояснил Кайе. — Если бы ты знал...

Сказал и сам задумался. Предлагал посмотреть без задней мысли — только вдруг бы полукровка и впрямь умел читать письма невесть каких времен? И кто он тогда?

— Отнеси лучше деду, — сказал Огонек, возвращая свиток. Было жаль расставаться, из ящика просто смотрела незапамятная древность. Пусть только прикасаться, и то замирает сердце. Но если их обоих увидят вот так, среди влажной травы, среди вороха редкостей, Кайе ладно, а Огоньку влетит точно.

Но случай этот навел на мысли, и вскоре мальчишка попросил показать ему записи нынешние. В знаки всмотрелся, и холодок побежал по спине: кажется, его учили читать... Строки разбирал с некоторым усилием, но все же довольно уверенно. Разузнать про письма эсса он не решился.

И только уверился в мысли, болезненно отдающейся в груди, всё тело, даже в зубах и желудке — он нежеланный ребенок кого-то из непростых. И, вероятно, жил с кем-то из родни в первые годы... а потом от него так или иначе избавились.

Спал Огонек по-прежнему в той маленькой комнате, но теперь на кровати: деревянный каркас, перетянутый веревками крест накрест, а сверху тканая циновка, куда новее и мягче

первой. Почти как в гамаке из лиан, только оттуда точно не вывалишься, а из этой кровати...

Но привык. Только вот страшные сны посещали все чаще. Порой отпускали, а потом снова накатывали, как волна на берег. И кончались всегда одинаково — Огонек падал на землю, споткнувшись, и миг оставался, пока не набросились какие-то твари или не окружил огонь.

Я жил в лесу, один, напоминал он себе. И ничего, спал спокойно. А тут — стены в ладонь толщиной! Сперва помогало, потом стало только хуже. Тогда он стал говорить себе, что здесь, совсем рядом, есть человек, которого ничем не напугаешь. Который прогонит такую тварь из снов, если она сунется в дом.

Просыпался обычно с рассветом, сам, хотя порой его будил веселый голос — а то бывало, что Кайе попросту сдергивал Огонька с покрывала или щекотал ему нос стебельком. Раньше и ночью заглядывал, поговорить или показать что-нибудь. После того, как полукровке запретили вылазки, ночью не приходил никогда, но Огонек то и дело замечал на нем поутру новые царапины или пятна травяного сока, или сухую листву в волосах: кажется, по ночам он наверстывал то, чего не мог днем.

Впервые в "памятной" жизни Огонек чувствовал о себе заботу. Это пугало — и, пожалуй, было приятно.

Кайе нравилось возиться с волосами Огонька — перебирать, причесывать, заплетать какие-то дикие косички.

— Почему говорят, некрасиво? — рассуждал Кайе, теребя темно — рыжие пряди. — Еще бы поярче, были бы как огонь настоящий.

— У тебя и так в руках огонь, — возразил мальчик, невольно поеживаясь — он вспомнил лес и выжженный круг.

Сперва думал, рыжие все полукровки. Но знал теперь — нет, чем большей Силой обладали оба родителя, тем заметней признак. Если встретятся простые мужчина и женщина из Асталы и Тейит, их детей отличит лишь едва заметный рыжеватый отлив в волосах, да и то вряд ли... Таких не заметит никто, и презирать не будет. Обычные люди, что с них взять — но они не ущербные. Среди их потомков может родиться кто-нибудь со способностями. А не родится — невелика беда. А он вот... сразу видно, дурная кровь. Не самый яркий цвет, бывает, наверное, хуже, но и того хватает с избытком.

Значит, хотя бы один из родителей Огонька что-то из себя представлял... Какому-нибудь скромному земледельцу еще простят смешанную кровь, а иначе — позор.

Значит... Порой говорил себе — но ведь они могли и любить друг друга, мои мать и отец. И не выкинуть меня, а, скажем, потерять. Потом сам себя обрывал — смысл придумывать?

Иногда подросток видел Киаль, и каждый раз мечтал о новой встрече. Девушка всегда смеялась и просила мальчика петь. Пару раз видел, как она сама танцевала при свете дня — и звенели ее браслеты, и переливались солнечными искрами пряди волос.

Кайе тоже оказался превосходным слушателем — он даже спокойным и тихим становился, когда Огонек затягивал очередную песню, какая всплывала в памяти, северную ли, южную или вообще невесть чью — серебристым своим, легким голосом. А если песни звучали долго, то вовсе ложился на траву или на пол, и выглядел таким безобидным, и не старше самого полукровки.

Но и в лучшие дни и часы Огонек не мог избавиться от чувства, что янтарный взгляд следит за каждым его движением, пристально и спокойно: так смотрит хищник, подстерегающий добычу. Хотя самого Къятту больше ни разу не видел.

Перед глазами сплетались ветви кустарника, надежно закрывая сидящих за ним, а рядом была площадка шириной в шесть-семь шагов, выложенная привычными уже мелкими гладкими камешками.

Огонек недоумевал, зачем его сюда привели в такой тайне. Это же дом Кайе, тут он хозяин, а сам прячется по кустам. Но вскоре на поляне появились несколько девушек в простых кофточках-безрукавках до талии, широких юбках до середины икры. Они уселись полукругом и заиграли — кто на маленьком барабане, кто на длинной флейте, еще одна потряхивала трещотками, заразительно улыбаясь — и в густых сумерках был виден блеск ее зубов.

А потом появилась Киаль, выбежала на середину полянки и начала танцевать, изгибаясь, покачиваясь тростинкой, переступая на месте маленькими ступнями. Зазвенели колокольчики на ее браслетах и юбке, голосами сплетаясь с инструментами юных музыкантш. Киаль кружилась на месте, раскинув руки; вдруг фигуру ее окутало голубое пламя, и тут же стало красным.

Огонек вскрикнул, судорожно вцепившись в землю. Набросить, сбить огонь... Не успел. Пламя гасло, опадая лепестками. А он стукнулся затылком о землю, осознав, что ладонь Кайе зажимает ему рот. Вместо того, чтобы бежать на помощь сестре, он опрокинул полукровку в кусты? Киаль стояла и хмурилась, озираясь по сторонам:

— Что это было? Такой звук?

— Да птица какая-то вскрикнула, ала, — засмеялась девушка с трещоткой.

Дальнейшего Огонек услышать не успел, Кайе чуть не за шиворот утащил его от площадки для танцев.

— Недоумок! Чуть всё не испортил! — ругался он, устроившись на земле у террасы, довольно далеко от сестры и ее девушек.

— Но... Киаль, платье вспыхнуло...

— Ей ничего не грозило!

— Но я не знал!

— Ты вообще нормальный? По-твоему, я бы просто сидел и смотрел?! Я что, по-твоему, ненавижу свою сестру? — Кайе все еще шипел на него, а не орал, как ему, похоже, хотелось, но голос то и дело повышался невольно. Сам того и гляди заполыхает. Огоньку стало тяжело дышать, сердце сдавило, но отодвигаться было некуда — за спиной камень террасы.

— Я... я же боюсь огня... — выдохнул наконец. — Не ожидал...

— Это не тот огонь, — сказал Кайе с досадой. — Какой же ты... дикий.

Отодвинулся, нахохлился, смотрел в сторону.

— Давай вернемся? — попросил полукровка. — Они снова играют...

— Опять будешь вопить, как резаный?!

— Нет...

Они вернулись к площадке, стараясь не хрустнуть некстати подвернувшимся сучком.

Девушка танцевала; вокруг нее вновь загорелось пламя, затем начали виться огненные птицы, и неясно было, есть ли жар в этом пламени. С их длинных хвостов сыпались искры, и тонкие золотые браслеты звенели, сверкая, и колокольчики пели. Век бы смотрел, замороженный. Даже когда Киаль ушла, и ушли девушки, унеся инструменты, над полянкой словно еще видело зыбкое золотистое марево, и стебли вокруг посмеивались, до того хорошо им было.

Только когда все стихло и потемнело, Огонек сумел вдохнуть и выдохнуть полной грудью.

— А говорил, боишься огня, — насмешливо сказал Кайе. — Красота тоже может быть опасной, знаешь ли.

Такая, как Киаль, и сама по себе опасна, подумал мальчишка. Вот так подойдет, улыбнется... а ты можешь только хлопать глазами и рот раскрывать.

**

Этой ночью Огоньку снова приснился кошмар, который он не запомнил — просто подскочил с пересохшим горлом и колотящимся сердцем. Темно было, новолуние, и над окном нависали ветви — еле-еле что разглядишь. Еще недавно уютная комната показалась пещерой, в которой замуровали. Пусть снаружи перекликались птицы, их голоса не спасали.

Огонек встал, прижимая руку к груди. Сердце грозило выскочить прямо сквозь пальцы. Тогда решился, отодвинул тяжелый кожаный полог на дверном проеме, выглянул в коридор. Лучше бы не выглядывал — темной расщелиной он казался, местами подсвеченной лампами. От мысли, что предстоит пройти по этому коридору становилось дурно. Но возвращаться еще страшнее — в каменную могилу.

Огонек прислонился спиной к стене, попробовал успокоиться. Раньше не снилось подобного, а теперь постоянно... что, если это возвращается память?

Да в Бездну ее, такую!

Собравшись с духом, он быстро пошел вперед, стараясь по сторонам не смотреть; кое-где проходы были прикрыты пологам, а где-то зияли пастями.

Где комнаты Кайе, он давно уже выучил. Если кто встретит в пути, так и скажет, куда шел. Скорее всего, отведут куда надо, в худшем случае погонят обратно.

А сам он... скорее всего посмеется, вряд ли рассердится. Он любит, когда Огонек у него ищет помощи, а не просто сидит и дрожит.

Может, и не добрался бы, повернул назад, но вскоре до слуха начали доноситься голоса. Кто-то где-то смеялся, в сторонке явно устроилась влюбленная пара, кто-то вдали прошел с лампой. Дом задышал, перестал быть безмолвной каменной глыбой. И в коридоре посветлело немного, явственней проступили мозаичные узоры на стенах. Они тоже словно ожили, шевелились, глаза животных следили за Огоньком.

Вот уже скоро поворот, а за ним мозаика, которую любил.

Здоровался с ней мысленно

Таких зверей он не знал — широкие челюсти, низкий лоб, клыки, но при этом тварь казалась, не грозной, а смешной и растерянной. Как рассказали Огоньку, это был татхе, водившийся по ту сторону восточных гор. Вернее, то, как его представил художник.

Тут и света не нужно было — и так знал, где морда. Огонек мазнул по мозаичному носу пальцем, затем ускорил шаг, чуть ли не побежал.

И снова остановился — а если Кайе и вовсе нет дома?

Но он там был. Голос звучал из-за полога, негромкий и недовольный.

Огонек осторожно приблизился и заглянул в щель. Можно подать сигнал, что он здесь, или не стоит? Раз уж так далеко зашел...

Кайе Тайау стоял напротив невысокого темнокожего человека с глубоко посаженными глазами, сцепившего пальцы и склонившего голову. Стоял в темноте, а на стене возле человека висела неяркая лампа, и казалось, тот сам светится. Один из домашних синта, узнал Огонек. Человек говорил глухо и напряженно:

— Он сделал, что мог, али, но толку не было все равно. Но ты понимаешь, у него только чудом могло получиться — в ничейных кварталах я и этого-то с трудом отыскал. Хотя отзывались о его мастерстве хорошо...

— Жаль... — Кайе прошел вглубь комнаты, теперь Огонек его и вовсе не видел. — Она умерла?

— Да, — помедлив, спросил: — Думаешь, это все же не было... покушением?

— Не смейся. Может, кто-то просто хотел позабавиться. Мелочевка из Кауки, например.

— Как ты будешь все это объяснять?

— А я и не буду. Скажу — заболела. А до этого неудачника все равно никому нет дела.

— Вот, он просил передать семье.

В его руке что-то блеснуло — Огонек разглядел гематитовую подвеску.

— Иди уже. Стой. Если мой брат начнет спрашивать...

— То я ему всё расскажу, — честно ответил человек. — И Ахатте тоже. Я постарался сделать все аккуратно, и ценю твое доверие, но...

Кайе не отвечал; Огонек не видел, но прекрасно представлял, какое у него сейчас лицо — брови сдвинуты, губа прикушена, и смотрит в никуда. А вот спину человека напротив он видел, и то, как она закаменела.

— Ладно, иди, — сказал Кайе наконец. — погоди. Если они...

Огонек, не дождавшись конца фразы, отступил на шаг, другой и кинулся бежать, стараясь ступать как можно тише.

Ночью так и не заснул, не находя себе места уже не от кошмаров, но от мыслей, что это за "она", чья смерть так расстроила Кайе, и о чем шла речь. Понял одно — история эта даже в таком непонятном виде ему совсем не понравилась.

Утром, оказавшись на том же месте, невольно огляделся — стена, занавес, пустой коридор. Только возле стены что-то блеснуло, почудилось — кусочек от той гематитовой подвески. Хотел подойти посмотреть, но Кайе звал, и не было времени.

Ахатта уехал в Дом Земли на совет квартальных старейшин, и юноша не выдержал добровольного дневного заточения в стенах дома. Обещал отвести Огонька в город, показать нечто новое.

А выглядел Кайе совершенно обычно, и мальчишка не решился спросить.

Девушка прошла мимо них, едва не коснувшись — веселая, в красном и белом, судя по богато расшитому поясу и украшениям, не из простых. Повевало жасмином, хотя не было на улице этих цветов. Шла одна, словно пританцовывая, и словно еще не совсем проснулась. Точно не из простых, в это время женщины не гуляют, а занимаются домом.

Огонек едва шею не выкрутил, разглядывая ее.

— Она, наверное, вроде Киаль, — сказал уважительно и восхищенно. — Смотри, какая!

Кайе развеселился:

— Хочешь, я приведу ее тебе? Или другую. Или выберу из тех, кого никто не касался?

— Ты что?! Как это можно? — опешил подросток.

Спутник его согнулся от смеха.

— Еще как можно. Да же если не я... ты что, всерьез думаешь, она какая-нибудь... да она явно идет с хорошей наградой! Где-то веселилась всю ночь и не протрезвела еще. У вас там женщин что ли на прииске не было?

— Были две, но совсем не такие. Одна жена старшины, меня терпеть не могла, —

Огонек пытался еще раз посмотреть на нарядную девушку, но та уже скрылась за углом.

— Ну так что?

— Не думай даже! — и ускорил шаг на всякий случай, почти побежал.

— Ты чего испугался, глупый? — Кайе поравнялся с ним.

— Того, что ты меня и слушать не будешь, — сказал Огонек. — Я правда... давай лучше в лес, как позволят.

— Скажи еще, на мою сестру не засматривался, — насмешливо сказал Кайе, и Огонек ощутил, что уши запыльхали. Хотел было сказать что-то в свое оправдание — она же красивая, и танцует лучше всех, но спутник уже забыл про девушку:

— Глянь-ка туда.

Эти шли тоже вдвоем — не старше него и Кайе, невысокие, крепкие, блестящие золотом на плече, шли так, как ходят хозяева. Примерно так двигался Къятта, а Кайе нет — он носился и вспыхивал, какими бы текучими ни оставались движения. Он забавлялся, а не показывал свою силу и власть. Огонек невольно потянулся, прикоснулся к его руке.

Нет, те двое впереди совсем ему не понравились.

Они уже развернулись так, что видно было широковатые плоские лица, и золотые серьги качались, словно солнечные блики на каменных или глиняных статуях.

— Это Род Кауки, — пояснил Кайе. — Видишь знак — цветок гибискуса? Гордятся, что верны заветам предков, а сами просто придурки, по-моему. И невесть кого принимают в Род. Правда, тебя все равно бы не взяли, им Сила нужна.

Кауки заметили подростков, остановились — неблизко, словно разделенные каналом или оврагом.

— О, смотри, обезьяна рыжая.

— Жаль без ошейника, еще полезет куда. Ведь наверняка явилась на Круг посмотреть.

Кайе они словно не замечали, только полукровку.

— Таскают в город невесть кого, — процедил сквозь зубы, тот, что сказал про ошейник.

— А потом у вас шнурки для штанов пропадают, — неожиданно для себя сказал Огонек.

— Ах ты...

Кайе положил Огоньку руку на плечи; улыбка его даже так ощущалась, словно под кожей разлитая. Злая такая улыбка.

Тот, что казался постарше, потянул за собой товарища:

— Не связывайся ты с этим...

Они ушли.

— А ты нахал, — с удовольствием отметил Кайе, присаживаясь на корточки и смотря на Огонька снизу, словно желая его всего уместить в один взгляд.

— Они так на тебя смотрели... — пробормотал Огонек. — Говорили про меня, но...

— Ты за меня что ли заступился?

Дальше они двинулись, когда спутник наконец перестал смеяться.

— С тобой не соскучишься... Я правильно тогда тебя взял.

Подростки сидели на самом верху большой, но неглубокой каменной чаши. Всего три ряда сидений: приподняты над землей, посредине — круг, засыпанный мелким золотистым песком. Удобно устроено — ежели в круг выпустить зверя и он захочет наброситься на зрителей, не допрыгнет. Да и стража помешает...

Огоньку предстояло увидеть поединок Сильнейших. Не частое зрелище, но и не редкое, если не драка всерьез. Сегодня было не всерьез. От Рода Тиахиу ушел мастер-чеканщик с семейством. Считал, ценят его невысоко... Арайа не отказали в просьбе принять под свою руку, но, как полагали все, это было лишь способом свести счета за досадные мелочи в недавнем прошлом.

Что ж, обычное дело среди птиц и зверей — у кого танец, у кого громкий голос, у кого рога и клыки. Почему бы и людям не устраивать поединки?

— А можно ли выйти за другой Род?

— Зачем?

— Например, помочь... если ты сильнее.

— Запрещено. Слабый проигрывает.

— Но они не убьют друг друга?

— Нет... не должны, разве несчастный случай... — в голосе прозвучало сожаление. — Хотя свести счета в круге удобно...

Одеты оба — в светло-красное, только штаны, босые. Человек из Рода Тиахиу был очень высок, с орлиным лицом; противник показался чуть не мальчишкой — тонкий, с более смуглой кожей, с волосами, убранными в косу сложного плетения. У Тиахиу простая коса была, но кожу покрывали узоры, удивившие полукровку. Заметив удивление спутника, Кайе пояснил:

— Этот Род любит себя разрисовывать. Их даже прозвали «Крашенные».

— А кто это? — шепнул Огонек, указывая на младшего. Грациозный, и, похоже, красивый — с такого расстояния разобрать было сложно. И кажется уязвимым... Огонек искренне пожелал ему победы.

— Ийа... сволочь, — Кайе выругался почти беззвучно и очень грубо.

Огонек поерзал на сидении.

— А чем он тебе так насолил?

— Тем, что живет! — отрезал юноша, и, скосив глаза на Огонька, фыркнул:

— Он ровесник Къятты, это отсюда птенчиком кажется.

— И он что-то может против твоего брата? — усомнился Огонек. И снова прилип глазами к арене:

— Что они будут делать?

— Первый круг использовать что-то кроме собственного тела запрещено. Второй — оружие, и если только до третьего дойдет... Но сейчас не дойдет, повод мелкий.

— Понятно, — вздохнул Огонек, впиваясь взглядом в противников — они начали расходиться на некоторое расстояние. Человек из Тиахиу... крупнее, и кажется таким уверенным...

Кайе угадал мысли подростка. Помотал головой:

— Он хорош, плохого бойца не выставили бы. Но змея быстрее, чем волк. Къятта лучший боец Асталы, но с Ийа и брату трудно справиться.

— А ты? Просто, без огня вашего?

— С Ийа мы не сходились, — мрачно ответил юноша. И, немного спустя, совсем угрюмо:

— Къятта пока лучше меня. Не знаю...

Отсюда, сверху, круг казался не таким уж большим; но Огонек представил себя там, в центре, под взглядами сотен глаз... и захотелось немедленно спрятаться, хоть сейчас никто на него не смотрел. Разве когда пришли, смерили оценивающими взглядами — полукровка, держится вблизи Кайе, словно смолой прилепленный (Огонек пожалел, что нет платка — закрыться), но к нему уже потеряли интерес. У каждого Рода свои развлечения, на чужое без причины не зарятся. А к звереньшу из Рода Тайау точно никто просто так не полезет.

Боевой задор Огонек растерял еще перед входом, и сейчас, впервые выведенный в столь людное место, ерзал на краешке сидения, невольно стараясь держаться поближе к старшему — и не сводил глаз с искрящегося золотого песка и фигур на нем.

Ийа не подпускал к себе «волка», как обозначил его противника Огонек. У «волка» были более длинные «лапы», достать его казалось сложновато — не подойти. Но он был обозлен, и нападал сам. Ийа только уклонялся, порой уходил легким перекатом по песку, в самом деле напоминая змею.

— Он что, ждет, пока этот выдохнется? — спросил Огонек.

— Долго ждать будет... Тиахиу все трехжильные.

Ийа прогнулся, вновь перекатом ушел от удара, за спину противника; прыгнул — тот успел обернуться, но не успел отбить атаку. Тонкая рука ухватила «волка» за горло. Тот не хотел сдаться, ударил в ответ, благо противник оказался совсем близко — коленом снизу и пальцами в глаза, но не успел — с хрипом повалился на спину. Огонек с трудом сглотнул, — ему казалось, он слышит, как хрустнул горловой хрящ.

— Чисто, — обронил Кайе. — Но не пойму — Арайа играл или и впрямь ошибся, позволив Тиахиу ударить? Мог и сам получить неслабо... Жаль, второго круга ты не увидишь.

— Он умер? — неровным голосом спросил Огонек.

— Еще чего... На кой лад Ийа будет убивать сейчас? Арайа и Тиахиу не враги. Ну, сцепились из-за семьи, поразвлекались, подумаешь!

— А вы... враги? Ваш род и их, или твой брат и он?

— Знаешь... — Кайе опустил подбородок на сцепленные пальцы, нахмурился. — Нам приходится их терпеть. Иначе бы всё по-другому было. Я тебе потом расскажу, дома. Мне тогда было семь...

**

Восемь весен назад

— Ийа!!! — прозвенел голосок, — и колонна, возле которой стояли юноши, треснула и начала падать.

— Крыло рушится! — закричал кто-то. Къятта подхватил брата и отбежал в сторону. Их не задело — только облако пыли взметнулось, оседая на парадной одежде.

— Ты... что??

Ребенка трясло, он силился глотнуть воздух открытым ртом и не мог. Старший прижал его к себе.

— Шшш... Тише, тише! Не стоит оно! Подумаешь, Ийа — ничтожество. Зачем же ты это сделал?

Кайе умоляюще взглянул на брата.

— Я... не хотел.

Из глаз брызнули крупные слезы.

— Меня больше не пустят в Дом Звезд!

— Пустят... как только восстановят его левое крыло. — Уголок рта Къятты дернулся в усмешке. — Ничего страшного. Ты научишься.

Къятта держал его на руках, чуть покачивая. Странно было видеть на этом всегда резком, надменном лице что-то очень напоминавшее нежность. Мальчик обхватил его руками за шею.

— Я могу убить его, если захочешь!

— Рановато. Зачем нам это сейчас?

Он кинул взгляд на младшего брата. Тот уже успокоился, прошла дрожь, дыхание было ровным — юноша чувствовал это даже на расстоянии, а уж сейчас — тем более.

— А ты вырасти, прежде чем расправляться с врагами тут.

— Они все будут делать, что я скажу!

— Когда... — он не договорил. Стройная женская фигура в белом появилась рядом, ребенок просиял, потянулся к ней.

— Как он?

— В порядке. Шиталь... мы уходим, — Къятта поднялся, развернулся, чтобы младший смотрел в другую сторону и быстро пошел в сторону дома. Сделал вид, что не слышит, как женщина что-то говорит вслед.

— Я люблю Шиталь, — невнятно прозвучало ему в ухо. — Она...

Ребенок уткнулся в его плечо и затих. Къятта ощущал беспокойство — не то чтобы мальчишка выглядел нездоровым, но мало ли. Таких выходов за ним еще не водилось. Не каждый камень способен противостоять огню...

Приблизились к дому. Братишка дышал ровно и, похоже, заснул. Стоило Къятте сделать шаг на первую ступень лестницы, открыл один глаз и пробормотал нечто несвязное.

— Спи, чудище, — усмехнулся Къятта. Чудище качнуло головой и окончательно провалилось в сон. И, судя по довольному лицу, во сне видело нечто чрезвычайно приятное.

Юноша отдал брата подбежавшим служанкам, яростным взглядом давая понять — посмейте только разбудить!

Сам же направился к матери.

Натиу сидела, окруженная кувшинчиками и сухими травами. Смуглые руки мелькали — щепотку сюда, каплю отвара туда... На щеках и плечах Натиу был узор из темно-зеленых и золотых стеблей — словно на праздник собралась. Девушки постарались, рисуя.

— Что случилось? — вскочила она, едва завидев сына. Тревога ворвалась в комнату вместе с Къяттой, плотное душное марево, пронизанное ледяными иглами. Слабая уже — отголосок большего.

Къятта отмахнулся:

— Да, ты же уканэ... все время забываю. Чувствуешь.

— Что с моим сыном?

Къятта уселся в плетеное кресло, из-под ресниц поглядывая на съезжившихся девушек-прислужниц.

— Интересно. А я тебе кто?

Натиу сделала шаг — выйти из комнаты, но Къятта остановил ее жестом:

— Не ходи. С ним все хорошо. Спит он.

Солнечные лучи скользнули по фигуре юноши — притворно-ленивая поза, сила, спрятанная под бронзовой кожей. Женщине показалось — зверь уселся возле дверного проема, полный намерения не выпускать ее.

— Зачем ты пришел? Приятно, когда я боюсь за него?

— Дед должен увидеть его первым. А ты... я пришел, чтобы ты не волновалась, — белые зубы сверкнули. — И чтобы не натворила лишнего. Твои способности малы, но так неудобны порой...

— Выйдите вон! — приказала Натиу девушкам, опомнившись. Убедившись, что не подслушивают, продолжила гневно:

— Как ты говоришь со мной?! Словно с последней из прислужниц! Да еще в присутствии ниже стоящих!

— Тут кто-то еще был? — насмешливо спросил юноша. — Я не заметил. А ты, видно, так до конца и не сумела войти в наш Род, мать моя. Ты не любишь правды.

— Правда — то, что ты оскорбляешь меня в присутствии низших!

— Полно, когда человек идет по глине, он не думает о том, что она пристанет к ногам — смысл, и все. А хочешь, дед выслушает тебя, твою жалобу, — он уже не усмехался — смеялся открыто.

— Вся беда в том, мать моя, что ты боишься нас. Меня и деда. И Кайе тоже, хоть он и малыш. Боялась моего отца, хоть и могла им вертеть — он любил тебя. Мне было девять весен, я помню. А после его смерти... неважно. Ты до сих пор думаешь, как девчонка из бедных кварталов, которая вознеслась высоко — но чувствует страх в присутствии подлинных хозяев Асталы.

Он резко поднялся.

— После того, как дед посмотрит его, зайди к мальчишке.

Посмотрел на женщину с неожиданным сожалением:

— Если бы ты не боялась его... он любил бы тебя. Мог бы и сейчас еще... но ты себя не изменишь. За все эти годы ты даже не спросила, каково мне с ним. Твои сны тебе дороже всего и всех!

Натиу сделала протестующий жест, но Къятта не обратил на него внимания:

— Ты дала жизнь мне и ему. Этого достаточно, чтобы мы существовали, не мешая друг другу. У тебя еще есть Киаль. А он — мой.

— Он не ручной зверек, — Натиу провела рукой по лбу и щеке, позабыв про узоры: — Ахатта не позволит тебе...

Ответом ей стала качнувшаяся занавеска. Къятты в комнате уже не было.

Первым побуждением женщины было броситься проведать младшего сына, только ноги словно каменными сделались. С гневом и стыдом подумала Натиу, что Къятта прав — она боится своего старшего сына. А младшего? Нет, конечно же, нет.

Но все-таки хорошо, что есть, кому о нем позаботиться...

В это время Ахатта коснулся спящего ребенка, пытаясь почувствовать все его существо — не силой, как могли бы уканэ, а голосом родной крови.

— Спит, — чуть удивленно проговорил дед, и Къятта отметил это удивление. — И приятное видит во сне. А должен был умереть.

— Ты слишком давно не держал его подле себя, — сдерживаемый смех задрожал в голосе юноши. — Я знаю о нем куда больше. Поверь, таньи, он только сильнее стал сегодня. Он не умрет.

Мальчишка, лежащий на черно-белом полосатом покрывале, улыбнулся во сне, перевернулся на спину, раскинув руки. Пальцы его дернулись, словно ребенок пытался выпустить когти.

— Охотится, — фыркнул Къятта. Дед позволил старшему внуку ощутить свое недовольство.

— Не заставляй напоминать — это не ручная белка.

Къятта протянул руку к ребенку, взъерошил его короткие волосы. Тот досадливо отмахнулся, не просыпаясь.

Къятта в упор взглянул на деда.

— Значит, он — наше оружие? Если сам себя не убьет. С его помощью мы сможем прижать северян.

— Он еще ребенок, — слегка укоризненно откликнулся дед. — Ему нужна любовь...

Ночью налетела гроза. Черно-фиолетовое небо, прорезанное разветвленными вспышками, нависало низко — хотело обрушиться, и казалось, что от него откалываются куски и с грохотом падают.

Не один Сильнейший с восхищением ловил запахи, полные влаги, и звуки грозы.

Къятта на террасе дома вскинул руки, принимая отблески молний и редкие капли. Порывы дикого ветра ударяли полуобнаженное тело, трепали незаплетенные волосы.

Юноша смеялся, пытаясь выпить этот ветер и эту грозу, дающие силу.

Вокруг была единственная красота, которую он ценил и желал каждым биением сердца.

...Гроза только приближалась к Астале, а город и окрестности уже притихли, словно пытаясь вжаться в землю, затеряться в траве — стать незаметными. Люди — кроме Сильнейших — боялись громкого голоса стихий. И являлась во снах, жила еще память о том, как гибли древние города под дождем огня и вспышками молний.

Полулежа на плетеной кушетке, другой юноша бросал миниатюрные дротики в нарисованного на деревянном щитке татхе. Медведь или волк-итара — слишком обычно, а поохотиться на давно никем не виданного зверя казалось заманчивым. Мастер, рисовавший клыкастого хищника, и сам не был уверен, что изобразил татхе во всех подробностях.

Перевитые золотой тесьмой волосы юноши падали на спину, волнистые, сбрызнутые ароматным настоем. Беспечно вертел в пальцах очередной дротик перед тем, как отправить его точно в намеченное место. Ленивая нега в облике; но изящно вырезанные ноздри вздрагивали, чуя запах идущей грозы. Мягкий, почти мечтательный взгляд темно-ореховых глаз; точеный, с еле заметной горбинкой нос, красивый очерк тонкогубого рта.

Пресытившись забавой — настоящий татхе был бы уже убит много раз — юноша

поднялся, двигаясь легко и текуче, как танцовщица. Открыл небольшой футляр, вытряхнул на ладонь сверкнувшую безделушку — стрекозу длиной в указательный палец. Подарок — стрекоза как живая, лучше живой, а на волосах Иммы будет смотреться еще нарядней.

Он бросил быстрый взгляд в сторону, где, облокотившись о подоконник, сидела девушка. Так не было видно грубоватого лица, только пышную прическу, высоко взбитые, слегка вьющиеся пряди.

Имма погружена в себя, но даже ее можно заставить рассмеяться; и подарок способен заставить ее щеки вспыхнуть темным румянцем.

Пожалуй, Ийа любил Имму Инау, подругу детства и дальнюю родственницу. Любил за непредсказуемость, за рвение, с которым она предавалась попыткам познать себя и окружающее. Ценил ее образные, порой слегка путаные речи — слышная чудачкой, она тем не менее умела подмечать то, что другие бы упустили. Порой сам бродил с ней по бедным кварталам, помогая выискивать безвестных мастеров, видящих мир странно и тем не снискавших признания. Сам создавал для нее пауков и стрекоз из золотых нитей и тончайших листиков золота — твари живыми казались, вот-вот и взлетят, а то и укусят.

Любил, но не так, как тех, с кем желают разделить ложе. Имма была единственной, кому можно было доверять безраздельно. Она не умела выдавать тайны — слишком мало занимали ее чужие жизни. Смуглые пальцы находились в беспрестанном движении — словно на флейте играли, словно паук плел паутину. Искала частички неведомого, что могла — тянула к себе, что не могла — отмечала и шла за этим неведомым и в день, и в ночь, и в грозу, и в бешеный пыльный ветер.

Полюбовавшись стрекозой, вновь заключил ее в футляр из коры. Мастера-ювелиры Асталы были хороши, но Ийа из Рода Арайа не уступал им. Однако отдавать подарок пока рано, кое-что предстоит доделать.

Не было слышно шагов, но колыхнулась занавеска в дверном проеме. Мать заглянула в комнату, не церемонясь: знала, что Имма всего лишь подруга. Обратилась к сыну:

— Хатлахена зовет тебя. Отец уже там с утра.

— А ты?

— И меня, но я не хочу там быть. Поторопись. Ночью будет гроза!

— Она уже поет...

Едва уловимый рокот плыл над землей, пригибая траву.

Дома членов одного Рода — в одном квартале, хоть и не рядом; дом, куда предстояло явиться, находился в получасе ходьбы, за каналом. Ийа мог бы взять грис, но предпочитал передвигаться пешком, особенно перед грозой — как следует надышаться ее влажным мятным запахом. Заодно проводил Имму к границам кварталов Инау, задумчиво глянул на знак-обозначение: каменный столб с выбитым на нем пауком, золотым. Он был некрасив. Тяжелый, с мощными лапами, большими острыми жвалами — такой может сидеть в засаде, но на паутине не удержится и быструю добычу не поймает.

На веранде расположились, ожидая грозу, предвкушая ее буйство. Тучи тяжелым дыханием приминали траву, бугрились, ползли, сливались воедино, иногда в разрывах виден был розовый свет, но их быстро затягивало. Далекие вспышки молний предвещали — несладко придется Астале. Погибнут какие-нибудь одинокие пастухи — ладно, а если загорятся дома, это хуже, хотя Сильнейшие и их люди умеют не только зажигать, но и

тушить огонь. А пока можно было смотреть. Черными стали края неба, а сполохи, озаряя его, не касались лиц.

Хозяин дома Хатлахена, массивный, ширококостный — среди семейства он выделялся, будто раскидистый бук среди сосен. Маата, его брат, отец Ийа, был давно нездоров, но не остался дома. И сам Ийа — несмотря на юность, его уже звали на семейные советы. Оба его старших брата сейчас отсутствовали в Астале — впрочем, они всегда были согласны с отцом. Вот и все почти, кто собрался, точнее, кому из обширного Рода доверили сегодня быть здесь.

Кроме них на веранде сидела Тайиаль — избранная подруга Хатлахены Арайа, вышедшая из рода Инау. Устроилась поуютней в плетеном кресле, что-то мурлычет себе под нос, сплетая и расплетая пальцы. Она была куда привлекательней Иммы, но семейное сходство прослеживалось — высоко поднятые маленькие уши, короткие изломанные брови... Ветер трепал бледно-голубое, потускневшее в сумерках полотно ее юбки, раскачивал серебряные цепочки серег, падающих на плечи Тайиаль, и серебро мелодично позвякивало. Хатлахена протянул руку и накрыл смуглые пальцы подруги широкой ладонью — за семь весен красота этой женщины еще не перестала волновать, Тайиаль была его тенью, его зеркалом. Ийа порой завидовал дяде — найти такую спутницу казалось делом тяжелым.

Не девчонка с бедных улиц, не танцовщица храмовая, что умирают по десять в год во время танца от темного пламени, пусть даже дочь сильного Рода, но не та, которая считает себя центром и мерилom всего — а женщина красивая, умная, молчаливая и преданная до безумия. Пусть даже слабого рода... неважно, не обязательно принимать ее детей как своих. Но Ийа еще совсем молод... конечно, такая найдется.

Служанка со свежим шрамом на щеке принесла питье, стараясь держаться как можно незаметней. Ийа случайно встретился с ней взглядом: не встречал ее раньше. Та втянула голову в плечи, растворилась в сумерках.

— Сегодня вы слишком многое натворили, — без обиняков сказал Маата, так, как мог бы распекать сопливого мальчишку. Краска выступила на лице юноши, он едва не вскочил — но собственный гнев был сладостным питьем; погас, стоило Ийа сделать глоток.

— Къятте полезно напоминать, что есть и другие, помимо его Рода.

— Дети из-за глиняных болванчиков так дерутся! — презрительно проговорил Хатлахена.

Ийа в ответ улыбнулся, и улыбка его была нежной. С такой улыбкой он едва ли не больше всех южан напоминал принявшую человеческий облик тахилику. Но Хатлахена лишь отмахнулся. Он держал змей в собственном доме.

— Мальчишка, их младший, еще жив, — обратился он к брату. — Его череп должен был лопнуть, сердце стать углем — но он жив и смеется у себя в саду.

— Боишься, что скоро рухнет второе крыло? — насмешливо протянул юноша.

— Сколопендру лучше убить маленькой, не ждать, пока вырастет и укусит. Я всегда это говорил. Но после сегодняшнего кто-то еще сомневается? Нет смысла дальше ждать.

— Ах, — выдохнула Тайиаль изумленно, и это было все, что она сказала. Придерживала полотно широкой юбки и молчала. Маата же молча кивнул.

— Я по-прежнему против, — сказал юноша, — Он, конечно, существо несносное, но

совсем ребенок. А вот его старшего... — он не договорил, но глаза прищурились нехорошо.

— Пока ты будешь считать его малышом, он вырастет.

— Может, и нет. Вспомни, ему было плохо после Дома Звезд, мало ли что смеется сейчас. На сей раз повезло. В другой раз — вряд ли. Лучше пусть он убьет себя сам... Если Къятты не станет, это скоро случится. Дед попросту не уследит за этим зверенышем.

На лице Хатлахены появилось неудовольствие.

— Тебе не идет жалость.

— Я и не жалею, — Ийа пожал плечами, — Но все должно быть разумно. Ты же узнавал, что думают другие. Убийства ребенка никто не одобрит. Особенно такого... ценного.

— Боишься? — массивное тело качнулось вперед, словно камень к обрыву.

— Я ничего не боюсь, — произнес это настолько презрительно, что Хатлахена опешил.

— Тогда, Бездна в тебе, что ты изображаешь из себя девицу-недотрогу?

Тайиаль фыркнула в кулачок, так сравнение позабавило.

— Недотроги часто имеют в итоге больше, дорогой дядя, — засмеялся юноша, ничуть не обиженный. — Ты не хочешь прежде посоветоваться с Главой Рода? Он так и не сказал тебе да или нет.

— Нет. Араханна пусть остается в стороне — ему хватает забот. К тому же он уже стар... Сейчас прекрасный момент, после такого выплеска Силы мальчишка какое-то время будет не в лучшей форме. Так что подумаем, как вернее посбивать золотую чеканку с великолепия рода Тайау.

— Какое там великолепие, — обронил Ийа в сторону. — Если бы не Ахатта с внуками, остальные их ветви так себе, ничего особенного...

— Ты уверен, что другие Рода нас поддержат? — усомнился Маата.

— Я говорил со многими. Тарра, конечно, безнадежен, но Кети, или Халлики с сестрой...

— Но все же опасно, — тихо произнесла Тайиаль. — Они могут и передумать...

— Я же не безумец, делать всё в открытую! Ни в чем нельзя будет нас обвинить. А после... Могут пошуметь для порядка, а на деле будут лишь благодарны, — Ийа поймал брошенный на себя косой взгляд. — Да и вряд ли что-то придумают. Разве что вызвать Къятту на поединок, — мужчины расхохотались, и Тайиаль с ними.

Раздался звон колокольчиков, и на террасу вбежало существо в огромном венке из ярко-рыжих цветов и сине-золотой накидке Тайиаль, и запищало:

— Я лесной дух!

— Алья, Алья! — женщина вскочила с места, укоризненно глядя на дочь. — Беги, играй в другом месте. Или... — она виновато оглянулась на Хатлахену, взглядом испрашивая позволения идти.

— Оставь! — Ийа потянулся к девочке, подхватил ее на руки, подбросил в воздух. Его привязанность к малышке пяти весен от роду была известна. Пожалуй, он любил ее больше, чем родной отец, у которого было трое других детей.

Алья радостно завизжала, оказавшись в воздухе, и завопила:

— Я птица, я птица!

Замахала руками:

— Я плыву по воздуху!

На Хатлахену снизошло вдохновение:

— Лодка. Мальчишка любит плавать в той глухой заводи. Если сумеем возмутить воду... Там нет людей, а мальчишка неосторожен и самоуверен, мало кто заподозрит...

— Прямо на их земле? — спросил Ийа, опуская девочку наземь.

— Пошлем туда верного человека, умеющего скрываться, — сказал Хатлахена.

— Дядя! — Ийа встал в раздражении, отстранил Алью. — Да оставь ты ребенка в покое! Как ты не понимаешь — он еще мал, его можно повести туда, куда нужно. Ты знаешь, как может быть полезен Югу...

— Скорее, вреден. Даже если забыть, что слушает он мало кого, появление отмеченных Пламенем никогда не приводило к добру. Кончалось одинаково — осознав свою силу, они становились неуправляемыми, — сказал Маата.

— Пугаться следов энихи... — пробормотал Ийа, одним длинным движением садясь на место и устраиваясь поудобней. — Я не хочу этого, — негромко проговорил затем. — Ребенок должен остаться жить.

— Твое мнение ничего не меняет, — раздраженно сказал Хатлахена, потирая кончики пальцев. — Нас больше. Твои братья дадут согласие. И Араханна согласился бы, окажись он здесь.

— Хорошо. Остается принять.

Дядя отвернулся от племянника — знал, что Ийа не пойдет против общего решения. Может, попытается спасти это малолетнее наказание? Пусть. Къятта Тайау скорее сам утопит братишку, чем позволит ему принять спасение из рук давнего недруга. Да Ийа и не рискнет подставить под удар свой Род, и ради кого?

— Остается решить, кого мы пошлем в заводь. Одного из доверенных синта, из тех, кто сумеет управиться с водой, или кого-нибудь из верных нам людей на стороне? Такого придется убрать сразу после.

— Синта, — сказал Маата. — Он, если что, сумеет сам умереть быстро и нас не выдаст.

— Лишь бы не спутал, что должен делать, — довольный, обронил Хатлахена, и его женщина улыбнулась, кивнув. Потянула дочь за собой — девочке пора спать, хотя вряд ли она утомится в грозу. Отсутствия Тайиаль никто не заметил.

— Не стоит спешить и не стоит тянуть. Пока над мальчишкой слишком дрожат, никто не отпустит его на реку.

— Дня через два он и сам сбежит, — сказал Ийа мягко — словно совиное перо упало. Веки опущены, ресницы вздрагивают — задумался. Хатлахена не сдерживал недовольства, проступившего на лице. Племянник не пойдет против решения большинства... но он себе на уме.

О том, что произошло в заводи, как и почему едва не утонули Кайе и Къятта, стало известно быстро.

Совет собирался каждую луну — но мог быть созван и вне назначенного времени, если таково было пожелание одного из членов Совета. На сей раз глава его, Ахатта Тайау, вызвал в Дом Звезд остальных пятнадцать человек — по двое от каждого Рода; восемь Родов с тех пор, как Шиталь Анамара вернула своим право тут заседать. Совсем молодая, она всего пару лун как вошла в Совет, и произошло это после бурных споров всех остальных. Но Анамара сочли снова достойными занять каменное сиденье в Доме Звезд.

Кети Инау и Улине, мать Иммы — с грубоватыми лицами и худощавыми телами, одетые

в светло-синее наперекор обычаю — будто дело не о жизни и смерти шло.

Араханна и Хатлахена Арайа — первый был немногим моложе Ахатты, но выглядел очень плохо, на последних Советах он говорил мало, словно что-то сдавливало его грудь и мешало дышать. Такой же недуг около года как поразил отца Ийа, только развивался быстрее — иначе, возможно, сегодня в Дом Звезд пришел бы он.

Потом появились двое из Рода Икиари, снова две женщины. Но если Улине пришла вместо мужа, который решал дела на побережье, эти были членами Совета постоянно. Двоюродные сестры, Халлика и Тумайни, родились в один год и в один день и походили на близнецов — настолько одинаково было выражение их лиц и манера держаться. Разве что Тумайни повыше, потоньше в кости и глаза ее отливали серебром, тогда как у сестры — медью. Сухие, жилистые, с профилями хищных птиц, сестры Икиари не разлучались и на миг. Одна начинала фразу, другая ее продолжала. Сестры напоминали собственный знак Рода — сплетенные лианы, на которых соседствовали шипы и бутоны.

Следом пришли невысокие, плосколицые, с цепким взглядом Кауки; Тиахиу; глава Роду Икуи — Тарра с родственником своим, и Шиталь, высокая, статная, с пышными волосами едва до плеч.

И еще Ахатта привел обоих своих внуков, на Совет — впервые.

Зал Совета не затронуло недавнее разрушение. На отведенном каждому каменном сиденье высечен был знак Рода — и несколько сидений пустовало, знак был с них сбит. Не всегда тот или иной Род входил в число Сильнейших, некоторые канули в неизвестность или прервались.

Тишина шуршала, обвивая тихие разговоры; примолкла, когда Шиталь начала расспрашивать мальчика. Не дед, чтобы не говорили потом — мол, он своими вопросами подсказал ответы. Но из слов Кайе мало что следовало — все шло, как обычно, потом вода поднялась, закружилась, потянула на дно. Отвечал, исподлобья рассматривая всех, и ясно было, что находиться здесь он не хочет. И говорить бы не стал — неприятно ему прилюдно рассказывать, как едва не утонул.

Потом Къятта вышел на середину — в голосе, бронзово-звонком, плескалась плохо сдерживаемая злоба. Но про заводь он рассказал четко и быстро. Ни один человек не усомнился в сказанном. Но ошибиться... может любой. И воспользоваться ситуацией, чтобы свести счеты не с тем человеком — тоже.

В неярком свете покачивалось золото серег, вздрагивали блики на нем.

— Ты нашел тело, но разве там не могло быть еще одного человека? Разве не мог всё сделать другой, а на этого лишь перекинуть вину? — спросил Ахатта, громко, отчетливо. Никто не сможет обвинить его в попытке извлечь выгоду из ситуации. Он спросит то, что спросил бы противник Къятты. А уголки губ главы Рода упорно приподнимаются в улыбке, несмотря на попытку ее скрыть.

...После событий в заводе Къятта пришел к нему и рассказал о послании. Ахатта разгневался — нельзя было молчать о таком! Но после вместе с внуком задумался, кто мог предупредить. Къятта подозревал ловушку на обоих, Ахатта считал — тот ошибается. Предупредил неизвестный друг; слишком глупо было бы плести такую хлипкую паутину и рассчитывать, что Къятта не сумеет ее порвать. Так ведь и вышло — похоже, нападавший переоценил свои силы, не захотел уйти с пустыми руками. Его убило собственное перенапряжение, сразу двоих утопить попытался.

"Я расскажу на Совете об этом послании", — заявил Къятта.

"Оставь", — велел Ахатта. Если кто-то сумел подслушать, захотел помочь, не стоило подставлять этого человека. Он ведь может и еще пригодиться.

Но Совете Къятта сказал, что просто почувствовал беспокойство, вот и примчался проведать братишку. Вовремя...

— Я узнал и знак, и лицо. Это помощник старшего над синта Хатлахены. Думаете, кто-то из третьего Рода смог убить его и притащить к заводу в наших Кварталах?? И никому не попасть на глаза?

— Но ваш собственный Род мог это сделать! — заявил Хатлахена.

Кайе, сидевший тихо подле кресла Ахатты, резко вздохнул, дернулся вперед. Дед удержал его.

— Я готов отвечать за свои слова, пусть служители Дома Солнца проверят их истинность, — сказал Къятта. — Или думаете, такие планы и от меня скрыли? Рискуя убить нас обоих? — он указал на младшего брата.

— Кого ты обвиняешь? — спросила Шиталь.

— Хатлахену Арайа.

— Чушь, — отрезал тот. — Мой человек — не я сам, и не моя родня! Мало ли с кем он сговорился!

— И ты готов отправиться в Дом Солнца, доказать, что говоришь правду?

— Разумеется!

Гул пронесся по залу, отразился от стен и купола — гул сомнения. Да, Сильнейших можно принудить говорить правду, но иногда лишь прямыми вопросами, а их еще надо суметь задать. Къятта молод и вывернуться не сможет, но Хатлахена — другое дело.

— Ты сейчас боишься! — прозвенел голосок. — Это я чувствую!

Кайе стоял, сжав кулаки, и смотрел на крупного мужчину, словно мог свалить его одним толчком.

— Тут больше ни в ком нет страха, кроме тебя!

— Замолкни, малявка! Кто тебе разрешил...

— Я говорю, что есть!

Теперь гул прозвучал осуждающе.

— Все помнят ту злосчастную разрушенную колонну. Такое смог сделать вот этот малыш. В то время, как Север тянет щупальца все дальше и дальше, лишит нас такого оружия? — сказала Халлики.

— Что за речи! — не сдержался Хатлахена, встал резко — будто огромное дерево проросло из пола.

— Мне вчера пришла весточка от младшей родни, — ответила женщина голосом медовым и колючим. — Эсса договорились с Уми и разбивают поселение в Орлином ущелье, они теперь еще ближе к нам. А мы не можем и пикнуть — земля-то не наша.

— Ах ты тварь, — сказал Хатлахена.

Халлики не оскорбилась, лишь развела руки.

— Могу показать письмо. Разве я не права? Это уже вторая территория за два года. Разве Астале не нужно быть сильной?

Теперь звучал гул одобрительный.

Араханна, все это время молчавший, глянул на родича пристально — и неожиданно

молодо, и еле заметно повел плечом. А потом откинулся к спинке каменного кресла и прикрыл веки. Все он понял, и намерен был выждать, как выкрутится племянник. Сам заварил кашу, сочтя себя голосом всего Рода, сам и разбирайся.

Хатлахена поднялся — и сел, потемнев лицом. Совсем этот старый пенъ его не сдаст, хотя мало что может сейчас. Но сам он проиграл, это ясно заранее. Маленькая тварь указала на слабость защиты, а Халлики помахала обещанием будущего. Теперь даже бывшие союзники вцепятся и не слезут, пока не получают признания. Араханна же будет отстаивать интересы Рода целиком, а не одного человека.

— Чего ты хочешь? — спросил он Ахатту, но ответил другой.

— Не больше, чем мог потерять, — Къятта вскинул голову дерзко, и хвост-коса мелькнула в воздухе, не украшенная ничем. — Отдай свою младшую дочь, или мы отправимся в Дом Солнца сейчас, а если обнаружится ложь...

Если обнаружится ложь, или если он скажет "нет", будет война в Астале.

Алью привели люди Рода Кауки. Девочка, одетая по-домашнему, вертела головой по сторонам — в Дом Звезд ее не брали ни разу. Ийа привел — его не посмели остановить, когда незванным явился в зал, сжимая в руке ладонь своей любимицы.

— Где ее мать? — одними губами спросил Хатлахена. Алья заметила его и засмеялась.

— Осталась у себя... ее охраняют, — ответил тот из Рода Кауки, кто посылал людей.

Ийа стремительно шагнул в центр, только взлетели складки белой широкой одежды, вышитой алыми и оранжевыми узорами — длинной, для Дома Звезд.

— Ты требуешь смерти этого ребенка? — голос был певучим, как всегда, но полным запредельной ненависти, и смотрел юноша сейчас на одного человека.

— За другого ребенка.

Къятта, в черном с белой оторочкой, казался зеркальным отображением Ийа.

— Твой брат жив.

— Нам повезло.

— Если бы не...

Ийа запнулся, прикусил губу.

— Договаривай, — потребовал Къятта, но его перебили — члены Совета возмутились таким поведением вчерашнего мальчишки, только ставшего совершеннолетним. Только Хатлахена отвернулся, опустил лицо в ладони. Казалось, гул вокруг сгустился, камнем упал ему на голову и лишил способности к сопротивлению.

Ийа шагнул к Ахатте:

— А ты, Старший — тоже намерен убить девчонку, которая младше твоей собственной внучки?!

— Покинь это место. Ты сказал уже, что хотел, — холодной медью прозвучал голос.

— Ты позволишь ему?! — Ийа, вместо того, чтобы уйти, сделал еще несколько шагов к сиденью Главы Совета. Испуганная девочка побежала следом, вцепилась в его одежду.

— Пусть решит общий голос, — сурово сказал Ахатта. — Так будет справедливо. Ее отец согласен отдать дочь, но все же вина не доказана окончательно.

Лицо старшего внука Тайау потемнело, брови сдвинулись. Но Къятта все-таки промолчал. Араханна же пытался что-то сказать, но приступ кашля оборвал речь. Он безнадежно махнул рукой, словно говоря — всё против нас.

Один за другим о каменный пол стучались обсидиановые капли. Первым светлую кинул Араханна. Но большинство отказались от Арайа, хотя некоторые медлили. Только не сравнить ведь: младшая дочь, не считая еще троих детей, скорее всего способная, но пока — просто ребенок, а на другой стороне — будущее оружие Юга... если доживет. Упала последняя бусина.

Ахатта поднялся — но не успел произнести ничего.

— А ты что скажешь? — Ийа повернулся к мальчишке, который открыл рот... и закрыл, растерявшись. Только что уличил Хатлахену в страхе, а теперь не знал, что сказать.

— Не смей впутывать сюда Кайе, — Къятта загородил его. — Все, что должны были, мы сказали.

В руке Ийа появился янтарный браслет Огня, недавно полученный здесь же, за стеной — и распался, разломленный на две половинки. Тишина повисла, даже Алья приоткрыла рот и не спускала взгляд с юноши в белом. Брошенная противнику половинка означала бы смертный бой... и вряд ли только двое будут втянуты в это.

Общий вздох взлетел под купол — и оборвался.

Фигурка, сидящая подле главы Совета, вскочила, взъерошенная, готовая к прыжку. Ийа, напротив, замер — и медленно, очень плавным движением отвел руку, не сводя взгляда с давнего врага. Только один раз посмотрел на мальчишку — его младшего брата. И уже опущена голова, лишь уголки губ дрогнули, на миг сделав лицо жестокой смеющейся маской. И соединены вместе половинки браслета, будто он цел.

— Я подчинюсь любому решению Совета.

И вновь общий вздох — на сей раз облегчения — был явственно различим. Только Къятта оставался спокойным все это время, словно ничего и не произошло.

Ахатта уронил на плиты обсидиановую каплю.

Путь домой показался Кайе Тайау бесконечным. Каждая тень заставляла вновь и вновь видеть растерянное лицо Алья, когда Ийа ушел, оставив ее, а отец, которому она радостно замахала, как только заметила, отвернулся. Как испуганно-недоуменно она обернулась наконец в сторону Къятты. Самую малость испуганно — привыкла ко всеобщей любви.

(Мальчишка в очередной раз прикусил губу)

...А потом была вспышка чекели.

— Хотел бы остаться дома? — старший взял его за руку. Привычный, такой родной жест.

Мальчик молчал. На губах выступила кровь. Къятта осторожно убрал ее своими губами.

— Все справедливо. И тебе вовсе не стоит ранить себя.

Кайе не отозвался.

— Я кое-что покажу тебе... ты позабудешь про неприятные часы.

— Что? — неуверенно спросил мальчик, поднимая совсем черные глаза.

— Возьму тебя с собой за пределы города. — Он заговорщицки улыбнулся, — А там кое-кто есть.

Три дня спустя фигурка следила с холма за черными неряшливыми силуэтами, ерзя от возбуждения и любопытства. Алья была забыта — дикари оказались куда интересней.

Настоящее

Кайе всегда любил утренние тренировки — нравилось после сна заставлять мышцы трудиться, нравилось одерживать верх в учебных пока поединках. Мало кто рисковал быть ему противником даже в шутку, а он терпеть не мог, когда поддаются. В итоге на публичных состязаниях — борьба ли, иные способы проявить силу и ловкость — чаще был зрителем, а тренировался только с верными их Роду синта. Но сейчас исход одиночных поединков почти всегда был предрешен. Только старшего брата ни разу не победил, и это вызывало досаду.

После, остыв немного, Къятта часто оставался у него ненадолго, пришел и сейчас. Кайе злился — брат провел тренировку намеренно жестко, холодно и презрительно давая понять, что младшему еще многому надо учиться. Подумаешь, Дитя Огня! Мальчишка. А теперь Къятта сидит, прислонившись к стене, чуть набок склонив голову, и вздрагивает уголок рта в усмешке:

— Малыш, у тебя завелись тайны?

— Отстань!

— Вызываешь наших стражей ночами, устраиваешь дознание, решаешь, кому жить, кому умереть... Ты ведь знал, что от меня такого не скрыть.

— Я надеялся, — отозвался он неохотно. — Дед тоже знает?

— Нет. Но ему не понравится, если я расскажу.

— Ты не доносчик.

— Никогда им не был, — согласился Къятта. — Но стану, если продолжишь творить невесть что.

— Ты бы сам поступил так же!

— Я — да, а ты не дорос еще. Я умею останавливаться вовремя и ставить интересы Рода выше мгновенных хотелок. И не поднимай шерсть дыбом, хоть эту свою рыжую лягушку вспомни. Что бы полезное с таким жаром отстаивал!

— Тебе-то что... — посмотрел на брата, на недобрую улыбку его, и взорвался: — Тебе-то чего не хватает?!

— Тихо, — ладонью закрыл ему рот, опрокинул на циновку. — Развлекайся, пока разрешили, — недобро прищурился. — Только потом не прибегай ко мне мебель ломать.

— Пусти, — дернулся, но старший умело держал — не вырвешься, разве что захочешь себе руку выдернуть из сустава.

— И подумай еще, — продолжил Къятта, — Ты никому на целом Юге не должен нравиться. Но всех бесить ты тоже не должен, а уж по мелочи это вовсе глупо. Каково было стоять перед Советом, отсчитывая мгновения жизни?

— Амаута! — выругался Кайе, и снова рванулся. Старший жестко прижал пальцем точку на его шее — и отпустил.

— Играй... дикий зверек.

**

Алый браслет охватывал предплечье — прохладный, несмотря на жаркий цвет камня. Грис послушно бежала по улочкам; Къятта даже не направлял ее, так, еле трогал повод. Ждал, пока кровь скажет — вот. Ремесленники застывали на месте, более проворные

успевали спрятаться. Все равно от судьбы не скрыться, да и не знает никто заранее, где именно появится посланец Хранительницы и кто им будет на сей раз. Будут ли служители увидевшие знак, или кто-то из Сильнейших, также ведомые знаком или в поисках того, кого хочет Башня принять в дар.

Сколько он сам передал таких вот даров, и все ради младшего. Для себя просить не о чем, сам о себе позаботится, а если не судьба — что ж.

Для Башни обычно не брали детей и женщин, хотя тут уж как кровь повелит. Бывало и такое. Къятта остановился перед калиткой — возле нее согнулся в поклоне человек немолодой, но крепкий, почти без седых волос.

— Ты кто?

— Мастер Шиу, Сильнейший. Горшечник...

Жена Шиу смотрела с порога, откинув кожаный полог, и, кажется, не дышала. Къятта прислушался к собственным ощущениям — подойдет, но... не лучший. Легонько толкнул в бок свою грис и поехал дальше. За спиной послышались сдавленные рыдания женщины.

Нужного нашел на следующей улочке. Около тридцати весен, рослый, с правильными чертами — Башня будет довольна.

— Следуй за мной.

Избранник Хранительницы подчинился, опустив голову. Попробуй противиться Сильнейшим — вся семья прямо тут ляжет. А ведь бывало, думал Къятта. Противились... вставали на защиту своих, дурачье. Словно мы зла желаем Астале. Тогда на улицы выходили воины-синта...

Довел человека до Башни, передал стражникам и служителям. Знал — ему дадут айка, в который подмешана настойка дурманящей травы, и даже рук связывать не станут — сам прыгнет с высоты. Скоро уже. Поначалу запоет ули, ей ответит маленький барабан, после большие — а потом и Башня вздохнет полной грудью, заговорит, разбуженная.

Улыбаясь собственным мыслям, проследовал обратно. Можно остаться и посмотреть, да нового ничего — это брат любит наблюдать за пробуждением Башни. Приотворив губы, следит, щеки горят — и, кажется, завидует летящему человеку. Ладно, ума хватает не пробовать самому, и без того есть что подарить Астале.

Улыбка сменилась задумчивостью. Дед прав, надо уметь выжидать... и все же присутствие полукровки ощущается все опасней. Младший и без того творит невесть что чем дальше, тем больше.

Лучше, чтобы убил это чучело своей рукой, и побыстрее.

Парнишка продавал птиц — сидел на камне в окружении клеток, вертя в пальцах щепочку. Къятта заметил парочку ольате, каменных горихвосток, синего дятла — подивился: мальчишка умеет не только ловить птиц, но и находить редкости. Тот встал, открыл дверцу высокой клетки, пальцем погладил головку дятла.

Неприятный ток пробежал вдоль позвоночника Къятты — парнишка походил на его младшего брата. Кайе был крепче, сильнее, но соразмерность — один к одному, и такого же роста. И волосы у этого — короткие, всего-то до плеч, немного длиннее, чем у Кайе. В Астале такое редкость...

Но младший в жизни не будет возиться с прической или терпеть, пока возятся другие.

Подъехал ближе, остановил грис. От пристального взгляда парнишка поежился и только потом обернулся. Другие черты, но сходство и впрямь имелось.

Судорожно сглотнув, птицелов уставился на браслет. Сделал шаг назад в первом порыве — бежать. Но то ли страх, то ли здравый смысл подсказал, что лучше остаться на месте. А может, попросту двинуться не смог — бывает от ужаса. Къятта досадливо поморщился — совсем забыл...

— Не пугайся. Башня уже получила свое.

— Тебе нужны птицы, али? — прошелестел продавец. — Бери любую...

— Не птицы.

Да, он похож, насколько глиняный наконечник может походить на бронзовый той же формы. И этот полунаклон головы, кисть, поднятая к щеке...

— Замри, — велел.

Когда начинает двигаться, сходство исчезает. Никто не двигается так, как братишка. И мир никогда не увидел бы, как это бывает, если бы он умер еще малышом.

Здесь ничья территория; когда этот птицелов исчезнет, не будет спора ни с кем.

— Иди со мной.

Начавший было успокаиваться, тот снова оцепенел от страха, темное пламя почуяв в голосе и во взгляде. Но нашел в себе силы спросить:

— Али, что будет с моими птицами? Если я не вернусь, позволь сейчас выпустить их...

Эта нелепая забота насмешила. Къятта на миг почувствовал симпатию к птицелову — собирается умирать, а думает о питомцах.

— Можешь выпустить, если не жаль труда.

У излучины реки Читери людей сейчас не было — на воде покачивались узкие остроносые лодки, привязанные к кольшкам на берегу. Песок — мелкий, золотистый днем, но темный темнеющий сейчас, на закате. Плеск реки, да шорох кустарника — и порывами налетающая тишина.

Къятта обернулся к своему спутнику, который послушно следовал за грис, спрыгнул наземь, примотал повод к ветвям кустарника. Бессловесность, покорность... такие самой судьбой созданы быть жертвой. Но мальчишку можно понять — не хочется оставлять этот мир. А придется. Шагнул к продавцу птиц, нажатием руки заставил стать на колени. Стянул его волосы, зажав в кулаке. Стремительным движением извлек нож, не сводя взгляда с лица. Парнишка не шевельнулся, лишь смотрел на закат остановившимися глазами. Лезвие сверкнуло, отсекая короткий хвост из волос.

— Так лучше, — Къятта удовлетворенно посмотрел на дело рук своих. Сходство стало гораздо больше — а черты лица в красноватом вечернем свете не так явственно бросаются в глаза, и то, что тело вовсе не столь хорошо развито.

Можно и перепутать, пока не шевелится... Только Къятта не спутает никогда. Ни в каком облике, ни след его, ни голос... и понимает его лучше, чем кто другой. Сжал пальцы, удивился, услышав вскрик боли. Ах, совсем позабыл.

Къятта поднял голову — глядел в небо, на пронзающего облачную дымку орла. Тоже хищник... но такой далекий от всего земного сейчас. Тоже знак, наверное. Перевел с парящего силуэта взгляд на свою жертву, чуть усмехнулся, уже беззлобно. От усталости иногда совершаешь глупости.

Чуть заметная морщинка пересекла лоб — а с братишкой нельзя допускать и тени сомнения, неуверенности. Он признает только силу: стену, которую не сдвинуть с места, цепь, которую не порвешь.

Жаль.

Поддавшись порыву, сказал:

— Дай руку.

В конце концов, сегодня выдался хороший день. Башня-Хранительница. Принятый Дар. И этот парнишка, такой забавный со своими пернатыми приятелями.

Чуть выше локтя наметил острием ножа линии, прорезал кожу неглубоко. От сока горного молочая кровь остановилась мгновенно. Осталось втереть в порезы алую краску, флакончик всегда при себе носил.

— Пошел прочь отсюда.

Не встретятся больше, скорее всего, но все же знак покровительства Рода защитит, если что.

**

Ночь выдалась светлая — множество мохнатых звезд срывалось, падая в чашу. А чаша вся хрустела, пищала и редела на разные голоса, более звонкая ночью, нежели днем. Из зарослей древовидного папоротника показались два молодых зверя. Подростки-энихи, блестяще-коричневые, худые, неуклюжие немного. Дети одной матери или разных, случайно встретившие друг друга. Вместе им было легче охотиться. Здесь они появились недавно, однако успели освоиться.

Еще один энихи, черный, куда крупнее, скользнул мимо ствола, выслеживая молодых хищников. Подростки-энихи учуяли соперника, глухо зарычали на чужака, обнажая клыки, забили хвостами по бокам. Черный зверь стоял неподвижно. Двое коричневых начали обходить его с боков — в одиночку они не решились бы схватиться с более крупным, но их было двое — и территорию молодые хищники считали своей. Гладкое коричневое тело мелькнуло — навстречу ему взвилась черная масса. Два хищника завозились на земле — схватка была недолгой. Вопль раненого зверя оборвался; черный развернулся ко второму противнику. Прыгнул, зубы впились в бедро, разрывая мышцы, ломая кость.

Коричневый исхитрился вырваться и шархнулся в заросли, оставляя широкий кровавый след.

Черный не стал преследовать. Одиноким, раненый — подросток не проживет долго.

Проснувшийся Огонек повел носом, прежде чем открыть глаза, почуял что-то неладное, тревожное. Вскинулся, испуганно озираясь — запах крови он не спутал бы ни с чем.

— Держи! — рядом с ним упала мохнатая лапа с когтями чуть не с его палец длиной.

Вскрикнув, мальчишка отодвинулся к стене, ударившись затылком. Его кошмар воплотился!

— Убери, пожалуйста! — зажмурился он. Кайе сердито повел плечом: как угодно.

— Я должен быть на Атуили, где добывают золото. Это не меньше двух суток займет. Тебя я одного тут не оставлю, потому что... неважно. Ты же хотел снова в лес?

— О да! — от радости Огонек даже забыл про лапу.

— Не спи тогда! — Кайе сорвался с места и побежал — скорее полетел — к стойлам. Огонек ухитрялся почти не отставать. Пробегая по коридору, дружески мазнул пальцами по смешной свирепой морде-мозаике: не скучай без меня!

Стойло Пены пустовало. Любой в доме мог ее взять, но Огонек к ней привык — для дальнего пути это значит немало. Когда спросил, где она, Кайе будто закрыла туча.

Он оперся ладонями о стену, сказал, глядя в камень:

— Пена погибла. Кто-то бросил на дорогу пугалку для грис — вроде коробочки "бешеной лианы", только делают их мастера из уканэ. На Пене ехал я. Она... испугалась. Думал, получится вернуть ее прежнюю... но она совсем обезумела.

— Ловушка? — похолодел Огонек. Подошел сзади. Коснуться не рисковал, но хоть постоять рядом.

— Скорее мелкая пакость. Грис очень пугливые. Если всадник неопытный, он может пострадать. А такую пугалку могут сделать в каждом из Родов — у всех есть умельцы.

— А простой горожанин?

— Не сам, но если сумеет найти и заплатить, если рискнут связаться... может вовсе и не меня ждали. Или просто знали, что Пена мне нравится.

— Ты же сказал своим? Его нашли?

Кайе резко развернулся.

— Чтобы тебя опять потащили что-нибудь выведывать? Ерунда, не в первый раз, я пострадать и не мог. Пену только жалко. Но хватит. Возьмешь эту пегую, она хороша тоже. Ее зовут Весна.

— Поторопись, пока не догнали, — бросил через плечо Кайе, уносясь вперед за ворота.

В прогулках по городу и округе Огонек обычно повязывал волосы платком из тонкого полотна. Правда, при встрече с Кауки это не помогло, о нем заранее знали. Но хоть других не смущать, вдруг они тоже верят в дурной глаз? Ничего не посмеют сказать или сделать, неприятны и просто взгляды.

Тут, в Астале, сердце неистового Юга, городе, носящим одно имя со всеми землями южан, полукровок не было вовсе. Дети насилия или союзов, которые север и юг считали позорными, рождались на границах или в Срединных землях, где были свои города. Лучше спрятать такую броскую рыжину...

Если бы лес начинался сразу за домом Кайе! Но нет, их разделял город, чужой, жадный и ненасытный. По счастью, не весь, по кратчайшей дороге всего несколько кварталов, а потом начинались предместья. Но и нескольких было достаточно. Не спасала и буйная зелень — трава и кустики пробивались даже через мостовую, несмотря на попытки людей их искоренить. Но не следами леса и воли они казались, а шерстью на спине огромного зверя.

Оказались на улице, повернули раз, и другой — и снова глазам предстала темно-желтая башня, невесть чем напоминавшая ему соединенные вздетые руки. Огонек не раз уже видел ее, и как всегда отвернулся, даже глаза прикрыл. Он и отсюда чуял запах крови, хоть и ехали мимо цветов, и ветер дул в другую сторону.

— Она красавица! Хранительница Асталы, — услышал голос, от восхищения ниже и тише обычного.

— Я понял, — пробормотал Огонек, а Кайе, как назло, приостановил грис.

— С ее вершины весь город как на ладони, и горы намного ближе, и небо. Хочешь подняться?

— Нет! — воскликнул Огонек, и прижал ладонь к губам.

Кайе посмотрел удивленно:

— Ты же высоты не боишься.

— Там вряд ли будут рады полукровке. И твоя родня тоже, — сказал он поспешно.

— Не пустить тебя не посмеют, если я приведу, — он задумался на миг, качнул головой, но затем хлопнул грис по боку, ускоряя ее бег.

Вот уже завершались кварталы их Рода — тут высился столб с бронзовым знаком, навершием в виде такой знакомой уже луковицы-бутона с человеческой фигуркой внутри. Дальше площадь, не принадлежащая никому, и проулок, а после...

Послышался стук копыт — кто-то догонял их.

— Хлау! — проговорил юноша, словно выругался. Высокий человек на пегой грис, похожей на Весну, поравнялся с юными всадниками. Огонек знал его — Хлау, начальник всех синта Рода Тайау.

— Тебе велено было ждать. Почему ты отправился на Атуили один? И что это такое? — вместо приветствия рявкнул Хлау, указывая на Огонька.

— Я и один справлюсь там! — отозвался Кайе, не сбавляя ходу.

— Чтобы мог творить все, что заблагорассудится? Нам еще нужно золото.

— Мне — нет, — крикнул юноша, вырываясь вперед. — Ненавижу блестящие побрякушки.

— Тейит дает за них то, что необходимо Астале!

— Что не говорит об уме этих крыс!

Огонек несся за двумя всадниками, вцепившись в рыжую холку грис. Хлау вспомнил о нем:

— Тебе запретили брать его из дома!

— А это неважно! — выкрикнул Кайе, расслышав вопрос. — Он все равно будет со мной на Атуили!

— Сам лучше вернись! — Хлау обращался к Огоньку. — Всем будет проще!

— Оставь его в покое!

Огонек слышал их перепалку и мечтал об одном — остановить грис и переждать под кустом, пока всадники не вернуться. Все его внутренности от скачки грозили очутиться снаружи.

Вернуться — как-то посмотрит на это Кайе, продолжать путь — точно оторвут голову по возвращении. Но Кайе-то вот, рядом, довольный, как утреннее солнце, даже начальник синта их дома не может ничего сделать. Так что и вопроса нет, кого слушаться.

А Хлау ведь несладко, осознал полукровка. Упустить подопечного, если велели сопровождать — по голове не поглядят. И бросить дом и умчаться надолго тоже не дело. Вряд ли провожать Кайе на Атуили должен был лично он, хотя и предупредил наверняка, но всё же...

До Атуили был путь неблизкий — от рассвета до вечера, если не спешить, но Кайе несся, будто старался Хлау стряхнуть с хвоста. Когда остановились на поляне для отдыха, Огонек уже и стоять не мог. Вскинул глаза — серая туча ползла по небу, лохматая, низкая. Кто-то там наверху никак не хотел уняться, выжимал последние капли перед неизбежной сущью.

— С океана гонит. Ливень будет, — сказал хмурый Хлау. — А раньше пыльная буря...

Времени было — после полудня уже, но небо словно взвесь пепла заслоняла, плотней с каждой четвертью часа. Лес тут рос негустым, кроны деревьев неба не прятали.

— Ты отдохнул? — спросил Кайе. — Надо успеть до ветра с дождем.

Отдохнул... дорога всю душу из Огонька вытрясла, хоть и ровно бежала Весна. Но вместе с тем был почти счастлив — выбрался наконец из хватки бесконечных стен и гладких дорог, людского муравейника, и даже почти ускользнул от надзора тех, кто так не любил его и не доверял. Только Хлау, а он против Кайе не в счет, хоть много старше годами.

А вокруг становилось все пасмурней. Страшновато было поднимать глаза кверху — лохматая туча, уже черная, а не серая, закрыла полнеба. Ветер налетал хлесткими сухими порывами: такие оплеухи ветра могли сбросить с уступа. Словно остаток дождливых сезонов спешил догнать родичей, вылить непролитые ливни.

Огонек собрал все душевные силы и встал, показывая, что готов продолжать путь. Честное слово, Хлау глянул на него с сочувствием!

Кайе ничего не заметил. Он будто не уставал вообще.

До ливня они успели.

А прииск на Атуили оказался очень большим. Не сравнить с тем, где собирали агаты. Десятка три хижин, и не временки, а добротные вполне, со стенами из прутьев и глины. Селение казалось пустым — мужчины трудились на добыче золота, женщины готовили пищу или занимались огородами.

Когда-то и здесь текла река, но с тех пор русло почти пересохло, оставив множество каменной крошки. И каменистые высокие берега, все в осыпях. Опасно, наверное, тут ворочать камни, небольшие даже, ища, куда еще принесло золотые крупы...

Жило тут много народу — не меньше сотни, но большинство из них работали вдали от селения и не могли видеть всадников. Лишь некоторые сразу поспешили на большую поляну — видимо, главную площадь. Все, мимо кого проезжали, включая женщин, кланялись и как-то сжимались.

Хлау поравнялся с Кайе, что-то сказал ему, тот недовольно и нетерпеливо дернул плечом.

— Собери их!

Но еще раньше кто-то успел ударить в гонг, низкий тяжелый звук раскатился над ложбиной.

Ветер налетает порывами, треплет волосы, бросает в лицо пыль и крохотные камешки. Птицы молчат, ожидая ливня, но маленькие ласточки носятся совсем низко над площадкой, ловя мошкору, едва не задевают стоящих крыльями. Люди стоят сумрачные — большинство полукругом сзади, небольшая группка перед ними, мужчины и пара женщин. А еще на шаг впереди — тот, кто взялся говорить от их имени, человек еще вовсе нестарый, но тусклый и нездоровый. Хотя, видно, упрямый — чуть вперед выдвигается челюсть, и сдвинуты брови, хоть и склонена голова. Никакого знака нет, и украшений нет, только нитяной браслет на запястье.

— Нас всего две семьи, али. Я, брат, наши жены и дети... Позволь нам уйти — без нас не остановится работа. Мы будем полезней в другом месте — здесь и вода, и пища чужая... и

сил у нас все меньше.

— Восемь человек, из них пятеро взрослые, — тихонько произнес Хлау. — Неплохо.

Кайе отмахнулся, как от навязчивой мухи — отстань!

Атуили принадлежало Роду Тайау, им и решать, как поступить. Ахатта отправил младшего внука. Значит, доверяет его решению, а Хлау — досадная помеха.

— Чем вам тут не живется?

— Когда-то наши наших отцов переселили с побережья, еще совсем молодыми. Но мы не можем в этих лесах, в нашей крови море.

Самовольно семьи уйти не могли, да еще и с детьми, понял Огонек. За ними сразу отправились бы в погоню, а далеко ли уйдут — с малолетками, пусть и не с несмышленькими грудными? Вот и просят сами.

— Думаешь, есть место получше?

— Позволь нам попытаться перейти на ту сторону гор, поселиться в рыбацком поселке... снова жить на побережье, али.

— Понятно. Там море, морские птицы, ракушки вкусные — так? А золото нужно Астале — это неважно, — внезапно коротко и совсем не зло усмехнулся: — Да вы перемерете по дороге, не добравшись до гор!

Люди безмолвствовали, поглядывая на того, кто выступил первым.

— На дорогах спокойно, — неуверенно сказал зачинщик.

— Благодаря кому? Разве не нам? Нет уж, если вам уходить, то лесами!

Огонек шагнул ближе, уже открыл рот — заступиться, но Кайе спросил незнакомым каким-то голосом:

— Ты первый хочешь уйти? Оставить работу?

Протянул руку, взял лежащий на деревянном бруске коловорот. Шагнул к человеку поближе, коротко замахнулся и ударил сверху вниз. Человек закричал, зажимая руками бедро, упал наземь — до колена рассечено, глубокая рваная рана, и кость вряд ли цела.

— Вперед, не держу! Лес рядом! Ихи и прочие будут рады обеду!

Человек скорчился наземле, не поднимая головы. Юноша обвел глазами остальных.

— Хотите уйти — уходите. Но сперва получите так же, как он. Нет — работайте.

Огонек сам не заметил, как ушел с площадки. Ох и муторно стало — неужто везде одинаково... Сам был среди таких вот рабочих, только размер прииска не сравнить. И хоть ему жилось по большей части плохо, все же кормили, не заставляли спать под дождем, кто-то порой говорил доброе слово.

А эти сами перед Кайе и Хлау как он перед теми старшинами...

Тошно было смотреть. И страшно — словно на себя самого.

Его не хватились, верно, еще заняты были, но криков больше не слышал. Не собирался отходить совсем далеко, но опомнился, когда хижины совсем скрылись из виду, когда вокруг зашумел самый настоящий лес.

Я тут побуду немножко, сказал себе Огонек, огляделся. Полянка виднелась в прогале меж деревьями, так и манила. Туда полукровка направился; полежал среди высокой травы, после забрался на дерево с краю. Ощутил шершавую теплую кору под ладонями, под щекой, прикрыл глаза. Дерево говорило что-то на своем языке, не только соседям, но и человеку тоже. Понемногу Огоньку становилось легче, становилось уютно и сонно.

Небо совсем затянули тучи, страшные, черно-сизые, лишь на западе чуть подсвеченные лиловым, а ветер, напротив, стих. Дождь пойдет скоро и будет сильным — но пока еще можно посидеть вот так, одному.

Думать не хотелось, особенно о том, что происходит в селении. Сейчас посидеть тихо, а потом вернуться в Асталу, и все будет как раньше. Наверное.

На поляну, раздвигая траву полосатым тельцем, вылетел поросенок — как раз из-под ветки, на которой сидел Огонек. И пусть бы, но на шее белела ленточка: чей-то домашний любимец. Только очень испуганный; вслед ему сверху обрушился черный валун. Такая махина должна была проломиться через заросли с треском, но только листья шорхнули, будто от всплеска ветра. Поросенок взвизгнул, раненый, но был жив, — провалился в ямку, невидимую под дерном. Черный зверь развернулся для второго прыжка.

Огонек судорожно вцепился в ветку. Энихи он видел только на мозаике в доме Кайе... и во сне. Массивное недлинное тело, будто чуть сгорбленное из-за полосы жесткой гривы от затылка до середины спины. Округлая морда словно из одних челюстей. Тварь, созданная убивать. Она дернула кончиком хвоста и зарычала, снова припала к земле. Поросенок высвободился из ловушки и кинулся прочь, Огонек не мог разглядеть его в траве, но слышал визг и видел, где колышутся стебли — он вновь бежал к дереву Огонька.

Энихи одним прыжком покрыл треть поляны, и тут из-за ствола вылетело что-то маленькое, вопящее громче поросенка.

— Малыш, Малыш! — верещала чумазая девчонка в одной юбочке. Энихи замер, озадаченно дернулась полоса гривы: одна добыча превратилась в две.

А еще через миг Огонек спрыгнул с дерева — успеть подхватить и втащить на ветку эту дуреху. Они оба легкие, высоко заберутся. Энихи так не может.

Девчонка схватила поросенка, и зверь прыгнул, когда Огонек был еще в воздухе, а потом его вдавило в землю, пропороло бок. Лапа с выпущенными когтями мелькнула у глаз, клыки глухо стукнулись друг о друга. Потом полукровка ощутил, что летит — и ударился грудью о выступающий корень.

Кто-то схватил его за шиворот, перевернул.

— Ты совсем псих?! — заорал Кайе. Таких бешеных глаз Огонек сроду не видел. Облик Кайе двоился, троился, шел красными пятнами.

— Там... зверь... там... — попытался объяснить Огонек, чувствуя кровь во рту.

— Сдохла бы эта девчонка, раз лезет куда не надо, и что?!

Его лицо было совсем рядом, но через знакомые черты словно проступала звериная морда. Четко очерченный округлый подбородок — и массивная клыкастая челюсть. Бронзовая кожа — и черный короткий мех.

Огонек потерял сознание.

Очнулся он от боли и острого, горького запаха — грудь и бок были туго перетянуты тонкой лианой, под ней топорщились листья. Тряпка валялась рядом, Огонек не сразу понял, что это его безрукавка. Она была вся в крови, и штаны, которые оставались на нем, хотя тоже были разорваны. Сквозь дыру темнел огромный синяк. Может, перелом, подумал Огонек, и ему было все равно.

Листья на груди тоже уже пропитались кровью, несмотря на перевязку, но боли почти

уже не было — только тяжесть, и дышать получалось плохо. Голова кружилась от слабости и запаха крови. Огонька куда-то несли, недолго, потом он увидел блеск, хоть смеркалось уже.

Ручей пробивался меж обомшелых камней, тонкая струйка, почти беззвучная. Кайе положил раненого на камни, снял уже всю пропитанную кровью повязку, будто передумал оказывать помощь.

— Что ты делаешь? — спросил Огонек, едва слыша сам себя. — Где она?

— Замолкни.

Кайе набрал воду в большой лист, плеснул на бок Огонька. От ледяной воды боль вернулась, кровь потекла в ручей, окрасила мох.

"Зачем", — хотел снова спросить Огонек, но снова вспомнил когтистые лапы, ключья травы и землю. Мало ли что могло попасть в рану; хотя сейчас, кажется, вся кровь просто вытечет из него и не будет смысла дальше возиться.

— Это был ты? Это...

— А ты не знал? — Усмехнулся неестественно и очень зло: — В Бездну таких защитников! — и снова произнес нечто малопрстойное, как мог понять Огонек. Как раз о полукровках. Поднялся, кончиком языка притрагиваясь к губам, брови сдвинуты, отошел на пару шагов. Испуганным выглядел и растерянным. Чего он боится? Огонек вспомнил слова Къятты в саду. Значит, вот оно что.

Кайе снова шагнул к нему, зачерпнул воды в горсти:

— Пей.

Огонек попробовал отвернуться, но не тут то было. Пришлось пить; старался лицом не коснуться его руки.

А Кайе оглянулся, подтянулся на ветку — гибким своим, протяжным движением. Теперь Огонек знал, что оно означает. Энихи — огромная черная тварь, способная в одиночку завалить взрослого кабана и даже лесного быка.

Кайе тем временем что-то высматривал с дерева, потом спустился, удовлетворенный, и громко свистнул. Огонек вздрогнул от резкого звука, плывущий перед глазами мир снова обрел четкость.

— Мы близко, — сказал Кайе. — Буря сейчас прибежит. На ней быстрее.

Новая травяная повязка стянула бок, более основательная; осторожным быть Кайе не умел, но это уже не имело значения.

Когда возвращались на Атуили, хоть с трудом мог видеть сквозь серо-багровый туман, все понимал. И не понимал ничего. Очень хотел проснуться — пусть в той, уже почти своей комнатке дома в Астале, пусть на жесткой циновке, как в первые дни, и убедиться, что не было ничего, и Кайе — веселый, вспыльчивый и готовый прийти на помощь. а не... всё это.

Огонька опустили на постель в одной из хижин, целитель осмотрел рану. Он делал вид, что не испытывает ни малейшего любопытства... а впрочем, чему удивляться? Следы от когтей энихи не опознал бы только слепой, а что Сильнейший делает с полукровкой, никого не касалось. Захотел — оставил в живых.

Ливень разразился, когда Огонек уже был под крышей, когда его осматривали и перевязывали, тепло ладоней целителя снимало боль, останавливало все еще сочащуюся кровь, а мази лечили ушибы.

Оказались сломаны рука и пара ребер, когтями содрана кожа на груди и на боку, сильно ушиблены бедро и колено — чудом не пострадал всерьез, сказал целитель. Что именно случилось, он не спросил.

Не было тишины.

Словно водопад изливался на крышу, не было грома, только один мощный и ровный шум. В такую погоду хорошо долго спать в сухости и тепле, когда не надо ничего больше делать, когда здоров. На агатовом прииске не доводилось, не довелось и сейчас. Хоть и лежит, и сухо, и никто никуда не гонит.

Ливень шел всю ночь.

Кайе был где-то снаружи, Огонек невесть откуда знал — да, снаружи, не в другой хижине. Рядом. В темноте.

Огонек потерял голос — осознал это утром, когда уже закончился дождь, когда успел забыться коротким сном. Несколько раз пытался то или иное сказать целителю, но мог только открывать рот и шевелить губами. А потом уже не пробовал.

Главное он знал — Кайе остался здесь, на Атуили, отправив домой вестника, чтобы прислали еще грис и носилки. На этом настоял Хлау, он тоже остался, следить за обоими. Как бы иначе поступил Кайе — кто знает? Наверное, попытался бы довести Огонька верхом, или еще что. Тут бы не бросил.

От мысли, что Кайе придет — а он наверняка придет — Огонек испытывал такой страх, что согласился бы, чтоб убили по-быстрому, лишь бы не оказываться с этим... существом в одной комнате.

Он знал, что такие бывают. Не помнил, кто и когда, но был уверен — ему рассказывали. Нечасто появляются на свет, не каждое поколение — причудливая игра случайностей, кровное родство из которых было не самым значимым, прихоть судьбы, порождающая меняющих облик. Знал, да. Только увидеть вживую падающий на тебя черный валун из мышц, зубов и когтей...

Кайе пришел.

Он сейчас показался старше, может, потому что губы плотно сомкнуты, скулы заострились и глаза чуть запали. Ничего от беспечного мальчишки, с которым неслись наперегонки по тропе на Атуили.

Но вживую он оказался менее страшным, почти терпимо было, когда подошел и сел на постель в изножье.

Огонек порадовался, что говорить все равно не может. Наверное, он и выглядел хуже некуда, потому что Кайе скоро ушел, подчинившись совету целителя "пока подождать с разговорами". Вот так взял и ушел, послушал какого-то грустного немолодого человека с прииска, имени которого даже не спрашивал. Верно, полукровка и в самом деле казался едва живым.

**

Поселок снова был почти пуст — кто мог, работали. Те, кто оставался дома, старались не выходить. А его словно на привязи здесь держало, нет бы нырнуть снова в омут леса. Что еще делать, кроме как ждать?

Девушка у дома возилась с корзинами. Кайе засмотрелся на нее — очень смуглая, подвижная, гибкая, тяжелые вьющиеся волосы стянуты тесьмой из травы. Совсем юная.

Подошел ближе — девушка подняла лицо, замерла настороженно. Юноше показалось, что он уже видел эти распахнутые глаза.

Положил руку ей на плечо, притянул к себе. Зрачки его стали шире, взгляд — темным и пристальным.

— Не надо, Дитя Огня, пожалуйста, — прошептала девушка, все еще сжимая небольшую корзину. Он не дал ей договорить: одна рука скользнула вниз, другая запрокинула голову. Прижался губами к губам, не пытаясь быть осторожным. Руки сжали ее тело сильно, но она не вскрикнула, даже если могла. Потом ослабил хватку слегка:

— Дом пуст?

Она кивнула, смотря остановившимися глазами.

— С тобой ничего не случится, — сколь мог мягко сказал он, увлекая ее внутрь, в полутьму.

Потом, когда полумертвая девушка лежала неподвижно, он осторожно убрал волосы с ее щеки.

— Не ты играла в мяч на одной из площадей Асталы вместе с детьми, когда я пришел к ним? Давно...

— Не знаю, — ее едва хватило на бездумный ответ.

Кайе сжал ее кисть — слегка, и вышел.

**

Посланцев из Асталы ждали полтора суток. Вряд ли они сильно спешили, всё уже случилось, а Хлау теперь уж в любом случае присмотрит. Полукровку же нет резона быстрее тащить в город, он не умирает, напротив — подольше полежит на месте, чуть оклемается.

Огоньку было все равно. Только маячила перед глазами глупая морда неведомого зверя татхе, почти ставшая родной мозаика — теперь эта морда насмехалась над ним.

Дорогу в город он не видел — спал, выпив какое-то пахнущее болотом зелье.

Голос вернулся к Огоньку на второй день в Астале. Целитель спросил его, помочь ли повернуться, и тот ответил, потом только сообразил, что вновь говорит.

Кайе тут же про это донесли, и он примчался, на сей раз уже успокоившийся и почти обычный, только взъерошенный больше прежнего.

Хочет ли Огонек разговора, он не спросил. Отмалчиваться было и вовсе глупо.

— Всё из-за тебя! Куда ты ушел и зачем?! Я понял, что следы ведут в лес, а там энихи всяко найдет быстрее.

— Найдет — и убьет?

— С какой это стати?

— Я видел...

— Ничего ты не видел! Я не охотился на нее. Но она дура... зверь не мог упустить поросенка, я не успел погасить атаку.

— Ты... не помнишь себя, когда...

— Частично. Я знаю, кого трогать не надо. Своих.

— А девочку...

— Не знаю. С поросенком в руках, в крови... да плевать на нее, в самом деле. Сколько их таких бегают!

Он протянул руку словно хотел потрясти Огонька за плечо, но опомнился. Долго просто молча сидел. Полукровке смотреть на него совсем не хотелось, но не смог удержаться — вот эти руки, упрямо наклоненная голова, чуть согнутая спина — они принадлежат кому? Человеку, которого знал и которым уже почти восхищался, или той твари, которую рад бы забыть? Во всяком случае разглядывать его уже мог почти спокойно.

И говорит он правду, наверное. Всё просто совпало. Зверь. Оборотень. Хищник, а тут поросенок... И с рабочими тоже, откуда ему, полукровке, знать, как положено, с ним ведь тоже не церемонились...

Ни словом не обменялись до тех пор, пока Кайе не встал и не вышел, не обернувшись.

Огонек не отказался бы так и остаться в постели, только здешний целитель отлично знал свое дело и притворяться было бессмысленно. Ребра все еще ныли, как и рука, висевшая на перевязи, но раны от когтей затянулись. Шрамы выглядели жутковато, будто и впрямь зверь не доел жертву. Целитель заверил, что скоро останутся небольшие следы, и всё. Но вот те следы уже не свести.

На прииске подобное лечили бы не меньше одной луны, тут же справились за несколько дней.

Целителей Огонек зауважал. Часто думал о том, безымянном с Атуили — так и не поблагодарил ведь, говорить-то не мог. Если выпадет случай, вернется, всё скажет.

Понемногу начал вставать. Понемногу снова впускал в себя этот дом, даже морду пошел навестить, только чувствовал, что больше она не радуется. Даже готов был теперь разговаривать и принять второй облик старшего своего товарища, он ведь тоже вынужден с этим мириться, раз таким родился. Придется и Огоньку. Только вот...

Если он снова позовет меня в лес, не поеду, думал Огонек. Ни за что не поеду, пусть хоть приказывает. Тут, дома, он человек, а там... ой.

Дальше думать не получалось. Дальше воображение вставляло в каждую картину их лесного веселья черное тело энихи. Вот они весело наперегонки лезут на дерево, и вдруг с ветки на Огонька скалится огромная хищная тварь. Вот наперегонки бегут, просачиваясь между лианами... а за Огоньком гонится клыкастая смерть.

Не поеду, твердил он себе, понимая, что возразить будет сложно.

К счастью, никто его пока никуда не тянул, даже в сад, где разрешали погулять одному.

Кайе вовсе не появлялся.

Но один раз пришла Киаль, в час, когда Огонек сидел на скамье в саду, смирно сидел, не шевелясь лишний раз, хотя никто за ним не следил и раны уже не болели почти. Принесла сполохи алого и золотого, звон браслетов и серег, аромат терпко-сладких цветов и плоску орехов в меду. Орехи остались Огоньку, всё остальное вспыхнуло и исчезло через четверть часа.

В душе подростка все перемешалось — ни за что не отказался бы от возможности видеть Киаль, спроси его кто, но вдруг и она какая-нибудь клыкастая тварь? Настолько измучился этим вопросом, что решил спросить одного из домашних слуг, принесших вечером еду. Тот рассмеялся и заверил — нет, ничего подобного, таких лишь двое на весь Юг, на весь известный мир — Кайе и некая не виденная Огоньком Шиталь Анамара.

А Кайе так и не приходил, а потом Огонек узнал, что его и вовсе не было дома все эти

дни.

Порой вспыхивала надежда — потерял интерес к полукровке, и теперь Огонька попросту вышвырнут, не убьют же, раз лечили! — но сам не мог понять, именно этого хочет или все-таки нет. В прошлом ничего не было: пара сезонов тяжелой работы, немного леса, который любил и, кажется, знал — но в котором был один. А за эти недели словно прожил много больше, чем на прииске.

В конце концов признался себе, что скучает. Этой беспечности, безудержной радости жизни — не хватало. Если долго смотреть на огонь, а потом его вдруг унесут, глаза ничего не видят какое-то время. Даже если боялся огня и был вынужден смотреть на него, все равно, так и чудится пятно света, закрывающее все остальное.

**

В Астале становилось все жарче; скоро и люди, и земля будут отчаянно желать дождя, просьбы потекут к небу, а дары — в Дома Земли. Но и город, и предместья все равно жили в том же размеренном ритме, как и всегда — долгий труд сменялся сном, и наоборот, а Сильнейшие лениво наблюдали за круговоротом дней и дел — духота и жара отнимали желание вмешиваться. Их примеру следовали и квартальные старшины, и даже суд порой неохота было вершить — на мелочи просто махали рукой.

А Ньенна вдруг обзавелся избранной спутницей. Нельзя сказать, что по большой любви — скорее, их связывало признание друг за другом права на независимость. Молодая женщина — она и сама была из очень отдаленных потомков Тайау — стремилась видеть родню, особенно Киаль, как можно чаще, и Ньенна стал постоянным гостем в доме Ахатты.

— А ты не хочешь найти себе подругу, которую примут в Род? — спросил он у Къятты, когда после полудня они расположились в саду под навесом — дожждаться, пока воздух станет хоть немного прохладней. Къятта по прежнему служил меркой во всем. Единственным недостатком был его младший братец, которого при каждом визите надеялся не встретить.

— Женщин у меня предостаточно... а дети... хлопот хватает и с этим. — Мимолетный косой взгляд в сторону окна... широкие листья скрывают часть дома, но известно, кто там живет.

Ньенна залпом выпил чашку холодной воды:

— Еще одного такого Астала не выдержит.

Ответом была едва заметная улыбка.

Ньенна знал, что у старшего родственника где-то в городе-сердце Юга или окрестностях двое сыновей от обыкновенных женщин, но впервые спросил, раз уж повод представился:

— Почему ты позволил им появиться на свет?

— Первый — по глупости, шестнадцать мне было. Я проверил его потом — так, ничего особенного. Я сейчас даже имени его не помню, имени его матери тоже... Где-то живут. А вторая слишком стремилась поднять собственное семейство за счет нашего Рода. Врала мне, пыталась использовать... Не смотри так — мне не стыдно об этом рассказывать. Она заплатила. Ребенок — никчемный калека.

— Ты постарался?

— А как же. По-моему, он глухонемой. Что ж, получила, что хотела. Нечего было хитрить, раз не умеет.

— И то верно... Но разве излишек Силы хорош? Сейчас твой младший вроде притих, но надолго ли...

Нъенна от души и завидовал, и сочувствовал родственнику своему — иметь в подопечных такое! А уж сейчас, когда едва год прошел с того суда в Доме Звезд, любая оплошность может переполнить чашу терпения.

— Ты серьезно тогда сказал, будто он уверен, что через пару весен войдет в Совет? За счет кого, интересно? Он хочет занять место деда? Или твое??

— Там разберемся, — Къятта полулежал на подушке-валике, с ленивой улыбкой разглядывал замершего на ветке куста богомола. — В юности полезно мечтать. Ну и... все знают, какой он.

— А он, дурачок, и не скрывает того, что может... Зачем остальным такое сокровище? Его скорее убьют свои, если продолжит выпендриваться.

Старший быстро глянул на Нъенну и отвел глаза, словно по-прежнему больше всего на свете интересовался богомолем.

— Трудновато будет убить...

— Но можно, и ты знаешь это. И ты не спасешь. Нет, я не хочу сказать ничего такого, просто... Не боишься за брата? Не слишком-то он умен, — с легким презрением сказал Нъенна. Лицо Къятты стало жестче.

— Он очень неглупый мальчишка. Но сначала делает, а потом думает, этого не изменить. Как человек он взрослеет куда медленней зверя. А огонь... это огонь.

— А сам за себя не боишься? — после едва заметной паузы спросил младший родственник. — Если он ударит во всю мощь, в половину даже — тебе не устоять.

— В воспитании зверя главное... — не договорив, старший махнул рукой. Звякнули серьги.

— Я думал, ты любишь его.

— Одно не мешает другому.

Богомол расправил крылья, стал похож на коричнево-розовый цветок, если бы не хищная треугольная морда и угрожающе вздетые зубчатые лапы. К нему приближался соперник... или подруга?

— Странно, как мы еще не перегрызлись все, — сумрачно сказал Нъенна, проследив за взглядом родича на насекомых. — Я бы с удовольствием убил нескольких...

— Юг держится на огне и крови — так и на севере говорят. Так не сдерживайся, убивай! — рассмеялся Къятта. — Иначе потеряешь всю силу. Она понадобится. Тейит это такая старая ненасытная жаба, только сидит не в болоте, а на горе. Наташила себе кучу сокровищ, которыми уже не может воспользоваться, но желает еще и еще.

— Говорят, мертвым золотом у них отделаны погребальные пещеры, — сказал Нъенна.

— Не знаю, что они такого делают с золотом, что оно становится мертвым... Хотя и живое золото представить себе не могу. Но пусть хоть ели бы его, лишь бы не лезли дальше своих предгорий.

— Подумаешь, нам-то что. Слишком они далеко.

— Не забывай, что жабы растут и растут, и все больше хотят жрать. Помнишь сказку про Солнце? Однажды Тейит проглотит все Срединные земли и станет у наших границ, а мы сможем только обороняться.

— Ты сам их всегда презирал.

— Как и жаб. Или крыс. Но не хочу тысячи их увидеть у своего дома. Эсса не просто

дочиста выбирают месторождения, до которых нам дела нет — они закрепляются на удобных участках, на пригодных для новой отстройки развалинах, и вышибить их оттуда будет куда сложнее.

Ньенна заметил, что обоих богомоллов на ветке уже нет. Оба упали или один другого сожрал и уполз? Нехорошее какое-то знамение для таких разговоров.

— Знаешь, Ийа тоже не слишком доволен тем, что происходит в Астале. Моя Кинья говорила...

— Забудь про Арайа вообще, — отрезал Къятта. — Их поддержки я даже в крайнем случае искать не стану.

— Значит, о союзе с другими Родами вы с Ахаттой все-таки думаете.

— Это дело небыстрое. Но приструнить эсса надо уже сейчас.

— Здесь тебе и пригодится ручной энихи, который плюется огнем.

Къятта словно нехотя посмотрел на Ньенну из-под прямых ресниц. Сказал подчеркнуто ласково:

— Придерживай язык, когда говоришь о нем.

— Но ты сам...

— Я — это я.

— Я бы на вашем месте опасался за свою жизнь, — сказал Ньенна, раздосадованный неожиданной отповедью. — Что ему договор между Родами? Сорвется на ком-нибудь, и всё, междоусобица, как раньше. После реки Иска...

— Лучше пусть боятся непредсказуемости, чем считают, как ты выразился, ручным, — голосом, похожим на густой сладкий сок, произнес Къятта. И закончил хлестко, словно ударил:

— Много о себе мнят!

**

Девять весен назад

Мальчишке едва ли исполнилось семь весен. Чумазый, испуганный, с курчавой гривой волос. Родом из бедных кварталов, он сидел на лохматой кобылице-грис боком, сжавшись в комочек, и все его существо кричало — «хочу отсюда удрать». Но удрать не получалось.

— Ты говорил, скучно? — Къятта со смехом смотрел на подбежавшего к грис братишку, — Получай.

Къятта махнул рукой, и мальчишку спустили с седла.

— Кто он?

— Сирота. Забирай. Развлекайся... — махнул рукой сопровождающим, и все трое умчались.

Глаза у привезенного мальчика были — как два птенца вороненка, испуганных приближением хищника.

— Идем! — Кайе потянул его за руку.

— Что со мной сделают? — высоким и хрипловатым голосом проговорил мальчишка. Стоял, расставив ноги, равно готовый бежать и драться, и на шее болтался камешек с дырочкой — талисман. Бедняки много такого на себе таскали и держали в домах. Кайе поднял ладонь — потрогать камешек.

— Ты будешь тут жить!

«Подарок» отшатнулся, не давая прикоснуться к камню.

— Я не хочу.

— Это неважно — зато я хочу. — В словах зазвенело раздражение — камень бесполезный повесил, и туда же, не тронь, словно ценность какая. Но подумал и сказал, стараясь, чтобы голос звучал успокаивающе: — Ты ведь сирота. Тебе все равно некуда. А тут хорошо... — и сильнее дернул за руку.

— Пусти! — «подарок» смотрел на Кайе — тот был ничуть не выше и не крепче — угрюмо, мальчишка — ровесник не казался ему угрозой. А старших не было здесь.

— Нет! Ты останешься, раз я так хочу! — Кайе начинал злиться.

— Ладно... — обреченно сказал мальчишка и пошел за Кайе. Тот радостно засмеялся и направился по дорожке, болтая обо всем сразу. Руку гостя выпустил — как иначе покажешь все, что вокруг? Мальчишка отвечал невпопад, а потом вдруг замолк.

— Эй! — Кайе оглянулся, и увидел, как тот со всех ног удирает к выходу из сада.

— Стой!

Садовник услышал крик, рванулся за беглецом — но он был далеко.

— Стой же! — закричал Кайе, и мальчишка упал — может быть, подвернув ногу.

Кайе помчался к нему.

— Ты что!? — задыхаясь от бега, выдохнул он. Одновременно с ним подоспел садовник. Склонился над мальчиком. Тот не двигался.

— Он что, сильно ушибся? — в голосе Кайе звучала тревога.

— Али...он мертв.

— Но...почему???

— Не знаю.

— Сделай же что-нибудь!!! — Кайе вцепился в него. — Сделай!!!

...Целитель развел руками.

— Бесполезно. У него остановилось сердце.

— Почему? — почти беззвучно спросил Кайе.

— Ты перестарался, пытаешься его удержать, — голос старшего брата был спокойным и чуть насмешливым.

— Я... — мальчик поднял глаза на Къятту. В них была отчаянная надежда — ну, скажи, что ты пошутил!

— Привыкай, моя радость. Учись. Может быть, в следующий раз будешь поосторожнее...

И добавил, сжалившись:

— Поехали на реку сегодня. Наплаваешься — забудешь.

— *Еще бы соображал, когда перекидывается. И когда сменит облик, сам не знает, по-моему. — Къятта отошел от кровати.*

— *Не перестарайся с запретами и наказаниями. Мальчик отходчив, но может и не простить. По счастью, перекидываясь, он может избавляться от накопленного огня; если не будет — всем нам плохо придется. Но он — наше сокровище. Его надо беречь. А не вынуждать причинять вред себе и нам всем. Будь осторожен с ним.*

— *С ним?! Да это ему стоит быть осторожным...Он, хоть и малыш, способен случайно снести мне голову.*

— Вот и превосходно. Не то, что он способен оставить тебя без головы, — Ахатта не скрыл улыбку.

Оборотни, кана. Великая редкость. Родилось двое в одно время — хоть Шиталь старше больше чем на десяток весен, все же их двое. И еще огонь его... пламя подземное, изначальное. А ведь еще так юн...

Еще пару весен спустя

Луна взошла — красная. Охотник задумчиво пожевал губами — красная луна, плохо. Будет ветер. Прислушался к полулаю-полумяуканью их в долине. Голодные их вопят на всю округу — вряд ли он сумеет найти хорошую добычу.

Низкий лоб охотника рассекал шрам, жесткие волосы уже поседели, хоть охотник был далеко не стар. Втянул носом воздух — пахло колючим кустарником, горными травами — и бегущими животными. Охотник чувал их издалека. Как только луна дойдет до второй вершины, хору будут здесь. Их меньше, чем пальцев на руке, но и столько стоит бояться. Они заставили подчиняться Тех, что оставляют раздвоенные следы, и передвигаются быстро. Последнюю, младшую сестру Седого убили вчера, чтобы хору не трогали стойбище. Они не видели ее смерти, но они все знают.

Рууна боялись непонятных соседей. Только мудрые передавали память о тех временах, когда их еще не было. Хору жили то в одном, то в другом месте, вырубая и выжигая леса; к их стоянкам из камня рууна не приближались. Но те навевались сами...

Седой шел не торопясь — пока еще рано. Звери придут к водопою под утро, тогда можно будет брать добычу. Если он будет охотиться хорошо, Рыжебровый отдаст одну из своих дочерей Седому. У него хорошие дочери — сильные, рослые, могут долго нести тяжести на плечах. Если земля снова станет беспокойной и придется уходить, такая женщина будет полезной. Не то что дочери Зуба — они все тощие, скоро всех их убьют, чтобы племя не трогали хору. А сестру Седого жаль. Она, хоть и хромала, была крепкой.

Шорох в кустах раздался позже, чем Седой уловил еще один запах. Маленькая йука потеряла мать и забилась в самую гущу зарослей. Не кричала, не звала родичей — чувала, только хищников призовет.

Седой прикончил ее ударом кулака по голове, взвалил на плечо. Потом передумал, закинул на дерево. Запах приманит зверей, и Седой останется без настоящей добычи — или, хуже, придется драться с большими хищниками. А на дереве, если повезет, тушка сохранится до утра. Если их не стащит.

Колючие заросли пропустили Седого, не оцарапав, и сомкнулись за спиной охотника.

Скоро неподалеку от места, где он прошел, застучали копыта, зазвенела наборная узда. Одну грис вели в поводу; а всадников было трое, и они ничуть не старались таиться от леса или дикарей. А ехавший первым юноша и вовсе ушел в свои мысли — спутники не решились бы сейчас окликнуть его. Наконец он вскинул глаза на сопровождающих:

— Оставайтесь тут. Я скоро.

Всадники-синта придержали грис, но один все же сказал:

— Али, одному в стойбище лучше бы не соваться.

— Перестань. Если нас появится трое, они отупеют от страха. Ждите, я скоро, —

послушная легкому толчку в бок, грис потрусилась по неровной тропинке, и за ней последовала вторая, с пустым седлом.

...Рууна были безобразны. Ростом по плечо человеку, они обладали кряжистостью, длинными руками и темной, во многих местах волосом поросшей кожей. Головы их, почти круглые, казались слегка сплюснутыми сверху, широкие носы и низкие лбы создавали впечатление угрозы.

Некоторые из дикарей были трусливы, некоторые безрассудно смелы. Но смелых почти не осталось в землях южан. Некоторые племена не дрожали от страха, чуя их запах — это были те, кто не испытал разрушительной силы пришельцев, а напротив, пользовался их милостью. Сами рууна считали, что ведут начало от медведя, волка и прочих зверей.

Это племя южанам было известно давно, и не кочевало, как другие. Оно жило на самом краю большой долины, где добывали золото. Довольно сообразительные, рууна соорудили алтарь и каждый вечер клали на него плоды и убитых птиц. Они поклонялись и Солнцу, и Грому, однако соседи казались им и более могущественными, и более опасными — не говоря о том, что их можно было увидеть, чуть ли не коснуться. Они пытались задобрить страшных существ — на свой дикарский лад. Порой убивали таких же рууна, чтобы снискать милость могущественных соседей. Неважно, где в это время находились южане. Считалось, что *хору* все равно видят всё.

Къятта немного понимал язык дикарей — если это можно было назвать языком, скупую череду отрывистых, щелкающих и лающих звуков. Понимал, но вряд ли мог бы воспроизвести.

Всадник в легкой золотистой одежде остановился на поляне неподалеку от стойбища. Один — юноша не боялся рууна. Вечерний свет скользил по шелковистым бокам молодой грис, по его длинным, заплетенным в косу волосам, по татуировке.

Боком, пригнув головы, несколько дикарей приблизились к нему. Къятта швырнул им две глиняные фигурки, изображающие детей — одинаковые. На лицах рууна, невыразительных, отразилось облегчение — столь сильное, что было заметно южанину. Быстро, звериным движением кинулись они на стоянку и скоро приволокли два замотанных в шкуры свертка. Свертки попискивали и шевелились.

Къятта свистнул, пронзительно — из леса выбежала вторая грис, покрупнее, с черной вьющейся шерстью. Бросив свертки на спину ей, примотал ремнями и, вскочив в седло, умчался с поляны. Вторая грис следовала за ним.

Живой груз в собственный дом доставил легко — хотя девочки пытались вывернуться из шкур и ремней, издавали невнятные звуки, и, похоже, тряска на грис изрядно их измотала. Пусть скажут спасибо, посмеивался про себя Къятта — в племени дикарей близнецов опасались. Странно, что при рождении не убили. Может, готовили в жертву страшным хоруюжанам? Вот он и забрал, и довольны все.

И братишке понравится, он любит все необычное — правда, и остывает быстро, но диковинок много, для него хватит, не жаль.

— Какие уродливые! — Мальчик с восторгом смотрел на девочек-близнецов. — И даже на людей похожи! Они умеют говорить?

— Если это можно назвать разговором, — Къятта стоял за плечом.

— Их нужно держать на привязи? Или можно приручить?

Мальчишка протянул руку к одной из скорчившихся в углу фигурок. Девочка дернулась назад, и Кайе стремительно убрал руку. Старший брат расхохотался:

— Боишься, откусит тебе пальцы?

— Нет! — Кайе было стыдно за свой непроизвольный жест. Разве не возился он с дикими зверьми? — Подними голову! — он шагнул к маленькому уродливому существу и заставил смотреть себе в лицо.

— Почему они все-таки похожи на человека? — с легким возмущением спросил у брата.

— У мира много странных шуток.

— Я назову их Таойэль и Амалини, — выпалил мальчишка имена двух из Пяти звезд.

— Ужасно, — Къятта не скрыл гримасы отвращения, — Давать красивые имена таким чудищам?

— Они мои, а я хочу так! Хоть имена у них будут красивыми, — добавил с неожиданной жалостью. И почесал испуганно молчащую девочку за ухом, словно зверушку.

— Смотри! Она скоро приручится!

Две дикие девочки прижились в Астале — по-человечьи они не говорили, но тянули любопытные ручонки повсюду. Они пробыли в городе целую луну. Как-то утром домоправитель застал мальчишку насупленного и беспокойного сверх обычного. Одна из близняшек-зверушек лежала мертвая подле окна.

— Дедушкин свиток порвала, дурочка, — сказал Кайе угрюмо. — Я не хотел ее убивать...

Другая девочка съежилась в углу, и смотрела затравленно.

— Уберите ее... Больно, когда она тут, — мальчишка отвернулся, вскарабкался на подоконник и выпрыгнул в сад.

Мысль вернуть девочку в племя была бы нелепой. А одна, без сестры-близняшки, дикарка не представляла собой никакой ценности. Уже через час в доме не осталось и следа пребывания Амалини и Таойэль.

К сезону дождей у мальчика уже была другая игрушка. Серебряные знаки на черном поле двигались, подчиняясь плавному качанию руки. Круг Неба: говорили, еще в Тевееррике по нему могли точно узнать судьбу человека. Только на севере, пожалуй, помнили, как им пользоваться во всю мощь, а на юге совсем забыли — так, детская забава. Сосредоточиться, как эсса, не могли южане-Сильнейшие, у которых вся суть была вспышкой, порывом. Разве что Имма Инау в совершенстве освоила, как повелевать серебряными рисунками — но и она не умела сложить из них совсем уж определенное.

Ахатта попробовал младшего внука хоть через Круг Неба приучить к знанию — мальчишка любит все новенькое. Тот и вправду увлекся, ненадолго, потом остыл.

Вот и сейчас — уселся в центре черного мраморного круга, ладонями поводил над полом, добиваясь плавного движения знаков. Плавные жесты давались ему без труда, странно при его-то порывистости. Детеныш энихи, говорил старший, порой проводя рукой ему по спине, словно ждал, что мальчишка замурлычет. Но мурлыкать тот не умел, только шипеть и фыркать.

— Скажи обо мне, — попросил вслух. Никак не мог усвоить, что серебряные знаки-

жуки все равно не слышат, лишь ловят тепло кожи — и мысли.

Два знака сверкнули над полом. Всегда смеялся, когда загорался такой вот знак. Выпало:

аймару — огонь, и *шука* — зверь.

— Было бы новое, — разочарованно протянул мальчишка. Почудился голос старшего — а чего ты хотел? Кайе поднялся было, но тут сверкнул еще один знак, и отсвет его будто прилип, разлился под кожей — *тали*, жертва.

— Ну! — вскочил мальчишка, с отвращением стукнув себя по груди, словно желая смахнуть следы знака. — Еще чего!

Но серебро напомнило, что на исходе луна, последний день — значит, пора к Башне, иначе можно и не успеть. В дверном проеме старший брат появился, поманил за собой.

Башня пела по вечерам. Если прильнуть ухом к старым ее бокам, можно было услышать низкий гортанный голос. А если коснуться пальцами — ощутить дыхание. Древняя, построенная на крови, она хранила Асталу и пела для нее, жила для нее.

В эту луну человека для Башни выбирал один из Кауки. Привез кого-то с окраин. Как часто бывало, привез на закате, и скинули дар с высоты ее. Кровь у подножия сама впитывалась в камни, оставалось только тело убрать.

Мальчишка сидел поодаль на мягкой траве, смотрел на Хранительницу с преклонением, в другие часы несвойственным ему совершенно. На служителей, спешивших к телу, внимания не обратил никакого. Тысячу раз поднимался на самый верх в полутьме по высоким ступеням, тысячу раз ловил ветер на вершине ее. Чудо Асталы, любовь Асталы... она прекрасна.

Над Башней понемногу всходили Пять Звезд. Пока лучше всего было видно одну, Амалини, крупную, остро-голубую. Как глупо, в самом деле, было назвать тех девчонок звездными именами... Вспомнил про дикарок — поморщился. Видел как-то, как одного из дакарей убили в честь хору, так они называют южан. Бессмысленно. Потянул Къятту за руку, спросил требовательно:

— Почему они приносят нам жертвы? Рууна?

— Нашел, о ком размышлять! Придумали, что так оберегают свой народ. Не только от нас — от всего, что пугает и перед чем бессильны.

— Так делают все их племена?

— Все нас не знают. Мы их тем более, и не стремимся.

— И они убивают... своих? Какая же это защита?

— Не каждый в племени — свой. В Астале много людей, и кто они тебе?

Мальчик молчал, прислушиваясь к пению Хранительницы. Потом спросил:

— Скажи, ты любишь меня, Къятта?

— Конечно. С чего это ты?

— Ты с таким презрением говоришь обо всех... даже о Сильных. А я — что я для тебя значу?

— Да ты что, Кайе?! — тот сел на траву рядом с ним. — С кем ты себя равняешь?? Ты не заболел?

— Ты любишь меня — или ценишь мою Силу?

— Вы неразрывны.

— Я знаю, и все же... Если бы вдруг я лишился ее...

— Тогда я просто оберегал бы тебя.

Мальчишка обвил руками его шею, спрятал лицо на груди.

— Не оставляй меня никогда. У меня больше никого нет.

Старший брат осторожно расцепил его руки, чуть отстранил, поднял за подбородок лицо мальчика:

— Есть дед, сестра и мать. И еще куча родни. Этого мало?

— Мне — мало. Дедушка такой строгий и равнодушный всегда, Киаль знать ничего не хочет кроме своих танцев, птиц и цветов. Она просто глупая. Если бы я родился птичкой, она бы меня обожала. Но я... не птичка совсем. А мать... ей только сны интересны. Мне тоже иногда снится всякое, но я же не пью все те зелья!

Къятта не мог сдерживать улыбки, слыша такие заключения от мальчика, не достигшего еще начала созревания.

— Если бы ты думал почаще, — пробормотал он. И добавил, стараясь донести до младшего весь смысл слов: — Ты можешь считать близких глупыми или слабыми, но помни — свой Род защищают всегда. В этом правы даже дикари.

...Звонкие голоса раздавались из-за поворота одной из улочек. Кайе пробежал несколько шагов и остановился. На маленькой площадке шестеро детей играли в мяч — встрепанные, пыльные, смеющиеся. Мальчика заметили, стихли, рассматривая. Потом одна девочка улыбнулась ему и сделала приглашающий знак. Одеты все были в короткие штаны, даже девочки — удобнее для игры, чем запашные юбки; на девочках кофточки-челле. Кайе подошел к детям, всматриваясь в лица. Дети почуяли в новичке жоака, настроенного благожелательно.

— Иди на нашу половину, — позвал один мальчик.

И вскрикнул другой. Пальцем показал на золотой знак, украшающий плечо. Дети застыли, не смея пошевелиться. Они больше не улыбались. Они смотрели как на... огромного паука, упавшего на площадку.

Кайе скривился презрительно, шагнул к девочке, державшей мяч. Взглянул в упор. Красива — смуглая почти до черноты, тугие кольца волос. Прижимала к себе мяч, словно пыталась спрятаться за ним.

— Дай, — приказал.

Девочка дрожащей рукой протянула войлочный шар, оплетенный тонкой веревкой.

Кайе зло усмехнулся и с разворота швырнул мяч в щиток, намеренно сильно, снес его со стойки.

Повернулся и пошел прочь.

Настоящее

Огонька разбудил сухой перестук — каменный ливень пролился на его постель. Сел, пытаясь проморгаться — постель была усыпана агатами, и необработанными, и уже отшлифованными бусинами.

— Ты что? — ошарашено спросил он у довольного Кайе. — Ты это зачем?

— Привет тебе с вашего прииска. Не скучал?

Огонек взял один из агатов. Серые ломаные линии, верхушки леса в тумане....

— Прииска больше нет?

— Почему же. Сперва надо понять, много ли там осталось этого, — указал на самоцвет, что держал в руке Огонек. — Зачем закрывать хорошее место? Они незаконно торговали с Чема. Теперь работы пойдут как положено.

— Там про меня...

Кайе как ни в чем не бывало уселся рядом, взял пригоршню камней.

— Никогда не понимал, что в агатах такого, — поднял один, повернул к свету — утренний, он как нельзя больше подходил к неяркому рисунку на сколе.

— Какие ты больше любишь, если не эти? — спросил полукровка, решив отвечать, словно и не было ничего.

— Прозрачные, горящие изнутри. И Солнечный камень — больше всего, хотя он непрозрачный, правда... Но я никаких не ношу, — и высыпал агаты обратно.

— Про меня что-то сказали рабочие? — спросил Огонек неуверенно, выбираясь из-под самоцветов так, чтобы не просыпать все на пол.

— Что ты из ниоткуда взялся. Никто не знал большего. Удивлялись, как ты выжил в лесу, если и впрямь был один. Хотя думают, тебя кто-то привез.

— Все это время разбирались насчет меня?

— Ох, нет, конечно. Тайная добыча! Пришлось выяснять, кто зачинщик, с кем торговали...

— А это зачем?

— Мало ли. Вдруг и еще незаконные прииски есть.

Кайе вдруг обернулся, придержал Огонька, который вставал уже:

— Крепко тебе доставалось?

— Ну... как, наверное, всем в таком положении, — он вспомнил Атуили, сломанную ногу рабочего; невольно ссутулился, стараясь стать меньше.

— Ты о себе говори, не о ком-то.

— Мне не хотелось бы... вспоминать. Зачем теперь?

— Я хочу знать, — придвинулся ближе, положил руку на плечи, привычно уже; голос Кайе стал негромким, ниже обычного и чуть протяжней — верный признак, что заупрямился и не отстанет, пока не получит желаемое. Пришлось рассказывать, хоть неприятно было снова мысленно возвращаться к тому полуголодному существу в синяках. Сухо говорил, ничего не расписывая, наоборот, преуменьшая. Кайе слушал на редкость внимательно, таким он только во время песен бывал. Спрашивал, не давая отвечать совсем уж кратко.

— Так, в общем, — закончил Огонек. Не оставляло чувство, словно какая-то жирная липкая грязь на руках. Агаты трогать такими руками не хотелось.

— Угу.

— Сегодня ты... я... — за эти дни мальчишка почти сумел принять всё, что узнал недавно, но еще не был готов общаться, как раньше, как недавно совсем.

— Дома побудь. Вот, последнее дело осталось, — Кайе встал, кивнул на рассыпанные самоцветы. — Я после полудня приду.

**

— Скучаешь? — спросил Къятта, прислоняясь к стене у дверного проема. — Бросил тебя малыш?

— Мне вполне неплохо тут, — настороженно сказал Огонек. Гость был словно клинок, выросший из пола — и не трогает, а заранее страшно, и не должен бы появиться тут вообще.

— Вставай, прогуляешься.

— Один я могу выходить только в сад. Куда ты меня зовешь?

— Думаешь, моего разрешения не хватит, чтобы вывести тебя куда угодно?

— Хватит, — обронил он, нахохлившись, не скрывая своего нежелания. Приготовился встать.

— Я всего лишь хотел тебе кое-что показать, — сказал Къятта на удивление мирно. Колючесть полукровки у него даже будто сочувствие вызывала. Огонек думал — рассердится, самое малое. С чего бы он вообще заговорил с тем, кого считал не важнее дорожной пыли?

— Кое-какие вопросы у тебя наверняка есть.

— Нет у меня вопросов, — еще больше нахохлился полукровка, подозревая неладное, но встал, понимая, что никуда все равно не денется — лучше уж подчиняться.

Къятта вывел его во двор и передал помощнику, Огонек знал того в лицо, но не говорил с ним раньше.

— Вот с ним отправишься.

Его самого уже дожидалась грис — Огонек и рта не успел раскрыть, как он ускакал.

— Нам тоже надо поспешить, мы-то пешком пойдем, — хмуро сказал помощник, недовольный то ли поручением и обществом полукровки, то ли прогулкой по стремительно наползающей жаре.

— А куда?

— Сам все увидишь.

Так и не понял, куда привели — низкое здание из каменных блоков, то ли тюрьма местная, то ли склад. Небольшое окно — если очень-очень постараться, может, тощий подросток и мог бы протиснуться, только зачем? Хотя после такого приглашения хорошего не ждал.

— Здесь сиди и смотри, больше от тебя ничего не требуется. Потом я тебя заберу.

Дверь закрылась, и, кажется, стукнул засов.

Отсюда было видно все песчаное круглое поле шириной в три десятка шагов.

Къятту он узнал сразу, и фигуру рядом с ним — пониже ростом, прямую, ладную, с короткими, ветром распушенными волосами. Разговоров слышать не мог, разве что кто-то сильно повысит голос.

Припал к окошку, зная, что его самого никто сейчас не увидит.

Прииск Род Тайау взял себе, раз первые обнаружили. Месторождение оказалось довольно богатым, и на сей день там выбрали едва ли половину; рабочие, жалуясь на бедную добычу, всего лишь попали на неудачную полосу. Миновав ее, снова бы поймали удачу за хвост.

В незаконной добыче агатов и торговле виновны были все на прииске, а за это всегда присуждалась смерть — разве что женщин согласились отдать рабочим в каменоломни.

А вина четверых из рабочих оказалась еще серьезней — они, поняв, что раскрыты, напали на молодого синта, караулящего грис, пока остальные разбирались на месте, отобрали скакунов и оружие, а также талисман-хольта с Солнечным камнем и попытались скрыться в лесу.

Нашли их, конечно.

И то, что жертва их нападения отделалась синяками, не имело значения.

Остальные были уже мертвы, сегодня на песок вывели тех четверых, пытавшихся бежать.

Их поставили на расстоянии пары шагов друг от друга: на коленях, руки связаны за спиной, все годами около средних, грязные и растрепанные. Два близнеца — очень редко такие рождаются на юге. Считается, что судьба у одновременно рожденных общая; до судьбы этих никому дела нет, но умрут точно вместе.

— И на что вы надеялись? Идиоты, — ленивый беззлобный голос, и скука в нем — не наигранная, подлинная. Зачем бежали? На что надеялись?

Никто не ответил.

— Это ты взял хольта? — равнодушно спросил Къятта у одного из мужчин. — Хоть пользоваться умеешь?

Тот угрюмо молчал.

— Хольта придают силы, защищают от диких зверей, — насмешливо продолжал Къятта. — И как, защитил?

Ему никто не ответил.

Къятта глянул на брата, и вновь обратился к рабочим: — Что ж, зверя вы и увидите — не просто умрете, как другие; можете быть благодарны за оказанную честь. Ты считаешь это справедливым, малыш?

— Да! — Как же иначе? Вопрос излишний, и голос задрожал — не понять, от восторга или от ненависти. Вот что делает личный интерес — эти неудачники обижали его игрушку! А до краж и прочего ему и дела нет.

— Ты справишься сам?

— Да!

Огромный черный энихи спрыгнул со ступеней — будто ураганом смело. Мощным ударом лапы он разбил череп ближайшему, и, развернувшись мгновенно, разорвал грудную клетку второму рабочему. Двое других, близнецы, вскочили, видя перед собой смерть в обличье огромного зверя. Прыгнув еще раз, энихи рванул когтями плечо и шею третьего, ломая и позвоночник; кровь выплеснулась из разодранной вены.

И замер, вздыбил шерсть на загривке, припав на передние лапы, перед четвертым. Тот снова упал на колени, но стоял сейчас, закрывая брата, который еще дышал. Не себя.

Человек и зверь смотрели друг на друга.

Смотрели.

— Что же ты? — раздалось со ступеней.

— Не могу, — ответил юноша, поднимаясь на ноги — он снова был человеком. — Не так...

— Ладно, иначе! — из кулака старшего брата вырвалась белая молния. Последний виновный упал навзничь, грудь его и лицо были обуглены.

Этого Огонек уже не видел, как и мига, когда энихи стал человеком. Он скорчился на полу и его вырвало.

Дверь на сей раз открыл сам Къятта, почему-то совсем черная фигура, хоть свет из окошка и попадал почти на него. Он показался очень, очень высоким.

— Дааа... — протянул он, и велел, отступая: — Выходи, я в этот хлев и вступать не хочу.

Огонек, пошатываясь и опираясь на стену, вышел.

Къятта оглядел его изучающе:

— Тебе повезло, что ушел уже с прииска, а потом попал к малышу. Иначе сам бы там стоял, — он кивнул в сторону песчаного круга.

— За... что... — перед глазами плавали пятна-лица. Багровые.

— Я думал, ты уже всё понял на Атуили. Что такое порядок, и остальное.

— Там... случайно, — язык не слушался, деревянный.

— Случайно там ему подвернулся ты! А потом... Нет, ты что, всерьез думаешь, что та пигалица с поросенком еще жива? Как и те, кто плохо за ней смотрел? Это уже не наивность, а самая настоящая глупость, — он как-то сожалеющее смерил Огонька взглядом и пошел прочь.

— Отвезите его домой, мы будем чуть позже, — бросил он на ходу своему помощнику. — Только по дороге умойте.

**

В своей комнате он просто лег на пол и лежал, не в силах добраться до кровати. Да и кровать несла на себе отпечаток этого дома... пол тоже, но он хотя бы был ближе к земле. Мокрых растрепанных волос с лица не убирал, и одежда была еще влажной, хоть по жаре быстро сохла; по дороге его окунули в канал, прополоскали, как тряпку. Да пусть бы совсем утопили.

— Ты там был.

Огонек не ответил, да это и не было вопросом. Кайе сел рядом.

— Ты живой? Эй, — легонько встряхнул за плечо.

Огонек не отозвался, только выдохнул тихо и невнятно, будто пытался муху отогнать, но не было сил.

— Слышишь меня?

И опять никакого ответа.

— Я могу после прийти, — произнес юноша несколько неуверенно.

Встал. Видеть его сейчас глядящий в стену Огонек не мог, да и не хотел; кажется, он

бесцельно бродил по комнате. Медленно; быстро, как привык, не сумел бы — мешала фигура на полу. Шаги были легкими — а ведь зверь тяжелый... хотя тоже ходит бесшумно...

Наконец снова присел рядом, убрал волосы с лица лежащего, долго смотрел в лицо. Ответного взгляда не дождался, хоть и глаз Огонек не закрывал.

Ушел наконец.

Больше в тот день никто к его комнате не приближался.

Къятта не мешал младшему, когда после Круга тот пошел к полукровке, но после никак не мог отыскать. Обычно его присутствие было столь очевидным, что даже не приходилось подумать, где может находиться. Теперь же пришлось пару раз обойти дом снаружи и изнутри, расспросить всех встреченных, чтобы наконец оказаться подле стоящей в дальнем углу сада голубятни.

Самое тихое и мирное место в доме, не считая пруда с рыбками...

Братишка сидел на крыльце, сцепив пальцы, опустив руки между колен. Когда пару часов назад возвращались с ним вместе, узнал, что его полукровка всё видел, и взбесился на середине дороги. Кричал, что Къятта все испортил, чуть ли не в драку лез, не заботясь, кто видит. Пришлось встряхнуть его хорошенько.

"Прекрати себе врать!" — сказал тогда Къятта. "Я показал ему то, что ты на самом деле есть, только сразу. Он такой же, как и все остальные. Они все могут лишь бояться или сквозь зубы терпеть, если сами достаточно сильны. Любить тебя и принимать они не будут никогда".

Тогда Кайе сорвался и убежал, и вот сидит теперь, тихий и будто пустой.

— Ну что ты? — подошел сзади, тронул взъерошенную макушку.

— Уходи сейчас, ладно? — совершенно по-детски сказал младший. Растерянно, беспомощно даже.

— Как хочешь.

**

Сумерки, приторно-сладкие, мягкие, спустились в Асталу, быстро загустели, как старый мёд в дуплах. Издалека зазвучали музыка и вечерние песни — короткое время отдыха для простых семей, время гуляний для состоятельных. Вот и оно завершается, еще доносятся голоса и смех, довольные и нетрезвые, но уже тише, полусонно. Тогда Огонек решился. То, что после всего сказанного его не тронули и даже не приставили стражу означало — Кайе не потерял надежду, что Огонек отлежится, как после Атуили, и снова станет послушным и веселым товарищем. Лучшего случая могло не представиться.

Не сразу собрался; сидел, перебирая в пальцах кисточки покрывала, потом встал, на цыпочках прокрался к выходу — никто не заметил. Напрямик через темный сад, прячась между кустов — к каменной стене, вверх, ловко цепляясь за выступы и плети растений, вверх, потом вниз, прочь отсюда. Волосы повязаны платком, не видно, что рыжий. Он ходит быстро, и ловкий, может срезать путь по заборам и деревьям. А вдруг да не будут искать? Вряд ли хоть кто-то в этом доме еще считает опасным лесного найденыша. Къятта постарается убедить младшего брата, что ушел и ушел, вот и славно. Если, конечно, сам не пошлет своих людей следом.

Прочь из этого города, к рыбакам, собирателям плодов, куда угодно. Что-то умел ли

раньше — плести, лепить, шить? Может, примет кто — помощником? И грязной работы он не боится. Только бы не здесь, не в Астале. Или опять в лес. Или в города Срединных земель. Или... Он понял, что перебирает возможности, как те брошенные агаты, толком и не смотря на них. Неважно. Потом.

Пока было просто тошно, и от себя в первую очередь. Будто он... растил какого-нибудь домашнего зверька, вроде того поросенка на Атуили, любил, играл с ним, а потом узнал, что его съел за ужином. И уже никуда не деться от этого. Хоть вывернет наизнанку, как недавно возле песчаного Круга, толку-то.

А недавно думал, как повезло. Лестно, что ни говори... Полукровка, замухрышка без умений и памяти... Только не забывай, возносясь — падать больно будет.

Огонек брел мимо деревьев с широкой кроной, увенчанной ароматными цветами, невидимыми в ночи. Вокруг вились светляки. Это была ночь без кошмарных снов, хватало и того, что наяву.

Ряды домов сменялись площадью, рощицей или каналом, иногда в темноте угадывались очертания складов или каких-то подсобок. Порой одинокие фигуры мелькали, или проходила ночная стража — тогда съеживался, сливался с кустами или подтягивался на ветки; но никто не подошел, не остановил Огонька. Он не знал, как далеко ушел и в чьем квартале находится сейчас. Город не желал выпускать заблудившегося лесного мальчишку. Даже в чащобе он легко запоминал приметы, а здесь не сумел.

Светало уже. Сероватое небо, потом бледно-сиреневое. Остановился у столба, увенчанного бронзовым знаком — оскаленная морда. Неуютно стало от пристального взгляда зверя.

Понемногу народ наводнял улочки. Любопытные взгляды скользили по Огоньку, пару раз мальчишку окликнули. В первый — сделал вид, что не слышит, во второй — пустился бежать, спрятался за углом. Отдыхался насилу — страшно... так и не привык быть среди толпы. Десять человек — ведь это целая толпа. Так долго шел, хоть и с остановками, хоть и кругами порой, а вокруг всё еще город!

А меня, верно, хватились уже, подумал. То есть... поняли, что меня нет. Улица живо напомнила едва не поглотившую его реку... барахтайся, если сумеешь. Один. И кто тебе руку протянет? А если протянет — выбирать будешь, та ли рука? Кайе тогда не ждал, что он выберет, просто вытащил из стремнины.

Скрипнула калитка, и старушка, махонькая, сморщенная в упор взглянула на Огонька.
— Тебе чего, мальчик?

Огонек не сразу ответил; стоял, покусывая нижнюю губу.

— Тебе кого надо-то? — снова спросила, вперевалку выкатываясь из калитки.

— Я и сам не знаю, — вздохнул.

Старушка по всему решила, что перед ней дурачок. Указала рукой вдоль по улице:

— Иди, иди...

— Бабушка! — послышался из дома веселый детский голос, и налетевший ветерок донес запах свежих лепешек. Старушка заторопилась обратно, в свой дом, к кому-то, кто звал.

А Огонек побрел дальше.

Сел возле какого-то амбара, спрятал лицо в коленях. В лесу он был один, и не считал себя одиноким. Тут везде люди, но... Взгляд зацепился за нечто, блеснувшее в пыли. Нагнулся и подобрал раскрашенную фигурку. Глиняная, она блестела, покрытая слоем лака.

Огонек повертел находку так и эдак — рыбка... Уже пострадавшая: без хвоста и спинного плавника, глаз обсидиановый, черный. Как живой...

Мальчишка дернулся, будто кто укусил. Показалось — в руке не обломок нелепый, а птичка, серебряная. И так тепло на миг стало, словно кто-то большой и сильный подошел сзади, руку на плечо положил, назвал по имени. У меня был дом, сказал себе Огонек. У меня были родные...

Он помнил всё сказанное о полукровках, но, сжимая фигурку, позволил себе помечтать хоть немного. Пусть это было бы навсегда в прошлом, но... Картинки представились ясно. Мать, совсем молодая, ясноглазая, варит что-то в котелке, и смеется, а на ней рубашка-туника без рукавов. А отец сидит у костра и рассказывает ему, сыну, как давным-давно жили люди. Вот он встает, улыбается...

Чей-то голос выдернул из грез наружу. Огонька прошедшие не заметили — сидит какой-то мальчишка, кому он нужен. И не к нему обращались — просто беседовали. Он вновь повертел обломок в руках, вздохнул, когда снова блеснул лаковый бок.

Некстати вспомнился золотой знак на плече Кайе. Как он сверкал на солнце, когда тот взлетал в седло или проходил колесом по двору. Как Огонек восхищался товарищем, зная, что самому таким не бывать.

Что он все-таки сделает, узнав, что игрушка сбежала? Кто из домашних пострадает и насколько серьезно? Ему ведь могут и позволить от души излить свой гнев. Къятта может позволить. Ему нравится... зверь.

Огонек плотней обхватил колени.

В Бездну такие мысли!

Но успокоиться так и не мог. Как бы то ни было, лучше вернуться. Пусть Кайе сам позволит уйти... или не позволит. Но тогда Огонек будет знать, что никто другой не заплатит за его выбор.

— Ты кто такой? — возник рядом суровый человек огромного роста — широкий нож на поясе, широкий браслет выше локтя. По всему — из квартальных охранников.

— Покажи мне дорогу к дому Тайау... главы Рода, — проговорил Огонек, поднимаясь. Сжал в руке разбитую игрушку.

Обратный путь оказался много короче — спутник знал, где и куда свернуть. Они миновали усаженную кипарисами аллею, отделяющую дом Ахатты и его семьи от остального квартала. Тут провожатый впервые заколебался, стоит ли ему идти дальше. Он выпустил руку Огонька и указал вперед, на сланцевые стены, щедро оббитые зеленью.

— Туда иди. Сам дойдешь до ворот. Я посмотрю за тобой отсюда.

Скрыться тут и впрямь было негде, напротив дома Главы Роды такие же стены прятали еще несколько домов, принадлежащих семьям приближенных. Стражи не было видно.

Но, когда подошел почти к воротам уже, оглянулся, заметив краем глаза движение: от одного из кипарисов отделилась фигура, хотя Огонек поклялся бы, что аллея была пуста. Прозвучали какие-то слова или нет, он не слышал, но провожатый развернулся и резво зашагал обратно. А Кайе так же быстро покрыл расстояние до полукровки.

— Я следил за тобой. Решил вернуться?

После краткого замешательства Огонек рассмеялся. Сам не знал, над кем — над собой или над ужасом всей Асталы, которому нечего больше делать, как выслеживать беглого

полукровку. Позабыв, что держит, разжал пальцы — игрушка упала на дорожные плиты и разлетелась на части.

— Не страшно было сбегать?

Теперь они стояли друг против друга в небольшой нише, мохнатой от плетей вьюнка. Он свивался даже над головами, словно опять очутились в том лесном гроте, и так же близко лица, только всего остального нет.

Смотрел и не чувствовал ничего особенного. Ни страха, как в начале, ни восхищения, как потом. Лицо и лицо. Чужое.

Отвечать не хотелось.

— Говори, — потребовал Кайе.

— Сбегать? Страшно.

— Зачем же пришел опять?

— Просить, чтобы ты отпустил. Чтобы не пострадал никто... из домашних.

— Ах, вот оно как. Такой ты добрый. Что же тебя не устроило здесь?

На это Огонек не ответил.

— Хватит молчать! Теперь ты не без голоса!

— Сказать мне нечего.

— Я спросил, что тебя не устроило. Что, плохо тебе было у нас?

— Мне... — помолчав еще какое-то время, Огонек вздохнул, отвернулся, разглядывая прожилки на ближайшем листе. По нему ползла какая-то букашка, вполне симпатичная, в крапинку...

— Ай!

Юноша сдернул с него платок намеренно грубо, чуть прядь волос не вырвав. Огонек вскрикнул от боли, но тут же умолк, закусив губу. Прижал ладонь к голове. На прииске, когда на него сердились, обычно сжимался, делал вид, что его нет вовсе, и более-менее помогало. Сейчас это было... трудно. Не потому, что дышать все тяжелей от жара в груди. Просто...

— Ты будешь говорить или нет?!

Внутри что-то лопнуло.

— Отцепись от меня уже! — выпалил Огонек, отбрасывая платок, зацепившийся за листья. — Что ты хочешь услышать? Как я жалею о том, что ушел, или наоборот? Сделать вид, что всё дело во мне?

— Смеешь так со мной разговаривать?

— Так хоть честно. Ты злишься, когда тебя боятся, когда кто-то тебе мешает или возражает. Даже когда молчат. Было бы что выбирать! — теперь он и сам почти кричал.

Кайе в упор глянул на него. Два алых пятна на щеках, зубы плотно сжаты. Дернул плетвь вьюнка, открывая часть стены, склонился к полукровке так, что почти соприкоснулись лбами.

— Язык у тебя ядовитый! И куда девался тот лесной дурачок!

— Ты его научил быть немного умнее.

— Зря я возился с тобой!

— Наверное, зря. Столько дней впустую.

— Къятта предупредал не связываться невесть с кем, — Кайе резко вдохнул, его лицо

застыло.

Воздух стал еще горячее. Огонек глянул вниз и сквозь плавающие круги увидел невдалеке разноцветные маленькие черепки — то, что было глиняной рыбкой.

— Ну, так послушай его и заканчивай. Я не первая сломанная игрушка.

Кайе вскинул руку; кулак пролетел у головы Огонька и впечатался в стену, проехал по каменным сколам. Мальчишка невольно дернулся, видя, что с ребра ладони содрана кожа, и кровь обильно капает.

С чего он будет жалеть чужую жизнь и чужое тело, если так относится к своему? А рука заболела, словно сам сделал то же.

— Ну чего ты от меня хочешь? — спросил Огонек почти умоляюще.

— С чего ты взял, что хочу?

— Иначе я бы уже лежал мертвым.

— Да. Нет, — он зло мотнул головой, челка хлестнула по глазам. — Заткнись уже совсем!!

— Как скажешь... — тихо ответил мальчишка. Так трудно было дышать, будто на грудь плиту положили. И угли тлеют внутри.

Он глянул на собственный бок, прикрытый безрукавкой-околи. Кайе поймал этот взгляд, протянул руку, дотронулся до невидимых под одеждой шрамов; Огонек чуть дернулся в сторону — назад мешала стена.

— С огнем ты смирился, а со зверем не можешь? — спросил юноша гораздо тише, чем раньше.

— Да нет. Тогда, у дерева... я был в ужасе, но потом подумал, что оболочка зверя — не твой выбор, ты родился таким, и все это — с рабочими Атуили, с девочкой — вспышка гнева, случайность. Ты тогда сказал "какая разница" про нее, я подумал — в запале. Я был готов тебя принять. Но тебе нравится таким быть. Убивать. Я видел... радость.

— Они... заслужили. Тем, что воровали, противились страже, тем, как обращались с тобой.

— Но мне ты эту справедливость решил не показывать.

— Я пугать тебя не хотел. После Атуили...

— Я не испуган.

— Они бы все равно умерли. Тех, что не пытались бежать, уже нет, и это сделал не я.

— Твоего мне хватило.

— Разве тебя я тронул?

— Меня нет. Шрамы не в счет, я сам... Но я не хочу больше быть здесь.

— Боишься?

Огонек глянул из-под растрепавшихся прядей и снова уставился в никуда.

— Нет. Просто увидел, что ты делаешь с другими. И ведь наверное не всё еще знаю? Это со мной ты решил... быть добрым.

— Что же ты собираешься делать? Умереть? Или бродить по дому бледной тенью, изображая страдальца?

Не последовало ответа.

— Что я могу... — теперь голос Кайе был неуверенным.

— Ничего мне не нужно. От тебя — точно.

— Ты ненавидишь меня?

— Нет... — Огонек понял, что ужасно устал. Еще немного, и сядет прямо тут, у стены.

Кайе отступил на шаг. Потом еще немного. Невидимую плиту на груди Огонька приподняли, стало полегче. И жар спадал.

— Ты сказал, что ничего от меня не хочешь. Но вернулся же.

— Просто взять и сбежать я не смог. Понадеялся, может, поймешь... Я сказал, что ради домашних, но... не только поэтому. Ты меня спас, защищал даже от своих. За это я благодарен, неважно, что... Ты просто играл все эти дни, но заботился обо мне искренне. За это спасибо.

Он не сразу отозвался, и сделал вид, что не слышал слов Огонька:

— Хочешь уйти?

— Да... если отпустишь.

Кайе молчал, потом вытер руку о штаны, теперь пятно крови было и на них. Глухо сказал:

— Но куда тебе идти? Снова в лес?

— Да куда угодно. Придумаю что-нибудь, — наклонился — голова закружилась. Поднял платок, который теперь висел на листьях у самых камней мостовой. Посмотрел бездумно и протянул бывшему приятелю: — Возьми. Не хочу волосы прятать.

— Значит, напрасно все? А я-то решил...

— Что я вернулся к тебе? Ты привык получать что хочешь, что ты еще мог подумать.

Кайе вздрогнул, будто на осу наступил. Глаза вспыхнули — и погасли.

— Не говори о том, чего не знаешь.

Развернулся и ушел. Огонек слышал — у ворот он окликнул стражу и велел забрать полукровку в дом.

**

Чуть больше одной весны назад

В последнее время дед часто направлял Кайе послушать, как старейшины и судьи Кварталов решают дела. Не мелкие, вроде свадеб, выделения молодоженам земельных наделов и семейных склок, а более крупные, мошенничество, например. И когда к Ахатте лично приходили за распоряжениями — строить ли новую дамбу, как быть с невольной порчей дорогого товара, назначенного к обмену между Родами, — тоже звал младшего внука. Привыкай, говорил. Присматривайся. Это твои люди, ты в ответе за них. И нет, одним страхом держать бесполезно.

— Не много ли чести, возиться с ними? — из-под разлохмаченной челки мальчишка смотрел, не скрывая недовольства. — Ты столько времени тратишь, разбирая их склоки! И старейшины тоже. Не хочешь заставлять — да выгони, пусть кормятся, где хотят. Пусть бы искали себе других покровителей.

— Если эти люди уйдут от нас, богаче и сильнее станет кто-то другой.

— Пусть и возятся, нам же проще. Новых легко найдем, вдвое больше.

— Больше — надо где-то селить. Для них понадобятся новые земли... земли придется защищать и обустраивать.

Дед был само терпение. Кого выгонять, лишать защиты? Те, кто ни на что не способен, кроме простого труда, и так не открывают рот. А мастера и мастерицы искусны, кто же возьмет плохих. Их Род из самых богатых, и не благодаря грубой силе.

— Возглавишь Род, и выгоняй на здоровье. А пока забудь. Если же захочешь кого-то

привести к нам привести — сначала скажи мне, я решу.

Внуку было скучно, вертелся на месте и думал невесть о чем, оживлялся лишь когда дело касалось серьезных проступков или крупных ссор. Безнадежен, думал Ахатта. Что он не сможет управлять, было ясно чуть ли не при его рождении, но все же хоть что-то вложить бы в эту голову! И ведь далеко не дурак — но неинтересно ему.

Будь все, как он, Круг превратился бы в сплошное поле битвы, причем всерьез. Когда-то так и было. Сейчас же схватки там больше стали забавой, способом показать свою силу и ловкость, напомнить зрителям, в чьих руках власть — и почему. Состязания любили в Астале, разные, а в этих участвовать — признание равных, Сильнейших.

Недавно за одного чеканщика Къятта выходил в Круг. Работы его — загляденье, почему не взять? Икиари сильно его обидели — а после рассердились, что тот попросил Тайау принять его под свою руку, и отказались решить дело к собственной выгоде. Могли бы, им предлагали хорошую плату. Къятта решил развлечься, бросил вызов, а не ответить — вся Астала смеяться будет.

От Икиари вышел хороший боец, племянник Халлики. Къятта позволил ему дойти до второго круга, позволил выбрать не только ножи, но и дротик. У самого был только нож. Мальчишку-противника пожалел, оставил неглубокую царапину, и все — тот хорошо держался. А чеканщик с сестрой и маленькой дочерью переселился в квартал Тайау. А его сестра ненадолго в крыло старшего внука... сейчас уже вернулась домой.

Но к таким поединкам — они предстоят младшему через пару весен — готовит Къятта. Ахатта же учит взвешенно принимать решения.

— Не понимаю я тебе, — пренебрежительно фыркает внук. — Если Сильнейшие Юга — это пламя, стоит ли его успокаивать, запирает в клетки правил? Пусть себе полыхает как хочет!

— И вся история Асталы закончится за год самое большее. Вспомни наших предков на побережье. По-твоему этого стоит желать?

— Все равно, договоры ваши... словно паутин понавешали, но первый же крупный зверь их порвет и не заметит.

— Тебе жить не в лесу. И еще. Не думай, что сможешь только брать. Когда-нибудь придется и отдавать — скорее всего, совсем не то, что захочешь. Не другим Родам — судьбе.

— А если я не отдам?

— Ох, помолчи. Подрастешь — может, поймешь, а пока рассуждаешь... как дикари, даже хуже, — этот мальчишка мог и гранитное изваяние довести.

...Он и не рассуждал. Нравилось — жить, ловить кожей ветер и солнечные лучи. Нравилось плавать через стремнину — не помнил уже, что едва не погиб. А зачем помнить плохое, если вся Астала — его, если никто на тень его ступить не посмеет?

Порой юные отпрыски остальных семи Родов пытались ему показать, что и у них есть зубы. Им научился серьезного вреда не причинять, хоть на том спасибо.

Ловким зверем бродил по лесам, удовольствие было — дать себя выследить и перекинуться прямо перед носом охотников, прямо перед натянутой тетивой или готовыми полететь дротиками. Смеялся, чувствуя страх незадачливых звероловов. Не думал, что могут убить — полно, разве сумеют? В обличье энихи нет у него Силы, но есть клыки, когти и чутье хищника.

Четырнадцать весен — все в Астале его.
По праву Сильнейших.

Незадолго перед тем, как сравнялось четырнадцать, завершился очередной сезон дождей. Время Широкой воды подошло — птицы вили гнезда, вблизи рек стоял особенный птичий гомон: захлебывающийся, радостный. После дождей еще не успокоившаяся вода мчалась, не разбирая дороги, крутила в водоворотиках всякий сор. Даже из каналов вода выплескивалась, настолько полноводные, что уж говорить о самих реках! Наступило время самое любимое всеми, и не льет, и не жарко еще, и все ударяется в рост. Еще примерно одну луну короткие ливни будут омыwać землю, но не каждый день, а потом и они иссякнут.

Кайе неторопливо шел, разглядывая дома из камня и обожженной глины. Тут жили не бедняки, но и не богачи. Плоские крыши из связанных прутьев, глиняные глухие заборы — где выше, где ниже. Дверные проемы, закрытые тяжелым кожаным пологом. Тесновато, но Астала людная — по многу места не хватит всем.

Долговязый подросток что-то мастерил в пыли — Кайе увидел конструкцию из колеса и палок с веревками. Стало интересно — подошел и присел рядом. Колесо вращалось, тянуло за собой игрушечную платформу.

— Это что? — протянул руку, коснуться колеса.

— Подъемник. Убери лапы! — неожиданно рывкнул парнишка. Кайе растерялся настолько, что руку опустил и замер. Дар речи вернулся к нему несколько мгновений спустя.

— Чего ты кричишь?

— Я строил не для того, чтобы первый встречный разломал тут все вдребезги.

— Я не первый встречный.

— Да ну? — смерил его скептическим взглядом, внимательно рассмотрел знак. Тот мягко переливался в утренних лучах. Тронул пальцем губу, похоже, в задумчивости. И спросил:

— Давно хотел понять... что они делают, чтобы линии всю жизнь оставались четкими? Ты же растешь.

Кайе ответил молчанием. Впервые в жизни не нашелся, что сказать. Сидел и смотрел на запредельно нахального незнакомца.

— Не знаешь? Жаль, — истолковал его молчание подросток.

— Знаю, — наконец смог проговорить Кайе. — Это же Солнечный камень — крошки его держатся друг подле друга, не расходятся в стороны. И золото там тоже есть, тонкие нити.

— Мало ты знаешь, — вздохнул парнишка. — А еще из Сильнейших...

— Ты сам кто такой? — детское возмущение вспыхнуло в голосе.

— Я Аруга, сын лучшего зодчего Асталы. Твой дед его лично хвалил, между прочим. Наша семья уже весен двадцать у вас. Отец и часть дома вашего помогал строить. Подержи, — протянул гладко обструганную рейку. Кайе безропотно взял. Так с ним еще не разговаривали... растерянность прошла, теперь было попросту интересно.

— Что ты делаешь?

— Модель подъемника... нового. Подумал, как удобнее будет.

— Зачем?

— Меньше тратить сил... Если получится, можно будет их на стройках использовать...

И нам хорошо, и всем вообще.

— А вас много в семье?

— Мать, отец, сестры. Таличе годом меня младше, а Ланики малышка совсем.

— А тебе сколько весен?

— Четырнадцать.

Наблюдать за работой Аруты оказалось весьма интересно. Он пробовал разную длину веревок и наклон доски — порой груз падал на землю, порой шел медленно, а порой начинал сильно раскачиваться, грозя улететь.

— Оторвись хоть ради обеда от любимой работы! — веселый голос прозвенел. Кайе обернулся быстрее Аруты. Рядом стояла девочка-подросток, остролицая, ладная, а ее за колени обнимала малышка не старше трех весен с веткой ежевики в руке, измазанная ежевичным соком.

Старшая девочка подала Аруте лепешку с вяленным мясом и пряностями.

— А ты... — боязливо, и все же лукаво взглянула на Кайе, — не голодный? А то я принесу!

— Не надо. — Поднялся, внимательно оглядел девочку, тронул тонкую косичку, падавшую ей на левое плечо — остальные волосы были распущены.

— Ты кто?

— Таличе. Его сестра. А это — Ланики, — с улыбкой прижала к себе малышку.

— Ланики? Нет. Шуни, ежевика, — усмехнулся Кайе. А малышка протянула ему ветку с ягодами.

Домой Кайе вернулся после заката. И следующим вечером умчался к Таличе и Аруте.

С братом говорил больше, чем с сестрой — та помогала матери, а дел было много — растереть зерна в муку, выпечь лепешки, сбить масло, разделять и прясть шерсть и растительное волокно. Арута же занят был на ремонте дороги — а, возвращаясь домой, брался за очередную придуманную вещицу. Словно не уставал на работе — вечно изобретал что-то, или, напротив, пытался разобрать на части, изучить, как устроено, чертил схемы или картинки в пыли или на глиняной дощечке. Понять все это было трудно, да Кайе не особо пытался. Ему нравилось наблюдать, как наблюдал бы за гнездом каких-нибудь птиц или белок. На глазах из дощечек и конопляной веревки возникали то очередной подъемник, то ветряк, а то и вовсе летающая лодка.

— Всё не то, — хмурился Арута. — Это игрушки, работать они не будут.

— А почему?

— Потому что... — объяснения скоро становились неинтересными. Но всё равно притягивали — совсем из другого мира появились и все эти схемы-дощечки, и этот серьезный подросток с глазами взрослого.

Порой выпадало занятие, в котором и Кайе оказывался полезен. Починить колодец, забор обновить... это тоже было весело, тоже не делал этого никогда. А еще Арута любил рассуждать о том, что справедливо, что нет, какими должны быть законы, и вот тут Кайе не молчал уж точно.

Друг на друга смотрели, словно на диковинку, спорили до крика и ругани, едва ли не драки. Но остывали быстро, не успев поссориться.

И все время неподалеку была Таличе — спокойная, веселая, тепло от нее исходило, а не жар. Она успокаивала спорщиков одним присутствием своим — или метким словом,

улыбкой. И Ланики порой возле крутилась, с легкой руки Кайе и мать уже звала ее Шуни, хоть и странно смотрела, видя подростков вместе, хоть и старалась не подпускать к ним младшую дочь. А старшую... словно поощряла порой, ему так казалось. Но он был рад.

Таличе. Дождевая струйка. От ее кожи пахло мятой и скошенной травой, в волосах серебрилась упавшая с воздуха паутинка. В маленьких ушах — бронзовые серьги-колечки. Сидеть с ней рядом... хорошо было. До того хорошо, что губы пересыхали, и боль поднималась во всем теле, едва ощутимая.

Тонкие руки, украшенные кожаными браслетами, осторожно опустили лодочку на воду. Лодка закружилась, попав в невидимый круговорот, а потом устремилась к западу, неторопливо, с достоинством.

— Она уплывет к Семи озерам.

— Вряд ли. По дороге застрянет.

— Сейчас много воды, течение сильное — вдруг...

Таличе подняла голову, запустила пальцы в волосы, пытаясь убрать за уши рассыпавшиеся пряди.

— Я бы хотела сама уплыть на такой лодке, далеко-далеко. Выдолбить из ствола большую... Арута говорит, мог бы, только занят все время.

Вздохнула, прижимая ладонь ко лбу козырьком, смотрела вслед игрушке.

— А сердце не на месте — что будет с ней?

— Зачем же отпустила?

— Она — лодка, ей плавать надо. А я ей — как мать. Матери не будут детей держать подле себя всю жизнь.

— Мать, — коротко усмехнулся, презрительная гримаса, — Попробовала бы моя удерживать...

— Сколько тебе весен? — спросила Таличе, по-птичьи склонив голову к плечу. Прямо птичка, подумал, и потянулся поправить прядку на ее щеке.

— Четырнадцать. Недавно сравнялось.

— Как Аруте... и кто же тебя вырастил, как не мать?

— Мало ли слуг!

Девочка опустила лицо, принялась чертить пальцем узоры в пыли.

— А мне будет столько через девять лун. Мы с братом погодки. Я в ливень родилась, вот и зовут...

Сидела, поджав ноги, сережка то ли качается, то ли это свет так играет на бронзе. Упорно смотрит вниз, хотя ничего уже не рисует, так палец и замер в конце очередного зигзага.

До недавних пор ни разу не думал о ней, как о девушке. Несмотря на то, что испытывал рядом с ней — не думал. Как о товарище только. И вот будто впервые увидел: словно сок в тонком стебле, все тело уже явственно наполняла, под кожей текла непонятная сила, и скоро она хлынет через край, как в дожди вода из каналов. Уже и грудь обозначилась под льняным светлым платьем, какие носили девочки, и плечи такие округлые, что хочется провести ладонью, и ресницы подрагивают смущенно, словно что-то хотят скрыть. Раньше ведь она иначе смотрела?

Убил бы любого, кто попробовал тронуть Таличе. Так куда привычнее, чем

испытывать... это.

Лесной зверек, думала Таличе по ночам. Опасный, очень опасный... но такой хороший, если правильно гладить, по шерсти. Как хорошо с тобой — словно ветер подхватывает и бросает высоко-высоко. Страшно... разбиться можно, но как чудесно лететь!

Так странно, что он пришел к ним однажды, и приходит до сих пор. И сидит рядом, и его не отталкивает... вся их небогатая жизнь.

Таличе никогда не задумывалась, привлекательны ли внешне мальчишки, с которыми играла в детстве. Хорошо ли брат... а сейчас придирчиво изучала каждую его черточку, желая понять. И сравнивала...

Ореховые глаза — а у того — синие, порой светлее, порой совсем темные, когда злится. Тогда они дикие совсем; а ведь и правда разрезом как у энихи. А черты у Аруты крупнее и резче. И сам — жилистый, высокий. Серьезный. Наверное, девушки по нему будут сохнуть — уже заглядываются.

А при мысли об этом, веселом, как солнце, как звонкая медь, не знающем запретов, словно пушистый кто на груди сворачивается и мурлычет. Бывает ли он нежным? — думала Таличе, и сама пугалась подобных мыслей.

Но ведь ей уже почти четырнадцать весен, после еще одни дожди, и она будет взрослой... и никого другого не надо.

Часы без него тянулись, а с ним — летели. До дня, когда мальчишки поссорились всерьез.

Изначально по мелочи, как у них водилось — ни один не хотел уступать. Речь о северянах зашла. Они такие же, Арута сказал. Мы — дети одной ветви, пусть их.

— Одной ветви?! — яростным грудным клеткотом прилетело с другого конца доски, на которой сидели, — Я не хочу иметь с ними общего!

— Нравится тебе или нет, но в ваших предках общая кровь, — пожал плечами Арута.

— Что ты знаешь о крови!

— То, что она течет в моих жилах. Вы знаете больше — вы ее выпускаете. Но по цвету мою не отличить от твоей. И от северной.

Арута не вскрикнул — вмиг посинели губы, широко открыл рот, словно выброшенная на берег рыба — и беззвучно осел назад. На крик Таличе прибежал отец, подхватил сына и унес в дом. Громко плакала Ланики.

Ночью Кайе не вернулся домой. Просидел на полянке в лесу, бездумно выдергивая перья из тушки убитой им птицы. Дом... и не подумал о родных, все равно не хватятся. У Къятты очередная красotka наверняка, сам не понимал, почему подобные вызывали неприязнь, почти ревность. Не равнять же с ними себя? Но злился, когда видел, как смуглые пальцы пробегают по горлу и груди очередной игрушки. Пока был с Арутой и Таличе, об этом и не вспоминал. А сейчас нахлынула не просто злость — одиночество.

Ночью ливень пошел, но Кайе дождался рассвета, не пытаясь укрыться от тяжелых струй. С первыми лучами солнца дождь прекратился, и подросток направился к дому Аруты. Понятия не имел, что скажет — и в голову не пришло, что приятель мог умереть. Ведь Кайе же не хотел. То есть... хотел ударить, но не собирался убивать. И не ошибся, тот жив был —

не знал лишь, что Аругу с трудом откачали, что Таличе уже готовилась печь лепешки ему в дорогу туда, откуда не возвращаются.

Мужчина стоял у калитки, сверху вниз глядя на хмурого подростка.

— Не приходи больше.

— Я хочу видеть его.

— Вы хозяева Асталы, но это *мой* дом и *мой* сын.

— И что же? Вы под нашей рукой.

— Если ты сделаешь еще шаг, придется просить покровительства другого Рода, — только боль за сына могла заставить говорить так.

Другого Рода. А строителя-зодчего Чиму весьма уважают и ценят, его согласятся принять, конечно. Значит... Къятта не может проиграть, но вдруг он не пожелает выходить в Круг? Ему-то что! Тогда и Аруга, и малышка Ланики, и Таличе достанутся другим. Особенно Таличе — от этой мысли сердце заколотилось, будто со всей скорости пробежал тысячи три шагов.

В открытую в дом пытаться войти не стал. Но в остальном — запрету не внял, пропустил мимо ушей. Это же другое, верно? Три дня бродил возле жилища строителя, умело не попадаясь никому на глаза. Дождавшись, пока Аруга сможет ходить и рядом не окажется взрослых, подтянулся и ловким движением вскарабкался на ограду. Окликнул приятеля, сидевшего на пороге. Поймал взгляд запавших, обведенных кругами глаз.

Против ожидания, держался Аруга совершенно спокойно. Ни капли страха — уж его-то Кайе чувствовал превосходно.

— Послушай, я... не хотел причинять вред.

— Да знаю я, знаю, — неожиданно взрослые нотки звучали в голосе. Аруга потер переносицу — и жест этот показался другим, словно тоже принадлежал мужчине сильно старше. — Но слушай, что мы можем дать друг другу? Зачем это все вообще?

— То есть? — растерялся Кайе.

— Мне интересно строительство, понимаешь? Устройства разные. А тебе — забава, пока лес надоел. А мне в лесу делать нечего. Ты наигрался бы скоро — думаешь, я не понимаю? Давай хорошо друг о друге помнить. А встречаться не стоит.

— Значит, не хочешь простить?

— Я и не сержусь. Ты — то, что ты есть...

— И что же я есть? — тихим грудным голосом спросил Кайе. И вот тут Аруга не нашелся с ответом, почувствовал страх.

— Я сегодня еще не кормила птиц! — прозвенел голосок, и Таличе, босая, с распущенными волосами, выбежала во дворик, держа на сгибе локтя корзинку. Она смеялась, но зрачки были большими-большими, хоть и выбежала из темноты на свет.

Кайе взглянул на девочку, вскинул руку, цепляясь за верх ограды, подтянулся и перемахнул через забор.

— погоди! — прозвенело от калитки. Таличе стояла, бросив корзинку на землю. — Не уходи!

— Да что уж теперь, — угрюмо сказал мальчишка, смотря из-под густой челки. — Вроде все выяснили.

— Не все! — Таличе шагнула к нему, зажмурилась и поцеловала. Горячие губы ткнулись в краешек рта. Не открывая глаз, шагнула назад, готовая бежать. Руки обвились вокруг ее талии.

— Не пущу!

— Пусти, — жалобно, тоненько. — Арута...

Кайе нехотя разжал руки. Да, не надо, чтобы слышал ее брат. Довольно с него.

— Вечером я хочу тебя видеть.

Таличе замотала головой, тяжелые волосы скрыли лицо. Держал ее руку, горячую, как и губы. Пальцы тоненькие совсем. Дрожат.

— Приходи... — повторил он.

— Не могу...

— Я никогда... ничего не сделаю тебе. Веришь?

— Верю, — она подняла лицо, пытаясь смотреть сквозь полотно волос. Улыбнулась еще испуганно, но уже задорно. Почти прежняя Таличе.

Нечасто семья Ахатты собиралась вместе. А вот сейчас — собралась ненароком, в саду. Солнце висело над деревьями золотистым плодом тамаль, колокольчики по краям дорожки покачивались, огромные, с влажной сердцевинкой, с виду звонкие. Натиу говорила с Ахаттой о новом воине-синта, замене погибшего, а старший сын подошел и стал рядом — послушать. Служанка высокие чаши принесла, с напитком чи — самое то в жаркий день, раздала каждому. Вынесла легкий столик — чтоб было куда чашу поставить. Едва успели отпить по глотку, мальчишка примчался: рука ниже локтя в глине, штаны тоже измазаны; верно, бежал, не разбирая дороги. Похоже, прямо по стройке. Ладно, если не по чужим головам.

— Я хочу, чтобы Таличе, дочь строителя Чиму, приняли в Род! — выпалил на одном дыхании. Къятта сложился пополам от беззвучного смеха. Брови деда поползли вверх, а мать напряглась испуганно.

— Она в чем-то может быть полезна нашему Роду? — спросил Ахатта.

— Нет. Я хочу ее взять для себя.

— Это проклятие нашей семьи, брать кого ни попадя, — стараясь не расхохотаться в голос, выдавил Къятта. Натиу сжала губы, опустила глаза.

— Тебе едва четырнадцать весен.

— И ей скоро... почти... и матери было чуть больше!

— И все же Натиу тогда уже вошла в возраст невесты. А отец твой был тогда уж всяко старше тебя, — мягко сказал дед.

На это мальчишка не нашел, что ответить, лишь угрюмо смотрел из-под лохматой челки. Губы вздрагивали, и пальцы сжаты в кулак — опасно Кайе говорить «нет». Он еще не понял, что, собственно, «нет» и услышал. Еще не выплеснул наружу неизбежную ярость. Ахатта проговорил благожелательно, понимающе:

— Тебе уже нужна девушка. Можешь взять ее в дом просто так.

— Нет! Она должна быть одной из нас.

— Пусть хотя бы поживет здесь, заодно и поймешь, чего тебе надо на самом деле.

— Нет, я же сказал!

— Меньше луны назад некто не в первый уже раз заявил мне, что ему нужен лес, а не

всякие там девицы, в которых находят невесть чего, — Къятта веселился, не скрывая.

Ахатта встал, медленно обошел столик, остановился подле младшего внука.

— Ладно, с тобой понятно. А сама девочка этого хочет?

— Не думаю, что она будет против, — пробормотал мальчишка, озадаченный подобным вопросом.

— Может, ты ей и вовсе не нужен? Или нужен другой?

— Да какое это имеет значение?! — взорвался подросток. Но растерянность плеснула в голосе — и не дала вырваться наружу огню.

— Тихо! Развлекаться можно с кем угодно, а принимать в Род...

Ахатта не договорил, раздраженно взмахнул рукой и пошел в дом, бросив через плечо:

— Если она тебе дорога, позже поговорим. Через год, например.

— Послушай, сын, — нерешительно начала Натиу, поняв, что гнев младшего сына погашен, — Ведь ты должен не просто стремиться к ней. Кровь Рода не должна стать слабее...

— Говоришь, как... как торговка! — презрительно выпалил Кайе. Он вновь начал злиться. Безмерно раздражал неуверенный голос матери — говорила, словно руку протягивала к спящему дикому зверю. Погладить хочется, а страшно.

— И дети ее будут рядом с тобой... даже если пожелаешь взять другую, они все останутся.

— И что же? Можно подумать, тебе было плохо!

— Я не была слабой. И твой отец любил меня...

— Оправдываешься? — раздалось сбоку, хлесткое и насмешливое. Натиу взглянула на старшего сына и в свою очередь заспешила в дом, в другое крыло.

Къятта посмотрел на брата, больше всего походившего сейчас на очень злую, но очень мокрую выдру с подбитыми лапами. Ведь разревелся бы, если б умел.

— Ну ладно. Дед не принял всерьез, мать испугалась. Давай поговорим с тобой. — Къятта протянул ему руку, но мальчишка остался стоять. Молодой человек улыбнулся:

— Что, «уйду из дома и буду жить в лесу»?

— Нет...

— Уже хорошо. Таличе... она для тебя звезда в колодце или уже все-таки женщина?

— Ты все смеешься...

— Мой маленький зверек, это важно. Пока ты касаешься ее только взглядом, не знаешь ничего. Так разберись.

Глаза старшего потемнели, очень мягким стал взгляд:

— Ведь ты не был ни с кем ни разу, не так ли? Вот и иди к ней. Узнаешь о себе... много нового.

— Я дал слово, что не обижу ее.

— Разве ж это обида? Если ты не нужен ей, зачем так настойчиво тянуть ее в собственную семью? — Къятта смеялся. — А если нужен... с радостью примет.

— Я так не могу, — мотнул головой Кайе. Взял виноградную гроздь, сел на дорожку и принялся отщипывать ягоды и бросать в кусты. — Как будто замену мне предлагаешь. Она мне вся нужна, целиком. Она моя подруга, а не из этих...

— То есть, после принятия в Род спать с ней ты не собираешься? — уточнил Къятта, и еле увернулся от остатков виноградной грозди.

— Отстань! — младший отвернулся, чувствуя, как краска заливает лицо. — Сам знаю,

что глупо! Я думал о ней много... просто хотел, чтобы она была рядом. Больше всего остального.

— Тогда заведи себе лемура, а не девушку. Пушистый, глаза большущие, а что говорить не умеет, так даже лучше. Все равно ты рот любому заткнешь.

— Кроме тебя... — он сдался уже. Стройная фигурка Таличе стояла перед глазами. Волосы пахнут лесными цветами, ладони маленькие, пальцы проворные. Тонкие ключицы, лежащий на них кожаный ремешок — в Доме Земли получила подарок-амулет, теперь не снимает. А сама словно плод тамаль, золотистый — хочется любоваться им, гладить, с ветки не срывая. Но если плод и сам не против с этой ветки спрыгнуть?

Разве Таличе не поцеловала его?

Дед позвал его позже, серьезный и строгий — мальчишка притих; был бы в обличьи энихи, прижал бы уши.

— Я знаю, о чем вы говорили. Къятта прав. Только я дам тебе совет, дитя. Не спеши к своей девочке. Есть много других в Астале, из тех, что носят красные пояса.

— Да не нужны они мне! — вспыхнул мальчишка.

— Сделай, как я говорю, и не возмущайся. Поговорим потом... если захочешь. Обыкновенных девчонок Асталы не трогай, хоть и они не скажут тебе «Нет».

— А мне не нужно, чтобы кто-то говорил «да», потому что говорит это всем!

— Ты и так не все, к тому же внешностью не обделен. Успеешь послушаться.

Поначалу просто бродил по улицам, разглядывая приметные места, давно известные — если свернуть туда, будут дома подопечных Кауки, а если пройти подальше — один из больших городских рынков, ничья территория, где всем можно было выставить товар. В чужие кварталы заглядывать не хотел — не было настроения искать стычки. Вымощенные широкими каменными плитами улицы были почти пустыми: в полдень люди заняты делом, время отдыха еще не настало. Короткие резкие тени лежали повсюду. Вдыхал знакомые запахи города — каменной пыли, готовящейся пищи, металла, человеческой кожи. Порой улавливал в воздухе след терпкого, сладкого аромата, призывного и дразнящего; знал — тут прошла молодая женщина, желающая быть привлекательной.

По одному из таких невидимых следов он и направился — легкому, манящему.

Девушка была очень смуглой, очень гибкой и тонкой, совсем еще юной — и за ней он пошел, уже видя, не только чувствуя след. Она остановилась, прижавшись к стене; золотые подвески позвякивали в косах, белая челле и черно-белая юбка делали ее похожей на обычных девушек Асталы — если бы не красный пояс, длинный, со множеством кистей. Девушка улыбалась, показывая ровные крупные зубы.

— Я понравилась тебе?

— Да, — как плод, непонятно почему приглянувшийся среди десятка других, как темная виноградная гроздь, которая выглядит настолько сочной и теплой, что хочется сорвать ее немедленно. Девушка коснулась пальцами его татуировки. Что-то неуловимое в ней выдавало — она недавно в городе, верно, жила где-нибудь в деревушке. И она не знала ничего о нем, кроме его Рода, его принадлежности к Сильнейшим. Лица, имени — нет, похоже. И ей было лестно.

— Пойдем со мной, — стрельнула она глазами, — Тебе понравится!

Дом ее был в трех шагах — простая глиняная хижина. Девушка скользнула туда, нагнувшись — низкий вход, тяжелый полог. Темно, только горящий фитилек освещает ложе и покрывало на нем.

Ее кожа была нежной, тело упругим и мягким одновременно. Волосы пахли плодами тамаль, и привкус этих плодов чувствовался на ее губах. Совсем не похожа на Таличе... про Таличе попросту позабыл в бесконечно долгие мгновения на чужом ложе. Эта... была веселой, была ласковой, послушной и ускользящей. Она играла с огнем, заставляя его разгораться ярче...

Пламя рванулось вперед — через кожу, через волосы, через глаза и губы, невидимое и от того еще более опаляющее. Существо девушки было как тонкая вуалевая ткань на его пути, но пламя задержалось перед ней — и, не желая медлить, стремясь получить и испытать все целиком и сразу, он просто разорвал эту вуаль, и вспыхнули ключья.

Он не знал, кричала девушка или нет, когда кровь ее сгорала изнутри. И не сразу поверил, что нет жизни в теле, что большие-большие зрачки темные от разлившейся в них Бездны.

— Мне было так хорошо, — тихо сказал мальчишка, трогая эти глаза. А потом сказал:

— Таличе.

Оставил мертвую там, на ложе, даже лица ей не закрыл. Незачем. Взглянул на ларчик, куда убрала она плату, горсть морских ракушек-кой, открыл, добавил еще агатовую бусину. Все равно кто найдет. Тело было довольно, расслаблено. Словно совершил нечто правильное. А сердце... неважно. Кайе хотел одного — добраться до дома и задать вопрос. Единственный.

Как хорошо бывает, когда всем существом почувствуешь, кто же ты есть на самом деле. Когда не испытываешь желания убить, потому что смешно желать того, что делаешь одним своим прикосновением.

Къятта расчесывал шерсть своей любимой грис, лунно-пепельной, большеглазой, смотревшей доверчиво и глупо. Так, как глядит крошечный лягушонок на змею, открывающую пасть, чтобы им пообедать. Или так, как смотрела девчонка, довольная тем, что ей щедро заплатят, хотя могли попросту приказать...

Когда брат появился у стойла, Къятта приветливо кивнул и продолжил свое занятие. Я не буду помогать тебе, малыш. Ты пришел сам. Сам и делай то, за чем пришел. Сам начинай разговор. Или иное, если сумеешь.

Успел крепко сжать руку с гребнем — иначе Кайе выдернул бы его. Нет, говорить ты никогда не научишься. Жаль. Грис закричала высоко, протяжно, испуганно. Къятта отложил гребень и ухватил мальчишку за плечо, выталкивая прочь из стойла — глаза животного уже закатывались; сейчас она рванется прямо на стену и поранится сильно.

Хрусткие камешки вздрагивали под ногами. Здесь уже лучше. Уже можно. Попробуй напасть, если сумеешь.

— Ты знал, что будет с Таличе?!

— Я сказал — ты узнаешь много нового. Разве не так?

— Ты... — младший не находил слов. Чувствовал старшего рядом, ближе, чем тот стоял; хотел ударить — не получалось. Защиту Къятты можно было только разбить вдребезги... убить его самого. Не хотел. Кого угодно другого — да. Все равно теперь.

Больно было — огонь никак не мог выйти наружу, кожа прочнее бронзы стала, и сосуд с пламенем разорвался внутри.

— А...! — вскрикнув, подросток упал на колени, пальцами впился в землю; она резала руки, словно обсидиановые осколки. Голова ударилась о каменную вазу. — Не... хочу... так! — губы едва шевельнулись, сведенные болью, и ответом было ругательство, от которого Бездна бы поседела.

— Что ты делаешь, идиот! — выкрикнул Къятта потом, выхватил из волос шпильку в виде ножа, заточенную, полоснул по запястьям младшего, по горлу — не сильно, так, чтобы кровь текла, но не лилась ручьем. Глаза мальчишки были открыты — он смотрел в небо, но видел темноту Бездны. Кровь испарялась мгновенно, стекая с тела.

— *Чиамаута хиши!* — Къятта вскочил, сорвался с места, перепрыгнул через кусты-ограждение почти в рост человека. Несколько мгновений спустя послышался визг, и на дорожку рядом с Кайе упала девчонка. Къятта, швырнувший через зеленую изгородь первую попавшуюся прислужницу, одним движением намотал ее волосы на руку, той же шпилькой ударил в горло.

Темно-красная горячая кровь полилась на лицо и в приоткрытые губы младшего... большая струя. Подхватил голову подростка, чтобы не захлебнулся.

Девчонка дергалась поначалу, но скоро затихла.

— Дар на Дар, — прошептал Къятта, обращаясь к изначальному. — Взамен его крови помоги ему взять эту.

Отбросил девчонку, приложил руку к груди брата. Сердце билось, глухо, неровно, однако достаточно сильно. Подхватил Кайе на руки, понес в дом.

Мальчишка очнулся у самого входа. Почувствовал соленый вкус на губах:

— Кровь... откуда?

— Твоя.

— Так много... — опять потерял сознание.

Стереть кровь оказалось просто — большая часть ее сама ушла в кожу. Снять одежду, и пусть лежит. Никто не посмеет войти. Не сразу осознал, что младший уже все воспринимает. Только молчит. Чувствовал дрожь, и не мог понять — почему? Он чего-то боится? Или усталость такая сильная? Но разве он может устать от Огня?

Руки лежали поверх покрывала, мертвые.

Касается лба — горячего. Как и всегда. Впервые не знает, что говорить. Успокаивать? Незачем, он спокоен. Как никогда.

— Скажи правду — ты знал? — спросил устало и обреченно, и взгляда на старшего не поднял.

— Про то, что твой огонь убьет слабую девушку? Нет. Я думал, что может быть так, но не знал наверняка.

— И отправил меня к Таличе?

— Ты и сам бы пошел к ней рано или поздно. Не скажу, что я прямо рассчитывал на такой исход. Что же... мне рассказали, где ты был сейчас; всё вышло к лучшему. И твоя подруга жива, и ты... получил урок.

— Может быть... Но почему? — безнадежная и безудержная тоска, словно в голосе зверя, умирающего в капкане.

— Ну, когда ты поймешь... — смуглая сильная рука накрывает его руку. — Ты не такой,

как другие. Огонь сжигает мотыльков и сухие былинки. А сдерживаться — удовольствие маленькое. Ты, полагаю, сможешь, но вот захочешь ли?

Ожидал возражений, но только вздох услышал. Продолжил непривычно мягко, так говорил с младшим разве что после давнего случая в Доме Звезд:

— Та, что сгорела, не просто была очень слабой — она сама взяла на себя этот риск, надев красный пояс. Это мог быть не ты, а нож от поклонника, или избыток зелья, какое пьют женщины. Не думай о ней. Ты научись. Я помогу. Или бери только для себя — как пьешь воду, как съедаешь плоды. Все не так страшно, малыш.

Молчал. Тени под глазами, а губы темные — Дар крови принят.

— Пойдешь к той своей девочке?

— Нет. Я обещал, что не причиню ей вреда.

— Никогда?

— Никогда.

Таличе уходила из дома, садилась на круглый камень, торчащий макушкой из густой травы, слушала вечерних сверчков. Много-много дней. Никто не пришел.

— Вот и правильно, — сказал Арута, достраивая подъемник. — Хорошо любоваться зверем, но нельзя жить с ним под одной кровлей. Рано или поздно он растерзает тебя — и, может, так и не поймет, что натворил и зачем.

Настоящее

Издалека башня просто казалась внушительной, вблизи же подавляла, даже не зная Огонек о ее назначении. Массивная, и хоть высокая, вытянутая, неуловимо напоминала барабан, словно могла в любой миг заговорить рокошуще-гулко. Понизу ее, примерно на высоту человеческого роста, шли черно-рыжие узоры из другого камня. Ее возвели на холме, чтобы еще больше приподнять над городскими улицами.

Было еще довольно светло, хоть долина уже погружалась в сумерки, но мальчишка заметил факелы, укрепленные в медных держателях. При свете и ночью проступят узоры. В углах и изгибах взгляд различал зверей, людей и символы стихий. Огонек не сводил с них глаз, избегая смотреть наверх...

Подъехали к решетке, у которой стояла стража — двое воинов в черном, словно ожившие узоры Башни. Их лица остались безучастными при виде гостей, но в глазах Огонек уловил-таки некоторое удивление.

— Слезай, — велел Кайе, — ударил молоточком по висевшей у входа медной пластине.

За весь путь до Башни они не обменялись ни словом — да о чем могли говорить после того, что произошло у стены? Вечером Кайе зашел и жестом позвал за собой. Он как-то потемнел и осунулся, и не казался уверенным. Огонек не спрашивал, куда едут, ничего хорошего не ожидая; но, когда увидел каменную громаду в оборвавшемся конце улицы, внутри все оледенело. Умереть он был готов, но не так. Хранительница Асталы была хуже всех кошмаров.

А из низкого длинного дома, словно присевшего меж высоких печальных кипарисов, к ним уже спешили трое служителей. Не пришлось гадать, кто это — все как на подбор одеты в длинное, цветом от черного до светло-оранжевого, как будто еще не погасшие угли под слоем золы. И узоры на лицах, вроде тех, что идут понизу Башни. И волосы повязаны черным, ни волосинки не выбивалось — прямо как полукровка, когда пытался скрыть, кто он такой. Только эти наверняка чистой крови.

Кайе сам пошел к ним, не желая дожидаться, пока они приблизятся, приветствовал быстро и без особого почтения и заговорил, не слушая ответных приветствий. Огонек остался на месте, под тяжелыми взглядами стражи.

Стоя в нескольких шагах и слыша одно слово из пяти, он старался не обманывать себя — знал, куда привели. Что уж гадать, зачем. А перед глазами упорно маячила насмешливая черно-серая мордочка лемура. Если б не задержался подле зверька, не побежал тогда за голосами...

— Это невозможно! — повысил голос один из служителей.

Кайе как назло отвечал негромко. И лица его Огонек не видел. Но, судя по напряженной позе, разговор был не из легких — и это для него-то, привыкшего брать все, что хочет. Почему служители Башни вообще с ним спорят? Считают полукровку слишком ничтожным для дара?

— Хранительница об этом не забудет! За мгновенную прихоть придется платить —

подумай об этом! — повысил голос человек в черно-красном; похоже, он потерял терпение.

— Посмотрим, — тут и Кайе наконец заговорил громче.

— До твоей судьбы мне нет дела, но ее гнев может накрыть весь город.

Юноша вскинул голову, глянул на Башню.

— Она не говорит мне, что против.

— Мальчишка! — не сдержался служитель. — Что ты понимаешь! Что ты возомнил о себе!

— Ну остановите меня, — он повернулся спиной к служителям и направился к Огоньку. Тому на миг показалось, что служитель сейчас кинет юноше в спину нож или велит стражникам атаковать, но нет — всего лишь подал знак поднять решетку. Кайе поманил Огонька за собой в темноту.

Вот и всё — настало то, чего боялся больше всего. Даже если их наверху будет только двое, все равно смысла противиться нет.

Он ступил на первую ступеньку, вторую... Здесь было почти совсем темно, закатный свет проходил через редкие окошки в пару ладоней шириной.

Споткнувшись, оперся о стену — и отдернул руку. Показалось, камень скользкий от крови.

— Здесь идут с факелами, когда проводят обряд, — раздалось над ухом. — Если кому-то из нас нужно просто поговорить с Хранительницей, огонь не зажигают.

Полукровка вдохнул поглубже, и пожалел об этом — он по-прежнему ощущал запах крови, и теперь словно захлебывался ею. Хотя — он видел раньше — чистыми были камни там, куда падали тела. Наверное, и здесь только чудится.

Рука прикоснулась к его лопаткам, скользнула на пояс.

— Пойдем, я не дам упасть, если что. Здесь крутые ступеньки.

Невольно старался держаться ближе. Все равно сейчас человек рядом был хоть какой опорой и защитой. Пусть Огонек скоро умрет, но до смерти еще предстояло дойти, а это оказалось непросто. Башня и впрямь обладала силой и голосом, чуждыми, страшными; поколение за поколением ей приносили жертвы, и она ожила, даже если явилась на свет лишь массой пригнанных друг к другу камней. Они шли внутри огромной твари, привыкшей, что ради ее благосклонности убивают.

Кайе не тянул полукровку силой, и вовсе не прикасался почти, только пару раз удержал, когда Огонек спотыкался. Даже у лесного ручья, промывая и перевязывая раны, он вел себя жестче. Сейчас мальчишка ощущал только тепло руки и — возможно, ему казалось — удары чужого сердца, когда на поворотах невольно оказывался вплотную к провожатому.

Огонек пытался считать ступени, но сбился в конце концов, и готов уже был вцепиться в своего спутника и умолять его уйти, пусть что другое придумает, или просто поднырнуть под руку и бежать вниз, вниз... Но не позволит сама Башня — мальчишка был в этом уверен. Он просто поскользнется и сломает себе шею.

Когда уже не было мочи терпеть, ступеньки впереди стали алыми. Огонек ахнул — и понял, что это закатный свет. Впереди выход. Дошли.

Оказавшись снаружи, сразу сел, скорчившись, обхватив колени, закрыл глаза. Понимал, что выглядит жалко, и не хотел этого сейчас, но ничего с собой поделывать не мог. Ветер налетал, и казалось, вот-вот подхватит и сбросит, хотя до края было не меньше десятка шагов.

Горячие руки обхватили мальчишку за плечи. Кайе не пытался поднимать, тормошить, тащить к краю, просто сел сзади и сбоку, его дыхание чуть щекотало шею за ухом; чувство, что сзади не пустота понемногу прогоняло дрожь.

— Я не просто так тебя привел, — сказал он наконец. — Встань, посмотри! Она тебе позволит увидеть, ты понравишься ей.

— Мне не нужно всё это, — еле выговорил Огонек, сжимаясь плотнее.

— Если потом ты захочешь уйти, то свободно уйдешь. На окраины, в срединные города, к морю. А пока...

— Как хочешь. Тебе решать, — ответил почти бездумно.

— Да прекрати ты, — сказал Кайе устало. — Сперва эти внизу, теперь ты ещё!

Вдруг, уткнувшись лбом в спину Огонька заговорил быстро и тихо:

— Тебе все равно, да... но хоть попробуй остаться. Тебе ведь было хорошо здесь. И мне... я ведь и раньше, с другими пытался...

— Зачем я тебе? — спросил Огонек; до него наконец дошло сказанное, и что убивать прямо сейчас не намерены. — Вообще — зачем? У тебя вся Астала, это я уже понял.

— Значит, нужен, — не видя лица, слышал знакомые упрямые нотки в голосе.

— Почему? Я же... ничто.

— Да без разницы, полукровка ты или кто! Я не хочу снова быть один.

Огонек дернулся, пытаюсь высвободиться.

— Но ты не один. Тебе не о чем беспокоиться.

— Разве? Киаль занята собой, Къятта... не будем о нем. А остальные, кроме старшей родни — боятся. Слуги, воины, просто верные нам семьи. Даже к детям своим не подпускали, когда я был мал. Ты не боишься.

— И те, другие, мертвы? Но ты можешь управлять пламенем. Я сам видел. И даже зверем... Если бы ты не хотел их убить...

— Я научился многому, толку-то. Вся Астала про меня знает. Думаешь, людям хочется рисковать? Бездна с ним, со зверем. А если остановится сердце того, кому ты смотришь в лицо?

Огонек прикусил губу. Невольно коснулся еще теплых камней. Почудилось — запульсировали под пальцами. Глубоко вдохнул, повел плечами, безмолвно прося Кайе разжать руки.

Встал.

Когда поднялись на Башню, закат еще полыхал, но теперь солнце чуть не бегом спускалось за горы. Со склонов долины, в которой лежала Астала, начинал течь туман, но пока хорошо было видно.

Высоко. Так высоко, что трудно в это поверить — с одной стороны леса и за ними едва различимые в дымке темные гребни, дальний горный хребет; с другой — тоже леса, совсем черные, уходящие за горизонт, и поблескивает река. И по всей долине — россыпь огней, редких и маленьких по краям, в середине крупных и жарких. Тошнота подкатила внезапно, голова закружилась. Огонек судорожно вцепился в руку юноши рядом. Оказывается, высота

— это страшно. Очень страшно. Она заманивает, затягивает, чтобы ты упал... и мокрым пятном застыл на камнях.

Пришел в себя, когда его отвели от края. В центре площадки ужас отпустил; правда, мальчишка старался не думать о том, сколь высоко они сейчас находятся. И сколько человек отсюда падали. Он бы умер в воздухе, не успев разбиться, сердце бы разорвалось.

— Ты боишься высоты? — спросил Кайе удивленно.

— Не высоты, — хрипло откликнулся Огонек. — Ее. Башню. Она будто дрожит. Вот-вот скинет.

— Она просто дышит, глупый, — сказал Кайе. — Живая ведь. "Всегда она оберегала нас... Пела, когда опасность, если беда близко. И просто так иногда поет, особенно на закате. И плачет, если погибли многие". Правда, этого я не слышал.

— И о тех, кто погиб прямо здесь? — спросил Огонек, невольно напрягая слух.

— Не знаю. Но я слышал ее обычное пение. Низко так... словно ветер гудит и бронза. Знаешь... я ее понимаю. Те, внизу, просто глупы. Они считают, что служат ей, а сами вряд ли когда поднимались сюда просто так. Я приходил бы чаще, много чаще, если бы домашние не волновались. Здесь все иначе. Как будто весь мир с тобой говорит...

— А ты хорошо рассказываешь, — вздохнул Огонек. — Похоже, любишь ее. Таким я тебя не видел.

— Каким же видел? — ровные белые зубы сверкнули на темном лице.

— Ты... разный. Оборотень и есть. Бывает, лицо у тебя, а бывает — звериная морда...

Огонек напрягся, ожидая резкого слова или удара, но Кайе расхохотался.

— А с другой стороны — хвост...

Только сейчас напряжение немного отпустило, и мальчишка обернулся, осмотреться хоть самую малость. Заметил, что проем, из которого вышли, находится в стене наклонного каменного выступа. Два больших барабана стражами застыли по бокам — да, голос таких громадин услышит весь город! Крупные барельефы украшали стену, но сейчас было тяжело разобрать, что на них. Как и узор на полу: какие-то круги, линии и знаки, отдаленно напомнившие Круг Неба.

— Тут днем по тени смотрят за солнцем, а ночью высчитывают движение звезд, — пояснил Кайе.

— Зажги факел, — попросил Огонек, увидев два в держателях около входа. Спутник мотнул головой:

— Незачем. При свете хуже поймешь, каково здесь.

Еще не до конца смерклось, однако небо было черное почти, и на западе ярко-оранжевая полоса над горами становилась все уже. Небо, казалось, совсем рядом. Мальчишка вскинул голову, рассматривая звезды. Созвездия его заметили; чуть приблизились, вглядываясь в свой черед. С одного сорвалась блестящая капля, полетела в Огонька. Башня накренилась. Голова вновь закружилась, и он охнул невольно.

— Она хочет этого, — пробормотал Огонек, вздрагивая. — Она... — опомнился, оглянувшись — белки глаз спутника поблескивали в свете звезд, а камни под ногами казались очень ненадежной опорой.

— Так, по привычке. Она не голодная, — улыбнулся Кайе. Огонек судорожно сглотнул:

— Звезды так близко. Словно падаешь в небо...

Потом снова рискнул оглядеться по сторонам. Теперь сожалел, что солнце садилось стремительно, ничего не увидеть толком. Темные пятна — сады и рощицы, светлые —

площади с огнями по всем сторонам, еще храмы видно, тоже подсвеченные... а в остальном и неясно, где бедные улицы, где богатые, а уж как дома стоят и подавно. Еще недавно метался там, внизу, словно муха в прижатой к земле перевернутой плоске.

Стемнело почти, на башне стало неуютно — ветер пронизывал до костей, норовил все-таки скинуть с высоты. Горячая рука обхватила Огонька за плечи.

— Не свалишься.

— С тобой рядом тяжело, когда ты неспокоен, — сказал Огонек, пытаюсь отстраниться, но чтобы не слишком заметно. — Даже если ты радуешься. Я раньше думал, мне чудится, или что я просто ослабел после прииска. Но ведь не со всеми с золотым знаком так?

— Не со всеми. Но Астала основана теми, в ком кровь горячая. Многие наши предки погибли из-за этого. Те, эсса — серые, скучные... сушеные листья. Даже ненависть их скучна. А мы — пламя. Темное пламя. То, что вырывается из глубин и поглощает тебя самого. Темное, потому что не видно его. Ты понимаешь? У нас разрешено многое... пища Огня. Не только Сильнейшие — на праздники собирается много народа, даже в самом слабом жителе трущоб есть искра. Многие из нас и умирают с восторгом — это ведь тоже... захватывает.

— А еще больших никто не спрашивает.

Кайе какое-то время молчал.

— Все еще считаешь меня чудовищем?

— Не я так тебя назвал. Ты сам.

— Снова скажешь "мне жаль"? — словно слизняка выплюнул.

— У вас всё есть, за что вас жалеть?

Перед глазами мальчишки начали танцевать искры, и тело стало покалывать. Слишком близко стоял Кайе Тайау, Дитя Огня. Слишком был взволнован. Что лучше — оказаться без поддержки на Башне или упасть без сознания?

— Отпусти, — шепнул подросток одними губами.

— Как скажешь, — тот разжал пальцы, отстранился.

— Странно, что ты рожден человеком, — прошептал Огонек, тронул пальцами чуть поблескивающую татуировку — так он коснулся бы красивой ручной змеи... ядовитой.

Юноша встал напротив Огонька, взгляделся в глаза.

— Я хотел бы кое-что сделать... попробовать, — впервые голос Кайе Тайау звучал неуверенно — Для тебя. Для нас обоих.

— Я не...

— Дослушай! Потому и привел сюда, — Кайе сжал его пальцы до боли. — В тебе есть Сила, как сказали жрецы Дома Солнца. Где-то совсем глубоко и мало, но есть. У полукровок случается, очень редко, и никому не надо. Ты бы мог... И Башня подтвердила это. Что, если я попробую?

— Что?

— Провести тебя через Пламя...

— Ты сам говорил — невозможно.

— Если возьмется кто-то другой. Моей Силы должно хватить.

В первый миг Огонек обрадовался, осознав. Во второй — испугался так, что хоть с башни прыгай. Если этому что-то пришло в голову, переубедить почти невозможно! Но ведь так смерть вернее чем с Башни, только не столь легкая.

Огоньку представилась рыжая вспышка, слетающая со смуглой руки. Его начала бить

дрожь, и подросток отошел к выходу на площадку, чтобы себя не выдать. Как там говорил Кайе? Умирает тот, кому ты смотришь в глаза?

Тот шагнул за ним, резко притянул его к себе. Заговорил, не трудясь быть понятым — о ведущих, ведомых, о сути раскрытия Силы. Порыв, пламя, ветер — увлеченность новой идеей. Новой игрой...

Огонек в очередной раз поразился — как может тело человека быть столь горячим? А через пару мгновений попросту позабыл, что не один — и кто с ним. Слышал еще чей-то голос. Вырастал на глазах, становясь ростом с Башню... и звезды в ладонь сыпались.

«У меня будет все... я больше никогда не окажусь маленьким и незащищенным... я смогу все, что захочу, и никто не назовет меня грязным отродьем, презрительно не скривится! Пусть только посмеет! Если *он* мне это даст...» — и сам устыдился подобных мыслей. — словно грохнулся с небес на землю.

Верно, и впрямь Башня его приняла!

— Ты... — Кайе хотел спросить что-то. Огонек с неприязнью глянул на того, кто рядом. Высвободился, отошел на пару шагов. Вот сейчас он действительно был далек от равнодушия!

— Что скажешь?

— Ты раньше делал что-то подобное? С кем-то из ваших, южан?

— Нет, — и глухо добавил: — Откажешься?

— Дай мне подумать.

Спустились, так же в темноте по ступенькам, только теперь и закатных отблесков не было на лестнице. Стражи молча подняли решетку, и опустили за ними. Огонек вскарабкался на грис... после долгой прогулки и подъема на Башню влез как придется, не думая, каково бедному скакуну. Покосился на небо. Летучие мыши носились, неслышно пища. А Кайе, наверное, слышит, подумалось Огоньку.

Юноша молчал, к счастью для Огонька. Тот словно натянутая тетива себя чувствовал — не удержался бы, в ответ на смех или иное что ответил бы колкостью. Ехали медленно. Повсюду вспыхивали разноцветные светляки и горели маленькие золотые фонарики.

Огонек озирался невольно — нечасто видел ночную Асталу. Вдыхал не только аромат ночных цветов, еще и гарью почему-то пахло.

...Благодарность и неприязнь — одновременно. Слишком много дано одному. Слишком много... он убивает и дарит. Щедрый дар лесному найденьшу, дар, который ничего не стоит самому Кайе. Он не умеет еще открывать Силу в других, скорее всего это верная смерть. А умрет полукровка — невелика потеря. Но при удаче...

Огонек зло стиснул зубы.

Сам давеча такого наговорил, и видеть не желает, и знать. А всего-то надо было цену предложить. Высокую цену, да. Какому еще полукровке такое везение?

Только ведь не от чистого сердца. Пусть даже сам искренне уверен в обратном. Просто не может получить того, что хочет, иначе. Да и разве это не очередная забава? А что будет с Огоньком, даже если получится? Особенно если получится. Хорошо мечтать о том, как вырастешь большим и сильным и ух как всем покажешь! Мечтала так букашка покрасоваться перед быком... Но ведь можно не только хвастаться. Можно делать — лечить, например.

...Останется, и будет подчиняться тому, кого недавно не хотел больше видеть. Снова станет игрушкой — а как иначе назвать?

Сам ли Кайе придумал такой способ, больше на месть похожий, или подсказал кто? Или просто совпало?

Так и метался внутренне, пока не доехали. Но, уже спускаясь с седла, вдали от одуряющего голоса Башни, принял решение.

— Эй, — Кайе тихо окликнул его. — Слушай... На тебе лица нет.

— Ночь же, что можно видеть.

— Я вижу.

Добавил:

— Я должен подождать, пока брата не будет. Ему знать не следует. Ты сможешь еще отказаться, если захочешь. Тогда уйдешь, как собирался — я обещал. Я там, наверху это сказал, ей не лгут.

Огонек подошел к нему, какое-то время смотрел пристально. Так сильно устал, и один, и мир то и дело сыплется, когда кажется, что хоть немного стоит на ногах.

— Давай. Может, получится.

**

Около года назад

После истории с Таличе прошло уже больше луны. Дни в Астале текли ровно. Основали новый поселок, во втором, на болотах, убили крупного крокодила-людоеда, таскавшего детей.

Ахатта Тайау уговорил отца Ньенны оставить место в Совете и ввел туда старшего внука. Давно пора: родич, конечно, уважением пользовался, но все чаще прямо на Совете впадал в задумчивость и едва открывал рот, когда надо было высказать мнение, подозревали, перебирал с дурманящим дымом. Впрочем, шары *лянти* не ошибались — Къятта и в самом деле был сильнее. Значит, достойнее. А опыт приложится, сказал Ахатта.

И Къятта был доволен жизнью, как никогда.

Все хорошо. Только брат его младший как с цепи сорвался — метался по лесу в обличье энихи, приходил раненый и не позволял прикасаться к себе, дома то огрызался на любое слово, то утыкался лицом в подушку — попробуй, приведи в чувство. Ничего, примет, думал Къятта. Быть собой проще, чем быть другим. А именно собой он и станет. Только бы не натворил ничего. И посылал следить за ним тогда, когда сам не мог. Только попробуй уследи за энихи... да и за Кайе в человеческом облике тоже. Ньенна, которого мальчишка чуть не убил, долго кричал Къятте в лицо страшные ругательства, но этим и завершилось. Да и как иначе? Родня.

Пришлось преподать братишке несколько уроков обращения с девушками, вернее, с огнем своим. Приводил к "красным поясам" — дед спокойно, как обычно говорил, пообещал оторвать старшему внуку голову, если тот выберет для забав младшего девчонок из обычных семей.

— Успеет. Пусть пока поймет, что свои — те, кого защищают, а не берут силой. Дашь хищнику кость — не отнимешь потом.

— Да помню я! — раздраженно сказал Къятта, и увел брата в город.

Не сомневался, что в одиночку подобные развлечения младшего все равно закончились бы смертью слабых — пока хоть малому подобию контролю не научится. Или пока не окажется в паре кто-то из сильных, что сулит другие проблемы. Проблема, кстати, и в

будущем, когда и впрямь придется подбирать ему жену... с его-то гонором — задача нелепая. У Сильнейших своего хватает с избытком, правда, братишка их всех переплюнул. А, ладно, до этого еще куча воды утечет. Пока же и то хорошо, что младший предпочитает лес и тренировки, девушки не на первом месте, особенно после недавнего. Хотя все равно им не позавидуешь.

Время Нового Цветения подошло. Стебли потягивались, выпускали бутоны — кто робко, нерешительно, кто словно выстреливал лепестками, так быстро раскрывалась чашечка цветка. Воздух, уже не настолько влажный, но и не сухой, был наполнен ароматами свежести.

— Выросла девочка, — заметил как-то дед, поглядев на Киаль.

Она танцевала в саду, легко переступая ногами в плетеных кожаных сандалиях, звеня бесчисленными подвесками и браслетами, и птицы языками пламени кружились подле нее. Кайе помнил, как в детстве пытался ухватить одну из них за хвост, но тот рассыпался искрами в пальцах. Он тогда обиженно твердил, что птицы ненастоящие, а значит, Сила Киаль бесполезна. А дед взял его за ухо твердыми пальцами и велел смотреть, как, подчиненный движениям девушки, движется по дорожке маленький песчаный смерч, а затем такой же поднимается из воды.

— Медленно — не всегда плохо, — назидательно сказал дед и выпустил ухо внука.

Сейчас же Киаль, узнав о злключениях младшего, заявила с презрительной гримаской:

— Я не покину Род. Моя Сила — танец, и ни мужчины, ни женщины мне не нужны.

— Ну и дура, — сказал братишка.

Ийа встретился подростку случайно: тот шел по улице, по торговым рядам, разглядывая ножи, а молодой человек возвращался откуда-то из поселений верхом на злой пегой грис. Нагнал сзади, с улыбкой поглядел сверху вниз. По несколько тонких косичек спадает с висков, закреплены на затылке, сзади широкая коса, украшенная золотой подвеской в виде дерущихся кессаль и волчонка. Серьги звенят насмешливо. Прохладный и свежий, словно не приехал невесть откуда, а собственные покои оставил только что.

— Бедняга, — протянул снисходительно-мягко, — Раз братец твой не справляется, дам совет я. Твой огонь опасен для девушек Асталы, да? Так перекидывайся! В зверином обличье Сила твоя закрыта, а девушкам, думаю, все равно — вряд ли ты умеешь больше, чем зверь! — расхохотался и ударил пятками в бока грис, сорвался с места.

Вовремя — деревянные щитки и полог ближнего торговца вспыхнули синеватым огнем.

И слова жалобы торговец произнести не посмел — сжался на земле, прикрывая голову руками. Плевать на товар, ладно, сам жив остался; хотя и волосы тлели.

Ахатта, узнав про случившееся, внука отчитывать не стал, но стоимость сгоревшего возместил полностью, а торговец чуть не ошалел от такого счастья.

— Не настраивай Асталу против себя, — сказал дед, отвечая на недоуменное фырканье внука — подумаешь! И Къятта кивнул согласно, задумчиво.

— Да если б о тебе так, ты бы им всем уши пообрывал! — рывком повернулся к брату, и челка почти закрыла глаза.

— О тебе много болтают в народе; могу убить всех, кто не принадлежит другим

Родам, — пожал плечами Къятта, — Но тогда говорить будут еще больше.

— И зачем тебе нож понадобился? Своих не хватает? — спросила Киаль, а Натиу, мать, и вовсе промолчала.

После этого Кайе снова надолго скрылся в лесах. И Къятта порой отправлялся искать следы энихи — не случилось ли что? Знал наверняка — след *этого* зверя ни с чьим другим не перепутает.

Понемногу братишка сам начал возвращаться, на мягкой постели ночевать, а не свернувшись клубочком среди папоротников или тростника.

Восемь Сильнейших Родов было сейчас в Астале, меньше, чем готов был вместить Совет. Поэтому царило временное перемирие. Когда лес велик, разные звери находят приют под сенью листвы и между корней — и хищники редко ссорятся из-за добычи. И даже олень может пастись под носом у энихи, ежели тот не голоден. У каждого Рода была своя территория, свои ремесленники, садоводы, охотники.

Пока хозяева Асталы ни в чем не испытывали нужды всерьез. Сытые хищники бродили один мимо другого, огрызались порой, но не стремились вцепиться в глотку. Когда дичи хватает на всех, а солнце палит нещадно, и зверей одолевает лень.

Только юные, с горячей кровью, грызутся, невзирая на жару — если что-то пришлось не по нраву. Такие, как Кауки...

А Род Арайа, чьим знаком был свернувшийся пятнистый ихи, понес потерю — слишком много хмельной настойки выпил один из них, едва ступивший на порог зрелости — и собственное пламя обратилось против него. Но Род оставался по-прежнему сильным.

Кайе впервые за много-много дней соизволил не шарахаться по лесам, а быть в составе Рода на празднике Солнцеворота. Правда, кривился, когда Киаль помогала ему одеваться — не выносил то, что называл тряпками. Льняные штаны — обычное дело, безрукавка ладно, передник расшитый, единое целое с оплечьем — еще куда ни шло, но от широченного наборного ожерелья наотрез отказался.

— Я не статуя, чтобы увешивать меня невесть чем!

Киаль, любившая наряды и украшения, всерьез оскорбилась.

— Тебе не ожерелья, тебе цепь и ошейник нужны!

— Ну, попробуй, надень! — расхохотался и наклонил взъерошенную голову. Густые волосы, блестящие — только сколь ни расчесывай, все равно лежат, как им хочется. И уже несколько весен как срезает сам, когда считает, что чрезмерно отросли — вот и выходит неровно.

Праздники он любил, но плохо владел собой в бесконечные часы их — смех, цепочки ярко одетых людей, пенье свирелей, рожков-тари и рокот барабанов возбуждали вначале, и это было приятно; потом не выдерживал — одновременно хотелось мчаться куда-то, укрыться ото всех, чтобы не слышать музыки, и убивать. Громкие звуки вызывали во рту привкус крови, солоноватый и мягкий — знал его хорошо. Не один зверь в предместьях Асталы погиб от когтей черного энихи, и домашний скот тоже.

Город казался огромным живым существом, тысячеглазым, дышащим полной грудью и готовым проглотить любого. Трудно было старшему сохранять здравый рассудок среди мельтешащих теней и пятен, но приходилось — только Къятта мог остановить Дитя Огня, пока тот не натворил непоправимого.

...Оранжевый и желтый дым шеили, одуряющий запах огромных цветов, движение — ритмичное, и ритмичные напевы, то жалобные, то повелительные. И среди наполовину счастливой, наполовину безумной толпы — фигурка с короткими волосами, гибкая, поджигающая факелы на расстоянии — весело ему, смеется. Пока — весело, еще не вскинулся в его душе зверь, испуганный и возбужденный грохотом и толпой, движением тел.

Увидел его другими глазами. Ростом до уха старшему: ну, да высоким он никогда не будет, хотя еще подрастет — и уже не ребенок. Не взрослый, но и не дитя, совсем не дитя. Впервые Къятта понял отчетливо — перед ним хищник, и скоро зверь заявит о себе во весь голос. Прав был дед, ой как прав, поручив его Къятте, а не взявшись сам! Да еще объяснив, что к чему. Можно играть с энихи, пока тот мал. Но взрослого нужно крепко держать, и при том не сдерживать его естество; иначе неясно, как и где оно прорвется.

Мальчишка кружился в танце с золотой цепью — забава избранной молодежи, защитников Асталы, пока старший брат не ухватил его за плечо и не оттащил от змейки из человеческих тел:

— Все, довольно.

Тот дернулся было, зашипев и зубами сверкнув — но сильная уверенная рука не пустила.

— Остынь.

Цепь распалась — толпа, разгоряченная горькими настойками и айка, рванулась к Башне, отдать должное Хранительнице. В Доме Земли плоды и другие дары, творения людских рук, были уже возложены на алтарь, стихиям Дома Солнца дары были ни к чему — они сами брали, что им хотелось, и те, кого позвали во сне, добровольно исполняли их приказ. В этот разговор и Сильнейшие не вмешивались. Натиу и некоторые другие откуда-то знали, кто был избранником на таких праздниках. А на другой день служители заверяли глав Родов, что все удачно прошло.

— А если меня позовут? — спросил Кайе, глядя вслед уходящей толпе — яркой, громкой, горячей, пахнувшей человеческой жизнью. Облизнул губы — частицы дурманящего дыма оседали на них.

— Если позовут, приходи сначала ко мне — значит, ты слишком много выпил айка. Я помогу тебе вернуть голову на место.

— Я вообще ничего не пью! — обиделся младший. Он прерывисто дышал, и тело напряжено — вот-вот, и рванется следом, позабыв, что надо сохранять человеческий облик.

— Пьяный энихи — это уж слишком, — согласился старший. — И нелепо вдобавок.

Притянул брата к себе, перебирая густые пряди — пальцы норовили сжаться сильнее, не отпускать. Не смотреть на него... лучше бы и не касаться, но тогда не удержать — умчится вслед за толпой.

А громкие звуки понемногу удалялись, и дым развеивался. Мальчишка стал успокаиваться — не совсем, совсем спокойным он и во сне не бывает, но все же разум вернулся. Ни на кого не кинется и сам с Башни не прыгнет. А перед глазами старшегоплыли радужные пятна — почти невозможно оставаться в здравом рассудке, когда барабаны рокочут, и отчаянно-призывно вскрикивают рожки, пусть и вдалеке уже — эхо звучит во

всем теле. Южанину — невозможно, энихи остыл куда быстрее, нежели человек. Мальчишка смотрит вслед тем, кто ушел, вздрагивают ноздри — от ароматного дыма будет болеть голова, но пока он доволен. Къятта приложил руку к его груди.

— Бьется... я видел человеческие сердца, но ни разу не подумал взглянуть, какое оно у энихи.

— Посмотри... — мальчишка развернулся к брату спиной, прислонился, словно к стене. Надежной... Он все еще дышал слишком неровно, и бока вздымались. — Мне не жаль. А хочешь — завтра принесу тебе из леса? Я видел следы самки у Атуили.

Пальцы пробежали по груди Кайе, очерчивая круг:

— На что похоже твое...

Старший очнулся, вскинулся:

— Пора — возвращаются, слышишь? Будет тебе энихи сегодня.

Какой праздник без игр и Круга, и без диких зверей? А человек — тоже хищник, и весело наблюдать, кто кого. Нет нужды брать для Круга простых жителей, есть и преступившие закон.

Так человеку, чьи проступки не столь велики, дают возможность сохранить себе жизнь — почему бы нет? Сумеет продержаться, тем более убить хищника — отпустят живым, изгонят за пределы Асталы. Развлечение хорошее, яркое.

Сколько раз видел подобное... И медведь был, и волки-итара. Да мало ли забав можно изобрести! Сегодня молодого энихи выпустили. Преступившему закон все равно умирать, а здесь, в праздник, хоть надежда есть. А Къятта впервые спросил:

— А ты не хочешь быть на месте этого зверя?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне просто справиться с ним, — кивнул, указывая на пригнувшуюся в ожидании хищника фигуру человека.

— Неинтересно, да? — короткий смешок.

— У него ведь тогда... не будет шанса спастись, — пробормотал, опуская лицо.

— У него и так нет. Если он победит зверя, его отпустят... до первого поворота в лесу.

Нечего преступникам делать вблизи Асталы.

Заметив, как исказилось лицо младшего, добавил сожалеюще:

— Ты совсем не умеешь думать.

— Я... — Вскочил, встряхнул головой, — Я другое умею!

Вылетел в круг, срывая с себя лишние тряпки. Прямо между энихи, который изготовился к прыжку, и человеком. И человек, и зверь замерли от неожиданности. И другие люди вскочили, или наклонились вперед. Через пару ударов сердца черная тень скользнула над песком, бросилась вперед, и осужденный, ошарашенный неожиданным превращением, позабыл о сопротивлении. Он умер мгновенно. Второй энихи ударил хвостом по бокам, изговорясь к прыжку — но не успел. Черное гладкое тело снова взвилось в броске, прямо на копыта стражи. Тренированные воины, стражники круга успели отвести в сторону смертоносные острия, и пригнулись, когда огромный зверь пролетел над ними. Прямо на зрителей прыгнул, и кто-то закричал от боли в сломанной руке — а Кайе уже бежал прочь, в облике человека, и люди расступались много раньше, чем он приближался.

Настоящее

Кайе поймал крупного кролика. Из седла извлек нож в черных ножнах, быстро снял шкурку с добычи. Костер разжег просто — руку протянув над сухими сложенными былинками, а потом уже подбрасывал толстые ветки.

— Странно смотреть, пламя из ниоткуда, — сказал Огонек. — А если в костер руку положишь?

— Я пока в своем уме.

Когда наклоняется над огнем, не лицо — терракотовая маска, вроде тех, что видел на стенах священных Домов и Башни. Только у тех и глаза черные, а у этого — блестят... Теперь-то ясно, почему он никак не пытался поладить с Незримыми леса — сам был его частью, грозной и независимой.

Поев, отдышали, спорили, глядя на облака — кто проплывает по небу? Благо, почти на открытое место выбрались, край поляны недалеко от пологого склона, поросшего высокой травой. Первым меж облаков явился кролик — может, дух или призрак этого, зажаренного. За ним какие-то гуси и цапли, после поплыла громадина, до тошноты напомнившая Огоньку Башню. А затем девочка с поросенком.

— Ты чего приуныл? — удивился Кайе. Он валялся на мху, головой прислонившись к большому изогнутому корню.

— Так...

— Ты что, девчонок не любишь? Или поросят?

— Мог бы и не трогать ту, малышку с прииска, она и без того была перепугана! — не сдержался мальчишка.

— Да я и не трогал ее, — от удивления Кайе аж сел. — Кому она сдалась? Вообще про нее забыл.

— А твой брат сказал...

— Не знаю, что он сказал. Только он и сам на Атуили не ездил. Да целая наверняка твоя эта мелкая, раз уж ей повезло!

Глаза его были округлившиеся и совершенно честные. У Огонька от сердца отлегло, впервые за все эти дни.

— А это я, — Кайе указал на облако — вылитая звериная морда, даже оттенком темней остальных.

— Предпочитаю тебя человеком, — одними губами откликнулся Огонек, даже отвернулся для надежности.

— И слух у меня тоже хороший.

Из Асталы в лес они выбрались только в полдень — а сейчас уже время близилось к сумеркам. Уезжали в спешке, пока не успели заметить и остановить. Кайе прихватил с собой кувшинчик, золотой, с чеканными цаплями. Еще деревянную чашу и небольшой закрытый флакончик, из обсидиана — Огонек на привале успел их увидеть, когда выкатились из небрежно брошенной сумки. Что это и зачем, спрашивать не стал, просто сложил все обратно, пока спутник охотился.

После подъема на Башню им пришлось ждать два дня, и это были тяжкие дни для Огонька. Кайе находился дома, но, против обыкновения, ни видно, ни слышно его не было. Один раз Огонек углядел, как тот разговаривал с дедом, долго и вполне мирно, но ни слова не донеслось. А сам он почти все это время старался спать — а что еще делать? И не думается всякое.

Знал, чего ждут — пока Къятта уедет в предместья. Отсутствовал бы недолго, дня три, может, пять, но Кайе утверждал, что этого времени хватит.

Еще Огонек узнал, что служители Башни были в доме с жалобой, верно, решили, что Кайе потащил его наверх, чтобы сбросить, а спорил только из упрямства. А что потом передумал, с его-то нравом тоже дело обычное. Молния дольше сверкает, чем у него настроение держится. Как и что служителям сказали, в итоге Огонек мог только гадать, но его никто не выдал и вообще не тронул.

А потом Кайе сказал, что пора, причем надо ехать в лес — дома и помешать могут. Теперь вот сидели у костра, будто и не пролегла между ними тень.

— А тебе кто помог разбудить Силу? Родные? Брат?

— Со мной совсем иначе. Я родился таким. Мой огонь никогда не спал, меня лишь учили управляться со своим даром, и брат, и дед...

Тут и пришло в голову самое важное.

— А если сполукровками... надо как-то иначе? — голос мальчишки стал высоким и сиплым. — Ведь во мне две крови. Ты не думал об этом?

— Нет. Может, кто первым возьмется, так и получится?

— Ох...

Полукровка спрятал лицо в ладонях. Ничего лучше не придумал, когда соглашался!

— Боишься?

— Да, — Огонек не видел смысла в притворстве. Да какое притворство, если зубы стучат?

— Я не хочу причинить тебе вред. Напротив...

— Ты не умеешь быть осторожным, — сказал Огонек. — Даже если сам хочешь.

Сейчас над лесом, над бесконечной темно-зеленой шкурой разливался тревожный желто-лиловый свет.

— Пойдем, сверху посмотрим, — Кайе потянул Огонька за локоть, и, когда выбрались из-под сени крон, повалил на траву со смехом.

Тот взвыл, ощутив, как в позвоночник уперлось нечто жесткое. Со слабым стоном сунул руку под спину и вытащил толстый обломанный сучок.

— Зараза, — пробормотал, — ты хоть смотри, куда бросаешь.

Вдохнул полной грудью пахнувший хвоей, прелыми листьями и мхом воздух. То ли от запахов этих, то ли от кажущейся воли, да и новости про девчонку ту приисковую он ожил, и все между ними показалось почти как в прежние дни.

Если не вспоминать.

На краю склона замерли: над лесом встали фиолетово-сизые горы, словно приблизились далекие настоящие, и по одному из склонов-облаков ползла алая струя лавы, стекала на верхушки деревьев и разливалась, грозя их поджечь. Это показалось до того настоящим, что Огоньку стало не по себе — недоброе предвестье или странная игра

закатного света?

— Это наша кровь, — задумчиво сказал Кайе.

— Кровь? — испуганно переспросил полукровка.

— Лава. Как она течет под землей и горит, так же и в наших жилах пламя...

Огонек не мог оторвать глаз от небесной раскаленной струи. Оба смотрели вверх, пока не сомкнулись облачные горы, заслоняя свет, пока зарево не поблекло.

Сумерки становились все гуще, и близкая чаща будто совсем вплотную придвинулась. Загомонили ночные жители — пение, треск, чьи-то вопли заполнили воздух.

— Ну вот, — жизнерадостно сказал Кайе. — Всё получилось.

— Что? — растерялся Огонек.

— Сила твоя. Ты же увидел лаву. Значит, Юг принял тебя. Теперь подучиться, и сможешь всякое разное.

— Ты это серьезно сейчас?

— А ты как думал? Разве такие вот небесные горы тебе раньше показывали?

Огонек растерялся. Он ничего не чувствовал — но, может, так и надо? Ведь не умеет. Если Сила это как пение — глотка есть, голос, но слова и мелодию надо знать...

Протянул ладонь, пытаясь на расстоянии пошевелить листья на ближайшем кусте. Кайе давился хохотом, наблюдая за его стараниями.

— Смотри, сейчас ураган вызовешь!

— Эх! — в сердцах сказал подросток и встал, откинул за спину растрепавшуюся недлинную косу. Ничего не вышло, значит. Или Кайе попросту забавлялся с ним, обещая попробовать. Усмехнулся криво. Точно дурак. Поверил...

Юноша поднялся тоже:

— Вот глупый. Настоящее чучело... Шуток не понимаешь. Я же не знал, что такие облака будут.

— Не смешно, — сказал Огонек. Так глупо он себя даже выловленным из реки не чувствовал. Но, глянув на довольную рожу Кайе, сам улыбнулся.

Потом на поляне сидели, не в состоянии спать. Здесь, под высоченными деревьями, было влажно, а полосами ползущий туман тут же застывал росой на мху и редком подлеске. Огонек невольно придвинулся к спутнику, тот положил горячую руку мальчишке на плечо, привлекая к себе.

— Говорят, в нас — Сильнейших — течет кровь Огненного зверя, особенно в оборотнях. На севере он не водится, и меняющий облик там родиться не может. А дед говорит, глупость все это.

— А что такое этот зверь?

— Такой... кто ж его знает, — Кайе задумчиво потер щеку. — Дед говорит, он вообще не живой.

— Мертвый? — поежился Огонек.

— Да нет. Ненастоящий, не зверь вовсе. Да не знаю. Пушистый. Я его гладил.

— О!?

— Когда на реку Иска ехали. Он маленький, с хвостом не длиннее руки. Горячий. Только опасный — между двумя нашими пробежал, так одного парализовало почти на сутки, а у другого полтела в ожогах. А ткань его штанов только чуть потемнела. Вот такая

зверушка.

— И ты гладить ее не боялся?

— Я-то? Нет.

— Знал, что тебя не тронет?

— Откуда мне знать? Захотел — и погладил, — уголок рта пополз вверх.

— А извержение ты когда-нибудь видел? — спросил мальчишка, вспомнив недавние облака.

— Да. На востоке и западе тянутся горные цепи, некоторые горы там огненные. И на западе есть такая гора — Смеющаяся. Она часто выбрасывает пепел, огонь и немного лавы. Но к ней все привыкли даже у склонов. Так, по привычке носят дары, и не боится никто. А вот если проснутся Три Брата...

Ночь показалась короткой, словно всего час прошел — а первые лучики рассвета уже пробивались сквозь кроны, черное небо на глазах линяло. Кайе молча поднялся и ушел к ручью за водой, с чашей в руке. Вернулся через четверть часа примерно. Мокрые черные волосы падали на лоб. На смуглой руке алела царапина. Неудивительно — для Кайе при всей его ловкости если куст растет на дороге и лень обходить, или просто настроение плохое, тот немедленно должен подвинуться. А впрочем, перед ним и так кусты разбегаются.

Кайе поднял глаза, сказал глухо:

— Пей.

Голос был взрослым и необычно серьезным. Огонек понял, что противиться не посмеет. Облизнул вмиг ставшие сухими губы.

В чаше оказалось нечто пряное, но легкое, похожее на солнечный ветер. Выпив, Огонек было встал, качнувшись, но движение оборвал приказ:

— Замри! Дай руку.

Послушно протянул правую. Кайе взял нож и сделал надрез на предплечье подростка. Тот невольно попытался отдернуть руку.

— Тихо! — продолжил свое занятие: делал неглубокие надрезы, создавая непонятный узор. Кровь сочилась, размазывалась, непонятно было, что за рисунок. Поднял собственную ладонь — в крови — к губам, лизнул — настороженно, словно зверек пробует подозрительное питье. Затем плеснул в ладонь немного темной жидкости из флакона, который, оказывается, лежал в траве, начал с силой втирать в линии узора. Огонек зашипел от едкой боли.

— Не шипи, не змея!

Закончив, вытер кровь пучком травы, отпустил Огонька. Лицо испугало мальчишку: сосредоточенно-сумрачное... недоброе.

— Что ты так смотришь? Что видишь? — настороженно спросил старший, отводя за ухо влажные волосы.

— Такой вид, будто прощаешься! — вырвалось у Огонька. И дрожь предательская во всем теле — что именно выпил миг назад?

— Что, передумал? — хмурым грудным голосом отозвался тот. — Страшно с таким связываться?! И правильно, как ему доверять! — взорвался неожиданно, отбросив пустую чашу в кусты.

Эта вспышка прогнала опасения — вот как бывает, с удивлением подумалось Огоньку. Нет бы наоборот.

— Предложил, так вперед. Сейчас, или когда сочтешь нужным. И не швыряйся посудой... я тоже могу.

Кайе округлившимися глазами посмотрел на него — и расхохотался. Отсмеявшись, коснулся лба Огонька.

Голова уплывала куда-то, а тело оставалось на мху. Из спины начал расти тростник. Подросток хотел было сказать об этом, но побоялся показаться дурачком.

— Найкели, — пробормотал юноша, поглядев на него. — Ступень к огню...

Огонек хотел ответить, но не успел. Руки подхватили его и бросили со склона... он вскрикнул, катясь по траве — и закричал вновь, пытаясь увернуться от огромного черного хищника. Клыки лязгнули у самого горла: мальчишка вскинул руки, пытаясь защититься, отсрочить смерть, но энихи ударил по ним лапой, словно паутину отбросил. И снова распахнул пасть. Один миг промедлил зверь, и отчаянное желание жить подсказало мальчишке движение — он вцепился в челюсти хищника. А потом накатила волна огня — изнутри, заставляя кричать до срыва голоса. Кровь откликнулась, спеша на помощь, рванулась наружу; а та, что осталась, загорелась и взорвалась в мальчишке. Сердце его жалобно дернулось и остановилось. Вспыхнули волосы и одежда, перестали видеть глаза, и последнее, что он чувствовал — боль, переходящая в сумасшедшую радость.

А потом по сожженным глазам ударил свет.

— Лежи, — Кайе листом лопуха вытер лицо Огонька. В земляной нише под замшелыми корнями было полутемно... а поначалу показалось — невероятно светло.

— Где мы? — прошептал Огонек. Тело казалось легким-легким и тяжелым одновременно. Перед глазами плавали разноцветные пятна. Но он все видел. И был явно живым.

— В лесу.

Кайе казался совершенно измученным.

— Энихи... это был ты?

— Кто ж еще?

— Я думал, что умираю.

— Да ты и умер почти.

Кайе вытянулся рядом и застыл. Огонек не решался пошевелиться, а потом понял, что тот спит. Голова на сгибе локтя, по другой руке ползет яркий зеленый жучок.

Сам Огонек чувствовал, что не совсем еще вернулся на эту сторону — иначе почему вокруг так тихо, словно в лесу все вымерло? Солнце уже поднялось высоко, когда пришел в себя хоть немного, решил наконец сесть. После долгих сомнений решил потрясти спутника за плечо. Тот проснулся вмиг, распахнул глаза — они показались очень светлыми — и, похоже, не сразу понял, что происходит. Потом тоже сел, улыбнулся, скупно, но так довольно, словно получил подарок в десять раз больше чем ожидал.

— Что ты сделал со мной? — спросил Огонек.

— Я?! Это ты сам чуть не отправился в Бездну! Больше никогда не возьмусь вести полукровку, — сказал почти весело, но голос дрогнул.

— А то, что я выпил? — еле слышно, но мальчишку поняли.

— Найкели. Проводник. Объясняет крови, где Путь... иначе заблудится. Эсса долго готовятся, движутся по шажку, а детей Асталы бросают в его пасть, как щенят в воду. Те, кто может — плывут.

Кайе вздохнул глубоко.

— Мы с тобой еще не закончили. У многих все быстро выходит, но ты... в общем, им достаточно пробку из горла выбить, чтобы потекла Сила, а тебя это просто ломает.

Не дождавшись ответа, продолжил:

— Ладно, теперь будет попроще. Не отступать же! Сделаем из тебя... ну, хоть светлячка! И северное... песни их сможешь петь, остальное не для тебя теперь.

Огонек подумал немного.

— Светлячок... А ты, Кайе-дани, ты — кто?

— Видел лаву вчера? — он поднял глаза, непривычно серьезные. — Так вот... Там, в сердце земли, она и рождается. Я — часть этого сердца.

— Огненная гора?

— Вулкан — лишь то, что видно. Меньшее, чем я есть.

— Ты мог сжечь меня совсем?

— Еще бы.

— И ты... не нуждаешься в хворосте, чтобы гореть?

— Скорее мне станет плохо, если я попробую погасить это пламя. Меня спасло то, что я родился оборотнем.

— А К... твой брат? — споткнулся на имени и решил не произносить его вообще.

— Къятта... лава, что течет по долине. Лучше не стоять у нее на пути.

Огонек представил, как падает в жерло вулкана, и стало плохо. Если бы знал заранее, не согласился бы никогда!

Хотел что-то сказать, но не нашел слов.

А потом про слова позабыл. Все мысли сошлись в одну точку, до размера муравья — но очень злого, настырного. "Можно ли разбудить в полукровке Силу?"

Поначалу казалось — не выйдет. Как можно сосредоточиться и расслабиться одновременно, да еще и почувствовать то, что и вообразить не мог? Он пытался. Представлял, как зажигает костер, как сдвигает лежащий на траве камень... и только сердил своего наставника, мол, пытаешься грести, когда еще даже до лодки не дошел!

Держались за руки, и мальчишка ощущал, как в его жилы входит огонь, движется в крови, ищет дверцу. Это было страшно, но отказаться уже не мог.

Домой вернулись к вечеру другого дня. Их уже отправились искать, но Огонек так и не узнал, объяснял ли Кайе в итоге свое отсутствие.

Дома продолжили.

Оказалось куда тяжелей и дольше, чем могли ожидать; порой Огонек боялся, что его кровь попросту закипит. Тогда размыкали руки, расходились по разным углам или спускались в сад. Ладно хоть то непонятное зелье пришлось пить только первые сутки — от него мир распадался на части и просыпались страхи, которых раньше и не было вовсе. Из дома никуда не уходили, и даже ночью не расходились по комнатам, как прежде, и не до забав было — даже разговаривали мало, лишь когда сил хватало и немного прояснялось в голове.

— Отпусти, я сейчас упаду, — сказал Огонек, когда стены и пол совсем расплылись перед глазами, и услышал "Куда? Ты с утра не вставал!"

Поначалу были только тяжесть и жар, каменный лабиринт снаружи и изнутри, но потом он почувствовал звук, стал им — и этим звуком были они оба. Наверное, для Кайе Сила была

только огонь, но для полукровки проводником стала неслышная песня, дрожь, пронизывающая всё вокруг.

Теперь бы не поддался на розыгрыш или самообман — разве спутаешь те ощущения, когда вдруг, допустим, жабры или рука у тебя появились, хотя этой рукой ты поначалу делать ничего не умеешь? И при этом снова плывешь в бурном потоке, хотя этот поток не вовне, а внутри тебя. И этот поток звучит. И отчетливей — его ведущий, *айари*, как они тут говорили.

Утром четвертого дня Огонек проснулся первым — да и не спал почти. Небо еще было бледно-серым, а из окна тянуло прохладой. Вышел из комнаты, запоздало удивился, что Кайе этим не разбудил — обычно шороха было довольно.

В саду не таился, и кто-нибудь полукровку наверняка видел, но не окликнули. Дошел до птичника — не того, где держали для еды откормленных цесарок и уток, а другого, похожего на кусочек леса, где под зеленым листовенным пологом жили вобравшие в себя чуть не все краски попугаи, трогоны, тонкоклювые якамары. Изумрудно-красно-оранжевые, бирюзово-малиново-желтые... Их разводили для перьев и просто так, радовать глаз. С подрезанными крыльями, толстой ниткой на лапках, привязанной к ветке — не могли никуда деться из дома.

Совсем как он сам. Только нитка невидимая, а крылья...

Сегодня стало полегче, отпустили жар, напряжение, и он совсем потерялся. Теперь-то что будет?

Огонек сел, обхватил колени руками, опустил на них подбородок. Смотрел на яркие переливы, слушал неохотные, нечастые птичьи голоса. В эти дни в лесу птицы вовсе заливаются, а тут им особо и незачем...

— Ты чего здесь торчишь?

— Так...

Осознал, что небо уже вовсе розовое, и такие же розовые плывут по нему облака. И от прохлады почти ничего не осталось.

— Ты какой-то нахохленный, — Кайе присел подле него на корточки, бросил взгляд на усеявших ветки птиц, потом на Огонька. — Опять снилось неведь чего?

— Нет. Скажи... Ты решил подарить мне Силу. Но раньше и не думал, что с полукровками это возможно, а потом — ведь тебе стало интересно, ты любишь новое, любишь вызов. Если бы не вышло, и я погиб, ты бы нашел кого-то...

— Разумеется! Это же так забавно! — вскочил, неожиданно чуть качнувшись, и скрылся за жасминовой изгородью. Поднявшись, Огонек пошел следом за Кайе. Нашел его сидящим на краю небольшого бассейна, швыряющим в воду камешки; пристроился рядом.

— Прости.

— Я давно знаю, что ты придурок, — глуховато заявил тот, все еще глядя я воду. — Просто для развлечения не говорят такие вещи там, где я это сказал. Когда ты уже поймешь...

Остыл он быстро. В эти дни на редкость был терпеливым, может, из-за усталости.

Пятый день подходил к концу. Видно, самая сложная часть "пути" была позади, Огоньку становилось все лучше. Вчера уже мог смотреть на птиц, а сегодня вовсе повеселел. Снова

были в саду, и Кайе рядом. Тот подогнул под себя одну ногу, подбородком оперся о колено другой. Рыжеватый закатный свет подчеркнул черты его, заострил. Или не закат? Лицо юноши было так явно осунувшимся, усталым, словно он поднялся после тяжелой болезни или вовсе от нее не оправился.

Огонек, желая, чтобы с этого лица сошла пугающая маска, спросил первое пришедшее на ум:

— Почему ты не хочешь длинные волосы? Носил бы хвост или косу, как многие в Астале... Тебе бы пошло...

— Зачем они мне, только мешают.

— Но они же не столь короткие, чтоб не мешать вообще, — мальчишка впервые протянул руку, запустил пальцы в беспорядочно лежащие пряди. Подивился, что они не жесткие, как воронье гнездо, а вовсе наоборот.

— Давай я тебе тоже что-нибудь заплету. Хоть в палец длиной.

— Иди в Бездну!

— Там я уже побывал, когда у нас ничего не получалось. Продолжим, или наконец отдохнем сегодня? — со смехом спросил мальчишка.

— Продолжим. Когда стемнеет. В такую жару даже у меня сил нет.

— В жару? — удивился про себя Огонек: прохладно было сегодня вечером, на удивление. Словно уже схлынул жаркий сезон, а не начинался.

Кайе смерил мальчишку оценивающим взглядом.

— Если сегодня все пойдет хорошо... завтра закончим. Дальше останется только учиться... самостоятельно, я уже помочь не смогу. Мы разные.

— Учиться будет столь же трудно?

— Тебе — не думаю. Ты стараешься... Может, и память к тебе вернется. Эти кошмары твои...

— Самостоятельно... — Огонек почесал переносицу, размышляя. Как-то не спрашивал раньше, а надо бы... — А кроме тебя... домашние знают, что ты делаешь? Что ты — мой наставник?

Кайе пожал плечами:

— Вот еще. Других это не касается.

— Что будет, если узнают?

Высокие брови округлились:

— Будет? За то, что я делаю с полукровкой? Или ты думаешь, станешь по-настоящему сильным?

Огонек вскочил, лицо запылало. Кайе ухватил его за штанину, потянул вниз:

— Мир. Я тоже говорю искренне.

— Мир, — прошептал Огонек, задетый за живое.

Да, за этот день ему стало еще легче — и он смотрел уже не только внутрь себе; и вновь замечал страх домашних перед своим "ведущим", и его безразличие, и как тот порой распорядился полукровкой, как вещью. Даже в эти пять дней. Очень ценной, но вещью. Мальчишка выпрямился, глянул на полыхающие над верхушками деревьев облака. Закаты здесь длятся дольше, чем в лесу, но они тоже короткие. Нарядные краски, небесный пожар, но не успеешь полюбоваться, приходит тьма.

У тебя есть все, подумал он. Теперь еще больше, чем раньше. Ты можешь убить, можешь подарить Силу, а я...

Ночь не принесла пролады. Завершение Пути далось Кайе труднее всего — не мог сосредоточиться, дико хотелось пить. Но не стоило прерываться — и без того напарник его, ведомый, слишком слаб. Начни прыгать туда и сюда, точно толку не выйдет. А цель маячила почти перед самым носом... как же трудно с этими полукровками. Словно деревянные — ладно тело, оно и не важно сейчас, сидит себе на полу, а суть внутренняя Силу как следует обрести не торопится...

Когда показалась последняя «стена», с неслышным стуком обрушилась, открывая пламя, вздохнул с облегчением. Все. Пусть идет и... и в Бездну всех!

Кайе проснулся, потянулся, чувствуя себя хорошо-хорошо впервые за последние дни, раскинул руки с сонной улыбкой. Легко... привычное, приятное чувство — словно горячий ветерок под кожей. Позвал:

— Огонек?

Когда никто не откликнулся, спрыгнул на пол, побежал по каменным плитам. Заглянул в одну комнату, в другую. Оббежал все. Пусто. Кликнул слуг, выглянув с террасы. На вопрос они отвечали недоумением.

— Нет, али. Не знаем.

— Огонек... — растерянно проговорил он. Отправился осматривать сад и окрестности — ведь тот все еще мог заблудиться. Добрался до стойл грис. Пара слуг, стоявших возле, обернулись, испуганно вздрогнули.

— Что случилось? — спросил недовольно.

— Али, прости — исчезла твоя пегая Весна!

— Весна? Как?

— Ночью... вчера. Кто-то увел ее, а ты спал долго, сутки... не решились будить.

Воры — здесь? Кража одной грис? И помыслить смешно. Он и смеялся бы...

— Вот как.

Развернулся — людям лица опалило, словно взвился к небу огромный костер. Кайе быстро зашагал прочь, и зелень по обе стороны дорожки скручивалась и чернела... Опомнился. Вбежав к себе, упал ничком на кровать.

— Будь ты проклят... чтоб тебе сломать шею на первом же повороте!

**

Меньше года назад

— Откуда? — Къятта коснулся руки младшего брата. Кожа была рассечена неглубоко, ниже был синяк на половину предплечья.

— Пройдет к вечеру. — Кайе улыбнулся довольно: — Это животное осмелилось напасть на меня!

— Я не стану спрашивать, остался ли он в живых, — сухо сказал Къятта, — но все-таки думай, прежде чем врываться на стоянку.

Младший изумленно вскинул брови:

— Что они против меня?

— В обличьи энихи ты можешь только то, что может очень сильный зверь. Перекинуться в человека успеешь, но я не хочу потом лечить твои раны.

— Ты и не сможешь! — фыркнул подросток, тщетно пытаясь подавить смех. Къятта-целитель? Разве в кошмаре приснится.

— Тебе стоит заняться делами, а не только бегать по лесам, — обронил старший. — Продолжай, пожалуйста, но не забывай — тебе четырнадцать весен. Другие с двенадцати...

— Ой, как дед говоришь! — мальчишка упал на постель, потянулся, прогнувшись в спине. — Чего ты еще от меня хочешь?

— Будешь ездить со мной. Пока — со мной. А там посмотрим. Пора тебе всё знать про наши владения, ты не был и в четверти наших земель.

И ездил — радость приносили эти поездки. Видел цапель в камышах рек Иска и Читери, орлов высоко под облаками. Смеялся от счастья, прямо на скачущей грис руки раскидывал, прогибался назад — летел. Большая земля у Асталы, немалая — у его Рода.

— Огни тин идут за ним, — шепотом говорили спутники его и Къятты. И верно — катились по траве и земле шарики-огоньки размером с кулачок маленького ребенка. Подпрыгивали, будто резвились. То не трогали траву, то оставляли тлеющие дорожки. А людей словно не замечали; только стоять на пути у огня тин не стоило — может, ничего и не будет, а может, парализует, а может, и вовсе тело сгорит. А одежда останется — такие у огней шутки.

Для земледельцев горячей была пора. И не только для них — строители трудились, не покладая рук, благо, земля просохла, и дорожные рабочие, и приисковые. Къятта, чтобы научить младшего, как и с кем обращаться, навещался туда, где раньше вовсе не бывал, появлялся, как гроза или пыльная буря. Знал, как вызвать страх.

Особенно просто, когда вот он, страх, у плеча стоит, и смотрит темно-синими глазищами. Стоило только показать им зверя — сразу становились послушной воска. А зверь любит, когда его боятся.

Еще одна луна миновала, дожди стали совсем редкими, и становилось жарче, хоть далеко еще было до действительно сухих дней. Вездесущая мошкара притихла и не досаждала — можно было обходиться и без отвара травы хола, отправляясь надолго в лес.

Мало что изменилось, разве что Къятта стал отпускать брата одного, поручая дела. Приучал исподволь, стараясь не ослаблять поводок — и даже издали, через подручных, следил.

И вот — отправил младшего брата к границам земель Асталы, к реке Иска — под присмотром Нъенны, совершенно такой ролью не вдохновленного. Наказал тому не отходить ни на шаг. Ходили слухи, что на другой стороне реки заметили каких-то людей; Къятта бы сам поехал, но вынужден был задержаться из-за здоровья деда. С неохотой отпускал Кайе, но ему в будущем году стукнет пятнадцать. Пусть учится.

Тарра Икуи намеревался тоже поискать чужаков и встретиться с отрядом Тайау — в тех местах их земли граничили. Что ж, Тарра вовсе не худшая компания для избалованного вспыльчивого мальчишки.

После сезона дождей большая вода вновь слегка изменила очертания берега, а на месте разлива ныне буйно зеленела молодая поросль. Нъенна, державшийся, словно пришитый, чуть позади Кайе, помалкивал — он не простил случая, когда едва не отправился в Бездну по

милости этого звереныша. А подросток забыл обо всем, и о поручении не думал — любовался вспархивающими птицами, порой беззлобно швыряя в них мелкие камешки — нравилось слышать шум крыльев, гомон, с которым испуганная стайка взмывала в воздух. Стрекоз ловил, подолгу рассматривал, держа за широкие слюдяные крыльшки.

Никто не ожидал увидеть на северном берегу, ничейном, маленький чужой лагерь: кострище, за которым в лесу пара широких полотняных навесов с пологими, от росы и мошкеры; и еще меньше ожидали увидеть северян на своей земле, на южном берегу.

Здесь река была больше сотни шагов шириной, но посередине крокодильим гребнем поднималась небольшая каменная гряда. Ньенна знал это место: во время разлива вода полностью скрывает камни, в засуху островок становится еще шире, а сейчас на нем разместились бы всего несколько человек. С северного берега к гряде вела песчаная коса, и глубина там сейчас была по колено примерно. А вот на южный переброшены были грубо сколоченные мостки из тонких прибрежных ив. Подле них на привязи бродили три грис, пытаясь щипать листву и подсыхающие водоросли.

Беглый взгляд на лотки для промывания золотоносного грунта все объяснил. Эсса необходим этот металл... вынюхали и здесь.

Северяне насторожились, но, видя мальчишку во главе крохотного отряда, явно почувствовали себя уверенней. Ясно было — ссоры не избежать, но южан вполтину меньше, а этих с десятков, все взрослые, крепкие, и еще на другом берегу сколько-то человек оставались в лагере — мелькали силуэты среди стволов.

— Это наша земля! — ударом гонга взлетел голос мальчишки.

Северянин — он выглядел вожаком, но волосы его были черны, как у прочих — поднял сумрачные глаза:

— Разве так? Ни поселений, ни указателей...

— Еще скажи, что ты не заметил реку, — едко сказал кто-то из южан за спиной Ньенны: тот быстро обернулся, но так и не понял, чей был голос.

А когда перевел взгляд обратно на чужаков, лицо их предводителя изменилось. Похоже, еще миг назад он не собирался никому уступать берег, где стоял, но заметил золотой знак на плече Кайе.

— Это река Иска? Не узковата ли для нее? — ложь в голосе и глухой бы услышал.

— Это она, и вы прав не имеете заходить на нашу сторону! — заявил мальчишка, и сделал пару шагов вперед, словно хотел затолкать пришельцев в реку.

— Мы ошиблись, — сказал тот, что был у них главным. — Считали эти земли ничейными.

— Врешь, — сказал Кайе.

Мужчина еще раз поглядел на его плечо, прищурился — кажется, из-за качания теней и бликов повсюду никак не мог разглядеть, что именно изображено. Но золото — уже довольно, чтобы не относиться как к бессмысленному птенцу, даже не будь с ним небольшого отряда.

Ньенна постарался так стать, чтобы не показать случайно и свой собственный знак. Если северянин заметит, он станет его считать старшим, а Кайе это скорее всего возмутит. Лучше пусть сам, без помех ерошит перья. Никто его не тронет, ясно уже. Себе дороже, связываться с одним и Восьми Родов Астала. Мальчишка все не желал уняться, даже видя готовность чужаков решить дело миром.

— Кто из сопратителей вас отправил сюда?

— Мы так высоко не летаем, — северянин изогнул половину рта в чем-то вроде улыбки. — Просто ищем золото, вдруг повезет.

По виду их действительно не сказать было, что хоть кто-то один важная птица — одежда добротная, но поношенная, знаков отличия никаких, украшения если и есть, то самые простые, по карману любому.

— Опять ты врешь, — вдруг сказал Кайе. — Кто-то указал вам это место.

А мальчишка, похоже, прав, подумал Ньенна. Что в Астале есть шпионы эсса, ни для кого не секрет, у северян есть такие же с юга — простой народ поди отличи, ни цветом волос, ни глазами не выделяются, а Сила для таких дел только помеха. Но шпионы не рассказывают выведенное кому попало, они связываются с сопровителями, их родней или младшими ветвями.

— Валите отсюда подобру-поздорову, — велел он, наконец становясь так, чтобы и его золотой знак разглядели. Кто-то из северян присвистнул, решив, что Ньенна морочил им голову, поставив говорить младшего.

Кайе промолчал, приятно удивив Ньенну.

Эсса тоже спорить не стали, с облегчением принялись собирать свои пожитки, спеша покинуть чужой берег.

Сборы много времени не отняли, вот уже северяне накинули вещи на грис, дорожные мешки себе на спину, повернулись и пешком направились к мосткам.

— Золото оставьте, — велел Кайе.

— У нас золота нет, — сказал предводитель эсса. — Ты видел — мы не успели начать никакие работы.

Мальчишка нагнулся, поднял что-то, подбросил на ладони — золотая искра сверкнула. Небольшой самородок, понял Ньенна.

— Да тут все само валяется! И грис вон та едва не села, чем вы ее так нагрузили??

Мужчины переглянулись, затем их предводитель пожал плечами и снял со спины указанной грис корзину, поставил наземь.

— Ладно, ты прав, хоть мы добыли немного.

Тут Ньенна ощутил наконец облегчение. Встреча яйца выеденного на стоила, орел и кессаль тоже вечно делят лес. Да, эсса, эти крысьи дети вконец обнаглели, уже обшаривают границы Асталы и Совету бы доложить, но договор не нарушен, всерьез предъявить им нечего.

Но мальчишка никак не желал уняться.

— Пусть покажут всё, что у них при себе. Мало ли где можно спрятать такой самородок.

— Остынь, — сказал Ньенна, больше всего желая закончить наконец этот неприятный всем разговор. — У них времени не было, да и нас не ждали.

Глаза племянничка зло сверкнули, но он промолчал, хватило ума не ссориться со старшим при эсса.

Потом, глядя, как северяне переправляются через реку по неровным и скользким мосткам — уже почти добрались до каменной гряды — он встал и взглянул на оставленное ими. Золото лежало в кожаном мешке, а тот — в корзине плотного плетения... теплый тяжелый блеск его был вкусным, напоминал сочные плоды тамаль. Кайе подошел, коснулся золотых зерен:

— Сила северных крыс... Смотри, полкорзины же целых! Они что, думали, мы

отдадим?

Вскинул голову:

— Ньенна... пошли человека за ними, пока не переправились. Я не верю, что они оставили все.

— Ты спятил, — сморщился молодой человек. — Не целый воз же они утащили, а наша Сила не на золоте. Пусть уходят. Не хватало тащиться за ними через полреки!

— *Йишкали амаута чели!* — Мальчишка отбросил неровные пряди со лба. — Я не намерен ждать!

Подобрался, напряглись мышцы под гладкой кожей, сейчас сам побежит за уходящей вереницей. Ньенна рукой махнул и отправил пару спутников следом за северянами.

Кайе наблюдал с берега — эсса подобралась, видя следующих за ними южан. Они добрались до гряды и о чем-то заспорили с эсса. Южанин взмахнул ножом, и золото сверкнуло, просыпавшись из еще одной рассеченной корзины.

— Ну и зачем? — меланхолично заметил южный разведчик из-за мальчишкиного плеча. — Пусть бы катились в Бездну...

— Ахх... — Кайе, видя, как один из северян с силой ударил в грудь южного разведчика, вскочил. — Амаута! — прыгнул на грис и помчался к островку; Ньенна закричал вслед, веля остановиться, но толку-то; пришлось догонять, и бегом, а не верхом, чтобы ненароком не сломать себе шею. А мальчишке все было нипочем. Его грис, бедная, с трудом передвигалась по скользким стволам, но хозяйина-человека боялась больше — северян Кайе достиг быстро, остановился на переправе.

— Я сказал, оставить все! — голос грудной сорвался. Ньенна видел: Кайе перевел взгляд на песок, еле скрытый водой — на нем блестели золотые зерна и грозди. Вожак северян усмехнулся. А к ним из-за стволов уже бежали другие, слышав ссору — человек пять, да здесь, на мелководье, десяток. Южан всего шесть.

— Малыш, все добытое золото теперь на том берегу и в реке. Правда, из реки поднять его мы имеем право. А у тебя хорошее чутье, — рассмеялся северянин громко. — Теперь уходи. Переправа не принадлежит вам.

— Она не наш. Но и не твоя! — Кайе вскинул обе руки. Грис вожака тонко закричала и взвилась на дыбы. Северянин рухнул из седла в реку и не шевельнулся больше.

— Прекратите! — закричал Ньенна, и побежал со всей силы, то и дело поскользываясь, и потому едва видел, что происходит.

— Быстро все на берег! — крикнул кто-то из эсса, и северяне, которые уже выбрались на берег, поспешили за деревья, пятясь, чтобы отразить нападение, если что. Но некому было нападать — оба отправленных за ними синта были ранены, один согнулся, зажимая бок, другой полулежал на камне, по грудь в воде, и вода вокруг него была красной. Их не тронули больше — эсса тоже не хотели ненужных последствий.

Кайе обошел их, не пытаясь помочь, и направился к северному берегу, один, словно его там не ждали противники. Шел спокойно, уверенно ступая на скрытые водой камни, хотя под ноги не смотрел.

И тело вожака обошел — эсса бросили его, рассудив, видно, что не помочь.

Ньенна выругался и крикнул своим, на переправе и за спиной — уходите! и остальные не лезьте! — а сам рванулся с гряды на песчаную косу, забрать мальчишку. Если повезет, на этом все и закончится. Смерть отпрыска Золотого Рода эсса не нужна, и у Ньенны золотой знак. Лишь бы свои не полезли в драку.

Кайе остановился, глядя на северян — у воды оставались еще трое, пешие.

— *Tuu a te!* ступайте в Бездну! — воскликнул, закинул голову, прерывисто вдохнул — полустон-полувскрик вырвался, словно у раненого зверя. Волосы его взметнулись, словно их рванул порыв ветра.

— Прекрати! — Ньенна перепрыгнул через труп эсса и потянулся к мальчишке, хоть их разделяло еще несколько шагов. Тот не обернулся на окрик. Стоял, открытый ударам, если они все же будут...

Северянин на берегу вдруг завертелся, пытаясь погасить пламя на собственной одежде, метнулся в сторону и упал на траву, и она загорелась вокруг, прибрежная сырая трава. Пламя над ним взвилось шалашом и опало, оставляя обугленное тело. Кайе повернулся ко второму северянину, бежавшему на помощь, и его тоже охватил огонь.

— Бездна... — ноги у Ньенны подкосились, и он тяжело опустился на колени, соскользнул с камня прямо на еле прикрытые водой золотые зерна. А затем словно черный огненный шар взорвался в его голове.

Еле дыша, почти оглохнув, молодой человек обернулся. Двое раненых уже кое-как доплелись к южному берегу, оставшиеся почти добрались до них — и застыли.

— Огни тин... — пробормотал Ньенна: по обоим берегам катились шарики-огоньки размером с кулак ребенка. На северном они быстро слились с пожаром, а на южном... Они не поджигали траву, не трогали людей — просто добежали до кромки воды и останавливались цепочкой, словно садились и преданно смотрели на Кайе.

— Огни тин пришли к нему...

Вновь перевел взгляд на северный берег и не говорил уже больше. Там горела уже не только трава, пламя пожирало подлесок, брошенные корзины, походный лагерь невдалеке; пламя охватило стволы и кроны, а затем перекинулось и на небо, враз потемневшее, потяжелевшее. Верховой пожар забушевал в лесу.

Северяне выбежали из лагеря, пытались броситься в воду, но не успевали, превращаясь в живые факелы. Криков не было слышно за гулом и треском. Черные фигуры терялись в невыносимо-ярком пламени, и стволы были черными и тоже, казалось, шевелились, будто на том берегу погибал целый отряд великанов.

Дым уже доносился и на южную сторону, вызывал кашель, мешал дышать. Только виновнику пожара было, кажется, все равно, может, он и не дышал вовсе: там, куда он поворачивался, пламя вздымалось выше, даже прибрежные водоросли, кажется, горели. Черный дым взвился над кронами, рассыпая искры, загудел ветер. Уже и с самих туч сыпались искры, и падали горящие ветки — то тут, то там начинался новый пожар.

Будь река менее широкой, не окажись берег в большей части довольно голым и галечным, вода не спасла бы, превратилась в кипяток или вовсе в пар. Дуй ветер в другую сторону, может, искры бы перенес, и запольхали оба берега. Но сейчас на южном берегу, в безопасности, люди словно окаменели, и никто ни слова не проронил.

Больше не нужно было подстегивать огонь, да у берега и гореть было уже нечему. Пламя, словно огромный зверь, потрясло шкурой и двинулось прочь, в чащу.

Как далеко ушел пожар, только птицы с высот могли знать, да само небо. Но и так ясно было — даже мощные ливни не скоро вернут к жизни горельник, и через зеленую поросль долго будут проглядывать страшные черные остовы мертвых деревьев.

А мальчишка у самой кромки воды, у горящего берега стоял, опустив руки, и пламя его не трогало, и глаза его были пустыми.

**

Настоящее

Къятта скучал по младшему брату. Пять дней — словно пять лун. Своевольный он, невыносимый, несдержанный сверх всякой меры... без него жизнь пресна и вязка, словно непропеченная лепешка. Тронуть горячую кожу, чувствуя, как тот ошестинится — и все же позволит застегнуть невидимый ошейник. Потому что тоже скучает на свой лад.

...Уже на подходе к его комнатам Къятта услышал тихий взволнованный голос, разъяряющий известные любому младенцу истины; усмехнулся не-по добромu. Слишком братишка увлекся новой забавой. Учитель нашелся. Пусть — скоро конец, жаль, мальчишка расстроится. Странно, что до сих пор не сжег свою игрушку. Но один раз уже чуть не убил, второго раза недолго ждать. Слишком нагло ведет себя полукровка. А нет — так нетрудно помочь.

Подумав немного, ушел. Вновь появился часа через два. Было тихо внутри, и занавеска не шевелилась — даже ветерок спал. Къята зашел внутрь, откинув занавеску.

...Сидели рядом у стены — и, кажется, не дышали. Почти испугался, прежде чем сообразил — жив, просто далеко улетела душа.

У них были похожие лица. Только у Кайе — очень усталое, будто истончившееся. Серое. И второй... брошенный мельком взгляд подтвердил — этот гораздо ближе, и чуть улыбается во сне. Ему, очевидно, совсем не плохо!

Маленький огонек дрожит на плотном листе дерева в углу.

А руки обоих сплелись.

Къятта выругался беззвучно. Бездна... Такое с собой творить... ради кого?! Всего на пять дней покинуть Асталу, и вернуться к безумию полному... Сорвал с руки полукровки браслет, увидел знак. Вот оно что. Вулкан, который учит гореть соломинку.

Поднял Кайе, словно тот был совсем малышом, осторожно опустил на постель в соседней комнате, поправил волосы его. Склонился над братом, протянул ладонь, прижал пару точек на шее. Дыхание того стало глубже. Спи, радость моя... спи долго. Тебе это нужно.

На Огонька и того не потребовалось — он и сам не проснулся, измученный неуверенными толчками собственной Силы — Къятта подхватил мальчишку и вышел из комнаты.

Глава 10

Во сне Огонек летел через Бездну. Не в первый раз уже видел подобное — поначалу такие сны пугали, понемногу привык. Даже удовольствие стал находить в безумном полете — еще чуть-чуть, и научится им управлять...

Проснулся на чем-то холодном и твердом. Не открывая глаз, попробовал устроиться поудобнее — и стукнулся лбом о стену. Испуганно распахнул глаза, осмотрелся.

Он лежал на каменном полу. Каменные темные стены, не украшенные ничем — просто неровно обтесанный камень. Масляный светильник, теплым оранжевым светом озарявший лицо человека напротив. Тяжелая коса, серьги — простые кольца, резкие, немного птичьи черты.

Къятта.

Огонек мгновенно сел, прижался к стене, не обращая внимания на холод ее и неровные выступы.

— Что... где я?

Мальчишка повел взглядом по сторонам, и по коже пробежали мурашки. Больно уж неприятливо место... и тихо, слишком тихо. Сыростью пахнет, и будто вода где-то рядом плеснула.

— Я здесь... почему??

— Муравей, возомнивший себя горой... — откликнулся тот негромко, задумчиво. Смотрел прямо перед собой, не на мальчишку.

— Я? Но что я такого сделал? — растерялся подросток, и замолк, успев уловить мелькнувшую презрительную усмешку.

— Я погашу. Хочешь попробовать зажечь? — молодой человек указал на светильник.

— У меня нет... — начал Огонек, и запнулся. Отвратительное, тянущее чувство поползло под кожей, разливаясь по всему телу.

Откуда Къятта знает? Младший ему рассказал, или как?

— Этого я не умею, — сказал он одними губами, не заботясь, будет ли услышан.

— Неважно.

— Но... — ноги начали медленно холодеть, холод полз выше и выше, заставляя цепенеть все тело. Кажется, все было совсем плохо... совсем.

— Но... — повторил Огонек, и не мог продолжать.

— Ты знаешь, почему ты здесь? Как я принес тебя сюда?

— Нет, али.

— Он направлял все свое пламя внутрь, пытаясь тебя уберечь. Все эти дни. Ведущий... Был, как пустая шкурка насекомого, когда я вошел. И мне не составило труда усыпить его... забрать тебя. Меня он даже не заметил.

Вот почему он так выглядел, понял Огонек, вспомнив осунувшееся лицо, и внезапные жалобы на жару. Теперь ему стало страшно не только за себя — что сейчас с Кайе?

— Он... где он?

Къятта будто не слышал:

— Мальчишка не соображает, что делает, и убьет себя, пытаясь не причинить тебе вред. Но ты ничего не стоишь. Пыль... пусть даже и редкость Сила у полукровки. А он — единственный.

— Это я знаю, — проговорил Огонек, понемногу справляясь со страхом. Если с ним еще говорят, может, не все потеряно. Исподволь он начал оглядываться — может, отыщется путь к спасению. Къятта не особо следит за ним, он и говорит-то словно с самим собой. — Но все равно знаю мало. Позволь мне хотя бы понять.

— Хорошо. — Къятта легко согласился. — Поднеси руку к костру — почувствуешь жар, вовсе не касаясь пламени. А Кайе пытается позволить тебе коснуться огня, погрузиться в него... и не сгореть. И вот нашел выход, дурак. Я же не смог запретить ему, он слишком своеволен. Не думал, что он сделает так.

— Но он сказал... что больше ему нечего мне дать. Он может теперь быть собой прежним...

— Нет. Айари — ведущий и чимали — ведомый связаны очень долго. Пока не ослабеет нить — он должен будет сдерживать свое пламя, выжигая себя изнутри. Даже просто стоя рядом с тобой — иначе его Сила спалит тебя. Это он понимает...

Огонек глубоко вздохнул.

— Если это так, то... — Поперхнулся, а с языка слетело: — Ты убьешь меня?

— Я? — Взглянул на светильник, и язычок света моргнул. — Нет.

— А... что? — задохнулся, испугавшись еще больше спокойного этого ответа.

— Какая тебе разница, как умирать? — голос изменился, стал ниже тоном, темнее. Безразличие словно порывом ветра смахнуло.

— Он — не наставник полукровок, запомни! У него есть свое назначение!

Мальчишка облизнул губы — сухость во рту и горле...

— Я... я дам слово, что не вернусь. Астала большая...

— Слишком много неприятностей от тебя, чтобы еще оказывать милости.

Тем не менее он не торопился что-либо делать. Задумчивое — снова — лицо, едва освещенное слабым дрожащим язычком пламени. Лучше бы ненависть, ярость... Мысленно смех услышал — может ли энихи ненавидеть оленя? Или крысу?

— Он найдет, где я был... раз он связан со мной... Разве нет? — сказал, и пожалел об этом, и тут же сообразил — ну не мог о таком не подумать Къятта!

— А ты не такой уж дурак, — удивление в голосе просквозило. — Башня — единственное место, где он тебя не почувствует. Хранительница говорит очень громко. А он слишком занят собой, чтобы в грохоте различать тихий звук.

— Но охрана и служители скажут!

— Зачем, и кто станет их спрашивать, кто сюда направит? Хранительница получила еще один дар и довольна, до остального им дела нет.

— Домашние знают...

— Почти никто. А те, кто знает... Из нас с ним двоих они выберут меня.

— Где он сейчас? Что ты скажешь ему? — отчаянно уцепился за последнюю надежду.

— Он спит. А проснется... что за беда? Найду, чем его успокоить! — может, днем, при солнце, Огонек услышал бы только слова, но сейчас в темноте он слышал еще ложь и... неуверенность? Вспомнил, каким было лицо Кайе, когда у крыльца тот снимал с седла раненого им подростка.

— Он хотел быть моим другом... — о сказанном пожалел тут же, видя, как закаменело лицо Къятты, поспешно поправился: — Он говорил так, я не знаю, что думал при этом. Ты же не хочешь, чтобы ему было плохо, если на самом деле...

— Замолкни, — сказал Къятта, столь грубого тона Огонек от него не слышал. — Чтс

надо, то и почувствует.

— А ты и к нему жесток... Он в обличье энихи куда больше похож на человека, — Огонек полностью овладел собой, и смотрел в глаза Къятты — янтарные на свету, сейчас просто темные.

— Ты думал так же, когда получил это? — усмехнулся тот, указав на шрамы, пересекавшие бок Огонька.

Лицо мальчика вспыхнуло от прилившей крови.

— Нет. Я испугался. Но потом принял, — хрипло, упрямо откликнулся Огонек. — У него не было выбора.

— И у тебя уже нет... Хватит. — Огонек почувствовал, что тело вновь слушается его. Шевельнулся, собрался в комочек.

— Что со мной будет? — повторил, оглядывая место, в котором находился.

— Иди сюда, — Къятта шагнул к арке в стене; за ней была чернота,

Огонек повиновался. Голос Къятты не обещал ничего хорошего, а сам он даже не обернулся — не сомневался, что полукровка следует за ним.

Тот и шел, в темноту под аркой, которую даже светильник едва рассеивал. А куда деться? И еще одно понимал — этому человеку он не покажет страха. Кайе говорил — не показывай... ни людям, ни зверям. Сердце то колотилось, то замирало. Еще сильнее запахло сыростью; всего несколько шагов — и оказались возле воды. Канал? Или подземное озеро? — мальчишка прищурился, но ничего не понял.

— Дай руку.

Послушно протянул — запястье охватила серебристая петля. Она и в темноте светилась едва заметно. Другой конец ее привязан был к вмурованному в стену кольцу.

— Ты сможешь дотянуться до воды. Пей... проживешь долго. Пока мне не нужна твоя смерть. Может, я вернусь еще...

Помедлил чуть, и добавил:

— На твой крик никто не придет. Майт слышала бы, но она глухая.

— Кто она, али? — прошептал Огонек. Так легко было противостоять Кайе... вспышка, и все. А этому — невозможно. Невозможно даже сказать ему колкость. Вот подлинное чудовище, думал он. Не Кайе. Его старший брат.

— Змея. Большая змея. Ей оставляют жертвы порой, как дочери Башни. Но она еле недавно. Здесь не появится.

Словно столбняк напал — и тело вновь стало холодным, влажным. Чуть не закричал, не упал перед ним наземь — выведи меня отсюда!! Но просить Къятту о милости... нет, бессмысленно.

Он тихонько сел, подтянул колени и стал вглядываться в воду.

Пальцы Къятты вздернули его подбородок. Глаза горели — сейчас и вправду янтарные. Понимал — отражается пламя светильника в них, но как жутко...

— Петля удержит тебя, если вздумаешь утопиться. Зря ты вообще появился на свет!

Огонек промолчал. Хотелось вонзить зубы в эту гладкую смуглую руку. Хотелось орать во весь голос от ужаса и тоски. А тот поднялся, собираясь уходить.

Остаться тут, в темноте, со змеей? Уж пусть сейчас сразу убьет!

В отчаянии Огонек выпалил первое, что пришло в голову:

— Я не первая его игрушка, я знаю.

— И что? — лица Къятты не видел, но усмешка представилась как наяву.

— Сколько еще надо отнять у него, сломать, чтобы он не выдержал? Ты думаешь, станет послушным чудовищем? Как бы не так! Скоро он просто умрет или сойдет с ума! Увидишь, как...

Невидимый аркан стянул Огонька, не давая вдохнуть.

— А это уже наше дело.

Лязгнул засов.

Огонек уткнулся лицом в колени.

Остался один.

Когда дверь отделила его от света — будто чем дурманящим опоили; голова закружилась, пропали все чувства и желания. Прислонился к стене и сидел так, не двигаясь.

"Ну зачем было всё это?" — шевельнулось где-то на задворках сознания. — "Утонул бы тогда в реке, и всем проще. Всё равно..."

Шевельнулся, подобрался к воде, зачерпнул горстью. Сделал глоток. Холодная, немного пахнет тиной, но свежая. Влажной рукой вытер лицо. В голове имя вспыхнуло — Майт.

Огонек вскочил, рванулся, задергал рукой, вцепился зубами в петлю.

Перегрызть или разорвать не удавалось. Он изранил все запястье — с виду мягкая, при рывке петля резала кожу. Серебристая, прочная на диво; бледное свечение напомнило Пену. А ведь она давно мертва... И он тоже будет, если не поторопится. Может, скользкое чешуйчатое тело ползет сейчас, подбирается, оно уже сзади, вот-вот обхватит, сомкнет ледяные кольца...

Скоро обе руки были в крови, и губы тоже.

— Чтоб тебе сдохнуть! — заорал Огонек, уже без надежды развязать петлю, просто отчаянно дергая веревку; он мечтал об одном — оторвать себе руку. — Чтоб тебе шею сломать на Башне... подавись ты своей Силой, тварь!

По щекам катились слезы, он то шептал, то кричал, то рыдал в голос, но никто не отзывался, и он вновь и вновь пытался хоть что-то сделать с петлей. На воду старался не смотреть — стоило бросить взгляд, и все сворачивалось внутри. И в то же время вода звала оглянуться.

Запах влаги, сводящий с ума — наверное, так пахнет смерть. Дотянуться до воды, пить — может. Но темная, еле слышно журчащая, она пугала.

Скоро охрип. Обессилев, свернулся клубком, стараясь стать меньше.

Вспомнил, как именно прозвучали слова о змее.

Майт, сказал Къятта. Не голодная, ела недавно. Значит, он умрет до того, как змея успеет проголодаться. Он боялся упасть с края Башни, но она обманула, получила жертву иначе. Скольких запирали здесь?

Огонек чувствовал шепот стен, уверен был — там, дальше от входа, их покрывает мох. Вкрадчиво-влажный, мягкий... как тлеющая плоть. Только бы не коснуться ненароком...

Так и лежал недалеко от воды и от двери, не в силах пошевелиться, и вкус и запах собственной крови мешался с запахом сырости.

**

После пожара на реке Иска

Ньенна, у которого в голове до сих пор все гудело и осыпалось черными мушками, перенес его через реку с середины брода — мальчишка в сознании был, но лишь

невидящими глазами смотрел в небо. А глаза, всегда синие, сейчас отливали алым.

Нъенна нес его осторожно, словно ядовитую сколопендру. Кажется, начини Кайе сейчас шевелиться, бросил бы в реку, и плевать, что Къятта голову оторвет.

— Дай мне воды, — хрипло сказал мальчишка.

— Река большая! Пей, сколько влезет! — опустил его у самой кромки, не сводя взгляда с пылающего леса на том берегу.

Тот опустил лицо в реку и принялся пить — жадно, словно пытаюсь залить такой же пожар внутри. Напившись, откинулся назад, на спину. Зубы сжаты, а губы приоткрыты, и дышит тяжело, словно камни на груди лежат.

— Они... ушли?

— Да ты... ты... — Нъенна все слова растерял. — Кто ушел, идиот?! — наконец заорал он. — Мы сами едва не сгорели!

— Не кричи... в ушах звенит. Лес... горит, да? — приподнялся, прижал ладонь к глазам. — Трудно... все кружится...

— Ну, почему бы тебе совсем не сдохнуть? — пробормотал молодой человек. У Кайе дернулись плечи: услышал.

— Я запомню, — почти беззвучно откликнулся он, и Нъенна почувствовал желание оказаться на том берегу, прямо среди углей и дыма... только старшему брату этой чокнутой твари позволено многое. Да что там, все позволено.

А двое южан ранены из-за этого, и будь река уже, сгорели бы все к слизням поганым. Оставить бы его посредине реки, пусть бы выбирался, как знает, но уже поздно.

— Уходим, — велел он хрипло, дышать было тяжело — ладно если ничего себе внутри не сжег горячим воздухом. И от гари голова кружится.

Они намочили в реке кто какую тряпку нашел, повязали на лица. Кайе Нъенна мстительно оставил без такой защиты, но ему словно все равно было. Поспешили прочь отсюда, по какой-то удачно подвернувшейся звериной тропке, и вскоре вышли к небольшому притоку.

— Тут подождем, — велел Нъенна, проследив, чтобы о раненых позаботились, и убедившись, что все остальные целы, один вернулся к броду. Часа два прошло, на южном берегу жар рассеялся, но гарью тянуло немилосердно. Побродив туда-сюда, он осмотрел следы лагеря эсса — немного осталось, они действительно здесь были недолго. Принесла же нелегкая всех, и своих, и чужих...

— И еще этот, — вздрогнув, пробормотал молодой человек, услышав возбужденные голоса.

Из кустов появилась небольшая группа верховых — они явно спешили, неудивительно, увидев дым на полнеба. Первым ехал плотный сильный человек с волосами, по-северному собранными в узел. Тарра.

— Как я мог его удержать? — с бессильным раздражением говорил Нъенна. — Во всей Астале только двоих он слушает! А силой... нет уж, даже если удалось бы чем-нибудь стукнуть его по голове, потом в Астале не жить.

— Ты и сам рад был сбить немного спеси с эсса, — угрюмо сказал Тарра.

— Я и не отрицаю. И не я один.

— А начал все мальчишка, на которого удобно сослаться!

— Тарра-ни, этого мальчишку стоило придушить в колыбели! — не сдержался Ньенна.

— Слышал бы тебя его брат!

— Ни один приказ Къятты Тайау не был безумным, — сухо отозвался молодой человек. — Он из тех, кто рожден вести.

— Что же он, не понимает, кого вырастил? — голос Тарры сочился ядом. И сам напомнил Ньенне туалью-душителя, у которого вдруг выросли зубы тахилики.

— Как ты думаешь... — начал он неуверенно, осознав, что Род Икуи, пусть и довольно дружественный ранее, может отказать в поддержке сейчас. — Как думаешь, если не говорить, что здесь произошло, сумеют ли догадаться...

Тарра молчал. Молодой человек проклинал себя за нерасторопность — если бы не возились так долго, если бы успел увести своих людей, сделать вид, что сами спешат к месту пожара... Этот недоношенный мальчишка, чтоб ему поскорее сдохнуть! Еще и тут всё испортил!

...А может, и бесполезно было бы всё скрывать, вот как пошел бы хвалиться своими подвигами...

Тарра молчал.

Ньенна остался на берегу, взял с собой двоих людей, собрать все, что уцелело от северян — если будет, что собирать. Когда остынет земля, разумеется. Еще двоих ему навязал Тарра — не доверяет. Но уж лучше так, выгребать из золы кости эсса, чем ехать домой и встретить Къятту — в жизни бы сейчас не согласился на это.

Кайе последовал с людьми Рода Икуи и тремя своими.

Ехали молча, только сучки похрустывали под копытами грис. Первым нарушил молчание Тарра:

— Понравилось?

Мальчишка не отозвался.

— Ты хорошо начал. Хотел заставить север говорить о себе? Что же, теперь твоего имени они вовек не забудут.

— Они могли уйти мирно, — хмуро произнес мальчишка, сдавливая ногами бока грис.

— Неважно, что могло или не могло быть. У нас есть больше десятка трупов эсса. И невесть кто еще пострадал на той стороне из непричастных людей. А ты, похоже, считаешь, что так и надо.

— Я? Нет... мне тошно от одного звука их голосов, но... Тарра, ведь я дал им уйти! Они сами не захотели! — умоляющий взгляд, горящие щеки.

Тарра поехал вперед.

— Тарра! — донеслось сзади. Мужчина сделал вид, что ничего не слышал. Просьба, почти мольба в голосе, надо же. Он хоть понимает, что натворил, или просто растерялся? Пусть с его самочувствием разбирается старший брат... а им всем предстоит разбираться с севером. Но это не сразу, пока паршивец как следует ответит за сделанное перед своей семьей. Тарра не сомневался, что мальчишке от Къятты достанется крепко — и скоро. Гнев деда в Астале медом покажется. Хотя можно поклясться — братец еще и гордиться будет таким поступком младшенького, если, конечно, удастся договориться с эсса.

— Йишкали! — обронил Тарра сквозь зубы.

Если бы северян застали выносящими ценности из Дома Солнца, к примеру, убийств

их всколыхнуло бы Тейит, но, побурлив, там бы успокоились, а уж получив какую-нибудь малую компенсацию были бы удовлетворены. Преступление налицо, вина тоже. Но здесь самый край земель Асталы, а убиты люди были и вовсе на ничейном берегу, и никто не видел, где именно они добыли свое золото. Ни один допрос не покажет того, чего спрашиваемый просто не видел. Так же как нет возможности доказать, что разведчики были посланы сюда кем-то из верхушки Тейит, а не просто случайно забрели, не сообразив вовремя, где оказались.

Ньенна почти предложил ему промолчать, скрыть произошедшее, но Тарра делать этого не собирался. Могли быть еще свидетели, никем не замеченные. Мог, в конце концов, проговориться кто-то из разведчиков-очевидцев. Да и с какой стати Роду Икуи скрывать подобное? Ахатту он сам уважал, а сейчас от души сочувствовал. Но и только.

Тарра больше не сказал ничего до места, где его отряд встретился с людьми Къятты. Краем глаза присматривал, где там мальчишка, не отстал ли, не вытворил ли чего.

Тот ехал в самом хвосте, сбоку, заставляя несчастную грис идти через заросли, словно дорога была ему неприятна. И на привалах молчал, держась далеко ото всех, исподлобья бросая взгляды на тихо беседующих людей.

Ни разу не вытворил что-либо и отряд не покинул — и то хорошо.

Когда слышались голоса, первым различил в их гуле голос брата, напрягся весь. Но вперед не рванулся; и чуть позже, нахохлившись под пристальным, удивленным взглядом янтарных глаз, позволил все рассказать Тарре — а сам наблюдал издалека, маленькими шагами продвигаясь к старшему. Настороженно, медленно.

Къятта собирался спокойно перехватить Кайе и Ньенну на полдороги и отправиться еще в одно место, благо, деду стало лучше. Но весть о мощном верховом пожаре в том месте, где мог оказаться младший, заставила его лететь сломя голову. Леса-то огромны, но и пламя так полыхало, что дым с багровыми искрами видели из нескольких деревень и охотничьих лагерей. А с чего бы такому пожару разгореться, когда все вокруг еще полно влаги?

Трудно было не выдать своих чувств, когда услышал от Тарры, что произошло. Но, кажется, удалось. А чувств было много — сперва просто оторопь и неверие, потом ужас — сделать такое и остаться в живых, не упасть мертвым прямо там, на середине брода? Но нет, он жив и вполне себе цел... что же за огненная бездна там, в этом мальчишке?! Къятте впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Точно ли человек его брат, или какая-нибудь недобрая сила, принявшая человеческий облик?

Отошел к ближайшим деревьям, постоял, глядя в никуда, будто разглядывал трещины на коре, пока не совладал с собой. Тарра и прочие не трогали, понимали, наверное.

Потом повернулся, направился к брату. Тот стоял в стороне от прочих.

Струной вытянулся, голова чуть опущена, лохматая челка закрывает глаза. Подначка в облике, вызов — ну, скажи, что я ошибка природы, меня надо в клетке держать! Ну, давай, что тебе стоит? А губы вздрагивают, и он закусывает их. Губы выдают другое — протяни руки, позволь мне уткнуться в плечо и не думать о том, что я сделал! И не мольба уже, требование — скажи, что я прав!

— Зверье не скоро заселит тот лес, — недобрый смех переливается в голосе Къятты. Вот и все, что сказал брату. Потом он отворачивается, отходит и начинает беседовать с

Таррой.

Чувствует — пальцы вцепились в косу.

— Ну чего тебе еще? — чуть раздраженно, свысока и немного устало. Через плечо.

— Ты не хочешь поговорить со мной?

— Потом как-нибудь. Не до тебя. Ты всегда под рукой, если что.

— Если что?! — поворачивается и одним прыжком скрывается в лесу.

Къятта проводил его задумчивым взглядом, пальцами потирая щеку. Не сомневался — мальчишка найдется. Сам не прибежит, не та натура. Но непоправимого не натворит, пока верит, что старший придет за ним... и не торопился. Чувства испытывал весьма смешанные, к злости, беспокойству и растерянности примешивалось удовольствие. Малыш так себя показал... и ему хоть бы что. А в Астале жарко будет теперь, ой, жарко...

Пока что прямо спросил Тарру, собирается ли тот говорить о пожаре, получил столь же прямой ответ — да. Ладно, Тарра знал обо всем лишь со слов Ньенны; спасибо, удружил троюродный братец! Мозгов не хватило, сплести правдоподобную историю. Впрочем, он растерялся, может, и не стоило его особо винить — когда перед тобой оказывается исчадие Бездны и не только земля, но и небо горит, растеряешься тут. Но все равно — скорее Кайе возглавил бы Род к его славе, чем этот болван.

Спустя час все же отправился на поиски.

Младшего обнаружил сидящим на бревне, глубоко в чаще. Тот отдирал твердые кусочки коры — ногти все обломал, наверное, — и бросал тут же, возле ноги. Очень хмурый, тихий и очень злой.

Жилетка-околи валялась рядом, с виду тряпка уже, кожа была исцарапана — верно, вдоволь побегал по колючим кустам.

Къятта шагнул к бревну, подобрал брошенную вещь.

— Оставь, — буркнул мальчишка.

— Как скажешь, — презрительно отбросил жилетку. — Все равно теперь только стойло грис мыть годится. И штаны твои — подумал бы хоть, как на тебя посмотрит народ Асталы. Оборванец из Рода Тайау...

— Заткнись!

— Остынь, — сказал Къятта. — Ехать скоро. Тебя такого я к людям не подпущу. К своим — к северянам сколько угодно.

— Неужто? — младший немислимо изогнул руку, высвободился. Сверкнули зубы, сопровождаемая блеском злое шипение.

— Уймись, говорю! — Къятта вновь перехватил его запястье. — Ты ведешь себя, как младенец!

Протянул руку, извлек из взъерошенных волос мальчишки большого паука. Посадил на ладонь, рассматривая.

— Прекрасно... с ним вы нашли общий язык. Пауки, сколопендры, энихи... кого я забыл?

Договорить не успел — вскрикнув, мальчишка бросился на него. Къятта увернулся, посадил паука на землю.

— Ты... я так ждал тебя! — со слезами ненависти выкрикнул Кайе. — Я ждал, я...

— Чтобы брат пришел и исправил все, что ты натворил? Как всегда, защитил тебя перед

всеми и перед самим собой? Того, к чему обязывает кровь, я сделал уже вот столько, — провел рукой выше головы. — И мне надоели твои выкрутасы. Стоило бы вовсе развернуться и уехать сейчас.

— Зачем же тогда явился?

— Надеялся, может, ты сгорел и я наконец от тебя избавлюсь.

— Ты... тварь! — снова кинулся, на искаженном лице одно желание — вцепиться в горло.

Хоть и более опытным был Къятта, на короткий миг стало не по-себе. А потом потемнело в глазах — будто на него снаружи обрушилась базальтовая плита, а изнутри кипящий гейзер ударил. Чудом успел отразить большую часть удара; спасибо хоть не огонь.

— Совсем сдурел? — выдохнул Къятта, едва получился звук.

Мальчишка презрительно и гневно дернул головой. Опустился на траву, на одно колено, оперся на пальцы — вроде свободно так, мягко — а готов кинуться, снова ударить в любой миг. Вызов в каждой клеточке тела, вызов и ненависть... только к кому, не понять. Он бы сейчас убивал и своих, позволь ему Къятта очутиться в лагере. Так просто: убить в ответ на любую душевную боль... не на боль даже, на неудобство. Если сейчас его не связать, потом будет поздно.

— Всё, хватит! — отвлек внимание брата брошенным в сторону ножом, а сам метнулся за спину и цепко ухватил его за руки сзади. Дышать было тяжело и горячо, но об этом потом. Ступал на едва видимую тропинку, а младшего протащил через кусты, не заботясь, каково ему. Переживет. Тот пытался вывернуться, но не мог; еще раз несколько раз попробовал нанести удар Силой своей, но что-то, видно, еще соображал — поджечь кусты и сейчас не решился, оба сгорят. Бил прицельно по Къятте, желая сердце остановить, только сосредоточиться на сей раз не мог — то ветка чуть в глаз не попала, то шипы полоснули по шее.

И все же Къятта едва сумел отразить удары. В эти мгновения брата он ненавидел. Оказавшись возле ручья, бросил того в воду, лицом в глубокую выемку, и так держал изо всех сил, пока тело под ним не перестало выворачиваться, после и вздрагивать; не до атак, когда умираешь. Затем поднял, положил на колено, нажал на спину, выталкивая воду. Потом еще и еще. Наконец мальчишка закашлял, выплеснул воду из легких. Пальцы пару раз слабо царапнули землю, застыли.

— Честное слово, я буду так делать, если продолжишь сходить с ума, — сказал Къятта очень устало. Пальцы скользнули в густые короткие волосы, сухие лишь на затылке. Поглаживали голову, шею, прошлись вдоль всего позвоночника, пока младший наконец не зашевелился. Кашлянув еще пару раз, перетек на землю, свернулся на боку, бесцветный и тихий, похожий на уголь, который опустили в воду, а потом выбросили.

Еще бы Къятту самого не трясло, а так почти все в порядке. Но младший сейчас был важнее. Знал, как можно привести его в чувство; когда через час вернулись, для спутников был уже не опасен. Как раз успели — обоих уже собирались разыскивать.

Дорога обратно — длинна, а грис легко переступают раздвоенными копытами. Им все равно, кого ни везти. Даже энихи-оборотня — не чувят, глупые твари.

— Тебе придется давать объяснения. Я за тебя говорить не смогу. Без Совета здесь не обойдется, но прежде всего с тебя спросит дед.

— Скажу что-нибудь всем им, — угрюмо отозвался Кайе. Учащенное дыхание, лицо

повернуто в сторону. Оставшийся путь молчал, становясь то белым, то пунцовым — страх боролся в нем с яростной гордостью. Мальчишка не опускал головы, не просил старшего о поддержке. Къятта наблюдал за братом удовлетворенно: отлично держится. Любовался им — тугие мышцы перекачиваются под кожей, сама кожа упругая и золотится от солнечных бликов. Тело еще мальчишески легкое, но уже сильное. Он будет хорош...

Ахатта, узнав обо всем, никак не выразил своих чувств, лишь велел мальчишке следовать за собой. Сразу, не дав отдохнуть с долгой дороги.

Сел в любимое кресло — внук остался стоять, хоть никто не запрещал ему сесть, в свою очередь. Рассматривал лицо внука, подмечая каждую мелочь, стараясь почувствовать, что испытывает он сейчас. Глаза подростка покраснели от усталости, но подбородок упрямо вздернут. Стоит внешне свободно; только расслабленности в нем не больше, чем в висящем на скале человеке, который едва держится, пытаюсь не сорваться.

— Сядь, — голос деда был ласков, лицо приветливо. — Устал?

— Нет, таньи.

— Врешь. Дорога никого не жалеет. Ничего. Возьми, съешь, — указал на блюдо с сочными плодами тамаль и виноградом.

— Не хочу.

— Разумеется, не заставляю. Я хотел бы поговорить с тобой. Можешь сейчас? Или хочешь отоспаться сначала?

— Да, дедушка, я могу, — голос чуть не подвел его. Кайе тронул языком вмиг пересохшие губы. Дед посмотрел ласково:

— Расскажи мне подробно, как это было.

Рассказал. Коротко, несмотря на повеление — не умел плести ажурную бахромку из слов. И оправдываться не умел.

Ахатта поигрывал шариками винограда, не сводя взгляда с внука.

— Ньенна мог бы не слушать тебя и не давать говорить. Как бы ты тогда поступил?

— Как считаю нужным. Это наша земля и наше золото.

— Считаешь, пара корзин так дорого стоят? У твоей сестры украшений больше.

— Они пришли красть на наши земли. Если это позволить, в другой раз возьмут всё.

Против ожиданий Кайе, Ахатта не сказал ни слова укора. Спросил:

— Теперь попробуй подумать, что с этого случая имеют север и юг. Сможешь?

— Смогу, — угрюмо отозвался подросток. — Они потребуют платы за это дело. Даже если сгорели и правда... бродяги.

— И что будет этой платой?

— Не знаю. Может, золото, или земля.

— И что же?

Мальчишка стиснул кулаки так, что побелели костяшки пальцев:

— А мы своего не отдадим.

— И только то? — удивленно-добродушный тон деда был как пощечина для подростка.

Чуть хриплым голосом он сказал:

— Или они могут потребовать... выдать меня. Если узнают, кто это сделал.

— А они узнают?

— Да. Это же крысы, и даже в Астале у них...

— Довольно, про крыс ты наслушался от Къятты. В остальном... Сам додумался?

— У меня было время.

— Очень хорошо, малыш, — в глубоком голосе звучала ласка. — Ты умеешь думать.

Хотя и чуть позже, чем надо.

Дед подошел вплотную, склонился к подростку. Заговорил все еще ласково, но голос его опал. Тяжесть навалилась на мальчишку, капли выступили на лбу.

— Эсса — не значит ничтожества или глупцы. Они захотят получить тебя или убить, потому что понимают, как ты опасен для них. Хуже другое — против севера мы сумеем выступить единым существом, а вот внутри Асталы можем и не договориться. Тебя терпели, пока ты не показывал и трети того, что можешь. Думаешь, одному северу захочется от тебя избавиться? Я сделаю все, чтобы не допустить этого, когда будет Совет. В Совете нас шестнадцать. Вот и подумай, кто выскажется за и кто против, случись такая необходимость.

Положил руку на плечо, легко, не нажимая, продолжил тем же голосом, выжигающим изнутри:

— Я очень люблю тебя, мальчик. Даже не сомневайся, Астала тебя не отдаст. Но, если мы потерпим поражение на Совете, ты умрешь здесь, на Юге. Ты понимаешь, малыш?

— Да, дедушка, — он пытался дышать ровнее. Не удавалось. Словно расплавленное золото в глотку залили. Глотал воздух раскрытым ртом, перед глазами вертелись огненные колеса.

— Иди, мальчик. Отдохни с дороги.

Дед снял руку с плеча, погладил Кайе по голове. Подросток встал, покачнувшись, на негнувшихся ногах вышел из комнаты.

Прислонился к стене, постоял немного, глядя в пространство. Обессиленный и опустошенный, словно сухая оболочка пустого осинового гнезда. Наконец нашел в себе силы шевелиться, доплелся до конца коридора, ведущего в зал.

— Кайе!

Старший брат сидел на каменной скамье у стены зала. Он улыбался.

— Иди сюда, братишка!

Подросток подошел — скованно, словно зверь, который не может послушаться приказа, хоть и боится удара.

— Я был неправ, аши, — с легкой улыбкой проговорил Къятта. — Ты поступил опрометчиво, да, и потом вел себя как полная дрянь, но главное сделал верно — не дал северным крысам подпирать небо хвостами. Иного языка они не понимают.

— Ты... правда так думаешь? — отчаянная мольба полыхнула в голосе и глазах.

— Ну, иди же сюда! — выбросил вперед руку, ухватил брата за кисть, усадил рядом с собой. Обнял:

— Я в самом деле так думаю. Тебе несладко пришлось. Но ты умница... и держишься великолепно.

— Я... — уткнулся брату в плечо. Понимал, что ведет себя как ребенок, но казалось — умрет без поддержки, без того, кто скажет — все хорошо. Къятта сказал именно то, чего так безумно хотелось младшему:

— Ну, что ты! Не стоят того северяне. Подумаешь... — с нежностью добавил: — Ничего не бойся. Я сумею тебя защитить, если понадобится. Слушай сердце и собственную кровь. Ты лучше всех.

Настоящее

— Когда я отучу тебя тянуть руки ко всему, что попало! Может быть ядовитой, сколько раз повторять! — голос отца был суровым, но мальчик его не боялся. Он держал на ладони огромную ярко-зеленую ящерицу, рассматривал узор из чешуек на ее спинке.

— Но она добрая! — протянул отцу ящерицу на раскрытых ладонях. Та и не думала убежать.

— Ладно, с этой можешь играть, — ворчливые нотки в голосе, но уже не сердитые. — Забыл, как мать тебя после укуса другой такой красотки лечила?

— Я просто ее тогда взял неудачно...

Отец притянул его к себе, взъерошил пышную шевелюру.

— Иногда мне кажется, он какое-то чудо лесное, а не наш сын, — еще один голос, нежный; мать подошла сзади, и мальчик ее не видит сейчас. — Он любит всякую ползучую тварь, и его же не трогают!

— Ну да, конечно, как там учила твоя родительница — ко всему подходи с добром и любовью, и тем же ответят? На деле сразу сожрут, и ни малейшего угрызения совести не почувствуют. Выживает сильнейший. Или тот, кто сумел как следует спрятаться...

— Если бы ты в это верил... — мальчику послышалась укоризна в голосе, но ящерица в руках шевельнулась, и он побежал к краю поляны, выпустить, чтобы не наступили...

Времени тут не было. Да, понимал, что здесь каждый миг покажется часом. Но все же уверен был — в этих стенах находится уже долго, даже не потому, что живот начинало сводить от голода. Хотя — что такое долго? Над огнем и пару мгновений руку не подержать, а приговоренному и сутки — единый миг.

Мальчишка задремал, несмотря на жгучую боль в руке — слишком вымотали попытки освободиться, страх, безысходность. В полудреме вздрагивал от любого почудившегося шороха.

Но вот раздался смех, затем из пятен света и тени лиана взлетела — гибкое тело перемахнуло через овраг.

— Перебирайся! — весело закричал Кайе.

Огонек потряс головой, стукнул себя по щеке. Снова чудится всякое, как недавний сон. Только это — не вымысел, это было на самом деле.

...Его уже хватились наверняка. А ведь он убежал, и удачно. Может, Кайе решит, что и на сей раз...

Ощупал веревку, уже не пытаюсь развязывать или дергать. Сколько прошло времени? В животе уже ворочалась пустота, присасывалась изнутри, требовала пищи.

...Большие змеи редко едят, это он знал. Къятта сказал, Майт очень большая. Возможно, он сам умрет от голода раньше, чем проголодается она. Или нет. И то, и другое очень плохая смерть, может, проще быстрее со всем покончить. Веревка же есть; правда, кольцо, где рука привязана, невысоко. Духу не хватит, достаточно далеко отползти, чтобы прочно затянулась

петля.

Или хватит? Она вон какая прочная, веревка, и скользкая... разбежаться как следует, а потом все само случится, он просто не сможет петлю ослабить...

Так и сидел, поглаживая веревку, словно пытался сродниться с ней, договориться — с ней и мыслью о том, что предстояло сделать.

Очнулся, когда тихие шаги раздались рядом — настоящие.

Дверь не скрипнула; фигура, возникшая на пороге, держала на ладони полупрозрачный шар с маленькой свечкой внутри. На миг показалось, что снова оказался в доме Тайау, тогда, в первый день — а Кайе пришел за ним, вывел из-под замка...

Но понял — это другой.

Человек был взрослым. Не Къятта, по счастью, и не служитель Башни — легкий запах жасмина, шаги бесшумные, только один раз чуть слышно зазвенели серьги или иное какое украшение из тех, что носят не закрепленными.

— Охх... вот кто здесь! — удивление в голосе. И потом тишина, почти осязаемое напряжение — и свет начинает растерянно мерцать, из золотистого становится серебряным, слабым — вот-вот, и погаснет... Нет, показалось.

— Кто ты? — спросил Огонек слишком громко.

— Неважно.

Даже не видя лица, угадал улыбку.

— Не ожидал, что здесь окажешься именно ты.

— Откуда ты знаешь меня?

— Видел... ты держался подле Кайе, а его отовсюду заметно. Почему ты здесь?

Огонек промолчал, напрягся. Ощутил прикосновение к щеке.

— Перепуганный зверек... не дрожи.

Чуткие пальцы ощупали запястье мальчика — света хватало, но и без него можно было ощутить кровь, почувствовать ее запах, понять, что мальчишка содрал себе всю кожу с запястья. А вот лица человека мальчишка не видел — только руки, узкие, с тонкими пальцами. И вновь — аромат свежих цветов, нагретых солнцем...

— Кто тебя привел? — спросил человек. Любопытство в его голосе еще оставалось, но тускнело. Какая, действительно разница, кто именно выбросил из дома надоевшую вещь.

— Къятта.

— Понятно.

В голосе проскользнула насмешка — но не над Огоньком. И приговор: полукровка не интересен более. Еще одна жертва Башне, еще одна мошка в паутине Асталы.

Он повернулся, приподнял руку, тусклый свет попал на лицо, и мальчишка его узнал. Тонкие черты, красивые. Видел всего однажды, издали, но тогда так пристально наблюдал, желая победы...

Ийа Арайа шевельнулся, собираясь встать. Сейчас он уйдет, и темнота больше ничем не рассеется. Перед глазами вновь встал песчаный круг, золотой, как солнце, фигурки на нем, и почудился неприятный шепот Кайе. За этот шепот и ухватился отчаянно, за надежду последнюю:

— Къятта не захотел, чтобы младший брат тратил время на... на меня. Не знаю, что теперь будет, когда Кайе узнает, — сказал он, и голос дрогнул, и самому показался ужасно фальшивым. Но Ийа замер — и вновь повернулся к нему.

— Что же ты сделал такого?

— Я... — врать не хотелось. Да и что придумать, сообразить не мог.

— И ты бы хотел вернуться?

Сомнение в голосе не удивило. Кивнул, и вполне даже искренне — кто бы в данный миг не захотел! Там жизнь, а здесь...

— Это интересно, — сказал Ийа. О чем-то своем он думал, мысли почти осязаемо витали в темноте, и перекликались — словно летучие мыши. — Говоришь, младший не знал об этом?

— Не знал, — еле слышно откликнулся Огонек.

— Хм... Зачем тебя здесь закрыли?

— Чтобы я умер... — одними губами, но тот услышал.

— Для этого втайне привозить полукровку ночью? Он мог просто убить. Или отдать тебя Башне, или привести днем.

— Будто я просто исчез, сбежал. Чтобы Кайе не узнал никогда. Это же... пламя. А убить самому... ему, наверное, было противно, — так ясно вспомнилось лицо Къятты при этих словах, презрительные складки в уголках губ, что невольно вышло убедительно.

— Понятно. Как же ты ему досадил — здесь умирают долго, не то что упасть с верха Башни.

— Он сказал про змею... — вновь почудился плеск, и мальчишка невольно придвинулся к старшему.

— Это правда. Башне достаточно пищи, а Майт — ее приемная дочь. Мать делится взятым. Но так странно все же... потеряв игрушку Кайе перевернет всю Асталу, может заглянуть и сюда, и его не остановят. Может, ты нужен его брату живым? Майт не скоро придет, он знал...

Взялся за петлю, бечевка врезалась в тело, и мальчишка вскрикнул от боли — хотя осторожным было прикосновение.

— Тихо, не кричи, я тебе помогу.

Огонек прикусывал губы, только бы снова не вскрикнуть, а сердце колотилось так, что Ийа слышал наверняка. Кажется, получится выйти отсюда! Кажется... Только бы...

— Успокойся, — не сразу понял, что это к нему обращаются. Ведь спокойно сидел, и молчал...

— Расскажи мне о вас двоих. Что его в тебе привлекло?

Огонек вновь прикусил губу, но на сей раз чтобы лишнего не сказать. Что Ийа мог знать и сам?

— Мы часто ездили в лес. Я раньше долго жил там, и не боюсь чащи. А Кайе... он меня спас. Вытащил из реки.

— Вот как. Значит, ты его добыча, можно сказать, — теперь Ийа смеялся, а пальцы так же медленно двигались, едва прикасались, освобождая запястье полукровки. Петля поддавалась... мальчишка не верил своим глазам. Ийа коснулся тыльной стороны его ладони, едва-едва, словно крыла бабочки.

— Вот так. Лучше, дружок?

Почувствовав себя свободным, Огонек осторожно прижал руку к груди. Медленно встал на негнущихся ногах, пошатываясь. Прислонился спиной к стене. Какой здесь повсюду мох... противный, сырой...

Голова закружилась. Прикрыл глаза — свет камня показался чересчур ярким. А ведь

он... как гнилушки в лесу.

— Ты... отпустишь меня?

— Давай сделаем так. Плавать умеешь? Хорошо. Нырй и плыви к противоположной стене. Там решетка, змея появляется оттуда, из подземного канала. Не бойся, прутья расставлены широко — она огромна, а ты — мальчик. Сейчас ночь, тебя не заметят, я позабочусь о том, чтобы стража смотрела в другую сторону. Выбирайся из воды и иди по правому берегу до большого кедра, от него до конца проулка. Там тебя встретят мои люди.

— А после?

— Разберемся, как будет лучше.

— А если Къятта узнает, что ты был здесь?

— Это уж моя задача, сделать так, чтобы не узнал. Так что же? Придешь? Или ты хочешь остаться один в Астале? Проще умереть здесь, — он говорил так, как никто здесь не разговаривал с Огоньком, разве что Киаль — с сочувствием.

— А ты... не можешь вывести меня сам?

— Вся Астала будет об этом знать. Зачем мне такое счастье? — негромко рассмеялся, но без издевки. И поднялся, повернулся к двери, в ладони скрыв сияющий камешек.

— Не тяни, если решишь плыть — сейчас ночь, но через пару часов рассвет, тебя заметят, — сказал, и ушел.

Не сразу поверил в то, что свободен — да была ли она, эта свобода? У южан жестокие шутки. По-звериному провел языком по запястью, пытаюсь зализать ранки — вспомнил клыкастую черную морду, поморщился, прекратил.

Человек ушел и забрал свет с собой — но Огонек наощупь отыскал дверной проем, пробежал пальцами по косякам, по дверной доске. Знал, здесь не полог был на выходе, как в доме Тайау — деревянная створка, тяжелая, но все равно понадеялся, вдруг не заперто. Ведь не слышал стука или лязга засова. Но нет, не повезло. Толкал дверь плечом, после всем телом пока окончательно не обессилел, тогда вернулся к воде.

Тут камни казались теплее, еще сохранили его тепло. Водил пальцами по щербинкам, не видя их. Не чувствовал радости или надежды, только опустошение. Будто Ийа забрал не только светящийся камень, но и все силы Огонька.

Стены, дверь и вода, запах сырости, гнили и ржавчины, запах крови... Место, где умирают. С чего он взял, что может отсюда выбраться? Ладно хоть страшного рокота Башни не слышно, но он и так в ее чреве. Скоро там, снаружи, будет рассвет, но не здесь...

Плеснуло что-то; мальчишка вздрогнул, и недавнее безразличие улетучилось. Рано или поздно змея приплывет сюда... сидеть и ждать, пока сожрут, или пока умрет тут от голода — безумие. Полукровка глубоко вдохнул, потуже заплел растрепанные волосы в косу, перевязал тесьмой — и нырнул в воду, черную и холодную.

По счастью, после того, как едва не утонул и был спасен Кайе, воды он бояться не начал. Он и змей не боялся — обычных, и находясь на свободе. А здесь, в подземном канале, он был еще более беспомощен, чем на суше. Где-то на глубине нужно было нашарить решетку, протиснуться через прутья, и еще невесть куда плыть без возможности передохнуть, если понадобится. Откуда Ийа вообще знает, насколько широко расставлены прутья? Не он же их устанавливал.

Пока хватало дыхания, Огонек оставался под водой и искал выход. Полагался лишь на свои руки — в темноте-то иначе никак. Но упирался в осклизлые каменные стены или не находил ничего. В конце концов он выбрался снова на сушу и едва не остался там. Дергающая боль в руке притупилась в воде, а сейчас снова усилилась. Чтобы спастись от нее, снова нырнул, поплыл уже наудачу — и наконец оледеневшие пальцы уперлись в такие же ледяные прутья, скользнули по ним — дальше, за решетку, на волю.

Вынырнув, мальчишка набрал в грудь побольше воздуха и вновь погрузился в воду, надеясь, что не сдвинулся куда-нибудь в сторону. Нет, решетка была на месте — ощупав ее, понял, что Ийа сказал правду: мальчишка мог туда пролезть. Он и попытался, но ощутил, что воздух кончается, дернулся, едва не застрял.

Огонек вынырнул опять, отдышался. Не хватало еще умереть, как кролик в силках! Заставил себе отдохнуть немного, хотя все в нем рвалось на свободу. Снова нырнул и попробовал протиснуться сквозь прутья. Страх неудачи заставил его удвоить усилия — худой и гибкий, он сумел на сей раз одолеть преграду, только едва не оторвал себе ухо, поспешив просунуть голову.

Скоро Огонек оказался по ту сторону решетки. Ужаснулся — насколько же велика тварь, эта змея?! Поплыл как можно быстрее вперед и вверх, и, не рассчитав, налетел на стену. Вынырнул, отчаянно глотнул воздуха, поднял руки над головой, развел их в стороны — потолка или второй стены не нашарил. Не особо низким и узким, значит, был коридор. Но глубоким — пришлось лечь на спину, чтобы отдохнуть немного, и осторожно грести, а то снова во что-нибудь врежется.

В темном, заполненном водой тоннеле оказалось страшнее, чем в самой Башне. Казалось, что холодное скользкое тело змеи касается ног, и вот-вот обовьется, утянет на дно.

Стараясь думать только о том, что скоро выберется, Огонек плыл и плыл дальше. Коридор казался бесконечным, мальчишка совсем замерз.

...Он не сразу понял, что оказался в реке, что над головой — небо, серое, как бывает перед рассветом. А когда понял, огромное и холодное небо едва не доконало его: снова — барахтающийся в реке одиночка. Проще сложить руки и опуститься на дно; там, среди ракушек и водорослей, он будет счастлив, наверное.

Мысль была мимолетной — Огонек мотнул головой, отфыркиваясь от попавшей в нос воды, и поплыл. Хоть еще и не рассвело, берега просматривались без труда, один пологий, другой невысокий, но отвесный — и неширокой была река. Ближе оказался пологий, и Огонек развернулся, поплыл к нему. Ноги скоро нащупали илистое дно... и отказались держать. Так — на животе, перемазавшись, мальчишка выполз на траву. Земля под ним вздымалась, будто дышала, руки и ноги дрожали и были, казалось, тряпичными.

Никто его не заметил. Невдалеке были какие-то глиняные заборы, гора бочек вздымалась, и у кромки воды лежала лодка с пробойной, и в предрассветных сумерках видимой. После подвала Огоньку казалось, что вокруг и вовсе светло. Мальчишка наконец отдышался, сел на торчащие из земли узловатые корни. Кедр, вспомнил он. Сам то ли уже проплыл мимо, то ли еще не добрался. Что ж, это к лучшему, слишком устал, чтобы хоть что-то решать, с кем-то говорить.

Почувствовал, что еще немного, и свалится прямо тут; зашагал дальше от берега, туда, где темнела диковатая в темноте рощица, ореховые деревья. Сами орехи еще не поспели толком, но он и зеленых наестся, не в первый раз. И людей здесь, кажется, нет, никто не сочтет, что воришка забрался. Сейчас ничего и никого не боялся — появись рядом

настоящий энихи, например, обратил бы внимания не больше, чем на гусеницу. Пусть жрет, если не подавится... А змея сюда не доберется.

В реке ободранное запястье почти не болело, и страх подгонял, не до боли. Зато сейчас и ночной теплый воздух, казалось, его обжигал. Мальчишка обмотал его подорожником, зубами затянул на повязке узлы из травы.

Трава тут росла длинная, мягкая. На ней и свернулся калачиком.

Несколько часов назад

Жесткие гляцевые листья дерева льнули к стене, на их поверхности играли блики, будто медлительные светляки танцевали.

— Ты не спишь? — молодая женщина приподнялась на цыпочки (от ветра плеснула широкая юбка) — и потянулась к окну. — Эй!

— Нет, — прозвенел смех, послышался торопливый шепот внутри, и в окне показалась фигура — лунные блики заиграли на темно-бронзовой коже, слегка волнистые волосы перелились через плечо охапкой плетей вьюнка. Гостья не обратила внимания, что человек не один.

— Я третью ночь тебя жду... — сказала она недовольно, и это не была ревность.

— Мы отмечали свадьбу двоюродного брата.

— Знаю. Но к ним в дом я не могла явиться, там меня не любят, а на записку ты не ответил.

— Я ничего не получал.

— Надеюсь, еще не поздно, досадно будет, да... Я видела забавное, — она откинулась назад, прислушиваясь, и вновь потянулась к человеку в окне, положила пальцы на подоконник. — Тогда было такое небо, я смотрела на звезды с Башни — ты знаешь, в ту ночь мне позволено, и видела...

Наверх Башни-Хранительницы непросто попасть, и все обряды происходят в присутствии служителей. Имму тоже сопровождают, как и любого.

Ну, кроме одного, которого попросту не решаются задержать...

— Имма, утром.

— Но ты не дослушал! Къятта привез кого-то, я думала, он поднимется — стало жаль, что мне помешает, но он остался внизу, а вышел один...

— Да какая мне разница?

— Он дважды оглянулся, когда уезжал, а тот, кого привез, был замотан в полотно. Я думаю, это девушка, рост невысокий, и...

— От меня-то ты чего хочешь?

— Мне интересно, — сказала подруга. — Но в подземелье я заходить боюсь. Я боюсь змей.

— Имма!!

— Я не договорила еще, — она поманила молодого человека нагнуться ближе, и зашептала: — Знаешь, алая звезда сорвалась перед тем, как Къятта пришел, упала в сторону их кварталов... Я думаю, это знак.

— Охх... погоди, — человек скрылся на миг в недрах комнаты, снова послышались голоса — явственно прозвучал недовольный девичий, потом гибкий силуэт перемахнул

через подоконник.

Он не надеялся найти в Башне что-либо интересное, но все же некое любопытство Имма в нем вызвала. Ийа знал, что она с причудами, но когда-то давно выбрал прислушиваться к ним — и не пожалел. Подруга не каждую ночь являлась с такими рассказами, но уж если ее принесло...

Да, всё оказалось и забавно, и непонятно — зачем прятать игрушку в Башне, даже если она оказалась неудобной? И чем уж настолько не угодил рыжий найденьш именно Къятте? Обычно у младшего и так все игры быстро заканчивались, отчего бы не подождать?

Теперь, после разговора с полукровкой, он направил своих людей в оговоренное место. Они должны забрать мальчишку и спрятать, сам он после приедет туда — и на сей раз они поговорят полноценно. А дальше... там видно будет.

**

После пожара на реке Иска, спустя полторы луны

— Что бы там ни было между нами и ими раньше, давно ни север, ни юг не убивали друг друга на своих землях, да еще сразу столько.

Стоящий перед террасой, внизу, Ийа походил на молодое деревце, дерзко посмевшее вырасти на излюбленном плато гроз. Фигура Ахатты нависала над ним, но молодой человек улыбался, приветливо и торжествующе. Серьги Ийа звенели дерзким радостным вызовом, и словно специально голову вскинул, чтобы дать Ахатте еще раз услышать насмешливый звон.

— Вестник привез письмо, которое птица принесла в голубятню Башни. Северяне требуют выдать Кайе — у Асталы, а не у Рода Тайау. Скоро приедут эсса. Совет должен собраться.

— Ты слишком молод — указывать мне, что должен делать Совет, — тяжело сказал Ахатта. Ийа с трудом принудил уголки губ не подниматься победно вверх; такие слова — признак слабости.

— Я всего лишь передаю послание.

Никогда Ахатта не уходил от столкновения. Не стал и на сей раз — разве не ожидал он подобного?

— Хорошо.

Не прощаясь, развернулся и неторопливо пошел вверх по ступеням — надо же, всего четыре, а как трудно их одолеть. Каждый шаг дается с трудом. Неужто старость подкралась?

Прошло полторы луны с пожара на реке Иска. Все это время слухи ползли по Астале, а уж до севера, верно, долетели на птичьих крыльях — шпионы вряд ли дремали. И вот послы добрались.

Все понимали, что конфликт слишком мал и спорен, чтобы была война, но Юг впервые показал, какой мощи у них оружие. Тейит попытается наизнанку вывернуться, чтоб добиться его уничтожения, если не выйдет путем переговоров, то...

Что север пока в проигрышной позиции, понимали тоже. А вот нужна ли такая мощь самому Югу — принадлежащая лишь одному Роду, и с трудом управляемая! Да что там — лишь один у этого пламени есть хозяин.

Тарра, конечно же, рассказал всё, что знал. Как и то, что Ньенна, старший годами и родич Кайе, не смог с ним совладать даже в самом начале ссоры. Кое-кто сгоряча (и не прилюдно, конечно) предложил убить Къятту, единственного, кто может управлять мальчишкой; но его только высмеяли: это не сделает оружие более покорным, наоборот.

...Посланцы явились не из Тейит, а из Уми, где на всякий случай всегда находились доверенные люди Обсидиановой и Хрустальной ветви. У южан такие же вестники жили в Чема — если нужно добраться до другого государства быстро, это удобнее, чем ждать пару лун или больше, в зависимости от времени года. Из самих Асталы или Тейит отправлялись, когда дело требовало личного разговора с кем-то, имеющим власть. Так было и около пятнадцати весен назад, когда речь зашла о старинных книгах в обмен на пойму одной из рек, и, хоть не по вине северян, плохо закончилась та миссия — погиб сын Ахатты...

В Дом Звезд нынешних посланцев пустили, конечно, но выслушали их не в центральном зале Совета. И в разговоре участвовали только главы Сильнейших Родов. Виновника пожара туда не вызывали — незачем.

После этого гостей проводили на отдых, а двери свои распахнул зал со звездчатым потолком. Ахатта лично вернулся за внуками. Лицо его потемнело и потяжелело, но он ничего не сказал о том, как прошел разговор.

— Я лучше сам его убью, чем позволю хоть на сто шагов приблизиться к нему северной крысе, — негромко проговорил Къятта. Он был вызван как косвенный, но свидетель; был одет в черно-белое — ни капли красного, так настоял дед. Если хоть что в его облике примут за вызов, ответят ударом.

— Этого не понадобится. Настоящая угроза исходит не от севера.

Мальчишка вовсе не выглядел испуганным. Напротив, горел, словно вынутый из костра уголек, и зло кривились губы. Кайе не собирался прятаться за спины старших, и Ахатта, глядя, как внук застегивает пояс из шкуры пятнистого ихи — свободно, чтобы тот не мешал перекинуться, если что, не сдавливал тело — подумал, а стоит ли вести его в Дом Солнца? Может, лучше посадить под замок?

Но ведь придется привести — обычай требует расспросить обвиняемого.

— Я за ним прослежу, — беззвучно сказал Къятта, обернувшись к деду.

О да, подумал Ахатта. Ты проследишь за ним, пока он будет подле тебя. Но ведь потом ему придется выйти на площадку в центре зала. А там... если он попробует напасть на членов Совета, ему не жить.

А он попытается, если слишком жаркой будет речь обвинителей. Попытается, не дождавшись решения.

Стоя на крыльце, Кайе облизнул губы. Пить хочется... Сорвал мясистый стебель, жадно высосал горьковатый сок — вкуса не разобрал. Сделал было шаг вперед, на дорожку — скоро все соберутся, пора. Солнце уже высоко...

— погоди, — Къятта взял его за руку. Ощутил, как напряжены мышцы мальчишки.

— Пообещай мне кое-что.

Недоуменно вскинутые глаза — неужто нашел время для нравоучений? Къятта с

улыбкой смотрел на него:

— Я хочу, чтобы ты помог мне исполнить мою мечту. Северные крысы должны заткнуть себе рот собственными хвостами. Я хочу сделать Асталу единственной — и сильной. Ты поможешь мне в этом?

— Да, — не задумываясь откликнулся Кайе.

— Помни о моей просьбе. Я не так часто тебя о чем-то прошу.

Притянул младшего к себе, чувствуя, как тот замер, готовый рвануться прочь — не до нежностей. Не отпускал несколько ударов сердца. Потом сам подтолкнул — иди...

Песок зашуршал едва слышно; легки шаги, при всей его Силе...

В Доме звезд, как всегда, стоял полумрак, но лица были видны хорошо. Впрочем, что толку смотреть на лица, если голоса то ленивые, то злые, и воздух дрожит от скрестившихся речей?

Ахатта сидел в каменном кресле, хозяином, не выказывая беспокойства. Только вот камень словно на грудь навалился, и не шевельнуться. Может, оно и к лучшему.

Кто как поведет себя? Заранее не узнать. Сегодня друг, завтра враг... потом и вовсе не пойми кто. Обязательства есть только перед своим Родом... и перед теми, кому ты сам хочешь быть обязан.

Сперва еще раз, кратко уже, расспросили всех очевидцев — вдруг вспомнят что новое, хотя за истекшее время могли или забыть, или придумать. И Ньенну тоже, хотя во время его речи Ахатта лишь морщился. Он честно старался помочь своим, но врать было поздно, а правда только ухудшала дело. Но его слова оказались важней прочих — именно он находился с мальчишкой на переправе, когда тот сорвался. Раненые не в счет, им не до того было, да они и не слышали последних слов.

— Помощничек, — даже родича, напарника Ахатты по Совету проняло, а уж насколько он был лоялен к своим.

Потом любой из членов Совета получил возможность высказаться перед тем, как принимать решение.

Еще бы зашить рот мальчишке, он никогда не скрывал, что пожар — его рук дело. Да еще предложил показать. Раньше он такого не вытворял, но все единодушно сошлись — он растет. А что в семье Ахатты уродилось чудовище, знали давно. В огни тин большинство не поверило вовсе; не додумался Ньенна соврать, что они появились на северном берегу, тогда можно было бы их обвинить в пожаре, а внука лишь в излишнем самомнении. Ложь проверяют, да, но вряд ли кто задал бы вопрос, где именно возникли эти клятые огни! Раз уж он вообще их вспомнил.

А так...

— Ладно бы стоял сезон засухи! — говорила Кети Инау, золотая паучиха, с пальцами, которые даже в спокойном состоянии подрагивали. — Но это был еще сырой лес у реки! Все знают, как далеко ушло пламя — в сушь оно докатилось бы до равнин плоскогорья!

— Ну уж, — пробормотал кто-то, явно впечатленной речью Кети, но не согласный с ней. Ни один не счел мальчишку невиновным.

Пришло время решить, уедут ли отсюда северяне с пустыми руками.

Кауки начали, но не рискнули говорить прямо и невнятно прошелестели о необходимости соблюдать соглашение; будь ситуация иной, сходу бы его нарушили,

подумали, наверное, все в Совете. Что ж... кто их за это осудит? Каждый сам выбирает, голос кого ему слушать. Одни звери живут стаями, другие — одиночки. Одни охотятся сами, другие питаются падалью.

Затем встал Ийа — этот вчерашний юнец слова не дал сказать Хатлахене, своему дяде, которому по старшинству полагалось держать речь первым. Все понимают, что нельзя отдавать северянам нашу кровь, много чести, проговорил Ийа, заставив присутствующих остолбенеть от удивления. Но то, что он сделал, что может сделать еще, угрожает всем нам, и жить он не должен. Все давно понимают это, но шепчутся по углам. Сколько еще леса должно сгореть и зданий рухнуть, чтобы до всех дошло — это не человек, а порождение Бездны?

Он хорошо говорил, горячо, хоть стоял неподвижно. Но воздух словно искрил вокруг него, обжигал. И никакой Силы не надо было для этого, достаточно слов.

Сразу все оживились, заговорили, перебивая друг друга, но при этом большинство голосов звучали слаженным хором.

Стервятники, подумал Ахатта. Сразу слетелись... Ийа кинул им кость, и всё. Глядя, как тот спокойно садится на место, Ахатта ощутил что-то вроде уважения. Он по крайней мере сказал это сам, прилюдно, а не продолжил, в самом деле, шептаться по закоулкам.

— Я поддерживаю своего младшего родича, — сказал Хатлахена после небольшой запинки. Видно было, что он собирался говорить первым, а теперь и нечего было.

— Не дождешься! Не справишься! И вы все! — вскинулся Кайе, а Ийа с улыбкой руками развел — об этом и предупреждал.

— Ты все еще можешь поехать на север, эсса будут рады тебе, — сказал он.

— Сам отправляйся к ним! — вспыхнул мальчишка, весь напряженный — вот-вот и станет энихи, хвостом по бокам забьет. Силой, как в левом крыле, ударить не сможет — внутри этого зала крепкие «щиты».

— Успокойся, малыш, — ласково протянул руку Ийа; жест, каким треплют по загривку домашнего зверя. Не касался, — далеко, но явственно так.

Шиталь впервые заметила ужас на лице Къятты. Смуглое лицо почти белым стало. Ийа не закончил говорить — его можно прервать, да, но еще хуже будет, если это сделает брат обвиняемого...

Вспыхнули глаза нарисованного татхе, ярче факелов — глаза из драгоценных камней; испуганно вскрикнула одна из женщин, другие люди растерянно подняли головы. Шиталь растерянно повела взглядом по сторонам, заметила: Тарра дышит тяжело. Умница Тарра. Ничем не нарушил течение Совета, ничем... мало ли — искусственные глаза вспыхнули. Единственно возможное применение Силы здесь — свет. А Къятта слетел с сиденья, мигом очутился возле мальчишки, на одно колено опустился и брата к себе притянул, что-то зашептал отчаянно и зло в самое ухо — не слышно другим. Шиталь показалось — едва удерживается от того, чтобы не вклепить затрещину младшему, а у Къятты рука тяжелая.

Род Икуи не раздумывал — Тарра сразу сказал за двоих, со свойственной ему прямоотой, что мальчишку нужно как следует проучить, если этого урока мало, но в остальном — северяне будут очень смеяться, если Астала сама себя обезоружит.

Тиахиу невесть с чего поддержали Тарру, Инау в один голос с Икиари настаивали на смерти виновника пожара. Кауки все еще мялись — их жизненный принцип "лучше смерть или безумие, чем скука и осторожность" мешал вынести приговор за ровно такие же

действия, хоть Кайе они ненавидели. Шиталь молчала, заявив, что раньше сказала всё. Ее родич-напарник в совете отмалчивался: как она посчитает нужным, так и ладно.

— Пусть решат «капли», настало время, — проговорил Тарра, и Ахатта кивнул, тяжело, будто к шее привязали жернов. Но сигнал подать должен был именно он.

— Вы оба, уходите, — велел он внукам.

Къятта не оглянувшись, пошел прочь, положив руку на плечо брата, подталкивая мальчишку перед собой. Внешне легко, но пусть тот попробует дернуться, рвануться назад. Остановился у дверного полога. Не имел права тут оставаться, но был не в силах уйти.

Когда каменные продолговатые бусины сыпались на гладкий пол, постукивая, Шиталь всегда вспоминала древние города, погибшие под каменным и огненным дождем. И здесь... так мало надо, легкий перестук — чтобы решить судьбу человека.

Не было тайны — кто что сказал, то и сделал. Мгновения перед тем, как бросить свою каплю даются на то, чтобы передумать, если возникнет потребность. Не передумал никто.

Темный обсидиан — смерть, алый гранат — решение кровью, светлый янтарь — свобода. Отдать ли северу, убить ли здесь — все равно капля обсидиана, а бросить алую, вызов — никто не подумает. Не для этого случая.

Мой Род взлетел, чтобы снова упасть, думала Шиталь. Братья, сестры и племянники не смогут занимать места в этом зале. Если вынесут приговор, Род Тайау выступит против, один или с союзниками. Он не из тех, кто молча отдает свое. И начнется раздор в Астале. Тогда у Шиталь есть шанс... невеликий, но есть — повернуть все так, как будет угодно ей.

Бросила летучий взгляд на Ахатту — сидел, полуприкрыв глаза, из-под век наблюдал за Шиталь. Непроницаемо-сдержанный, неподвижный, словно глыба базальта. Никто не должен понять, как в сей миг Ахатта зависит от выбора этой женщины.

Но Шиталь поняла.

Обсидиановую темную каплю зажала в горсти, перед тем погладив пальцем ее отполированный бок. И не удержалась, поглядела на мальчишку. Он улыбнулся ей, широко и уверенно, ей — единственной в этом зале. Был уверен, что она его друг. Вспомнилось, как ткнулся ей в руку потерявший мать бельчонок — доверчиво, влажным носиком — ей, чужой. А она перед тем только что перекинулась, и возле ее следов еще не остыла кровь олененка. И этот сейчас — настороженный, злой, облитый золотистым свечением, с открытой улыбкой, Дитя Огня... Дитя.

Шиталь смеялась, роняя на звонкий пол каплю из желтого янтаря. Не сомневалась, что хотя бы один человек из Совета прочел, что скрывает ее смех.

На северном берегу реки Иска чернели обугленные стволы. Подлесок, полностью выжженный, пепел вместо травы, остывший уже. Там было тихо-тихо, и никого живого; только порой тускло-черные жуки с удлинненным панцирем копошились, откидывали кусочки пепла, ища себе пропитание.

Настоящее. Астала

Огонек проснулся на рассвете, не больше часа проспал, выходит. Рядом с головой прыгала птица, поклевывая орех. Улыбнулся и свистнул ей. Та не обратила на мальчишку внимания. Сел; траву покрывала россыпь белесых шариков — роса, готовая засиять в лучах солнца. После реки его до сих пор била дрожь. Мошкара липла к телу. Оглядел себя — штаны остались целы после протискивания через прутья, а больше на нем и не было ничего.

Голод дал себя знать. Мальчишка нарвал себе орехов, собрал листья, зарылся в них и так лежал, разгрызал скорлупу и думал.

Невдалеке раскинулось высокое дерево с ветвями, на которых и спать можно было, не только забраться. Мальчишка вскарабкался повыше, осмотреться. Некстати вспомнил, как недавно еще смотрел на Асталу с Башни — а вот и она сама, возвышается ближе, чем бы ему хотелось, и, кажется, ищет его, водит невидимым глазам по сторонам. Стало дурно, чуть не разжались руки — тогда свалился бы с дерева, чего в своей жизни не помнил. Поплотнее прижался к стволу, уперся ногами в ветви. Теперь, с вершины дерева, иначе смотрел. Вся Астала словно ядовитые заросли или болото, хоть и потрясла его в первый раз, когда увидел со склона холма. А вон, похоже, и кедр, о котором шла речь... Да, здесь довольно пусто — не то что окраины, скорее, проплешина, каменный выброс из земли. Сарай какие-то, а вон там, подальше, еще лодки — чуть дальше проплыви, и наткнешься.

А вон там, на востоке, кварталы Тайау...

Стоит или не стоит туда возвращаться? Или идти к кедру? Ийа спас его, предложил помощь и дальше. То, что Къятта не любит его, скорее говорит в его пользу. Хотя лучше уж не доверять никому. Устал быть мячиком в чужих руках. Может, пойти, отыскать сразу Кайе? Тоже не выйдет, это в прошлый раз он сумел явиться прямо к дому, сейчас перехватят наверняка. А где Кайе может бывать один, полукровка не знает. Да и тот, верно, уже принял его исчезновение, что бы ни сделал в процессе; смысл затевать все заново. Все равно от старшего брата он не сможет защитить Огонька, теперь — не сможет.

Как он сейчас вообще? Оправился или нет? Должен, он сильный...

Слез наземь, зашагал прочь, стараясь не забрести опять в людное место. Скоро выбрался на тропинку, довольно широкую, утопанную; чуть ли не сразу слышались голоса. Огонек насторожил уши, готовый упасть наземь и затаиться.

Голоса приближались, по склону, ранее не замеченному, поднялись несколько человек. Мужчины, одетые в старые холщовые штаны. Вряд ли эти люди были опасны — мастера, или просто рабочие, двое корзины несли. Может, заговорить с ними? Расспросить, вдруг случилось что-нибудь такое, о чем знает весь город? Но не решился.

И когда уже прошли мимо, занятые разговорами, встал, поспешно отступил глубже в густой кустарник — мало ли что. Посмотрел им вслед, перевел дух и двинулся дальше.

Вот и окраины предместья уже позади, а он все шарахался от любого звука. Конечно, столкнись он с людьми в лоб, имени Кайе Тайау довольно было бы, чтобы обеспечить безопасность себе; но вдруг привели бы прямо к дому, как тот стражник? А там... все равно

там, где Къятта, он долго не протянет. Теперь полукровка не просто зверушка, в лесу подобранная — хоть мешает, но пусть. Къятта не простит Огоньку побега и того, в каком состоянии младший брат.

О прошлом старался не думать — только чудились все время либо чужая тень, либо стук копыт верхового животного... Вдруг его все же преследуют или ищут? Или и вовсе выследили, как тогда Кайе?

Но нет, обошлось.

Небольшую серую грис он обнаружил на пустыре, привязанную к забору. Судя по всему, на ней не очень-то ездили, скорее перевозили грузы — по крайней мере на спине громоздился вьюк.

Отвязывая добродушно фыркавшую грис, мальчишка невольно ежился, вспоминая, как тут поступают с ворами. Но понимал — на своих двоих никуда не уйдет, остановят раньше. И так-то везло, ни на кого не наткнулся.

Вьюк снял и оставил лежать на земле. Пожалел, что в нем нет еды — взял бы, чего уж там...

**

Настоящее. Лес.

Седой плохо ходил — нога так и не начала разгибаться. После стычки с тремя ихи он, лучший недавно, стал хромым. Зато шкуры двух напавших ихи в шалаше лежат. А Рыжебровый Седого боится — все еще слушают покалеченного охотника. Кто, кроме него, детей научит тайнам леса? Кто опасность умеет чувствовать?

Рыжебровый не любит его. Хочет его смерти. Чтобы ни один голос против не поднимался. Хочет сам решать. Хромой — и соперник? Так не бывает. А есть.

Седой переместился следом за тенью — солнце пекло.

Думал.

Хору страшны, но не трогают. Им все равно, чью кровь принимать — больного ребенка им отдают, и все ладно. А теперь плохо — харруохана пришел. Тот, кто приносит ночь. Рыжебровый сказал — ему не нужны больные дети. Ему нужны сильные, иначе всему племени плохо. Рыжебровый хочет Седого отдать харруохане. Люди испуганы. Могут и согласиться. Рыжебровый умеет убеждать, и он силен. Молодые охотники рядом с ним.

День пришел, а потом еще день. Страшно племени — видели следы. Харруохана ходит, смотрит. Выбирает, когда ударить.

Рыжебровый сказал — рууна должны отдать хорошего охотника, и указал на соперника. Никто не осмелился возразить — страшно.

Седого отвели на поляну за стойбищем. Не привязывали — харруохане нельзя противиться.

Седой знал — черный энихи скоро придет. Не сегодня, так завтра. Надежда теплилась — а вдруг просто зверь появился вблизи стоянки, и ошибается Тот, кто знает, и ошибается Рыжебровый? Зверя Седой может убить. Сильные руки, хоть и хромяя нога.

Сумерки ползли, как змея-душитель. У Седого были чуткие уши — он ловил звуки стойбища. Женщина засмеялась. Ребенок заплакал. Стук камня о камень — наконецники делают. Седой слушал, пригнувшись к дыму — корни черноголовки кто-то бросил в костер,

отгонять мошкарю.

Темнеет небо. Оглянулся резко, словно видна была его тень, и ее чужая тень коснулась. Зверь стоял на краю поляны. Черный. Большой. Молодой еще, но сильный. Зверь пошел мягким шагом к охотнику. Седой изготовился — вцепиться в пасть, задушить. А потом замер, словно йука при встрече с опасностью. Синими были глаза энихи, поблескивали, как у всех хищных зверей. Синие.

— Харруохана, — выдохнул Седой, и руки его опустились.

Зверь стоял рядом, и Седой видел — он смеется. Энихи не умеют смеяться. Зверь развернулся и мягкими длинными прыжками полетел над травой, к стойбищу.

Седой закричал ему вслед, крик гортанный ворвался в стойбище раньше харруоханы. А потом раздался крик женский.

Двоих потеряло племя — сильную женщину и молодого охотника, воспитанника Рыжебрового. Никто не осмелился поднять руку на харруохану, кроме этого юноши. И впредь никто не посмеет.

“Тот, кто приносит ночь” волен выбирать любые жертвы.

**

Настоящее. Лес неподалеку от реки Читери

Камень оказался весь в углах и выступах — Огонек вертелся, пытаясь устроиться. На земле сидеть не хотелось — снуют всяческие жуки, многоножки; хоть отдохнуть спокойно... спокойно не удавалось.

В конце концов сполз-таки с камня, улегся рядом. В тени раскидистого дерева акашу было уютно. Высоко — на два человеческих роста — с ветви свисали плоды, красные, вполне съедобные. А если сжевать терпкую мякоть, доберешься до похожей на орех сердцевинки... Проглотил слюну. Прикрыл глаза, но не до конца — сквозь ресницы разглядывал тонкие стебли травы, гусеницу, неторопливо ползущую по делам...

Возле ноги что-то шевельнулось. Мальчишка сел, глядя на пристроившегося рядом зверька. Тот, заметив человеческое внимание, шмыгнул за камень, потом высунулся, подергивая короткими усами. Большеухий, похож на лисицу, только шерстка бурая. И словно рыжеватый свет изнутри.

Огонек протянул было руку — погладить. Потом вспомнил — Огненный зверь... и жар чувствовался от него, нога мальчишки согрелась.

“Нельзя его трогать”, — говорил Кайе.

Зверек удобно расположился рядом. Особого внимания на мальчишку уже не обращал.

«Неужто пришел ко мне? Погреть... чтоб не было так одиноко?»

Испуг мешался с восторгом. Огонек помнил рассказ про ожоги... но сейчас зверек лежит почти рядом, на расстоянии чуть больше локтя. И ничего...

«Неужто он чувствует... его?» — подумал подросток. Это походило на правду. Чимали, айари... они ведь связаны как-то. Это Кайе упоминал.

— Это ты к нему пришел? — прошептал Огонек. Зверек насторожил уши, но головы не повернул.

Мальчишка подумал и, внутренне досадуя на себя за глупость, попросил:

— Если его увидишь... передай, что я жив... если ему интересно, конечно.

Прогнал неприятную мысль — вдруг к тому моменту, как эти двое сумеют встретиться, от Огонька останется кучка костей? Лес был милостив к полукровке, но случается по-всякому. Опасней хищников, змей и ядовитых растений оказались люди.

Только, прожив совсем еще мало весен, невозможно поверить, что путь в самом деле может оборваться скоро. Пока ведь везло, и причем сильно везло.

Со вздохом перевернулся, оперся локтями о землю, подбородок опустил на сплетенные пальцы. Все вокруг было таким настоящим... не позволяло думать о смерти, но ведь она рядом.

А была еще ближе.

...Привстать, отползти от камня. Прислониться спиной к многовековому дереву — живая кора, дышит — и сидеть так вечно. Просто жить... как живет бабочка-однодневка или облачко в вышине.

Но я не смогу, думал мальнишка. Я уже не смогу. Я не помню о себе ничего — но ведь было же что-то. Иначе откуда странные сны, знание леса, птичка из серебра?

Словно услышав его мысли, серая птица-кауи защелкала, засвистела. Мальнишка задрал голову, пытаясь разглядеть ее через переплетенье ветвей.

Я хотел бы начать заново, думал он. В Астале... пытался до последнего. Останься я там, не случись Башни, что было бы? Может, семья Тайау смирилась бы. Но Кайе ведь растет. Еще немного, и перестанут быть интересны игры. А что потом? Покровительство, снисходительное и жестокое? Он не отказывается от данного слова... он не выбросил бы полукровку, как ненужную вещь.

— А я пожелал ему смерти, — негромко проговорил Огонек.

Рыжий зверек в траве насторожил уши. Почесал себя задней лапой под подбородком и побежал по своим делам. Непохоже было, что рассердился, да и вообще вряд ли понял, о ком речь.

С его исчезновением снова нахлынула тоска, ознобом по коже — а вечер был теплым... Только вспоминать было холодно.

Грис он потерял на третьи сутки — привязал на ночь к дереву, устраиваясь спать на ветвях, а утром не обнаружил и веревки. Вздохнув, понадеялся, что животину не сожрали, по крайней мере — сама отвязалась. Ехать на ней было — одно мучение, без седла да нормальной узды — но все же быстрее. Хотелось оставить город как можно дальше за спиной.

Позади давно осталась река, по которой выплыл из Башни, но воздух снова был влажным — значит, впереди еще река, и немаленькая. Быть может, та, в которой он барахтался две луны назад.

А за ней — все еще земли Асталы. Как можно объявить лес или реку своими? Но чем дальше к северу, тем поселений меньше, он знал. Это хорошо. В Астале и окрестностях ее нельзя оставаться. У него слишком приметная внешность; даже если не станут искать, решат, что его нет в живых, рано или поздно кто-то из братьев узнает. От мысли, что может встретиться с Къяттой снова, хотелось зажмуриться.

О втором старался не думать, но не выходило. Как наяву представил взметнувшуюся челку, улыбку-пожар. Что ж, без полукровки ему будет легче, не придется ругаться со старшими и бороться со своей натурой.

Огонек поднялся, глянул напоследок в траву, где скрылся рыжий зверек, и вновь зашагал к северу — тени как раз указывали туда. Есть свободные поселения. Есть эсса, в конце концов.

Ну и... есть одиночество.

**

Астала, настоящее

Солнечный луч скользнул по лицу, тепло — как прикосновение невесомой пряди. Къятта проснулся давно, но лень было открывать глаза. Улыбнулся, провел по щеке пальцами, словно пытаюсь поймать кусочек тепла. Лень... не свойственно испытывать ее, но как приятно хоть иногда. В Астале становилось все суше, трава и листья радостно тянулись к солнцу, не зная, что скоро оно примется жечь их, а ласковый пока ветер — засыпать мелкой горячей пылью. Проще жить одним днем. А вот у него — не получалось.

Сестричка, как водится, принесла новости в дом... птица-пересмешник, а не танцовщица.

Сел, обхватив колено рукой. Задумался. Не отличался богатым воображением, но на сей раз и представлять ничего особо не требовалось. Шесть или семь, сколько их было там? — детишек из трех Родов. Детишки... брату и этому Шинку Икиари шестнадцать через несколько лун, а все равно.

Хорошо знал Шинку. Узкое лицо с выступающими скулами, черные глаза — в них и огонь-то едва отражается, словно из обсидиана выточили. Высокий, тонкий, как плеть лианы, но жилистый. Не просто дитя сильного Рода — он и сам по себе будет многого стоить. Мысленно видел, как тот держался там, у реки — не то чтобы вызывающе, просто слишком уверенно. А Кайе... не понять, что и когда он сочтет вызовом. Энихи — сытый — позволяет лани пастись перед самым носом, но попробуй другой хищник зайти на его территорию!

Ладно ума хватило не вызывать на поединок. Хоть и рано им еще — в Круг, все же дело нешуточное.

Перед внутренним взором покачивались блики на зелени, а где-то далеко внизу пена ворочалась, создавали завесу брызги — водопад на реке Читери. Если в рост человека мерить, пожалуй, все пятнадцать будет? И — виделось, как братишка за руку подтащил Шинку к водопаду, веля — прыгай! И — тот с кривой, неуверенной улыбкой отступает назад. А зачинщик скидывает руки и черной скопой срывается вниз...

Он выплыл. Весь в синяках и ссадинах, выбрался на берег, и подошел к застывшим на берегу сверстникам. И под его ударом Шинку упал наземь и не посмел поднять головы.

Солнечный луч стек с подушки на покрывало. Молодой человек поднялся, плеснул на лицо водой. Направился в комнаты младшего — вчера не успели поговорить, так оно и к лучшему. Утром мальчишка обычно покладистый. И чему удивляться — мечется во сне, разве что не кричит, еще бы к утру не быть вымотанным. Он, такой чуткий, ныне просыпается не всегда, если войти. А если коснуться, в очередной раз хмурясь, сознавая, насколько горячей стало тело — тянется, словно цветок к воде, дышать начинает ровней. Что уж ему снится, никогда не скажет — да и вряд ли он видит сны. Просто — огонь.

Черный зверь лежал возле занавеса — Къятта едва не споткнулся о неподвижного

хищника. Тот не огрызнулся, только лениво повернул голову и посмотрел.

Опуститься рядом, и гладить черную шелковистую шерсть, почесывать за ушами... такой домашний, такой безобидный...

Шагнул в комнату мимо энихи, из шкапулки достал орех тору с горьким, едким запахом, поднес к носу хищника. Зверь зашипел, обнажая длинные клыки — и перекинулся в человека. Смотря все еще ошарашено, не воспротивился властной руке, которая скользнула по плечу, по шее, по щеке, словно зверя по шерсти погладил.

— Зачем, сколько можно? — негромкий голос, в котором суровости нет. — Я говорил — нельзя делать это дома. А сегодня и вовсе с утра!

— Я не могу. Не могу... — отстранился, провел рукой по лицу, словно стирая след от чужого прикосновения. — Трудно...

— Не стану упрекать тебя в сотый раз. Только не жалуйся на то, что сделал сам.

— Я не... жалею, — прерывисто вдохнул. Лицо напряглось — больно. Жжет изнутри.

Къятта уже не в сотый, а в тысячный раз пожалел, что не разрезал того полукровку на мелкие кусочки. Каждое дитя Юга, обладающее Силой, открывает для себя дверь. А для брата она всегда была открыта — напротив, приходилось придерживать створку, чтобы не давать пламени изливаться безумно. Оставалось надеяться — он не полностью сжег эту дверь, и заодно стенки.

Лесное блохастое чучело не было первым, с кем братишка пытался дружить — без смертельного исхода. Но пресекать это в городе было проще простого, да и боялись Отмеченного Пламенем; большинство еще уговаривать пришлось бы поддерживать такое знакомство. Даже среди детей и родни домашних слуг и синта не нашлось желающих рисковать своими сыновьями и младшими братьями.

Когда Кайе подрос и стал шастать по округе один, то пару раз набредал на охотников-лесников, с которыми было интересно. С ними, или с их отпрысками. Один раз пришлось вмешаться и объяснить, благо, братишка рассказывал многое, в другой люди догадались сами, к чему может привести подобная дружба.

Ну, а потом появились те городские брат и сестра, после них Кайе ни с кем сблизиться не стремился. До вылавливания из реки полукровки.

Прижал брата к плечу, подержал немного — тот не пытался отстраниться. Устал...

— Ну хорошо. Теперь о Шинку. Скажи, зверек, зачем тебе снова понадобилось отстаивать свое право первенства? Зачем тебе это — здесь? На любом углу?

— А почему нет...

— Про тебя и так знает любая мошка в Астале, зачем вонзать лишние шипы в чужой Род?

— Ты сам это делаешь.

— Я знаю, когда надо остановиться.

Встретив полный непонимания взгляд, усмехнулся, привычным за много лет жестом взлохматил младшему волосы. Отросли... скоро опять возьмется за нож.

— Пока я никуда тебя не пущу. Будешь подле меня. Человеком.

**

Лес

Духи леса обступили его, мелькали неподалеку и днем, и ночью. Среди них еле слышным тревожным звуком проскальзывали голоса кровожадных, но другие их отгоняли. Признавали они Огонька или просто не считали достойным внимания, он не знал. Хотя порой казалось — его жалеют.

Он не боялся леса, но раньше просто шел, искал воду и пищу, спал... а сейчас постоянно мучился вопросом, что и откуда он знает. Вот эти стручки, они съедобные, называются "красный коготь" — он знал это раньше? Услышал на прииске и забыл? Или Кайе сказал, а Огонек запомнил? Но, когда они бродили по лесу, стручки еще на налились красным цветом...

Когда увидел широкую цепь огромных рыжих муравьев, целеустремленно переползавших через бревно, шарахнулся в сторону — и лишь потом сообразил, что снова заговорила память, покрытая паутиной... такие муравьи уничтожают все на своем пути и не сворачивают с выбранного направления. Это он тоже знал, но откуда?

Видел и облепивший ствол ковер из мохнатых гусениц, знал: тронешь — обожжешь руку...

Почти не попадалось ручейков — от жажды спасали растения с огромными мясистыми листьями. Сок их, прохладный и кисловатый, превосходно утолял жажду.

Ночами на разные голоса перекликался лес, а днем засыпало все.

Не переставал думать, но снов о прошлом больше не снилось, даже кошмаров. Хотя им бы, наверное, обрадовался. Только иногда чудились голоса, будто люди перекликались в лесу. Сперва подскакивал, озирался, потом привык. Голосов было несколько, вскоре он все их выучил. Два женских и три мужских. Слов разобрать не мог. Иногда чудился детский смех или плач младенца. Ничего не мог сделать с этим и просто ждал, изменится что-нибудь или нет.

Думал о людях, от которых ушел, пытался понять, где ошибся, где правильно поступил — да и что оно, это "правильно"? Кем и где вложено в его голову? Сильнейших Асталы полагалось бояться, это было разумно. Но раньше, в прошлом, встречал ли он им подобных? Может и нет. Когда встретил впервые, да, опасался, но не ждал от них настоящей жестокости; а ведь дети Юга учатся этому с колыбели.

Несколько дней прошло.

Постепенно заживало израненное веревкой запястье, его Огонек обматывал целебными листьями. Эх, не успел поговорить с целителями дома Тайау или еще какими-нибудь... Теперь, может, вовсе случая не представится.

А синяки, оставленные пальцами Кайе там, у стены, совсем посветлели и скоро исчезнут. Останется пробужденная Сила, которая теперь была еще одним чувством — вибрация, словно звук в барабанах, поселилась в его крови и мышцах. Только вот пользоваться даром Огонек не умел, совсем.

Смеркалось, как всегда, быстро в лесу. Огонек выбрал себе дерево на ночь — большое, с такими удобными ветками, что и младенец бы не свалился. Начал устраиваться, только решил спуститься к ручью напоследок, ступил на землю — и глаз уловил движение напротив. Массивная фигура мелькнула между стволами. Очень большой зверь... меньше лесного быка, но не кабан, не энихи. Кто?

Из полумрака на Огонька смотрело безобразное лицо с низким лбом и всклокоченными

волосами.

Мальчишка с трудом сглотнул — а страшное, похожее на человека существо неловко качнулось вперед и двинулось к нему, прихрамывая. Широкие плечи, тело, во многих местах поросшее густой шерстью. Ни намека на одежду. Глубоко посаженные глаза, черные, как угольки, и неожиданно по-человечьи внимательные.

"Я не побегу", — сказал себе Огонек, — "Если он за мной погонится... нет, лучше смотреть, что он намерен делать". И остался на месте, глядя, как приближается чудовище. А страха и не было. Страх остался в Астале, уцелевшие крохи растерялись по дороге сюда.

Чудовище подошло совсем близко — не нападало. Постояло, протянуло лапу и коснулось лба Огонька.

— Шел бы ты в лес обратно... — тихо сказал мальчишка. — Вряд ли мной наешься.

Чудище провело пальцами по его волосам. И что-то сказала. Слово "хору" Огонек разобрал, хоть речь непонятного существа звучала не слишком членораздельно. Потом еще сказал какое-то слово, тоже на "х", но длиннее, раскатистое, похожее на гром и на выдох.

— Нет, — покачал головой мальчишка, не зная, на что отвечает, да и был ли вопрос. А чудовище осмотрело его с головы до ног — грязного, исцарапанного, сделало пару загибающих жестов и неторопливо похрамало в сторону. Огонек двинулся за ним, и только потом сообразил, что идет за этим полужверем. Зачем? Да какая разница.

Астала

Праздник Мёда в этом году был хорош, говорили в самой Астале и предместьях. Благоприятные знамения и распорядителей вдохновили, и они позаботились, чтобы гуляния и угощения получились на славу. Даже самая неимущая беднота принарядилась и повеселела, их в этот день кормили бесплатно и позволяли смотреть на гуляния. Длинноствольные флейты гудели, барабаны перекликались, и вторил им человеческий смех, пение и звон бубенчиков на поясах и браслетах танцовщиц.

Только в Круге возле одной из городских площадей приключилось такое, отчего даже заядлые пьяницы выпить забыли, и не до еды, не танцев в ароматном дыму было людям весь вечер и ночь.

Устроители праздника в этом квартале — он принадлежал Кауки — решили на песок выпустить дикого быка, и энихи против него. Обоим в питье добавили по несколько капель — быку замедляющего зелья, хищнику возбуждающего, чтобы драка уж точно состоялась.

Она и состоялась, да... когда черный зверь выскочил в Круг, раскидав стражей у входа, народ ничего и не понял. И когда тот кружил вокруг быка, раз за разом уворачиваясь от длинных острых рогов, а потом исхитрился вцепиться в шею и повалить, пробить клыками толстую шкуру, только радовались зрелищу.

И потом, когда в круг выбежали еще стражи и попытались убить хищника, но вместо этого сами полегли, кто мертвым, кто раненым...

Тогда уже не восторг, а страх испытали, но все еще не поняли ничего.

Только когда вместо зверя с песка встал человек, осознали. Те, кто валялся раненым в Круге, тоже поняли в этот миг. А что настоящий зверь был не черным, а бурым, никто и не знал, кроме его охраны и служителей, но те сделать уже ничего не могли. Настоящий энихи все это время так и просидел в клетке.

Къятта на праздник не успел и добрался до дома поздно лишь вечером — задержался, досадуя на себя, пришлось решать споры среди пьяных охотников. Проще всего было распутать узел, оторвав пару голов; но охотники сцепились и вправду искусные, жаль. Кто на чьей территории понаставил ловушек и поймал пару пятнистых ихти, Къятту мало заботило — да хоть сто весен не виданного татхе поймайте. Хоть полусказочного Огненного зверя! Но дед косо посмотрит, если допустит свару, не позаботившись уладить. Людей нужно к себе привязывать, а не позволять твориться чему попало.

Новости ему рассказали по дороге, перехватив у дамбы. Примчались двое синта — волосы дыбом, чуть ли не дым из ушей. Он сам сперва ударил грис по бокам — быстрее добраться, но потом осознал, что все уже позади. На сей раз беда миновала. Но он ошибся, и ошибка чуть не стала роковой. Он пытался запрещать... Но пламя не слушает запретов — или гаснет. Да все Сильнейшие жили ради огня, который поднимается из глубин существа, и намеренно сдерживать его... безумие или глупость. Что ж, будет умнее.

Дома нырнул в бассейн, протер кожу настоями кедра и лимонника, расчесал волосы, по-домашнему стянув в хвост вместо косы, перекусил; прислушался к себе — полностью ли

спокоен? — и лишь тогда заглянул к братишке.

Тот лежал ничком, раскинув руки — подвижные и ловкие, сейчас они свисали безвольно. Кажется, как примчался домой, так упал и не шевелился. Къятта подошел тихо, словно сам был энихи, сел рядом, провел ладонью по плечу брата.

— Больно? Там, внутри?

— Нет.

— Тогда зачем выпендриваться? Что ты в очередной раз показал Астале?

Кайе приподнял голову:

— Да мне все равно... — и снова уронил ее на подушку.

— Весь этот год после Совета я стараюсь убереечь тебя от глупостей. Еще одной выходки, даже в разы меньшей, чем река Иска, они тебе не простят.

— Лучше и вовсе не жить, чем по их правилам. Не ты ли меня учил...

Къятта по-прежнему держал ладонь на его плече, не желая терять и тени того, что испытывает младший.

— Когда ты сильнее других, волен делать что хочешь. Задирать их отпрысков поодиночке, как с Шинку, куда ни шло. Но со всеми семью Родами тебе не совладать. Не время еще.

— А когда оно настанет — когда ты решишь? И тогда что?

— Тогда тебе будет хорошо. Разве твое сердце не стучало от восторга, когда ты летел в прыжке? Когда ты был — сильнейшим, а остальные — слабой добычей?

Ответом ему стал прерывистый звук — полувскрик, полувздых.:

— Помоги мне не думать обо всем этом! Помоги, слышишь?! — это не просьба была, а повеление.

— Жаль, что ты срезаешь волосы коротко, — усмехнулся старший. — Какое удовольствие упускаешь — развязать золотую тесьму и отпустить на свободу пряди, как выпускают дикого зверя, снимая цепь...

Провел рукой по волосам брата. Тот вскинулся:

— Энихи не нужны побрякушки!

— Ты все же немножечко человек, — белые зубы блестели в свете звезд. Къятта окинул младшего взглядом, поднялся и пересел поближе к широкому окну. Он так и просидел бы полночи в молчании, не желая оставить младшего одного, но Кайе сам заговорил:

— Подойди...

— Что тебе? — старший снова присел на край постели, брови его сдвинулись настороженно.

— Я хочу чего-то, Къятта. Себя настоящего, может быть. И не могу получить. Мне отказано в этом?

— Нет, вовсе нет, — удивленно проговорил Къятта. — Чего тебе не хватает, зверек?

— Я не знаю. Если бы знал, взял бы.

— Не переусердствуй, — снова сжал его руку. — Иначе уподобишься тем, которые могут лишь сгореть в темном пламени. Ты для большего рожден, зверек.

— Не называй меня так по-идиотски! — взорвался Кайе, а Къятта рассмеялся: вот так-то лучше.

— Тебе не идет быть дохлой рыбой, братишка.

— Порой мне хочется, чтобы ты убил меня. Я принял бы это с радостью.

Глаза обоих сейчас казались черными — только зрачки посверкивали желтым,

напоминая о глазах дикого зверя.

— Это глупо, зверек. Ты сам не знаешь, что тебе нужно. Вот и мечешься. Жизни в тебе больше чем во всей Астале вместе взятой — жизни и пламени. Тебе никогда не будет спокойно. Другой радовался бы, имей он хоть половину того, что дано тебе просто так, в дар. — Отшвырнул руку младшего.

— Завидуешь?

— Нет, — непонятно улыбнулся Къятта. — У меня все есть. Ты даже не представляешь, насколько.

Перевел взгляд на россыпь созвездий.

— Ты в последнее время что-то увлекся охотой на рууна. Я ведь предупреждал, полгода назад еще; думал, с тех пор ты угомонился. Ладно, те, чьи стойбища ты навещал, не опасны и сами всего боятся. Есть и другие. Помнишь, какие напали на нас во время похода к морю?

— Помню, — медленно откликнулся Кайе. — Но они все так... глупы и уродливы. Им и вовсе не надо жить, где угодно.

— Да пускай не живут, делай с ними, что хочешь. Но, если выходишь зверем, бери с собой помощников. Они не станут вмешиваться, если не будет угрозы.

— Я не нуждаюсь...

— Не возражай, — произнес он таким тоном, что младший поднял голову, посмотрел на брата, и счел за лучшее кивнуть.

Пять сестер почти скрылись за горизонтом, когда Къятта сказал:

— Пожалуй, еще кое-что делать ты можешь, с твоим-то чутьем и знанием леса. Как раз на днях разведчики прислали весточку. Ты знаешь, нужны новые земли, новые малые города и деревни. Но нельзя давать разрастаться поселениям, которые неуютны Астале. Иногда их непросто найти, но всегда есть приметы, следы. Порой люди ухитряются сбиться в стайки, уйти и основать собственную деревню, или прибиться к ничейным, срединным. Оттуда мы беглецов забираем, уводим, а если противятся или пытаются скрыться...

— Я понимаю, — равнодушно выдохнул младший. — Это наша земля... хотят жить — пусть подчиняются.

**

Лес

Полузверь оказался не таким уж и страшным. В его то ли землянке, то ли берлоге под корнями огромной сосны лежали несколько шкур, недавно снятых — видно, чудище было хорошим охотником. Чудище, глядя на Огонька, протянуло мальчишке ломоть мяса. Сырого, чуть подвяленного на солнце. Подросток затряс головой, ощутив тошноту. Чего только ни ел в лесу, от жуков до личинок, но невесть что за мясо взять не мог. А в животе заурчало — день неудачным выдался.

Существо посмотрело на мальчишку чисто по-человечески осуждающе. Вышло из землянки, и скоро вернулось с большой черной тыквой. Разбив его толстую кору об землю, сделал знак мальчишке — бери. Тот прямо с земли подобрал, медленно принялся есть горьковатую, вяжущую, но по-своему приятную мякоть.

Незаметно ночь наступила. Чудище покинуло землянку, но бродило неподалеку; Огонек остался, наломав для постели веток — предпочел бы уйти, но опасался, да и любопытно было, чего хочет это создание. Пока чудище о нем лишь заботилось. Слушая дальний

звериный вой, Огонек чувствовал собственное одиночество куда острее, чем до странной этой встречи. Тогда он просто шел, не особо стараясь выжить, но шел — куда его тянуло. А сейчас ощутил, что бессмысленна цель. Зачем, куда? Крохи заботы оказалось достаточно, чтобы стало очень больно внутри. И чтобы упасть в собственных глазах ниже некуда. Снова его подобрали, как... камешек по дороге. На сей раз полузверь подобрал. И ушел — потому что ему не интересно, что же такое он встретил в лесу? Или решил не пугать? Но тогда он разумен. Мальчишка оглядел землянку, вспомнил слово "рууна". Кайе говорил про них, свысока так. Еще бы ему не говорить свысока.

Огонек ворочался на постели из веток, размазывая по лицу слезы. Острый запах, исходящий от сваленных невдалеке шкур, не давал ни сосредоточиться, ни заснуть. Сосущая пустота завладела всем телом, и мальчишка не понимал, почему. Это не было похоже на приближение уже знакомых кошмаров. Перед глазами чиркали вспышки, словно падающие звезды. Он будто что-то терял, ускользающее сквозь пальцы навсегда. Вот-вот и он вспомнил бы, но не получалось, верно, нечто совсем страшное таилось в прошлом. Теплой была ночь, но он замерзал, хоть бери одну из шкур и ей накрывайся. Мне страшно, беззвучно шептал он, ныряя в совсем недолгую память, но не в силах ее удержать. Помоги мне! Кайе всегда прогонял страхи... те не смели появиться вблизи него. Помоги мне, шептал Огонек. Мне холодно...

Спи, издалека донеслось. Верно, почудилось. На самой границе сна и бодрствования пробормотал:

— Спасибо...

Уснул, успокоенный.

**

Астала

Сладким выдалось утро. Кажется, в чашечках цветов не роса дрожала, а прозрачный мед. Ну, или пьянящий напиток айка. Шиталь долго расчесывала волосы, с удовольствием — короткие, едва до плеч, но густые. Надела золотое ожерелье на шею — соединенные клювами цапли; надела белую полотняную юбку и расшитую черной нитью челле. Не для кого-то нарядилась, для себя. Сильнейшая из Анамара знала, что ей к лицу.

Так, нарядная, вышла прогуляться вдоль канала и сама не заметила, что вода увела ее дальше, чем стоило бы, к границе чужих владений.

— Шиталь! — радостный возглас прозвенел, и грис остановилась прямо перед женщиной, взвилась на дыбы, чуть не поранив ее острыми копытами.

Кайе в седле смеялся, околи совсем распахнута, на груди дрожит солнечный зайчик.

— Как давно я тебя не видел! С того Совета... Издалека только.

— Да, около года прошло. Наши кварталы далеко друг от друга, случайно не встретишься. Ты стал красивым, аши, — вполголоса произнесла Шиталь. — И... другим.

Другим. Та же беспечность, порывистость — и вместе с ней плавность. Но теперь перед ней не ребенок, а хищник. Еще очень молодой... знающий вкус крови. И взгляд его... сияющий от радости, да — но взрослый. Словно рукой по телу проводит. Совсем иначе смотрел еще год назад, на Совете...

— Почему ты не бываешь в нашем доме?

— Ты сам знаешь. И Къятта не больно-то желает видеть меня.

— Не желает? Он должен быть тебе благодарен... за ту бусину, — сказал Кайе уже без улыбки, не сводя с нее глаз.

Шиталь сжала губы, отвернулась.

— Возможно.

6 весен назад

Шиталь нравились беседы с Ахаттой Тайау. Она с удовольствием входила гостьей в его дом, и порой принимала у себя, хотя глава Совета не слишком любил посещать чужие дома. Да, с ним приятно было беседовать — он не обрывал и самую безумную чью-то речь без нужды, мягко обращался даже с уборщиком мусора. Смерть сына — считай, единственного, первый умер в детстве — с виду никак не отразилась на нем, и годы не коснулись этого высокого мужчины.

Шиталь понимала: хоть она и сильна, ей никогда не возглавить Совет, ее Род давно уже был слабым. И все же — она вторая после Ахатты, хоть по сути и превосходит его. Даже его внук уступает женщине.

Ей было чем гордиться — своими способностями вытянула Род Анамара из числа тех, на которые махнули рукой. И не только Силой, но умением сказать нужное слово, стать между спорщиками так, чтобы оба доверились ей...

Приятные мысли сменились не слишком приятными, и Шиталь нахмурилась. Внук... у Ахатты их два. Кем вырастет Кайе Тайау? Ахатта отнюдь не глуп, он не слишком-то балует мальчика. Это означало бы потерять мощное оружие... возможно, позволить мальчику погибнуть. И ведь не свяжешь Кайе ничем. Даже уканэ... в Астале есть пара способных на такое, но Ахатта не позволит. И правильно — никто не может сказать, что произойдет, если попытка окажется неудачной. При том вряд ли дед любит его... впрочем, почему бы и нет? Забавный малыш.

Когда он вырастет, Шиталь будет еще довольно молода... но точно потеряет право быть первой.

Подняла к лицу бронзовое звонкое зеркало, всмотрелась в отражение. Къятта с недавних пор посматривает в ее сторону — Шиталь старше на несколько весен, но выглядит совсем девушкой. Почему бы и нет? Со многими другими не задумалась бы, использовав связь во благо себе и своему Роду, но Къятта внушал некоторые опасения. К тому же использовать внука Ахатты...

Она покачала головой. Лучше и не пытаться. Вздохнула, потеряла виски. Къятта — резкие черты, взгляд высокомерный, презрительный изгиб рта... Имя его — хищная птица падает на добычу, очень подходит ему. Та, что с ним свяжет жизнь, не будет счастлива.

Но просто так — почему нет? Эта связь ни к чему не обязывает.

А ребенка не будет точно — он не нужен обоим. Не то что некоторым, которые хотели бы так привязать к себе молодую женщину, Шиталь Анамара.

Да, ребенок, подумала Шиталь. Другой. Маленькая черная зверушка Тайау... Он тянется к старшей — стоит потрепать его по волосам, расцветает. Вот кого точно стоит приручить, тем более что занятие это приятное.

Никого бы не подпустили к нему из другого Рода, но только двое меняющих облик в Астале, и только Шиталь может научить его сохранять человека в звере. А ее саму учил древний старик, который то и дело уходил мыслями в прошлое, и ей многое пришлось

познавать самой...

Роса еще лежала повсюду, но дымчатое небо, серо-сиреневое, уже казалось жарким. Шиталь шла по дорожке к ступеням террасы, улыбаясь собственным мыслям. Крошечные разноцветные камешки похрустывали, и птичьи голоса сливались со стрекотанием огромных цикад, и вода не то шуршала, не то журчала, падая на красный гранит фонтана.

Мальчик ждал ее, устроившись на каменной петле — женщина чуть не прошла мимо, задумавшись.

— Эй!

— Аши, — обернулась Шиталь, и мальчишка спрыгнул, подбежал к ней, протягивая руки. Бесконечным обожанием светилась вся фигурка его, и больше всего он походил на звереныша, виляющего хвостом так, будто их три. Да он и был наполовину зверенышем.

— Ты красивая, — он оглядел ее всю, от босых ног до высокой сильной шеи, на которой сейчас не было ни одного украшения. Розоватое полотно юбки то полураспахивалось, то снова сходилось, образуя складчатый кокон.

— Тебя не хватятся? — на всякий случай спросила Шиталь.

— Еще чего! — слегка возмущено он вскинул руку, словно заранее готовясь доказывать свое право на самостоятельность. — Все здесь — мой дом!

— Тогда побежали, — засмеялась она, и прыгнула вперед неестественным для человека движением, и через пару ударов сердца уже мчалась вперед в обличье громадной волчицы-итара — равнинной, длинноногой, с узкой мордой, со сгорбленной холкой и щеткой гривы на хребте. Светлой, словно из песчаного облака сделанной.

Следом за ней понесся черный энихи, подросток, лишенный короткой полосы-гривы взрослого зверя. Он норовил догнать волчицу, коснуться ее боком или мордой, или перескочить через ее хребет — но белая уворачивалась, сбивая с толку зверя-подростка.

Двое неслись по заросшим зеленью спящим улочкам. Если кто и видел зверей, не успел позвать домочадцев, как двое уже скрывались. Через бедные кварталы не побежали звери — там просыпались рано, а кто-то не спал и всю ночь. Направлялись за пределы города, мимо полей, к лесу, к обрывам реки Читери. Потом, тяжело дыша, звери стояли на расстоянии руки и смотрели глаза в глаза — желтые с оранжевым волчицы-итара и синие, неправильного цвета для энихи.

Ветер обрушился на них, принявших человеческий облик, когда двое стали на обрыве реки. Душный и плотный ветер трепал короткие широкие штаны и юбку, словно не только одежду хотел сорвать с людей, но и саму плоть.

— О! — задохнулся мальчишка, раскидывая руки и обнимая ветер.

А Шиталь скинула все, что было на ней, и прыгнула в реку.

— Догоняй, аши!

Спохватившись, мальчишка бросился вслед за ней прямо в одежде. Шиталь плыла быстро, размашистыми сильными гребками рассекая заметно прохладную воду, и мальчишка, как ни старался, догнать женщину не мог. Холодная скользкая рыба задела ногу; он дернулся и отстал окончательно. Шиталь повернула к берегу.

Развернулась к мальчишке, нырнула, проплыла снизу — и мгновение спустя была уже на берегу.

Глотая ртом воздух, мальчик выбрался из воды вслед за ней, встряхнув волосами, словно

энихи отряхивал воду. Повалился на песок рядом, перекатился, оказавшись возле Шиталь. Та смеялась — самую малость уставшая, с короткими мокрыми волосами и прилипшими к телу бесчисленными золотыми песчинками. Сосны качали ветками неподалеку.

Лежа, мальчишка поднял голову:

— Ты красивей всех! Когда я стану взрослым, примешь меня?

— Аши, я старше твоего брата, — улыбнулась Шиталь.

— Все равно! Примешь?

— Да, — Шиталь коснулась губами его щеки. — Если не передумаешь, — легко рассмеялась.

Дом Шиталь располагался на небольшом возвышении, и Кайе как-то сказал, что правильно это — солнце должно сиять свысока, а разве Шиталь не из Рода, знак которого солнце?

Золотистый, просторный дом, как у всех Сильнейших. Несколько каменных строений, соединенных садом и террасами. В гостях у Шиталь был словно у себя, как и повсюду, впрочем. Но здешнее все имело привкус сказки, медовой, текучей, в которую хочется погружаться с головой и не выныривать никогда.

Он сворачивался на шкуре или прямо на полу довольным клубком, хоть и в человеческом обличье, ладонями пытался накрыть блики света, скользящие пятнышки, смеялся и сердился, когда это упорно не удавалось — хоть и понимал, что никогда не удастся.

Им нельзя не залюбоваться, думала Шиталь. Хочется держать его подле себя, питаться его беспечностью и безудержностью, как растения питаются солнечным светом. Черты еще детски округлые, нельзя точно сказать, каким вырастет — да и неважно: будь он уродлив, все равно лучше многих. Слишком живой... нельзя не залюбоваться живым язычком пламени. Ни мига не посидит неподвижно; даже если спокоен внешне, под кожей пульсирует горячая кровь, и тело напряжено — вскочить, и горло — засмеяться, крикнуть...

— Я приду завтра! Мы побежим снова на реку, да?

— Иди! — чуть приподняла его — сильная, опустила на гладкий пол. Взъерошила и без того непослушные волосы: — Если захочешь — всегда!

И он умчался, раскинув руки, словно хотел поймать весь мир и унести с собой. Шиталь залпом выпила чашку воды, задумалась — но не сдержала улыбки. Кем бы он ни был... такое дитя.

Дар или проклятие Рода Тайау, а то и всей Асталы.

...Картины прошлого пронеслись в памяти ней как наяву, и она вздрогнула, осознав, что так и стоит перед юным всадником, глядя в никуда. Тогда, шесть весен назад, она не знала, что он являет собой. Даже год назад, на Совете, еще не была уверена, и совершила ошибку. Сейчас больше не сомневалась — нет, не дар. Всему Югу было бы лучше, не родись он вовсе на свет.

— Приходи! — он развернулся на грис. — Я тороплюсь, прости. Меня ждут... Приходи! Или я сам навещу тебя! Айя! — с возгласом он умчался. Женщина долго смотрела вслед. Потом встряхнула волосами, прогоняя тяжелые мысли. Подняла камешек — гладкий, совсем как бусины на суде в Доме Звезд. Черным был камешек; Шиталь на миг прижала его к щеке — и с размаху бросила в воду.

**

...Как мог хоть на миг забыть, какая она — Шиталь? Ей нет равных ни в чем. Ее лепили не из красной глины, как обычных людей, а отливали из бронзы и золота. Звонкая. Протяжная. Совсем молодая. Стройная, как башня Асталы.

Таличе была — тепло и нежность. Сердце к ней тянулось, как птаха к рассыпанным крошкам, до сих пор тянется. А к Шиталь... не понять, сердце ли, тело, голова — ничего не понять, один горячий туман.

Слуг достаточно в доме. Не столь много, как у некоторых, но все равно Кайе не помнил всех. Служить Роду Тайау — высокая честь. И обеспеченная жизнь. И безопасность... никто не посягнет на имущество или здоровье слуг дома. Кроме хозяев, но они ценят своих людей.

На бронзовой коже горел золотой знак — юноша посмотрел на него, заметив засохшие капельки крови на краю татуировки. Но ее повредить непросто, затянется.

Кайе вытянулся, закрыл глаза. Царапины, оставленные колючим кустарником, уже не саднили. Девушка смазывала их осторожно, опасение чувствовалось даже через касания. Он перевернулся на спину — девушка ойкнула. Любое его движение сопровождается страхом, теперь особенно. Глядя через упавшие на глаза волосы, Кайе спросил:

— Ты ведь знаешь Шиталь?

— Да, али.

— Она тебе нравится?

Тонкие брови девушки взметнулись. Голос прозвучал неуверенно:

— Я не настолько знаю ее. Но говорят, что ее любят домочадцы Анамара... и горожане.

— А ведь она — такая же, как я.

Приподнялся на локтях, сел, не сводя с девушки глаз:

— Ты видела ее иное обличье?

— Нет, али.

— А мое?

— Нет, — голос девушки дрогнул.

— Не желаешь взглянуть?

— Я... я, верно, уже должна спешить к твоей сестре, Дитя Огня. — Девушка отступила на шаг.

— Да нет, ты еще не закончила здесь. Или ты боишься моего зверя?

— Боюсь, Дитя Огня, — отчаянно выдохнула девушка, а Кайе засмеялся.

— Ты такая красивая. Может быть, он позволит себя погладить? А может быть, нет...

Легко прыгнул на пол, потянулся. Темное пламя разливалось под кожей. Почему бы и нет? Такая миленькая... Как поведет себя энихи? Еще недавно он часто становился зверем в стенах дома, но слуг рядом не было. А если сейчас? Вряд ли убьет... Кайе управлял зверем куда лучше, чем думали все... даже Къятта. А ведь и впрямь... девушки любят гладить пушистых зверьков.

Служанка взвизгнула и вдруг бросилась бежать, сопровождаемая смехом. Юноша снова лег на плиту, вытянулся во весь рост и раскинул руки. Нет, так нет... Мать и сестра отбирают лучших для службы в доме. Если и вправду он покалечил бы эту девчонку, подняли бы крик.

Солнце ласкало кожу, переливалось на золотом знаке. А царапина... заживет.

**

Лес

После нападения хору Седой ушел из племени — сидеть и думать, слушать всё, что вокруг, как делали его предки. Он не был "трехглазым", но в нем текла часть их крови — и бабушка, и дед обладали вещей силой, Поэтому его и терпел Рыжебровый, всегда угрюмый, способный свалить быка, и половина племени его слушалась, — а другая хотела избавиться. Хромой ведь, и много себе позволяет.

Но не решались.

И вот он ушел — и встретил странное. Словно незримый след харруоханы, но сильно тише, слабее, и будто бы проведен неуверенно.

"Того, кто приносит ночь" Седой к счастью не встретил, а нашел странного рыжего хору.

Запах чужака и его усталости Седой почуял издали, и шел следом, не показываясь. Присматривался. Чужак всем походил на хору, но те были опасны, вызывали страх. А этот не мог напугать и олененка. Седой убил туалью, который двинулся было следом за чужаком, голодного туалью. А тот ничего не заметил. Он не был глупым и кое-что понимал о лесе, это тоже было странно. Хору обычно не слушают лес, у них своя сила.

Может, нужно было бросить этого чужака, прогнать или вовсе убить? Нет, Седому казалось — это неправильно.

Тот, кто приносит ночь все равно появляется, когда захочет — но, может, не нападет, ощутив часть себя? Ведь нельзя напасть на свою руку или ногу. Вдруг найденыш с его печатью станет защитой? Племя это не понравится, они очень напуганы, но это же детеныш совсем, он ничего не умеет. А если его приручить, вдруг будет полезен.

Седой вышел из-за деревьев.

Позвал за собой.

**

Тропинка была — одно название. Но вниз Огонек шел довольно легко, хоть и спотыкался порой. А этот седой дикарь — хромой ведь, но как проворно спускается! И еще шкуры тащит.

На дне довольно широкой котловины еще сверху заметил крошечные фигурки возле жилищ-шалашей. Удивился; думал, в пещерах живут, или прямо так, под корнями, как сам ночевал недавно.

Спутник буркнул что-то непонятное. Огонек ответил слабой улыбкой — ты же знаешь, я не пойму. Седой подумал немного и указал на место подле себя, затем ткнул себе в плечо и указал на стоянку. Здесь ожидай, понял мальчишка. Ты жди, а я пойду.

Из-за камня появился массивный дикарь с рыже-бурой растительностью по низу лица, густо поросший рыжим волосом. И брови его были рыжими. Он глядел на Огонька пристально и угрюмо, и в глубине значков словно пульсировали красные точки. У животных не принято смотреть в упор, вспомнил подросток.

— Я просто шел, — сказал полукровка, отводя взгляд, не надеясь, что будет понят. — Я

не враг.

Тут подоспел Седой. Зазвучали их голоса — поклялся бы, что это речь, но неприятной она была, словно дикому велели произносить слова и вот он старается, почти человечьи звуки мешаются со щелчками, свистом и хрипом.

Рыжебровый развернулся и двинулся прочь, но по пути обернулся и смерил Огонька таким взглядом, что тому захотелось оказаться подальше. И вот этот взгляд был совсем человечьим, даже Къятту напомнил.

А Седой вновь поманил мальчишку за собой — в котловину, где копошились силуэты едва прикрытых шкурами дикарей.

Они смотрели, когда подросток проходил мимо... Настороженно, даже враждебно, потом отворачивались и занимались своими делами. Меж камней ближе к краю поляны увидел погасший костер и остатки туши кабана, несколько обглоданных костей валялось рядом.

Дикарей было немного — несколько десятков. Так странно, еще недавно он бы сказал — целая толпа, но после города это горстка...

Мужчины, с виду неповоротливые, но массивные, жилистые и на деле очень подвижные. Женщины... с длинными волосами, одетые в передники из шкур, уродливые, низколобые. Дети, шустрые, смахивающие на зверушек, живущих на ветках, такие же цепкие. Люди они? Или нет?

Взгляд упал на старуху... или не старуху? — что сидела неподалеку. Ее взгляд казался очень внимательным, и даже осмысленным. Подошел к ней, напряженно, словно она могла отрастить клыки, накинуться и разорвать. Но нет... женщина лишь посмотрела из-под темного низкого лба и отвела взгляд.

Из-за плеча подростка шагнул Седой, подошел к туше, оторвал кусок мяса и дал Огоньку. Что-то сказал женщине, та пошарила за спиной, протянула какую-то луковицу. Рыжебровый буркнул что-то не слишком приветливое, обернулся и крикнул что-то всему племени. Головы вскинулись, потом опустились, и дикари вновь занялись своими делами.

Седой поманил Огонька за собой и указал ему место на краю котловины, пальцем обрисовал круг в воздухе и махнул рукой в сторону покрытых шкурами шалашей, сооруженных над ямами в земле. Вздохнув, Огонек зашагал обратно и принялся ломать ветки, чтобы построить из них собственное жилище.

Астала

В этот сезон Къятта наконец-то решил, кого введет в свой дом.

Ему намекали на другой, более выгодный союз, на Алани из Рода Икиари — совсем еще юная, едва в брачный возраст вошла, она была сильной, бесстрашной, словно мальчишка, любила охоту и могла усмирять диких грис — для развлечения, в Астале хватало прирученных.

Не слишком красивая, она запоминалась сразу — дерзким взглядом, манерой откидывать за спину по-мужски заплетенную косу, уверенным широким шагом.

Но, хоть и чувствовал некое любопытство при виде этой отчаянной девчонки, понимал — не будет им жизни вместе. И не союз получится, а ссора двух верхушек Родов. А уж братишка и вовсе не уживется под одной крышей с такой своевольной особой. Так что выбор свой остановил на девушке из Рода Тиахиу — из семьи, почти отпавшей от основного ствола. Улиши — так ее звали — была поистине хороша собой, и, хоть подобная красота никогда не затмевала ему рассудок, все же остаться нечувствительным к чарам Улиши было невозможно. Запястья ее, щиколотки и талия были невероятно тонки, походка дразнящей, а длинные узкие глаза черны, словно спелые ягоды терновника. Жадная до любовных игр, словно самка их в период Нового Цветения, она умела привлекать к себе мужчин. Кажется, и каменные изваяния поворачивались вслед ей, сглатывая слюну.

Она не вскрикнула, когда проворные пальцы накалывали знак на ее плече, только улыбалась призывно. Даже напиток — сладкий чужй с молотым перцем — она пила так, словно в чаше было долгожданное любовное зелье.

Почти ничего не ела — хоть приготовили много птицы, в основном диких уток с различными овощами. Мяса не нужно, только птица, чтобы легкой была совместная жизнь, крылатой.

— Вспорхнула и улетела, — бурчал один из гостей.

Къятта поглядывал на избранницу часто — чаще, чем хотел бы. Подарил ей ожерелье — золотой солнечный диск в окружении сапфировых звезд, как небо.

А Улиши танцевала со змеями. Черное и оранжево-полосатое, змеиные тела обвивались вокруг нее, пасти разевались, показывая ядовитые зубы, тонкие язычки трепетали, и холодное, еле различимое шипение сопровождало танец.

Младший сказал, непривычно для себя задумчиво:

— Почему отец взял в дом девчонку с улицы? Что заставило? Но она дала троих сильных детей Роду. А можно выбирать из множества, и выбрать, но все это будет не то... как Улиши.

А Улиши смеялась, показывая ровные белые зубы; и смотрели злыми гранатовыми глазками, сверкали змеи золотые в ее высокой пышной прическе.

Первые несколько дней Къятта не покидал покоев своей избранницы. А после дал понять — если та понесет ребенка и появится хоть тень сомнения, что дитя не его, Улиши отправится в яму, полную сколопендр и скорпионов.

И плевать на Род Тиахиу — впрочем, они одобряют такое решение.

Кайе отнесся к новому члену семьи на редкость спокойно. Но не дружески. Угрюмо склоняя голову, проходил мимо избранницы Къятты, и Улиши впустую тратила улыбки, пытаясь покорить и его. Синие глаза темнели, становились мрачными, и он не отвечал юной женщине на приветствия и вообще едва ли обменялся десятком слов.

Киаль с любопытством следила за усилиями младшего брата приспособиться к чужому человеку. На всякий случай предупредила Улиши: не заходи на его часть дома. А сама лукаво спросила младшего брата неделю спустя после свадьбы, когда тот был настроен совсем благодушно — в последнее время счастье необычайное:

— А тебе из девушек Асталы никто не по сердцу?

— Многие хороши, — рассмеялся. — Жаль, не все доступны.

— Если бы ты дал себе труд думать о девушке, а не о себе...

— Зачем? Если какая-то недостижима, хватает других. Хотя... — глаза мечтательно поднялись к потолку. — Слабые — не интересны, но есть и...

— И думать не смей! — резко встала Киаль. — Девушки других Родов для тебя запретны! Даже их служанки, даже простые девчонки с окраин!

— Ой ли? Кому до таких-то есть дело?

— До тебя есть! Но их ладно, еще простят, а если тронешь какую из семи Родов — много крови будет в Астале!

— Дура ты, — насмешливо прищурился, глядя рукой золотистую шкуру. — Думаешь, такими словами можно меня остановить? Крови я, что ли, боюсь? Хотя, может, ты считаешь, я так и не запомнил, по каким вы законам живете. Ну и я по ним живу, разве нет?

— Не уверена... — девушка повернулась и начала сыпать зерна птицам. — Я совсем перестала понимать, что ты думаешь на самом деле. Ты бываешь... таким хорошим. Но редко.

— А что есть хороший? Тот, кого можно вести на тонкой цепочке и гладить против шерсти?

— Я не знаю, — растерялась Киаль.

— Спроси Къятту, — он тоже поднялся, в упор поглядел на сестру. Самую чуточку выше, глаза угрюмые, а черты сейчас никто не назовет мягкими — и весь натянут, словно кожа на барабане. — А если он не объяснит, запомни — для себя я достаточно хорош!

**

Лес

В стойбище было грязно.

Часто он уходил и валялся на траве, среди зарослей высоких цветов с мелкими розовыми головками и сладким соком стеблей. Порой, откидывая за спину тяжелую неряшливую косу, жалел — нечем ее отрезать... и как следует вымыть, расчесать тем более нечем. С водой в котловине были куда хуже, чем в Астале — там повсюду каналы, а тут лишь один источник, тонкая струйка, сбегаящая по глянцевому камню, до блеска вылизанному этой струйкой за долгие годы. Если не подставить пригоршни или сосуд, большая часть уйдет под землю, останется лишь неизменная лужица в камнях. В такой не искупаться...

А вот голодать здесь не приходилось. Мужчины племени оказались хорошими охотниками, и немного мяса перепало даже Огоньку. Он же приносил в племя то, что здесь добывали женщины — коренья и клубни, сочных жуков и личинок, подсохшие прошлогодние ягоды, если удавалось найти.

С удивлением понял — у рууна были свои духи: и леса, и много чего еще. Их Огонек никогда не чувствовал и толком о них ничего не знал. Лишь понимал по едва уловимым признакам — вот этот камень у обитателей стойбища на особом счету, а эта фигурка вырезана из дерева не просто так.

Дни одновременно мчались и стояли на месте. Жизнь в племени была бы куда тяжелей, если бы не Седой, опекавший Огонька, даже принесший несколько шкур для его шалаша, и смешная девчонка, которую подросток прозвал Белкой. Ростом по пояс мальчишке, с волосами цвета глины, корявая с виду, но проворная, с пальцами, цепкими, как паучьи лапки. Она почти все время молчала, лишь изредка издавая резкие птичьи звуки, и хвостиком таскалась за Огоньком. Старшие женщины гнали ее работать, но Белка вжимала голову в плечи и упрямо держалась «хору», шустрая и любопытная.

Еще с пяток дикарей поглядывали на него с интересом, и враждебности он не чувствовал. Остальные чужака едва переносили, Рыжебровый особенно. Что уж такого сказал ему Седой, ради чего он смирился с присутствием нежеланного гостя, Огонек не мог понять.

А вот уйти он мог, вряд ли догнали бы и убили, но... не хотелось. У Белки ли заразился любопытством, или просто привык быть не один, только хотелось побольше узнать про этих созданий. Кому еще выпадала такая возможность?

Память больше не приоткрывала новых картинок, спасибо хоть не вернулись кошмары. Но вспоминал то птичку серебряную, то теплый женский голос, то другие мелочи, в которых не было смысла, но все равно это были его сокровища, как порой у детей — связка зерен, красивый камешек... В привычку вошло, засыпая, прислушиваться к далекому, и, наверное, выдуманному семечку тепла и света. Словно помнят об Огоньке. Где-нибудь...

По ночам всматривался в лохматый рисунок созвездий. До того, как попал в Асталу, названий звезд не знал — придумывал свои. Потом Кайе показал некоторые, но свои все равно были ближе.

Глаз Лисички, Шершень, Острие копья...

Он привык говорить сам с собой. Живя в лесу раньше, все больше молчал... а после южан отчаянно нуждался в обществе. Но дикари на роль собеседников подходили мало. Они общались друг с другом набором звуков — поначалу Огонек сильно напрягал слух, чтобы различить в их потоке что-либо членораздельное, но постепенно стал выделять отдельные слова, если это можно было назвать словами. И пытался их воспроизвести — всегда неудачно, его жесты были для дикарей куда как понятней. Седой сперва не понимал, чего хочет чужак, а потом сообразил, начал показывать, терпеливо повторял раз за разом, поправлял Огонька.

Чащу они называли — хэрра, дождь — уру, огонь — шши.

А еще эти дикие существа никогда не смеялись...

Открытием для полукровки стало, что они способны рисовать. Не все — лишь трое-четверо, и картинки у них выходили странные. Углем и глиной — на плоских сторонах камня, и, хоть мало нарисованные звери и птицы походили на настоящих, дрожь пробирала при взгляде на них. Набор корявых линий... но без труда понятно, как движется зверь, ясно, что вот это — медведь встал на дыбы и с грозным, хоть и неслышным ревом отгоняет врага,

а вот это — умирающий олененок... пытается подняться на ломких ногах, но сил не осталось. Порой ему казалось, что эти немудреные рисунки красивей мозаик и фресок Асталы.

Подросток бродил мимо камней, рассматривая — намалеваны творения дикарей были без всякого порядка. Сзади Седой подошел. Все еще жутковато было, когда дикарь вот так становился рядом, и то ли на камень смотрел, то ли на самого Огонька, в затылок.

— Кто это? — Огонек тронул пальцем очередную картинку. Неприятный рисунок... существо похоже на энихи, но морда напоминает человеческую...

Почти членораздельно прозвучало:

— Харруохана.

Огонек глянул Седому в глаза, а тот кивнул, и повторил слово. Указал пальцем на небо, черное и прозрачное. Потом указал на плотный, слегка шевелящийся лес. Мальчишка вспомнил, что уже слышал это слово от Седого в день встречи, но тогда не понял ничего.

Слово... насколько научился разбирать их немудреную речь, оно состояло из слов «ночь» и «нести». Огонек вновь вопросительно поглядел на рууна. Тот постучал темным пальцем по изображению, потом вновь указал на лес, потом очень живо изобразил зверя, разрывающего человеку горло.

Очень нехорошо стало — и мальчишка пододвинулся к огню, озираясь. Потом наконец рассмотрел — у изображенного зверя глаза были синими... пятнами давно высохшей голубой глины.

С трудом сглотнул — и смотрел, не отрываясь, на грубый рисунок. Потом нашарил за спиной лист папоротника, сорвал и прикрыл изображение. Челюсть как онемела — рот не открыть. Но выдавил сипло:

— Да, ты прав... Его имя — Ночь, и он приходит, когда пожелает. Значит, он бывает и здесь...

Седой ничего не понял — шумно выдохнул и ушел.

Открытие не порадовало. Что ж, на что Огонек рассчитывал? Недалеко. Что бы ни сказал там, в Астале, Къятта своему брату, тот, видимо, решил отпустить игрушку. Но, появившись тут — что он сделает?

Нет, вслух сказал Огонек, трясая головой, чтобы отогнать видение. Дважды видел его зверем... и первый случай запомнит на всю жизнь. Но сколько можно бежать — и куда?

**

Найденыш хору сумел поладить со многими в племени — он умел вовремя оказываться рядом, когда надо было помочь. Толк от его помощи был только для детей и женщин, но те рассказывали об этом своим охотникам. К тем, кто его не выносил, найденыш не приближался.

Рыжебровый сердился, видя такое — он все еще хотел убить этого хору, но опасался, что половине племени это не понравится, и на это тоже сердился. Будь жив еще один "трехглазый", никто бы не слушал Седого, но прежний сорвался с камня и разбился дождем и дождем назад, а нового не появилось. Рыжебровый начал говорить другим — это из-за Седого. Тот занимает чужое место, пока не уйдет, так и останется племя глухим на одно ухо и слепым на один глаз, такие там три!

Он все чаще ссорился с Седым — в конце концов швырнул в него тяжелым камнем и

велел убираться.

Седой не был удивлен. Он знал, что прав. Нельзя трогать того, на ком печать харруоханы. Убьешь — и конец всему племени. Да и убивать такого — зачем? Он смешной, и, хоть довольно высокий, правда еще совсем детеныш. И пускай в племени Рыжебрового даже малыши больше чувствуют мир вокруг, он все же не боится леса и кое-что понимает. Помогает еду собирать.

Но после ссоры с Рыжебровым жить в котловине стало невозможно. Горстка рууна с Седым во главе ушла на север, искать новое место, прочие остались.

**

Астала

В этот год погода словно с цепи сорвалась — перед сезоном дождей сухой воздух боролся с надвигающимися тучами, вызывая бури и смерчи. Люди равно опасались отходить далеко от дома и укрываться под крышей — вблизи от деревьев каждое мгновение могло стать последним. Огни тин катились по земле, вызывая пожары, появлялись даже в домах, что мало кто мог припомнить.

Старики шептались — подобное бывает, когда земля недовольна своими детьми. Уже не один город в прошлом погиб, и вулканы были тому виной, и мор, чего ждать сейчас?

Служители домов Земли и Солнца ежедневно принимали подношения, в ответ успокаивая людей. А сами гадали, что еще вытворит сердитое небо, какими дарами его задобрить, и что происходит на деле — это случайно выдавшийся тяжелый год или нечто худшее. Башня стала получать втрое больше жертв, но пока это не помогало.

На Кайе гнев природы действовал тоже — он то метался, не находя себе места, то испытывал беспричинную сумасшедшую радость. И все чаще перекидывался в энихи, несмотря на запрет, и даже в доме порой — рискуя вызвать нешуточный гнев старшего.

Но того часто не было дома, предместья города и дальние поселения он навещал куда чаще, чем раньше — напуганные гневом природы люди даже к нему тянулись за помощью. Сильнейшие Восьми Родов отмечены особой силой и властью, кому, как не им, противостоять стихии?

На сей раз ураган задел северный край предместий Асталы крылом, но без серьезных разрушений вроде. И сейчас грис, немного возбужденные, все же не проявляли особых признаков тревоги — но этим глупым животным можно было доверять, приближение грозы или смерча они чуяли раньше всех.

Хлау смотрел прямо перед собой, между ушей большой серой грис. Кайе, которого взяли с собой, поглядывал на небо — тело напряжено, казалось, тронь, и зазвенит, будто лист меди. Старший брат его ехал замыкающим — он единственный казался, да и был, совершенно спокоен.

Тут Читери изгибалась — и небольшая речушка впадала в нее, неширокая, темная благодаря цвету дна. По ее берегам во множестве водились дикие пчелы, и люди селились в маленьких домах на значительном расстоянии друг от друга, извлекая тягучий тяжелый мед из дупел. Всадники ехали медленно — после урагана повсюду валялись ветки и листья,

дорожных плит под ними почти не было видно. Рабочие расчистят тут все, а пока лишь бы грис ноги не переломали.

Человек, показавшийся из-за поворота, выглядел измученным и испуганным — судя по клокочущему дыханию, он пробежал много; впрочем, немолодой возраст и нездоровая полнота любую дорогу сделали бы для него гораздо длиннее.

Завидев всадников, он кинулся — а точнее, поковылял к ним, протягивая руки, вознося молитвы всем, кого вспомнил.

— Что случилось? — Къятта выехал вперед; но человек продолжал идти, едва не уперся грис.

— Али, мой сосед... дерево!

— Кретин, — Къятта удержал скакуна, который шарахнулся от человека, едва не хватавшего его за шерсть.

Всмотрелся в пустую дорогу, и ударом направил грис вперед; та помчалась, будто ошпаренная. Спутники последовали за ним.

Маленький домик был полностью скрыт ветвями. Всего пара дворов: тут собирали мед, разводили пчел в дуплах. Смерч обошел стороной остальные постройки, но с корнем вырвал десяток деревьев на обочине, словно протанцевал по ней. И одно из деревьев придавило домик. Тяжелая крона обрушилась на крышу, проломив и ее, и глиняные стены. Из-под нагромождения массивных ветвей доносились тихие стоны. Къятта перевел непривычно светлые глаза на младшего:

— Сколько там человек?

Юноша описал полукруг возле того, что недавно было домом.

— Не меньше троих.

— Живые?

— Еще один точно, молчит, но шевелится.

На лице отобразилось возбуждение, ноздри вздрагивали. Хлау поморщился — вот уж кто сейчас лишний. Ему кровь чують нельзя, в последние несколько лун и так сам не свой. Взглянул на Къятту — тот задумчиво качнул пару ветвей, но основная масса не шелохнулась. Даже втроем людям было не поднять ствол — от соседа, который приплелся назад, да его сына — тощего подростка — толку не было. А обрубить ветви, потом растаскивать обломки... да кого-то в хижине явно придавило, судя по вновь раздавшемуся тихому стону прямо под стволом. Звать подмогу из ближайших селений того безнадежней, пока доберутся, спасти будет некого.

— Ладно, — тихо и уверенно сказал Къятта, обращаясь непонятно к кому, махнул рукой собирателю меда — мол, отойди. — Хлау, помоги мне. А ты... — смерил младшего долгим, тяжелым взглядом. Если бы можно было просто дерево сжечь... но тогда и торопиться не стоило, чтобы устроить еще живым огненную могилу.

— Иди сюда.

Кайе не спешил повиноваться. Он приник к стволу; уцепившись за толстую ветку, попробовал приподнять дерево. Хлау издал шипящий звук и, пригнувшись, почти подскочил к юноше, видя — ствол начинает двигаться... самую малость, и все же! Готов был подхватить, поднимать тоже — хоть и не знал, может ли тут помочь человек.

— Хватит, — сказал Къятта, — Только убьете тех, что внутри.

И верно, опомнился Хлау. Ветви перемешались с кусками стен... кто знает, что держит жизни жителей этого домика?

— Иди сюда, — повторил Къятта более резко, и это походило уже на команду. Младший шагнул к нему, злой и взъерошенный.

— Мы ничего не сможем. Если ты...

— Помолчи пока.

Зрачки старшего из братьев чуть расширились, лицо больше не казалось равнодушным — появилось нечто, похожее на недобрый азарт. Потянулся внутренним движением к младшему. Не в первый раз уже, но впервые — так, ради каких-то глупых собирателей меда... едва не задохнулся, соприкоснувшись с пламенем — не от испуга или боли, скорее — от счастья. Это — мое... наше...

Едва ощутимое сопротивление — но не сильнее, чем сопротивляется вода, когда в нее входишь.

Младший, как всегда, забыл поставить "щит"... и даже не вздрогнул, когда Сила старшего соприкоснулась с его собственной, кажется, попросту не заметил. Желание дать по шее Къятта едва не осуществил; но из-под завала послышался короткий слабый плач.

— Попробуем поднять эту колоду, — сказал молодой человек, в очередной раз смерив дерево взглядом. И, брату: — Просто позволь мне делать то, что надо, а сам не пытайся убрать все одним махом.

Молчание счел знаком согласия, несмотря на искривившиеся губы и угрюмо склоненную голову.

Хоть и отнюдь не слабые руки были у троих, огромный ствол они бы не сдвинули с места, даже Кайе проиграл старому дереву; а под воздействием Силы оно вздрогнуло, начало выпрямляться, словно устало лежать на земле и решило вновь спокойно расти.

Собиратель меда и парнишка его глядели со стороны, приоткрыв рот. Счастливая улыбка на лице Кайе; если хоть немного ослабить контроль, он таки бросит всю свою силу на борьбу с этим стволом, недоумок малолетний. Но зато про кровь позабыл; ему нравится видеть — дерево поднимается.

Вот оно уже полностью над землей, ни одна веточка не касается развалин — и можно толкнуть в сторону, и услышать тяжелый стук, и вздрогнет земля. Бездна... какое же безумие, отдавать все каким-то нищим... но это хороший случай, показать людям, кто о них заботится. Всего-то поднять дерево, а слухи пойдут, как о спасителях, готовых ради самых неизвестных своих работников тратить силы и время.

Завал разобрали быстро — тут и собиратель меда помог, хоть и забавно было работать всем вместе. Под завалом обнаружили тела — мужчина был мертв, но старик, девочка и старуха дышали. Девочка так и вовсе отделалась испугом и ссадинами. Одно дерево едва не стало могилой четверых. Хлау прикрыл тело мужчины найденной на развале холстиной, сказал:

— Али, я возьму девочку, моя грис слабее.

Къятта кивнул. Бросил взгляд на младшего. Видя, как снова затрепетали ноздри, чую кровь совсем уже близко, как расширились зрачки — поморщился. Возбужден, и слишком... Хоть и выпустил Силу наружу, но дури еще много осталось.

— Оставайся на берегу. Нет, иди к развилке, там встретимся — я отвезу их и вернусь.

— Я поеду с тобой.

— Нет, — отрезал. И, уже мягче: — Нам нужна еще одна грис для раненого — двоих взрослых она не увезет.

И не стоит позволять тебе вдыхать запах крови всю дорогу.

Тоскливый и жадный взгляд:

— Къятта...

— Я же сказал. Перед тем, как пойдешь, нырни в реку — вода успокоит. Не вздумай перекинуться.

Тревожно было на сердце, но ладно, сейчас увезут людей — сам в себя придет.

Насколько же он другой... Къятта и сам сейчас устал, и Хлау тоже, заметно — а этот напротив, будто чем больше обращается к Силе, тем больше ему дается. Будто через кожу пламя просвечивает. Так хорош, когда смотрит прямо, когда злится, вот как сейчас — чуть приоткрытые губы, а зубы наоборот, стиснуты, темный румянец на высоких скулах, несколько влажных прядей прилипли ко лбу...

Развернулся, взлетел на грис — она заверещала испуганно. Принял в седло хрупкую старую женщину.

До ближайшего поселения верхом — около получаса. Слишком быстро нельзя, и грис выдохнется.

Юноша никуда не ушел. Сидел на берегу Читери, ловя губами ветерок. Влажные запахи леса — чьей-то жизни и смерти, различал хорошо; прислушивался к шороху и разноголосью. Левая рука по локоть в воде — холодной, быстрой. Воздух казался очень густым — наверное, ночью будет гроза. В грозу запахи и звуки города начинали давить на сердце и на уши — словно слипались в огромный ком, ком, где вперемешку были и злые черные пчелы, и мед, и древесная труха. А в чаще... даже застывшей в испуге под ударами грома, даже душной, непроглядной, влажной, они были правильны, словно игра мастеров-музыкантов: каждый звук на своем месте.

Юноша зачерпнул воды, выпил ее из ладони. Снова всмотрелся в темные пятна между стволами — там бродили и дышали тысячи жизней. Позабыл уже, что Къятта не велел перекидываться — уж больно манил лес.

Къятта, не дождавшись у развилки, вернулся на берег и никого уже не застал.

Попробовал отыскать энихи по следам, но скоро махнул рукой на это занятие. Почва была сухой, и сплошь и рядом из нее выступали переплетенные корни. Дольше возиться. Вернется...

Он не вернулся и когда сумерки накрыли Асталу. Не в первый раз ночевал в лесу, и одной Бездне известно, что он там делал. Но впервые уходил в таком состоянии. Кайе и без того был много дней возбужден не в меру, а тут — в открытую пользовался Силой своей, и кровь... Къятта проклинал себя за эту никому не нужную помощь, и ждал. Не сидел дома, находил себе дела в округе, и, возвращаясь, каждый раз ехал медленно — не хотелось разочаровываться. Если этот... хвостатый не вернулся... мало ли.

Губы вздрогнули, искривились. Вот он, наконец на месте. Черное мохнатое тело возле живой изгороди. Никого больше, только покачивается над изгородью огромная бабочка.

— Ладно...

Зверь вскинулся, когда его сдавили невидимые тиски, вокруг шеи затянулся удавка-ошейник. Къятта не пожалел Силы — зверь не мог перекинуться. Лишь зарычал и задергался, получив в морду молнию чекели. Рычание скоро перешло в вой — вспышки не убивали, но причиняли невыносимую боль, не давая передохнуть. Рвался, пытаюсь

избавиться от нее, силы были уже на исходе. Солнечный камень умер как раз, когда зверь окончательно сдался.

Не соображая даже доступной хищнику частью рассудка, перекинулся, лишь бы уйти от боли. Поднял голову.

Къятта вздохнул, видя детское изумление в распахнутых глазах. Не испуг. Разжал пальцы, ощутив невероятное облегчение, даже земля будто покачнулась — и постарался подальше отогнать мысль: «а если бы он решил ударить в ответ?»

— Я же добра тебе хочу. Так запомнишь, что быть энихи — больно. Не прекратишь перекидываться так часто — повторю, ты понял?

Кивок, опущенная голова. Полулежит на боку, одно колено поджато, полностью неподвижен. Еще бы уши прижал — один в один хищник, покорный руке укротителя.

Опустился рядом, еле слышно вздохнул.

— Ты не оставляешь мне выбора.

Юноша вздрогнул, потом подтянул колено, сел. Постепенно пришел в себя — боль ушла, растворилась вместе с телом зверя. Совсем тихо спросил:

— Зачем ты возишься со мной?

— Ты же мне очень дорог.

— Почему?

— Потому что ты мой. А ты плывешь по течению.

— Ну, а что я могу? Я пытаюсь. Знаешь, в лесу хорошо... запахи, много, со всех сторон... бежишь куда-то ... тени, солнце...

— Разве здесь тебе плохо?

— Здесь тоже есть... Ты, Хранительница...

— А люди?

— Люди... я их не чувствую. Просто запахи — разные, кровь, как от добычи... трудно...

Ткнулся лбом в протянутую ладонь, словно звериный детеныш. Перебирая густые легкие волосы, мягкие, словно шерсть, Къятта молчал.

Лес

Седой не мог понять, почему чужак места себе не находит, будто хочет пойти куда-то — но не уходит. Что он боится харруохану, было правильно.

Но тот обрадовался, когда Седому пришлось покинуть племя. Это было странно. Горстка рууна не могла хорошо защищаться, не имела убежища... а он смотрел на созвездия и что-то говорил, показывая вперед.

Седой давно основал бы новое стойбище, но пока на пути не попадалось пригодного места. Только раз они отыскали небольшое озеро — спутники вознамерились остаться там, но Седой прислушивался, принюхивался, и настороженность не покидала его.

А после ночью на них напали здешние охотники. Их было совсем мало, поэтому никто из спутников Седого не погиб — и Белка вовремя подняла тревогу.

Но опять пришлось уходить, и быстро.

А чужак с рыжими волосами что-то говорил на птичьем языке, заглядывая в глаза — он не хотел оставаться.

Седой понял, что оба были правы — случайно ли тот, рыжий хору, стремился отсюда быстрее?

...Поначалу глазам своим не поверил, увидев, как в небе, почти задевая верхушки деревьев, покачивается легкое не то существо, не то облачко... длинное, похожее на маховое перо. Белесое, полупрозрачное. Никогда про таких не слышал. Замер, словно боялся это чудо спугнуть.

А рууна словно кипятком ошпарили — они что-то взвыли на разные голоса и кинулись врассыпную, прятаться под корягами и камнями. Кто-то ухватил Огонька и втащил под корни огромной сосны.

Вылезли только, когда гость улетел.

Седой не смог объяснить, что это такое, но было ясно — он считает такие "перья" опасными, и тревожится, что вновь выбрали неудачное место для стоянки.

Котловину, подобную той, где жили раньше, нашла Белка. Девчонка обладала сверхъестественным чутьем; Огонек, привыкший вроде к необъяснимым способностям рууна, все же диву давался. По дну котловины — меньшей раза в три, но уютной — бежал тонкий ручей. Камни, скатившиеся со склонов, легко было перекатить ближе к центру и укрепить свежесозданные шалаши, чтобы те не сносило ветром. Мужчины рууна довольно удачно охотились, и скоро новое стойбище украсили невыделанные еще шкуры.

Огонек же покоя не находил. Пока шли, смотрел на небо и понимал — он когда-то уже шел на север, вот так, по созвездиям! Но Седой, которому пытался объяснить, не понял ничего, а вскоре путь завершился. Можно было дальше идти одному, но он струсил. Вдруг померещилось? И ничего не окажется на том конце дороги?

Три луны проползли по ночному небу, жаркая засуха сменилась такими же сухими, но холодными днями, и начало вновь теплеть, все чаще ветерки срывались в шквальные порывы — сезон дождей был уже на подходе.

«Перья» редко залетали сюда, на счастье племени — за все дни Огонек лишь трижды видел их. «Перья» были весьма любопытны. Кружились над котловиной, порой спускаясь почти к самым краям ее.

Рууна всегда пряталась, а он каждый раз порывался выйти — сидеть, скучившись, в общем укрытии было тяжело, и ладно если оказывался у выхода, а не прижат к стенке или корням чужими телами! Когда непонятные гости улетали, дикари выходили сразу, уверенные, что те не вернуться. И правы были — не возвращались.

Глядя на парящие полупрозрачные силуэты, Огонек вспоминал пчел — если люди начинали кричать, махать руками, пытаться отогнать или убить жужжащее насекомое, те сердились и жалили больно. Но опытные — умели доставать мед из глубоких дупел... и ни одного укуса не было на их коже.

Страх, вспоминал Огонек. «Перья» иные, чем тот, кто говорил — не показывай страха. Как бы хотелось сейчас показать ему "небесных гостей"! Может, он про них тоже знал, просто не пришлось к слову. Он бы точно выбежал из укрытия, да какое там — просто не пошел бы туда.

А вот бегущие по земле огни — мальчик видел их несколько раз, особенно перед грозой — не вызывали у дикарей особого опасения.

— От них может загореться лес! — пытался подросток втолковать Седому, но тот, с трудом уловив тревоги мальчишки, дал понять — не беспокойся.

Огненные шарики и впрямь порой поджигали траву — но либо сами гасили это пламя, либо не мешали это сделать дикарям. Те заметно опасались огня, но последствия визита «шариков» убирала на диво ловко. После огненных гостей на траве и земле оставались причудливые узоры — кольца, одиночные и соединенные сложной вязью, будто прихоть-игра неведомого могущественного существа.

И он сам, невзирая на страх перед пламенем, не мог удержаться — смотрел, что написано. На ветки деревьев забирался и оттуда смотрел, а потом старался обходить стороной место со знаками — но их вскоре скрывала трава. Перед сезоном дождей она росла плохо, высушенная засухой, но все же словно старалась побыстрее избавиться от неприятных следов.

Время шло быстро — Огонек почти позабыл человеческий язык, зато на удивление ловко выучился подражать голосам птиц и зверей. Порой сомневался — не умел ли и раньше? И с рууна говорить уже мог, а вот им язык людей не давался. Хотя Белка пыталась, и Седой, и еще кое-кто.

Потом дожди хлынули. Два дня — бешеный ливень, порой приостанавливался — и гром просыпался, молнии зубами сверкали. Лес готовился — скоро небо начнет плакать, и долго еще не осушит слезы.

...Впервые Огонек ощутил жжение в ладонях и головокружение, когда приблизился к телу умирающей женщины — еще до раздела племени это случилось. Наверное, она была даже молода — дикари жили недолго; но внешне напоминала старуху. Это она дала Огоньку луковицу в его первый день здесь, а теперь ее трясло в лихорадке. Полукровка опустил на

землю возле дикарки, борясь с тошнотой и слабостью, взявшимися непонятно откуда, и тронул женщину за холодную руку. Голова кружилась еще сильнее, перед глазамиплыли огненные полосы. И очень хотелось помочь — он отгонял полосы, как мошкору, шепча беззвучно самому непонятное.

Очнулся, когда его оттащили от женщины — она спала, и дыхание было ровным; на лице застыло умиротворенное выражение.

Огонька же оставили в стороне под кустом, и поглядывали с явным страхом. Почти сутки понадобилось ему, чтобы понять — он сумел вылечить эту женщину... правда, она не стала совсем здоровой, часто кашляла и задыхалась, но жила.

Второй раз Огонек испытал удивление, граничащее с испугом, когда подобрал раненого детеныша йука — и остановил кровь, льющуюся из его задней ноги. Рыжебровый, вожак дикарей, отобрал детеныша и убил; Огонек отказался есть его мясо, а ночью долго не мог заснуть, опасаясь поверить и все же мысленно возвращаясь с этим двум случаям. Кажется, я могу лечить, сказал он себе неуверенно, когда уже наступало утро.

Долго бродил по росе, ежась от холода, и повторял себе, осторожно, словно боясь спугнуть: кажется, я могу...

А еще Огонек с удивлением понял, что все члены племени дикарей связаны между собой непонятными нитями. Они знали, где искать того или другого, даже не читая следов; они тревожились, когда кому-то из них грозила опасность; они предвидели не только погоду, но и нашествие хищников, например — или приход чужаков. И о том, что приближаются хору, они знали заранее. А вот ритуалов у рууна не было, или он их не видел, как не слышал их мысленной речи друг с другом.

Огонек порой завидовал им — ему бы такую чувствительность... И при всей несомненной дикости рууна — огни тин и "перья" не трогали их... Может, брезгливость тому виной?

Порой и сам начинал чувствовать — вот скоро тот или иной из членов племени пойдет на тот или иной конец котловины... впрочем, озарения эти не радовали — толку от них было мало, и жизнь они не скрашивали ничуть.

Дожди лили теперь каждый день. Много воды скопилось в котловине, где теперь жили рууна — поначалу поднимались повыше, а потом перенесли стоянку повыше, на каменистое плато. Здесь было не так удобно, но Седой сказал — может случиться оползень там, где стояли. Его послушались, как всегда, и Огонек слушался, как будто старшего и опытного человека.

Он научился понимать Седого лучше, чем остальных. Тот поднимал руку, и Огонек следил за жестом; невыразительное лицо-морда все же порой являло собой какой-либо знак. Огонек изучил постоянную настороженность Седого, спокойную, как ни странно такое звучало — и сам приучался не вздрагивать от шорохов, а угадывать суть их.

Ночные кошмары окончательно стали воспоминанием, бусинки-картинки из прошлого все так же перебирал перед сном, а вот к южному язычку пламени обращался уже по привычке, и даже сам отдавал себе в этом отчет. Но отказаться от этой привычки не хотел. Призрачная, ненужная связь — но связь ведь... вот только с чем?

В утреннем свете мягкая шерсть молодой грис казалась серебряной. Не белой, как у некоторых, а невероятного, чудесного оттенка. Жеребенок родился в табунке вблизи гор и был приведен в Асталу в подарок. Еще необъезженная, грис косилась на сочный стебель в руке Киаль, доверчиво позволяя гладить себя по носу.

Ахатта улыбался, глядя на внучку — та радовалась подарку с непосредственностью ребенка. Грис красивая, но слабенькая, некрупная — только женщину и возить; а Киаль редко ездит верхом. Зато можно быть спокойным — о красавице внучка позаботится.

Младший внук вынырнул из кустов почти бесшумно, только хрустнул сучок.

— Она моя, — положил руку на мохнатую шею; животное вздрогнуло и попятилось. Он удержал, нажимая сильнее, впился пальцами в шерсть.

— Куда тебе! — сердито сказала Киаль. — У тебя все есть. Она будет моя!

— Киаль говорит верно, — заметил дед. — Это животное для тебя бесполезно. Погляди — она не сможет бежать быстро и долго. Она всего лишь красива — неужто ты станешь отбирать украшения сестры?

Юноша с сомнением перевел взгляд на девушку, но руку с холки грис не убрал.

— Если и уведешь сейчас, все равно заберем, — поспешила дополнить Киаль. — Чтобы не думал, что все тут принадлежит лишь тебе.

— Неужто? — тихо и чуть хрипло спросил младший брат, и дыхание его участилось.

— Да! — отрезала Киаль, чувствуя за собой поддержку деда.

Чуть приподнялась верхняя губа Кайе:

— Ну, возьмите! — и выбросил ладонь в сторону, к морде кобылицы, напугав животное. Грис взвилась на дыбы, острые копыта ее забили в воздухе, одно просвистело у виска Киаль. Ахатта выдернул растерявшуюся внучку из-под самых копыт:

— Прекрати! — крикнул он, прикрываясь «щитом» от перепуганной кобылицы, которая кидалась то вправо, то влево.

— Как хочешь, — Кайе шагнул вперед, увернувшись от копыта, дернул грис за ногу, к земле, и, когда та упала, мигом оказался сверху и свернул ей шею.

— Ты... тварь! — закричала Киаль, из глаз ее брызнули слезы, хоть в почти восемнадцать весен уже стыдно плакать. Юноша хмуро посмотрел, не поднимаясь с земли — точнее, с туши недавно великолепного животного.

— Ты сказала — она будет твоя. Что же не защитила? А я мог взять ее или убить. Поняла?

Вечером того же дня Хлау, доверенное лицо дома, широко шагал по песчаной дорожке.

Хлау только что отпустил гонца, и теперь шел быстро, спеша доложить главе Рода новости. Новости были так себе — северяне неожиданно заартачились и подняли цены на зерно и пещерные водоросли в Уми — значит, скоро и в Чема последует то же. А может, и нет.

— Эй! — веселый юношеский голос. Кайе перемахнул через изгородь, широко улыбнулся. — Ты чего такой недовольный?

— Дела внешние, али, — раздосадовано откликнулся Хлау. — Вряд ли тебе это интересно. Будь они неладны.

— Говори же, я должен знать! — сказал Кайе совсем по-мальчишески. — Дед так

старается меня научить.

— Я тороплюсь...

— Пойдем тут, — кивнул в сторону своего крыла. — Дед сейчас направился к матери, так будет короче...

Хлау свернул на предложенную дорожку. Принялся рассказывать на ходу; скоро очутились возле крыльца Кайе. Напрямик через сад — и будут покои женщин. Хоть еще не все рассказал, шагнул было вперед.

— погоди, — юноша удержал за локоть. — Здесь договаривай. Я не побегу за тобой туда.

— А что еще говорить? Они обнаглели совсем. Будто с цепи сорвались, отказываются рассчитываться по старому.

Он взад и вперед заходил по дорожке, мимо широких ступеней крыльца.

— По мне так пусть катятся в самое жерло вулкана, но, Бездна, чего они добиваются? Ссоры? — рубящий жест: — Дети червей! Зачем — и почему именно сейчас? Может быть, дед твой все растолкует, и...

Прекрасная выучка синта — руку отдернуть успел, когда острые ногти впились в кожу. Совсем звериные сейчас глаза смотрели в упор. Тихое шипение — тоже звериное.

— Ты что?!

— Я... — Кайе выдохнул, пытаясь придти в себя. Отдернул руку. Прижал ладонь к губам, замер. Хлау счел за лучшее прервать рассказ и уйти. Не туда, куда собирался.

— Али, мне нужно поговорить.

Къятта вскинул голову, потом встал — больно уж встревоженным выглядел Хлау.

— Что случилось?

— Погляди, — протянул руку. На предплечье еще не засохла кровь — четыре отметины от острых ногтей.

— Что это? — подбородком указал на отметины, ответ уже зная.

— Мы просто разговаривали. Он был... таким, как всегда. Вроде спокойным, больше того — веселым. Сам предложил идти с ним, поговорить. Через его крыло... А тут... могли быть и следы зубов, если бы я не отдернул руку вовремя.

— Тебя напугали эти царапины? — спросил нарочито небрежным тоном. — Я думал о тебе лучше...

— Али, ты понимаешь меня.

Къятта ощутил мгновенное желание придушить одного из вернейших людей Рода. Сдержался, ничем не выдав себя — Хлау не виноват. Малыш хорошо усвоил урок... он не смеет перекинуться, но зверь рвется наружу.

— Понимаю... Расскажи все, как было.

Встал, разглядывая алые следы на руке Хлау. Просто так — надо же куда-то смотреть. А помощник рассказывал скупое, но обстоятельное, не меняя тона, будто произошло нечто само собой разумеющееся.

— Почему, али? Он с детства привык, что я рядом. Что я сделал не так?

— Вы находились на его территории. Ты... стоило держаться спокойней. Резкие движения раздражают зверя.

— Да, он смотрел так, словно вот-вот перекинется. Нет, хуже. Никогда не видел у него таких глаз — в этом обличьи.

— Мог, да... — Къятта сжал зубы. — Мог... Скажи, ты бы справился со взрослым энихи?

— У меня при себе был чекели. Али... ты знаешь, что я могу.

Резкое лицо застывает, как маска.

— Ну конечно. Иди.

Хлау остановился на пороге:

— Али, раньше он не был настолько опасен для обитателей этого дома. И... он понимал, что он человек. Сейчас ему приходится напоминать.

Къятта шагнул к нему:

— А если бы тебя... выжигало изнутри, ты что бы попробовал? Плести венки из колокольчиков? Спасибо скажи, что он уходит под шкуру зверя — а не убивает Огнем!

— Али, тогда его уничтожили бы, — Хлау взгляда не отводил. — Чтобы сохранить Асталу...

— Что посоветуешь? — спросил тот более мирно.

— Он весь в себе. Был открытым ребенком, а сейчас — не прорвешься. Никто не нужен. Пока он еще владеет собой. Дай ему... нечто новое, с чем он справится даже сейчас. Я не знаю, что — но только без крови. Игру, игрушку, дело... и держи в руке при этом. И ради всего святого, не оставляй одного.

Откинул полог, уже с той стороны произнес:

— Я ведь тоже... не хочу ему ничего дурного.

Опустить веки — и думать. Сумерки, быстрые и настойчивые, будто юность. И так же быстро сменяются тьмой.

...Если братишке плохо, не будет никому хорошо на расстоянии полета стрелы... разве что отпустить его. Это опасно, мало ли что взбредет ему в голову. Но иначе и страх, и боль, и ярость, или что там еще, он выместит на других. И самое худшее — осознает потом, что позволено все.

Не раз ловил себя на том, что все чаще вспоминает его ребенком. Невозможный, порой впадающий в бешенство, порой — в шальное веселье... и первое ныне — все чаще, а от второго остались крохи.

Тот, полукровка, унес с собой его детство. Даже там, на реке Иска, брат оставался мальчишкой. Он был способен радоваться полету бабочки... а сейчас радость у него вызывает только осознание первенства.

— Ты растил из него оружие, — сказал Нъенна позже, узнав, что случилось — и что сказал Хлау. — Не думаешь, что пришло время его использовать? Пока он еще слушается руки?

И в тот же день Натиу, мать Кайе, принялась готовить самые могущественные зелья, чтобы уйти в сон и оттуда помочь младшему сыну. Или хотя бы попробовать.

**

Лес

Умеющие лечить — урши. Их почитали всюду. Но этот пугался знаков почтения, говорил, что лечит плохо и долго. Седой смирился с этим — значит, в себя не верит. Но все равно у его шалаша вешали связки ягод, перьев и трав.

Дожди закончились.

После дождей уже не первый оползень случился — но раньше все на другой стороне, и ниже. А тут вроде прочно камни лежали — Седой хорошо выбрал место.

Дочь леса, Белка, легкая и проворная, все-таки была непуганой и любопытной, забиралась, куда запрещали; оступилась как-то на мокром камне — и покатила вниз по склону. Огонек неподалеку сидел, качнулся вперед, не сообразив, что она-то куда привычнее падать. И сам не удержался. Полетел следом за ней; быстрее катился — обогнал, в ее щиколотку вцепился, ухитрился удержаться, дыхание перевел... Подполз к ней, надеясь не растревожить камни — а они, поразмыслив, поползли по склону быстрее его.

Огонек прижал девчонку к себе и зажмурился. А потом его встряхнуло, перевернуло, ударило...

Перед глазами извивались слепяще-красные змеи. Больно не было, но дышать змеи мешали — стоило набрать воздуха, они подползали и сжимали грудь. И ноги тоже, а может, ног вовсе не осталось? Не чувствовал.

Сообразил, что сидит, сжатый камнями со всех сторон, лишь когда Белка зашевелилась. Двигаться было сложно, однако в щели между камнями виднелось небо. Тогда закричал — и услышал встревоженные звуки, которыми обменивались между собой рууна.

Только тут понял, что кричит не на их языке.

Соплеменники опасались приблизиться к завалу — вдруг снова покатаются камни? Все равно не поможем, говорили Седому. Но тот настаивал, свирепо рыча, и отвечивал оплеухи особо робким. Тогда рууна по одному стали подходить и растаскивать сперва мелкие камни. Понемногу уверились, что новый обвал не грозит, и стали шевелиться уверенней. Скоро между валунами увидели торчащую рыжую прядь. А потом слышали голос чужака и тонкий визг Белки.

Огонек почувствовал, что способен дышать, только когда смог покрутить головой и увериться, что небо и лес никуда не исчезнут, и что крошечная девчонка невдалеке верещит громко и вполне по-живому. Только тогда — выдохнул полной грудью, чувствуя головокружение и блаженную слабость. Красные змеи уползли, хотя их следы еще мерцали перед глазами, если дернуть головой.

Он повернулся, глянуть, как Белка — но увидел не ее. И не соплеменников.

Увидел ноги в коротких полотняных штанах с нашитыми полосками кожи, а потом ту, чьи были ноги — высокую женщину со смуглым, но бледным лицом и собранными в узел волосами цвета пепла. Вроде седыми, но с молодым блеском. У стариков тусклее...

За женщиной стояли двое мужчин с такими же узкими надменными лицами, но с волосами темнее. Не такой, как в Астале, более закрытой была одежда людей, и богато украшена пестрой вышивкой на рукавах и подоле — узоры, непонятные, угловатые.

— Полукровка? — удивлено произнесла женщина, — Здесь есть еще люди, кроме тебя?

— Нет, я... есть рууна.

— Эти дикари?

Огонек не ответил.

— Это ты звал на помощь? — после его кивка продолжила, хмурия изломанные тонкие брови:

— Прекрасно, мы свернули с пути и мчались по кустам, чтобы найти... полукровку? — сказала она, обернувшись к своим, и спутники понимающе хмыкнули.

— И ради того, чтобы... — голос женщины прервался, потом она сказала резко:

— Смотри мне в глаза! Твоя радужка; я думала, показалось, но нет, слишком яркий оттенок...

Она сунула руку за пазухи, и Огонек подался назад, позабыв, что лежит на камне, и дышать позабыл. Знал уже, чем кончаются такие движения.

А женщина достала золотисто-оранжевый камень, но из него не вырвалось молнии или чего-то невидимого, убивающего. Пока женщина бормотала что-то, вода камнем по воздуху над Огоньком, камень будто мягко светился.

— Встать, — велела она, убирая самоцвет. — Кто ты такой?

— Я... Огонек, — будто имело смысл, как назвали в Астале.

— Это совершенно неважно, твое имя, — произнесла женщина: — Мейо Алей нечасто одаряет своей милостью тех, кто недостойн ее и не способен оценить всю ее полноту. В тебе и правда есть Сила... для полукровок это редкость. Но она еще и разбуженная! Кто ты? Откуда?

Голос ее, негромкий, был глубок и ровен, говор напоминал о ком-то из давнего прошлого. Тут только Огонек осознал, что и слова она произносит... немного другие. Давно, на агатовом прииске, привык к южной речи, а это, выходит, северная. И он ее понимает. Ах, да — Белка! Где Белка?! Она завизжала — значит ли это...

Он испуганно повел взглядом по сторонам. Заметил шевеление в кустах неподалеку. Значит, ее не тронули.

— Тебя ударило по голове камнем? — спросила женщина, и в гортанном голосе ее почудилось легкое раздражение. — Я не намерена вытягивать из тебя слова, словно искать в песке золото.

— Прости ... — Огонек оглянулся в поисках дикарей, но те рассыпались по укрытиям. — Я почти позабыл слова. Я... — он кожей чувствовал ее презрение, и презрение ее молчаливых спутников, для них он был хуже дикарей: почти голый, грязный, поцарапанный, во что превратились волосы, страшно сказать. — Я ничего не могу ответить. Не знаю, что отвечать. Сейчас я живу с ними, — кивнул в сторону дикарей. — Много лун уже...

— Но ты же пришел откуда-то? — нетерпеливо спросила она

— Оттуда, — указал на лес. — Мы с ними перебрались выше, когда вон ту котловину залил дождь. А до этого жили...

Она нахмурилась.

— Ты что, родился у дикарей?

Огонек вздохнул. Рассмеялся неожиданно для себя. От него снова требуют что-то ... ну, получите. Только свое останется при себе.

— Я всего год как помню себя. Долго шел по лесу, потом набрел на агатовый прииск Асталы. Они оставили меня там работать. А потом... Сильнейшие Асталы нашли этот прииск и сочли его незаконным. Кого-то убили, кого-то забрали с собой. Мне удалось убежать.

— А твоя Сила?

— О прошлом я ничего не помню, — тихо сказал Огонек, стараясь не отводить взгляд.

— Элья, мы зря тратим время, — сказал один из мужчин.

Не имя, понял мальчишка. Так обращаются к высшим, к женщинам.

— Полукровка. А вот откуда... — она задумалась. — Впрочем, бывает, если кто-то из его родителей жил в Чема или Уми... Но, если судить по чертам, северная кровь в нем сказалась сильнее, — светловолосая обернулась к своим. — Его отец или мать были отмечены Силой, вряд ли большой, раз он не пуст, как ореховая скорлупа.

— Но, элья, толку с него?

— Значит, ты принял Путь, — задумчиво протянула женщина, на сей раз обращаясь к Огоньку. — И, судя по глазам, тебя вел кто-то из Асталы? Это может быть любопытно. Следуй за нами.

Огоньку ничего не оставалось, кроме как повиноваться немедленно. Он взглянул на склон, пытаясь взглядом отыскать Седого или Белку, но даже травинка не шелохнулась. Может, и правильно; доброты на лицах северян он не заметил. Эсса, так назывался народ. Кайе их ненавидел, хотя и сам-то... Но вряд ли все сказанное им было ложью или пустыми домыслами. И что с его глазами, интересно. Видел их в зеркале в доме Кайе. Сизо-голубые, обычные.

— Дайте ему хоть что... нельзя же в таком виде! — презрительно молвила женщина, и легкая гримаска искадила ее черты.

Один из людей удалился — и появился снова. Огоньку бросили что-то широкое, серое, с прорезями для рук и головы, неглубокими разрезами по бокам — шионте, вспомнил он. Видел на фресках в Астале — Юг одолевает Север; как-то спросил название. Да, накидка шионте. Грубоватая ткань, не шерсть.

Когда она окутала тело, вскользь подивился нахлынувшему безразличию к собственному облику, да и вообще ко всему. Вот и снова забросили мячик в очередную лунку. Возьмут с собой? Сам хотел, по созвездиям стремился на север. Сам понимал — с рууна нет смысла оставаться всю жизнь, хоть и незлые сердца у них. Быть среди эсса? Да наплевать.

У них оказались такие же грис, как на юге — мохнатые, только все пегие. Женщина забралась в седло, тронула было повод — но приостановила грис, пальцем поманила полукровку. Оглядывала его одновременно презрительно и недоверчиво:

— Твоя Сила разбужена, но ты хоть что-то умеешь?

— Я иногда лечил их, — мотнул головой в сторону стойбища.

— Значит, тебя учили?

На сей раз он сказал чистую правду:

— Нет. Я научился в племени, сам не знаю как.

— Ладно, — женщина качнула головой, колыхнулся пышный узел на затылке, — Только кому понадобится вести полукровку?

— Верно, элья, — хмуро сказал Огонек. — На прииске меня не считали за человека. Никто бы не стал.

Уголок узкогубого рта дернулся в усмешке.

— Я видела свет Силы в солнечном камне, иначе не поверила бы, что она существует. Кто твои родители, ты не помнишь?

— Нет...

— Неважно... пока это не имеет значения, — она замолчала. Больше с Огоньком не разговаривали.

Северяне — отряд состоял из восьми человек — велели Огоньку идти рядом, а сами

поехали шагом. Путь оказался нелегким — всадники не особо равнялись на пешего, спасибо хоть не погоняли грис бежать. Тело, ушибленное и стиснутое камнями, все сильнее болело. Но мальчишка не просил северян двигаться медленней. В душе поднималось хмурое злое упрямство: я ни о чем не стану просить... никогда больше. И никого.

Астала

— Теперь по законам Асталы ты взрослый, — сказал Ахатта, глядя на младшего внука, и добавил, прищурясь, как бы нехотя: — Это означает много прав и обязанностей.

— Право выхода в Круг... и право оказаться в Совете?

Дед словно и не расслышал.

— Сегодня появишься там перед всеми. Сегодня твои звезды на небе... Шары льяти скажут, что ты такое сейчас.

— Да, дедушка.

— А Совет... — Ахатта снова помедлил, — Разве тебе самому хотелось бы стать его членом?

— Нет, — засмеялся Кайе. — Это же с ума сойти — столько времени тратить впустую. Мне только Круг интересен.

— Не спеши туда, другие семь Родов не стоит злить попусту. Я не могу по праву главы Совета представить тебя — я твой дед. Но я сегодня передал это право Шиталь. Сегодня со мной вторым от Рода на Совет пойдет Къятта.

— Бойтесь, я снова сломаю вам стену? — фыркнул мальчишка.

— Надеюсь, что нет.

И, заметив, что внук уже почти стоит на пороге, прибавил:

— Одежда, Кайе. Не то, что сейчас на тебе. И не хмурься — традиции стоит соблюдать.

— Да, дедушка, — он вздохнул. Придется...

Несколько часов спустя появился в полутемной зале Дома Звезд, сделанной по форме ущербной луны. На плечах Кайе было длинное одеяние темно-красного цвета; он старше казался в нем, хоть, поглядев на выбор цвета, поморщился не один из членов Совета. Темно-красный... Ну что же, свои предпочтения и планы внук Ахатты заявил открыто. Хоть и не в меру нагло.

Держался уверенно, и вместе с тем — явно спешил покинуть этот пышно украшенный зал. Навстречу, встряхнув короткими волосами, поднялась Шиталь, проговорила ритуальную формулу приветствия, губы застывшие улыбались, а глаза ее будто старались проникнуть внутрь проходящего испытание.

Он сдержанно поклонился, глядя перед собой. Сначала ей, потом остальным. Поймал взгляд Къятты, и быстро отвернулся, как мальчишка, задумавший какую-нибудь шалость.

Шиталь провела его в середину залы. Едва не отдернул руку, когда прохладные сильные пальцы женщины коснулись его.

— Вот он перед вами согласно обычаю. Он достиг совершеннолетия, и нам надо знать, кого вырастила Астала. Достоин ли он пройти испытание?

Люди семи Родов смотрели на Кайе. Им было любопытно и немного тревожно; никто не сомневался, что внук Ахатты способен на многое, а в этом испытании не солжешь. Если ничего в тебе нет, то и не выйдет пустить пыль в глаза, если есть, то не утаишь. Да, все смотрели, не отрываясь. Шиталь тоже, повернув голову — рядом стояла. А он и вовсе ни на кого не глядел, только на темную выемку по всему периметру зала, зная, что там и скрываются темные пока шары льяти. Испытание... Он здесь по праву рождения, а не ради

каких-то дурацких шаров.

— Достоин, — раздался голос человека из Рода Кауки.

— Достоин, — повторяли другие, от младших к старшим. Потом зазвучал голос его Рода — его брата. Потом свое слово сказала Шиталь. И лишь потом прозвучал голос Ахатты.

Оставалось зажечь светильники: достаточно протянуть руку — и голубоватый шарик в другом конце залы засияет; если один — плохо, не Сила, а тень ее у проходящего испытание. Чем больше, тем лучше. Шары льяти не ошибаются. Но сперва — сделать пару шагов вперед, встать на обсидиановую пластину — она связана с льяти, как колодец с подземным источником. Это необходимо, иначе шары не получают сигнала. Но юноша поступил иначе. Он просто стоял на месте, широко улыбаясь, а сияние разливалось по стенам. Словно внутри огромного светильника оказались все. Шары льяти истекали сиянием, как болью, полыхала белым пластина для испытаний, мерцали кресла и одежда собравшихся, чего и вовсе быть не могло. Свет резал глаза, заставлял закрыть их руками — веки не спасали. И, спасая зрение, жмурясь, никто не заметил, когда исчез Кайе, покинул залу. Один шарик в дальнем углу горел, словно не решался погаснуть — вдруг человек вернется?

Шиталь медленно шла рядом с Ахаттой. Белая накидка ее трепетала от налетающих порывов теплого ветра. На кайме золотые птицы перекликались среди искусно вышитых ветвей папоротника.

— Погода сейчас чудесная. Люблю это время, скоро снова все расцветет. Но засуху обещают сильной в этом году, — сказала Шиталь. — А мои земли и так не слишком плодородны.

— Сразу после дождей и я чувствую себя молодым! А тебе, думаю, тревожиться смысла нет, ваших запасов хватит на три года без дождей. Ты хорошая хозяйка, — откликнулся глава Совета.

— Мальчик сделал это по твоему наущению? — без перехода спросила женщина.

Ахатта улыбнулся краешком рта.

— А я уж было подумал, что ты и впрямь хочешь поговорить о погоде.

— Совет гудел, как гнездо диких шершней.

— Еще бы. Так странно, что Кайе родился в последние дни сезона дождей... словно огонь пришел на смену воде.

— Так что же ты мне ответишь?

Ахатта мягко взял ее за руку.

— Наши семейные дела не выйдут за стены дома Тайау. Это даже малыш понимает.

— Но ты недоволен им! — резко сказала Шиталь.

— Ты не можешь знать наверняка, чем именно я недоволен.

— Он ведет себя, как дитя.

Ахатта посмотрел на нее, не выпуская руки Шиталь:

— В этом ваша ошибка. Он вовсе не ребенок.

— Шестнадцать — это еще мальчишка.

— И в его прошлом есть река Иска. И Совет после, где решалась его судьба.

— Если бы он понял хоть что-то!

— Ты так считаешь? — Ахатта улыбнулся так, что Шиталь почувствовала — ее лицо розовеет. — Мы говорили с ним... Он сказал много такого, что порадовало деда.

Шиталь медленно отняла руку. Ахатта сделал вид, что этого не заметил, продолжал:

— Я долгие годы пытаюсь понять, что он такое... открытая дверь, через которую изливается пламя? Всем нам, и северянам, приходится открывать ее — по-разному, а он... Если бы не мог менять облик, сторел бы давным-давно. А так — став зверем, отдыхает от огня.

— И все больше в нем зверя.

— Всяко лучше, чем пламя, — Ахатта улыбнулся краешком рта. — Разрушений в Астале меньше.

— Ты знаешь, что пока про него рассказывает разные байки народ, это еще неважно, однако он понемногу настраивает против себя и служителей Домов Солнца, Звезд и даже Хранительницы. Всем вы рот не заткнете, а несколько Родов еще подольют масла в огонь.

— Он такой же, как ты, — мягко сказал Ахатта. — Тот, кто прислал его в этот мир, все продумал. И цель, для которой он создан, и блага, которые его появление сулит Астале. Ты знаешь не все сказки, что рассказывают о нем.

— Зато я знаю еще кое-что — мол, его мать, Натиу, все больше уходит в сны, потому что в ужасе от такого сына. А кое-кто лишь подливает ей особые зелья... ведь она всегда была в милости у служителей, и нельзя допустить, чтобы Натиу обратилась к ним. Если даже родная мать пойдет против сына!

— Но раз ты это мне говоришь, ты не враг, верно?

Голос Ахатты повеселел:

— А про себя — все ли ты знаешь байки? Например, что даже одна шерстинка со шкуры твоего звериного облика излечивает болезни!

Шиталь не откликнулась — шла, хмурясь едва заметно.

— Жалеешь, что твое слово сохранило ему жизнь? — спросил старик.

— Ннет... — сказала, запнувшись.

— Не все ошибки можно исправить.

Ахатта взошел на крыльцо веранды — отсюда он видел сад, и младшего внука; тот сидел, обхватив колено, на краю бассейна. Кайе ощутил присутствие деда, вскинулся, замер, готовый огрызнуться на любое резкое слово. Ахатта повернулся и пошел прочь.

Еще два человека в это время возвращались от Дома Звезд — один спокойно вдыхал послеполуденный воздух и любовался огромными золотыми шершнями, сочно гудящими, злыми; другой смотрел прямо перед собой — и в себя.

— Семь Родов, и каждый сам за себя... всякий надеется быть сильнейшим, — тихо говорил Ийа. Серьги в виде кусающей свой хвост змеи поблескивали и покачивались.

— Ты забыл восьмой Род.

— Не забыл. Анамара ничего собой не представляют. Только Шиталь.

— Но она вторая после Ахатты.

— Она одна, Кети. Да, в Совете у них два голоса, но без нее никто не возьмется решать. Стоит ей заболеть, от Анамара на Совете слова не услышишь. В свое время она удачно нашла сторонников, считавших, что смогут ей управлять, но теперь не отыщет поддержки — слишком возвысилась.

— Но она тебе нравится?

— Не как женщина. Просто я люблю умных.

— Неужто его и сейчас не захотят ничем связать? Это безумие, — произнесла Кети, нервно сцепляя и расцепляя пальцы. — Никто не ожидал такого.

— И теперь все потрясены и напуганы. Он играет с собственной Силой, как дитя с мячиком. А сделать с ним нельзя ничего... По закону сейчас — ничего. Все упустили свой шанс после реки Иска.

— Нас поддержат Кауки, может быть, Тиахиу, — Кети запнулась, поняв, что Ийа думает о своем. Впрочем, змея не доверяет другой змее. Они лежат, свившись вместе кольцами, только когда нуждаются друг в друге.

Кети помедлила, но все же сказала:

— Много весен назад ты не хотел его смерти.

— Он был ребенком. Но я не забыл Алью.

— Не он же ее убил.

— Не он, — Ийа улыбнулся, пристально глядя на женщину. — Разве я *это* сказал?

— И ты не хочешь рассчитаться с ним за смерть девочки?

— Платить должен тот, кто виновен.

Шиталь вышла на крыльцо, постояла немного, спустилась вниз, на желтые дорожки. Она действительно любила это время года, да и кто не любил? Особенно здесь, в родном саду, под опахалами древесных крон. Но и самую злую засуху, палящую жару предпочла бы недавнему собранию. Как хорошо дышалось после наполненной ядом слов залы... После Совета расходились с разными лицами — Шиталь Анамара, изменив давней привычке, не пыталась прочесть по ним ничего. Сама была слишком потрясена. Только лицо Ийа заметила — застывшее, похожее на ритуальную маску древних жрецов.

Бездна, в тот миг она предпочла бы стать на пути у Кайе со всем его пламенем, чем перед с человеком с таким лицом. Он не из тех, кто просто судачит по углам и машет короткими крыльшками, как домашние цесарки. И самое худшее то, что он умеет ждать.

Гибкая фигура отделилась от стены, двинулась к женщине. Стоял тут, зная, что пойду этой дорогой, поняла Шиталь. Захотелось уйти немедленно — хоть зверем перекинуться, умчаться отсюда. Только не с ним говорить сейчас. Но — улыбнулась, верная своей привычке никогда не показывать гнев. А сейчас — и гнев-то бессмысленный. На кого? Сама не смогла вынести ему приговор. Вот и осталась ни с чем.

Кайе стоял перед ней, и во взгляде была не только уверенность — еще и робость там пряталась, за густыми ресницами.

— Шиталь, — положил руку ей на руку. Поднял глаза:

— Ты так и не пришла, хотя я звал несколько лун назад, и дед всегда рад тебя видеть. Почему?

Шиталь замялась, подбирая слова.

— Вряд ли я сейчас желанный гость в доме Тайау.

— Почему? Ты ведь за меня отдала голос. А сегодня именно тебя просили встретить и провести меня к шарам.

— И все же твой брат в отличие от Ахатты не хочет такого гостя.

— А я? Я всегда ждал тебя, рад был оказаться рядом.

— Ты был ребенком...

— Ты сказала, что примешь меня, когда я вырасту. Теперь перед всеми я признан взрослым.

— Теперь всё иначе.

— Что изменилось? Во мне — ничего.

— Изменилось... — вздохнула Шиталь.

— Из-за того, что я вел себя, как хочу, а не как надо всем прочим?

— И это тоже. Не стану лгать, что просто я старше, и все такое. Но то, что ты делал...

Ты уже достаточно вырос, чтобы понять, — она не договорила намеренно.

«Признан взрослым...» — представила пожар на реке Иска. Тогда она посчитала, на такое способен только мальчишка — безрассудно выплескивать свою Силу, рискуя сгореть... и оставаться в живых...

— И шары льяти сегодня, — чуть хрипло сказал Кайе, откидывая голову, — Об этом ты думала?

— Об этом все думают. Но в тебе больше от зверя, чем от человека.

— Ничуть. Во мне есть то, чего не дано тебе. И твоему Роду. — Он начинал злиться, но еще говорил спокойно, — Это тоже имеет значение?

— Будь так... Я бы постаралась тебя приручить.

— Ты и старалась. Плохо вышло, — сжал ее предплечье: — Значит, нет?

— Аши...

— Ты чего-то боишься, Шиталь, — сказал сквозь зубы, — твоя рука вздрагивает. Когда женщина просто говорит «нет», она ведет себя иначе.

— Ты ничего не знаешь о женщинах, — сказала Шиталь, и сама удивилась горечи, прозвучавшей в словах. — Ни о ком из людей, даже о самом себе!

— Знаю достаточно.

— Для кого? Ладно, я понимаю, что ты ответишь... Тебе приходилось переживать отказ?

— О нет! — рассмеялся, — Если отказы и были, я не слышал их.

— Со мной так не выйдет, аши.

— Я знаю. И... я в самом деле был привязан к тебе. И видел, как ты качнулась в сторону от меня, выходя из Дома Звезд. Я хотел быть ближе к тебе... а стал у тебя на дороге.

**

Дорога на север

Путешествие заняло четырнадцать дней. С найденьшем не разговаривали, Огонек тоже молчал. К концу уже второго дня пути ноги болели уже так, что идти себя заставлял. Ступни были изранены камнями и колючками, да и все тело исцарапано. Давно привык бродить по лесу босым, а пожив с дикарями, привык к отсутствию одежды — но северяне двигались слишком быстро, и не было возможности смотреть, куда наступаешь. Но Огонек упрямо шагал за грис, порой переходя на бег, когда те бежали быстрее. В начале пути не раз мелькала мысль — отстать, или нырнуть в заросли и поминай, как звали. Он и пробовал, только тот или иной северянин оборачивался мгновенно, словно чуяли. И у них было оружие, этого хватало для послушания. Племя Седого осталось далеко.

А над головой стояло созвездие Ухо Лисички... да, когда-то он уже шел на север.

Почти не отдыхали, даже ночью-торопились, верно. На коротких привалах с грис обращались теплее, чем с Огоньком. Ему давали поесть, но в остальном предоставляли себе самому. Только следили, чтоб не ушел от стоянки.

Пару раз северяне охотились на маленьких оленей — и главная женщина, похоже, была среди всадников не худшей добытчицей дичи. Только разделывать туши она предоставляла другим, хотя как-то отчитала одного из охотников за неправильно снятую шкуру.

Местность вокруг менялась — лес вытеснили открытые пространства с высоким кустарником, дорога становилась неровной — приближались к горам, и порой тропа заметно шла вверх. Эсса переговаривались между собой на все более понятном Огоньку наречии, хотя смысл фраз порой еще ускользал. Но теперь он не сомневался — когда-то слышал такую речь, и нередко, а теперь вспоминает. Впрочем, в собеседники Огонька никто не звал.

Страх он не испытывал, и как-то сам обратился к женщине-предводительнице:

— Элья, вы поспешили на помощь там — искали кого-то вместо меня?

Северянка смерила его холодно-неприязненным взглядом, но отозвалась:

— Нет. Но это мог быть кто угодно. Только не... ты.

Дорога то тянулась вверх-вниз понемногу и ровно, то устремлялась на такие кручи, что путь сильно замедлялся. Кустарник незаметно уступил место высокой жесткой траве, а скоро Огонек понял — горы, что все время виднелись дымкой на горизонте, ныне совсем рядом.

Здесь витали совсем другие запахи, их он не знал: свежие, горьковатые, иногда врывалась внезапная медовая полоса. Вокруг тоже все расцветало, словно брошены были с неба огромные дорогие ткани — алые, синие, лиловые... Но не было тягучей сладкой влажности, как в долине и лесах Асталы.

Однажды под вечер он увидел, как показалось, странных грис с очень длинной шеей и большой головой, но вскоре понял, что по равнине бегут две огромные птицы ростом раза в три больше аиста, и с клювом массивным, широким. Ноги их были мощными, чуть приподнятые крылья — короткими, вряд ли могли поднять в воздух такую махину.

— Что это такое? — воскликнул мальчишка, позабыв, что с ним не разговаривают.

Один из северян все же ответил, и сам не сводил взгляд с диковинных тварей:

— Камнеклювы. Падальщики, но безоружным лучше их остерегаться. Говорят, раньше здесь и на плато их было много, а теперь редко увидишь, — он стукнул грис ногами по бокам и поехал быстрее, а Огонек чуть шею не свернул, следя за диковинными птицами. Как много он еще не знает о мире... Нет, ничего не шевельнулось в памяти — их он и прежде не видел.

Над головой свистнул хлыст — замыкающий из эсса велел поторапливаться.

Теперь они шли через горные отроги, и время от времени на пути попадались деревни, большие и маленькие. Там не останавливались, разжигали свои костры в безлюдных местах. Луна, не скрытая деревьями, висела низко — огромная, тусклая, плоская, как кругляшок из речного перламутра. По ночам в скалах раздавался грудной плач ветра — кое-кто из спутников ежился и озирался по сторонам, хватался за амулеты. Чего им бояться, удивлялся Огонек про себя. Это всего лишь ветер, порою акольи воют, или далекие волки-итара — в пути уже выучил эти тоскливые ноты. Он мог им подражать, но спутникам не понравилось

бы.

К вечеру предпоследнего дня перед глазами открылась пропасть, через которую вел подвесной мост — хлипкий с виду, всего несколько натянутых веревок, привязанных к столбам по разные стороны пропасти, и деревянный настил между ними, который прогибался под собственной тяжестью. Ветер раскачивал мост — слегка, но довольно для того, чтобы у мальчишки екнуло сердце.

Да, на ветках он спать привык, но выбирал их сам — надежные, удобные, чтобы не свалиться и в глубоком сне.

Но было поздно сворачивать: может, раньше он все-таки сумел юркнуть в кусты и, возможно, его не поймали бы. Теперь некуда. А с такого моста только птица может сорваться и уцелеть.

Ну вот, подумал мальчишка. Чтобы оказаться в Астале, я чуть не погиб в реке. Чтобы оказаться в Тейит, надо миновать реку воздушную. Тоже как знак. А к добру или нет, увидим.

Скоро отряд был на другой стороне. Грис перевели, завязав им глаза; животные пугались, но шли.

Он замер, когда сообразил — вдали перед ним не причудливое каменное образование, творение ветра и времени, а высеченный в скалах город. Бесконечные террасы, то ли природные, то ли созданные людьми, то зеленые, то заполненные домами. И крохотные фигурки людей, снующих по этому термитнику. И никто мальчишку не спрашивал, хочет ли он туда — всё повторялось.

Северный город отличался от Асталы, как день от ночи. Не было буйной зелени, тяжелого, неистового цветения, когда растения тянутся отовсюду — из-под мостовой, из стен, чуть ли не с неба. И стены здесь не белили, они были природного цвета. Камень... красивый, надо признать. Порой тусклый, порой искрящийся — светлый, темный, полосатый... уступы бесконечные, ни одной ровной улочки — или от усталости так казалось?

И — трава, растущая из щелей покрывающих дороги и лестницы плит, или просто между камнями. Высокая, низкая, порою на вид и наощупь колючая — или мягкая, словно шерстка новорожденного зверька...

В Астале пахло медом и сыростью. Здесь — полынью и пылью. И дышалось иначе, не понял еще, легче или тяжелее, будто воздух иной. Все это равнодушно отметил он про себя, а глаза, несмотря на усталость, невольно обшаривали встречных — хоть одну знакомую фигуру искал. Полно... они все остались далеко. А северяне казались подростку похожими друг на друга; он знал, что это пройдет. Насмотрелся на дикарей, а от людей отвык...

Он почти обессилел за время пути, хотя считал себя очень выносливым. Но никогда раньше не приходилось день за днем поспевать за рысящими грис. Теперь ноги болели и подгибались, а все вокруг будто плыло. Неважно, осмотреться можно и позже. Каменный город сотни лет простоял и никуда не сбежит.

Поворот, и еще поворот, и еще...

Раздвигая телами и взглядами жаркое марево, смуглый людской поток, полукровку провели через полгорода и нырнули под каменные своды, в прохладные, но душные коридоры. Слуги его отмыли, спутанную грязную гриву отрезали, оставив длиной едва до

плеч. Когда волосы высохли, мальчишка заплел наспех косу по-южному — она оказалась совсем короткой и нелепо топорщилась.

Огонька оставили одного в маленькой комнатке, поставив на пол поднос с едой. Вместо дверного полога тут была настоящая дверь; ее заперли на засов. Как тогда, в подвале...

Мальчишка первым делом метнулся к узенькому окошку, скорее, щели — но ничего не увидел там, кроме серой стены напротив. Заметил в углу скатанную циновку, развернул и вытянулся на ней. Спать, только спать. Даже поесть можно после. А каменный пол тут холодный... зато циновка прекрасная, мягкая.

Глаза закрывались сами, но ему казалось, что он все идет, идет и идет.

Он спал долго, хватило времени восстановить силы. Иногда выныривал из забытья, но ничего не менялось, только освещение в комнатке — и он проваливался обратно. Потом померещилась знакомая фигура у притолоки, будто снова товарищ явился будить, но призрачная фигура отступила, растворилась в камне.

Огонек проснулся и сел, потягиваясь. Было непривычно снова находиться под настоящей крышей — пусть сверху толща камня, изнутри-то не видно. Когда за ним пришли наконец — двое неулыбчивых, молчаливых, — он был ко всему готов. Путь оказался неблизким, а тело, вроде как отдохнувшее, заныло с прежней силой, будто и не спал невесть сколько. Наконец мальчишку ввели в прохладную галерею, а после — в зал по широким ступеням. Светло было здесь, огромные окна, прорубленные в стене, высокие колонны, отделанные полосами белого, зеленого, синего камня. Тут собралось много народу, сразу столько он видел лишь на рыночной площади Асталы. Люди разбились на группки, его не замечали вовсе или бросали беглые взгляды. Нет, по счастью, не он причина этого сборища.... Может, праздник у них? Но не ощущается радости, горя тоже. Все лица перед взором Огонька сливались в одно большое пятно. Но он все же заметил, что женщина, с которой он приехал, Элати, тоже здесь: она подошла к другой, сидящей подле колонны, и заговорила, указывая на него.

Женщины говорили чуть слышно, не думая, что он разберет их слова. Но еще на прииске он понял, что слышит лучше прочих, а за время жизни в племени слух Огонька стал еще тоньше, ловил даже говор летучих мышей. Хотя Кайе и сейчас бы мог с ним сравниться, наверное.

Полукровка понял, что Элати только сейчас смогла увидеться с этой второй, до сего дня она запиралась в своих покоях и размышляла, видимо. Элати рассказывала, как нашла полукровку с Силой, и то, что поведал ей сам Огонек.

"Его матерью, думаю, была южанка из не обделенных Силой — отца, верно, встретила в срединных землях или торговых городах. Ему от тринадцати до пятнадцати. Наше посольство в Асталу в его годы рождения не ездило. Значит, мать его нагуляла где-то в поездке и выбросила, или ее самой не стало, а может, и отобрали ребенка. Но все это было на Юге — иначе он бы не одолел расстояния, он из Асталы или окрестностей самого города", — шуршал ее голос.

— Любопытно. Иди сюда, — позвала та, другая — высокая, с длинной толстой косой — такие косы на юге носили мужчины. Только украшали золотыми подвесками, а у этой — кожаный ремешок через лоб, алый, плетеный. И волосы седые до белизны, что у нее, что у Элати... ах, да, это их Сила, не старость...

Она дала знак окружающим расступиться, и Огонька подтолкнули вперед; вскоре он

оказался напротив нее шагах в трех.

Когда мальчишка приблизился, смерила его взглядом. Некрасивая, с острыми чертами, она казалась безобидной — и одинокой даже в этой толпе. И голос ее оказался ниже, чем у Элати, хотя у той грубее лицо и жесты размашистые.

— Как необычно... Знаешь, а ты права, сестра моя. В нем и в самом деле есть нечто, вызывающее интерес. И ты права, его глаза ярковаты для обычного полукровка. Да, это Сила Юга... Как давно у тебя проявились способности? — обратилась она к Огоньку.

— Я не следил за ними, элья. — Похолодело в груди. Опасное было в голосе женщины, мягком и легком, будто змеиный шип.

— Как странно... Почему же южане тебя отпустили — с таким даром?

— Они не знали.

— Не знали? — изумленно произнесла женщина. — Они разбудили в тебе Силу и не посмотрели, что вышло?

Забыла только что сказанное сестрой или проверяет меня? — подумал Огонек, и весь подобрался:

— Элья, ведь я всего лишь работал на прииске, кому там было меня проверять? А что было раньше — не помню.

— Ах, да, — она едва заметно и неприятно улыбнулась. — Но это сделал кто-то на юге, кто-то, в тебе заинтересованный. Кто и зачем? Он должен быть достаточно силен, чтобы совершить такое... и он тебя не искал.

— Не искал, — эхом отозвался мальчишка.

А женщина обратилась к сестре, тихо, но он снова услышал:

— Ты зря притащила его напоказ.

— Ты же сама мне велела!

— Ах, я думала, это какая-то шутка, я тебе не поверила, признаюсь. Думала, может, позабавятся гости... Но слухи о полукровках с Силой нам совсем ни к чему, людей беспокоит все непривычное. Приводи его завтра ко мне лично.

— Я уеду, — сухо отозвалась Элати.

— Я сама за ним припру, — и с улыбкой обратилась к присутствующим: — Да, вот такую обезьянку нашла моя сестра у дикарей. Надо сказать, я ждала, он окажется более диким, а это обычный мальчишка, когда отмыли, — смех в зале был ей ответом.

**

Какая-то часть сознания понимала, что это сон, но это не помогало. Прежний кошмар вернулся, обретя новые очертания. Огонек убегал от клубов черно-серого дыма, удушающего и горячего. Все сложнее становилось бежать — вместо травы встал колючий кустарник, потом гладкие валуны. Огонек полез на один, чтобы спастись, не удержался и сорвался в реку. Вода ударила ледяной зеленой ладонью по голове, чтобы наверняка — оглушить и не дать выбраться.

Он выкрикнул имя того, кто уже спас однажды и мог спасти снова, он наверняка где-то поблизости...

— Кого ты звал?

— Никого, — искренне сказал Огонек, протирая глаза. Осознал, что находится в полутемной комнатухе, а рядом на корточках пристроился высокий человек с волосами, по-северному убранными в хвост.

— Не пытайся лгать, — поморщился он, — я же все слышал.

— Но я спал...

Это был сон, река и падение. Но я закричал на самом деле, понял мальчишка.

— Имя значит "ночь" на языке Юга, но обратился ты к человеку, — задумчиво сказал северянин.

— Человека с таким именем я знал, и он мне помог однажды. А кошмары мне снятся давно, — откликнулся Огонек, пытаясь не выдать внутреннюю дрожь.

— Это нечастое имя в Астале, но встречается, — северянин кивнул и почему-то очень пристально стал смотреть на мальчишку. — Почему бы тебе, в самом деле, случайно не позвать на помощь товарища, или кто он тебе там был...

Огонек испытал желание съежиться и отодвинуться, но не мог встать — и начал отползать понемногу, и циновка под ним собиралась складками.

— Значит, не все на агатовом прииске были к тебе жестоки? Нашелся кто-то, к кому можно обратиться даже во сне?

— Это... давно неважно, — прошептал полукровка.

— И то, что ты назвал его "Дитя Огня"? — северянин будто вмиг стал великаном, настолько стремительно встал. Еще какое-то время смотрел сверху вниз на мальчишку, потом вышел, только засов стукнул.

Кажется, я снова влип во что-то, подумал мальчишка. Засосало под ложечкой, но не от страха, а от непонятной тоски. Устал. Так устал... Везло до сих пор, может, и сейчас повезет, но когда-нибудь он не выберется.

Подошел к щели-окну, долго смотрел на стену напротив, пытаясь уловить хоть запах свободы. Но тут пахло лишь пылью.

Скоро за ним пришли — этот человек был в отряде, доставившем полукровку в Тейит. Снова были коридоры и коридоры, одни стены без неба.

Шагнул через порог, поднял голову — и обмер, завороченный мерцающей красотой. Звезды были над ним. Узнал созвездие, которое звал Хвостом Лисички, и ее Ухо... и другие, родными ставшие давным-давно. Только потом, когда глаза немного привыкли к полумраку, сообразил, что над ним потолок, а звезды нарисованы или сделаны из светящихся камней.

Оторвавшись от созерцания потолка, он спохватился и слегка склонился в знак приветствия. Женщина сидела в кресле, сложив руки на коленях; смотрела на него. Та, сестра Элати... успел в прошлый раз услышать: ее звали Лайа. А ремешок на волосах уже не алый, а белый, и украшен прозрачными кристаллами... Она взглянула в сторону, на большой мутно светящийся полукруг, вделанный в стену, перевела взгляд на Огонька.

Тот ждал.

— Подойди, мальчик, — велела она

Подошел, стараясь ступать неслышно — все звуки казались тут грубыми.

— Сядь, — она указала на маленькую скамеечку у ног.

— Я знаю, кого ты позвал во сне. Что ты видел его на юге — неудивительно, почему бы и нет. Но ты его звал, так не зовут случайно встреченных или врагов. Мне легко будет добиться правды, не понадобится применять силу. Ты просто подчинишься моей воле и начнешь говорить. Поэтому, если ты что-то скрыл, лучше скажи сейчас. Пока я готова отнестись к тебе хорошо: ты, в конце концов, бездомный мальчишка, которому нашлось место только у дикарей.

Огонек смотрел в пол. Так тихо было, долго было тихо, что начало казаться — вдруг отмолчится? Но Лайа постучала пальцами по ручке кресла — негромкий сухой перестук показал, что она больше не хочет ждать.

Лжет она или нет? Но так или иначе, средства вытянуть из него что угодно у них есть и самые простые. Все равно же заговорит...

— Я не солгал про прииск, — начал он, так и не поднимая глаз. — Но я с него сбежал и упал в реку. Меня нашли...

— Кто?

— Кайе и Къятта Тайау. — Первое имя словно песком в горле застряло, а второе произнести было тяжелее, чем поднять огромный валун.

— Вот как! — произнесла женщина удовлетворенно и чуть удивленно. — Почему же ты нам соврал?

— Я боялся, элья. В Астале... я насмотрелся на всякое.

— Это я понимаю, — сказала она, и голос был довольным.

Дальше оказалось легко говорить. Если вначале он давился не словами даже, а буквами, теперь все шло как по маслу. Он рассказал почти обо всем... почти. О том, что Кайе сделал, но не о том, что и как было сказано. И самый конец... почти собрался соврать, мол, от него просто избавились, но глаза женщины напротив были как вонзившиеся в него шипы, чуть дрогнешь — и затеет ведь свою проверку...

— Его старший брат терпеть меня не мог, и я бы там не зажился. Поэтому я сбежал, — завершил Огонек. — И прибавил: — Не знаю, искали меня или нет, я долго плыл по реке, следов не осталось бы.

— Полукровке — и дарить Силу! — проговорила женщина. — Я поражена... Но как? Почему? — Замолчала, глядя на Огонька, словно на что-то не могущее существовать в природе. А тот мог лишь плачами пожать еле заметно — вот уж их личное прошлое никого на Севере не касалось.

— Ему стало любопытно, получится ли. В Доме Солнца, когда пытались прочесть мою память, узнали, что немного Силы в моей крови есть.

Женщина, похоже, поверила. Немного справившись с изумлением, проговорила задумчиво:

— Ах, ну да, любопытство и желание совершить невозможное. Интересно, первым ли ты был таким у него.

Она постучала по металлическому кругу молоточком. Появились две девушки; Лайа что-то сказала им, они ушли и вернулась одна, с подносом. Большая чаша и ряд флаконов стояли на нем; вот содержимое флаконов оказалось в чаше, а женщина, велев Огоньку все это выпить, велела ему смотреть перед собой и стала ходить вокруг то в одну сторону, то в другую, мягко, будто большой зверь на привязи. Она бормотала что-то, перекатывала в ладонях цветные камешки, и мальчишка ощутил, что снова засыпает. Неважно, была ли это сила Лайа или обычная усталость, от которой не избавиться так просто. А потом сквозь закрытые веки начало пробиваться мерцание, и он вскинулся, ошалело глядя — и встретил такой же потрясенный взгляд Лайа.

— Паутина туи-ши, — пробормотала она. — Ты не солгал, ты и впрямь не помнишь прошлое... Но кто же запечатал его, и зачем? Кто ты? — вдруг резко и чуть визгливо спросила она, впиваясь в его плечо острыми ноготками.

Огонек лишь смотрел на женщину. Может, не стоило так пристально, дикие звери и

даже рууна не любят прямого взгляда... но не успел опустить глаза, как Лайа его опустила.

— Он пригодится... весьма пригодится, — велела она появившимся вновь служанкам. — Уведите... Выделите комнату... нет, где он сейчас мне не нравится, — оборвала начавшую говорить девушку. — Мне он нужен, я не хочу ждать целый час или бегать в тот закоулок сама. В западной части Ауста... да, пока пусть побудет там.

Комнату ему дали хоть по-прежнему маленькую, но на сей раз с настоящим окном; не как в первый раз, но и не как в доме Кайе, где в оконный проем мог забраться худой человек. Прорезь шириной меньше ладони, но зато почти до потолка, и серовато-розовый свет в него падал. Огонек тут же приник к щели: под ним были ступенчатые огородики, а за ними обрыв. Как только рискуют что-то сажать на такой крутизне...

Горный склон вдали был подернут вечерней дымкой — и не заметил, как день прошел. Огонек был рад видеть горы.

Только когда начало смеркаться, оторвался от окна, оглядел комнату. В углу стояла кровать, такая же, как на Юге. А покрывало на ней — бледно-синее, расшитое по низу двойной каймой узора: сверху птицы летящие, снизу утки, сидящие на волнах. Пожалел о своей циновке — мягкой была, понравилась. К кровати снова надо будет привыкать...

Что тут еще? Лавка в углу и несколько плосек на ней — трехногие, четырехногие и с простым плоским дном, расписанные разноцветным орнаментом. Повертел в руках одну, пытаюсь в причудливом сочетании линий найти контуры зверей или птиц — так ничего и не вышло.

Задумался. Кажется, пока ему везло. За один миг он перескочил от любопытной, но не сильно интересной находки до некой заметной ценности — так всё выглядело.

Но запечатанная память... в Доме Солнца увидели ее же. И Лайа, похоже, так впечатлилась, что забыла проверить, не лжет ли он в остальном. Видно, сильна эта незримая паутина, раз и север, и юг не могут ее разорвать одним движением пальцев. Кому понадобилось прятать воспоминания полукровки, которой на тот момент и Силой-то не обладал? Важный свидетель, случайно потерянный в лесной чаще? Быть может...

Астала

Улиши обживалась в доме. Сладкий запах ее духов витал в коридорах, в саду слышались ее любимые мелодии. Привела с десятков своих служанок, от мастериц укладывать волосы до поварих, теперь эти чужие пока домочадцам женщины встречались то тут, то там. Сама Улиши держалась уверенно и надменно. Дела хозяйственные новобрачную не интересовали; хотя семейная пара домоправителей справлялась почти со всем, все-таки распоряжения им прежде отдавала Натиу, а теперь, с постепенным уходом ее в сны и зелья, обязанности эти перешли на Киаль. Девушка не слишком все это умела и хотела бы получить помощь от жены брата, но тщетно. Киаль поначалу отнеслась к ней по-дружески, потом стала тяготиться общением; но, обладая добрым нравом, лишь перестала заглядывать к новой родственнице и ненавязчиво отвергла все попытки Улиши сблизиться.

— Что, больше не рада? — насмешливо спросил сестру Кайе. Его Улиши побаивалась, и случай с шарами льяти ее впечатлил не меньше, чем остальных. В пересказах тех, кто свидетелем не был, Кайе заставил весь Дом Звезд полыхать до неба.

— Скоро скажут, что я его сжег, — пожаловался он сестре.

— Но кто же отстроил заново?

— А, будто рабочих мало... за ночь управились, к рассвету как новенький был, — фыркнул Кайе. С появлением Улиши Къятта стал уделять брату поменьше внимания, и тот время от времени начал вспоминать, что еще и сестра имеется. У нее точно не наткнешься на очередную чужую девицу-служанку, которая сперва таращится, потом шарахается, или наоборот. А не так себя поведешь, даже слово не то скажешь, визгу будет на весь дом...

— Зачем он только ее притащил, — пробормотал Кайе, отвечая мыслям и Киаль заодно.

— Алани, которую ему сватали, еще хуже была бы.

— Не... Я ее видел. С той хоть поохотиться можно, а эту только в постель — и чем она отличается от всех остальных девок?

Къятта про брата все же не забывал. Понимал, что скоро тот опять заскучает. Сейчас он носится по лесам и радуется свежей листве, гордится, как всем показал с шарами, но скоро душа запросит нового. И тогда ему снова прикажут быть пайнкой, но он не сумеет.

— Ему нужен кто-то, кто удержал бы — как лодку на привязи, — сказал Къятта деду. — Любая игрушка, к которой он привяжется и не сломает. Раз уж не может без этого, игрушку я сам ему выберу и позабочусь о ее сохранности.

— Если тебе хочется показать, на что ты способен, не снося полгорода — выходи в Круг, — сказал Къятта спустя несколько дней, как только подвернулся случай. Он умолчал, что Ахатта был против его идеи, и они крупно поспорили, но все же их несгибаемый дед уступил... и уступать будет все чаще.

— В Круг? Что ты. Представляю, что он там вытворит, — сказал Ахатта.

— Закон не запрещает выходить даже детям в крайнем случае. Только традиции — защита для юных, горячих. Вряд ли кто сомневается, что у него уже достаточно силы, на сей раз я говорю не об огне, о простой человеческой. Или ты беспокоишься за других?

— Хм... — повторил дед. — Не знаю, за кого опасаться больше. Он же совсем не сдерживается.

— Щиты сдержат Огонь. Звери играют в жестокие игры — но играют, грызутся, не убивая друг друга; настоящий бой — это иное. Мальчишка будет доволен, если ему позволят говорить на понятном ему языке. У него нет причин желать смерти кому-то в Астале. Разве что...

— Так что же, хочешь? — Къятта, пристально глядя на брата, склонил голову к плечу, звякнули золотые кольца в ушах.

— Да! — почти выкрикнул Кайе, и задумался: — Есть повод для этого?

— Есть, — вздохнул старший. — Девушка именем Чинья, из мастериц вышивать мелкими бусинами, попросила наш Род принять ее под свое покровительство. Прежних своих хозяев она винит в смерти дяди, который о ней заботился чуть не с ее рождения. Сейчас они с матерью принадлежат Роду Кауки, те не отдают без драки даже сухую кость — от платы за нее уже отказались. Тебе сравнялось шестнадцать; вот и попробуешь, каков воздух Круга.

О том, что сама по себе эта девчонка могла хоть обпроситься, он умолчал тоже. Невелика птица. Но... этой игрушкой по крайней мере будет легко управлять.

Наста Кауки знал, что нельзя доводить дело до третьего поединка. Продержаться в первом... мальчик хорош, но и Наста не последний боец. Отвлечь... у Кайе реакции и восприятие зверя, на запах трав реагирует острее, чем люди. Что лучше — черная мята, возбуждающая, отвлекающая, или волчий корень, замедляющий реакции? Первое опасней, пожалуй. Но вернее — второй не сразу действует. Значит, черная мята. Это не яд... слабый запах никто не почует. А во втором круге мальчишке не выстоять. Он привык использовать Огонь и собственное тело, не оружие.

Если же он перекинется, его сдавят «щитами» — и проигрыш неизбежен.

Тем временем юноша пытался разглядеть, кого же все-таки решили принять под свою руку? Женщины стояли с солнечной стороны, и ясно было только, что одна средних, лет, а другая совсем молоденькая. И эта младшая вела себя очень неуверенно — сильный испуг и на расстоянии чувствовался.

Поняв, что девчонка вся дрожит — удивился. С чего бы? Не преступница ведь, сама просила покровительства их Рода. Неужто боится, что он проиграет и Кауки сведут с ней счеты? Он не допустит этого. Заметил неподалеку сияющую улыбкой и золотом Киаль, подумал снисходительно — женщины... Сами не знают, что им надо.

Къятта между тем говорил:

— Я не стану давать тебе советов — все, что мог, уже дал. Ты хорошо подготовлен, а кое-что у тебя прирожденное. Но для твоего противника это далеко не первый бой, он знает, как его надо вести. Не увлекайся. И постарайся закончить все в первом круге.

Заметив, что младший не слушает, а глаз не сводит с освещенного солнцем песка, отступил в сторону:

— Иди.

Песок похрустывал под ногами, живой и упругий. В круг Кайе вышел, не испытывая

ничего, кроме радости. Такой же радости, как во время охоты, когда чувствовал — один прыжок, и жертва будет его.

— Не стоило его выпускать, — вполголоса проговорил дед. — Он непредсказуем.

— Ему ничего не грозит. Если перекинется — удержат.

Мальчишка обернулся и помахал рукой родственникам.

Поначалу зрители были удивлены — Наста, известный решительностью своей, уходил, то отступая, то перекатами, будто испытывал страх. Конечно, противник достался нелегкий, но все-таки неопытный и юный — вряд ли мог напугать настолько.

— Что это с ним? — недоуменно спросил Ньенна, глаз не сводя с Насты.

— Это же... — тихое злое шипение сделало бы честь разозленной змее.

— Что такое? — встревожился троюродный брат.

— Глянь... Он водит мальчишку, не подпуская к себе, а тот все больше отвлекается на постороннее... вообще забыл, где находится. Что Наста за запах взял, хотелось бы мне знать? Отродье...

— Но не молчать же! — встревожился Ньенна.

— Да нет нарушений, нет! — сверкнул глазами Къятта. — Ах, Бездна... — сжал руку. — Осталось всего ничего! Круг скоро закончат!

— Смотри!

Люди заволновались, зашумели.

Кайе остановился, прижал ладонь к переносице. Противник использовал этот момент — ударил; но тот в самый последний момент отклонился, и потряс головой, будто не от удара ушел, а от мухи. Огляделся по сторонам, кажется, наконец вспомнив о поединке.

Наста мелькнул перед глазами потерявшего цель противника, очутился за спиной; руки сомкнулись на горле юноши.

— Всё, — сказал Къятта.

Ньенна только открыл рот, но не успел ничего ответить: Кайе сжал запястья противника, враз отцепил руки от собственного горла и легко, будто мышонка, перекинул человека через голову на песок. Хрустнули кости, человек закричал: одна рука его неестественно торчала в сторону, едва не оторванная в локтевом суставе.

Кайе поднялся, отряхнул песчинки с тела и со штанов и замер: чисто по-звериному напряженно то ли вслушивался во что-то, то ли пытался уловить запах. Победы своей он, кажется, не заметил. Растерянно побрел прямо, не обращая внимание на выигранных. Почти натолкнувшись на людей, исполнявших роль ограды, развернулся и двинулся по окружности, видимо, не соображая.

— Что с ним? — встревожился Ньенна.

— Все то же. Трава, я полагаю. — Недобрый прищур Къятты ничего хорошего Кауки не обещал.

— Ладно, Наста и без того пострадал. Теперь невесть сколько будет лечиться, — вступился Ньенна.

— Пострадал... пусть спасибо скажет, что легко отделался, — и добавил: — Иди возьми женщин, а я заберу этого... хомяка.

Ньенна остановил его:

— Ты сказал — всё?

— Я же не мальчика имел в виду.

Къятта направился было за Кайе, но остановился и сказал с легкой улыбкой, и можно было видеть, как он на самом деле доволен:

— Тому идиоту надо было и дальше избегать прямого контакта. Во втором круге, с ножами мальчишка мог и не выстоять. Нет же... решил закончить красиво.

Чтобы привести в чувство брата, старший не стал изобретать изысканных средств. Просто столкнул его в канал, подле которого оказались, идя по улице. Расхохотался, видя ошалелое лицо победителя, который еще в воздухе развернулся лучшим образом, падая, но не понял, почему стоит по шею в воде.

— Ты жив? — спросил, не скрывая гордости за младшего.

— Ты решил меня утопить? Как тогда? — отозвался Кайе, вылезая и отряхиваясь позвериному; во все стороны полетели брызги. — Бездна, мне давно не было так хорошо.

Да, он явно пришел в себя. Къятта повернулся и, все еще улыбаясь, пошел прочь.

— Девчонку я отослал к тебе, — крикнул напоследок.

Кайе проводил его взглядом, еще раз встряхнул головой. Зачерпнул воды, выпил, какое-то время поводил в воде рукой, словно ловил кого-то невидимого. У дома не стал тратить время на обходные тропинки — срезал прямо через забор, потом через живую изгородь, как всегда, и в комнату нырнул через окно, прихватив по пути неспелый еще плод.

Услышал испуганный вскрик.

Уселся на пол. Вгрызся в суховатый, вяжущий бок тамаль, рассматривая «приобретение» Рода. Девчонка и впрямь оказалась хорошенькой — сейчас вдоволь вблизи нагледелся. Стройная и крепкая. Брови тонкие изогнуты крылышками ткачика, скулы высокие, губы темные, нежные, сложены так, будто о чем-то просить собралась. Вроде все по отдельности обыкновенно, а вместе очень даже, так и тянет коснуться. Вдвойне приятно... в победе не сомневался, но выходить в круг за крокодила как-то смешно. А что Кауки приглянулась, так им все равно, мог оказаться и крокодил.

Девчонка стояла, дрожа. А ведь знала, что, попросив другой Род о защите, придется платить не только мастерством — слишком красива.

— Что, наши мужчины лучше? — спросил он резко.

Она вздрогнула и не ответила.

— Не молчи!

— Наста Кауки мог делать все, что угодно... и не только силой — у меня мать... А он хотел, чтобы и ей было плохо. Ее брат, мой дядя-опекун погиб из-за них всех, я их Род ненавижу!

— А почему побежала к нашему Роду?

— Я знала, что в круг выйдет твой брат или Нъенна, может быть, — девушка подняла глаза, светло-карие, прозрачные из-за слез. — Они сильнее... Это верная победа. И Ахатта слывет справедливым...

— Меня ты не ждала.

— Нет... — всхлипнула и нелепо зажала рот ладонью, боясь, что вырвется еще хоть звук.

Выбросив косточку тамаль в окно, Кайе сказал с усмешкой:

— Хлау покажет вам отведенный дом. Позже...

— А... я... — она низко опустила голову.

— Ты?

Встал. Отбросил со лба волосы. Она сжалась: боится насилия, грубости. Дурочка... все ее прелести ничего не стоят по сравнению с горячим песком Круга, с первой победой. А она...

Не сейчас. Сейчас ему хотелось просто развалиться на мохнатой шкуре. Блаженная лень — после поединка огонь притих, девчонка может не опасаться особо. И давно не было так хорошо.словно ласковые солнечные лучи лижут тело, а внутри — просто тепло. Фыркнув, растянулся-таки на меховом ковре, затылком упираясь в скрещенные руки. Прикрыл веки, улыбаясь. Перед глазами все еще стоял песок круга, осязаемое присутствие зрителей, жадно следящих за схваткой. И это только начало. Теперь много будет таких побед, только посложней бы хотелось, сегодня уж очень просто.

Не знал, что лицо его сейчас выражало почти нежность, посмеялся бы, скажи кто — бывает же...

Девчонка окликнула его. Тихо-тихо.

— Решилась все-таки? — открыл глаза, поднялся; шагнул к ней и положил руки на плечи.

— Да, — прошептала, опустив голову низко — макушка коснулась его груди. Мелочи не нужны... но если сами идут в руки, почему нет?

Она была мягкой, и пушистой казалась, словно кроличий мех.

Къятта знал, что Чинья еще не покинула дом. Отлично, значит, понравилась. Ввязываться в поединок ради хорошенькой девчонки, пусть мастерицы — смешно. Мало ли их? Однако сейчас пришлось кстати.

Шел быстро, не отдавая себе отчета в неясной тревоге — уж больно долго мальчишка не отпускает эту пташку. Впрочем, случись что серьезное, весь дом бы об этом знал...

Его комнаты от комнат младшего отделял дворик и узкая терраса — вроде и близко, и не сказать, чтобы рядом совсем. За пологом спальни было тихо — и внутри не оказалось никого. Зато в соседней комнате слышалось какое-то движение — верно, это любимая комната Кайе, с ковром из шкур на полу. Любит мех, будто сам не шерстяная зверушка.

Вошел, пытаясь не только увидеть — почувствовать, что у него и как. Ничем не выдал удовлетворения — совсем человечьи глаза у младшего, как прежде, мальчишески-озорные. Девчонка пристроилась в уголке, особо испуганной не выглядит; и вроде вполне живая, хоть заметны тени вокруг глаз, и губы слегка припухли, и на плече алый след — то ли укус, то ли ссадина, отсюда не разобрать. Ощутил почти благодарность к ней, хоть понимал — Чинья тут ни при чем.

Просто... какое дитя этот пенек меховой. Он доволен собой, как мальчишка, гордится своей победой, которой могло не быть. Но только попробуй кто намекнуть на это "могло". Не поверит, и взбесится.

Гордость — человечье чувство...

— Хорошая самочка, — шагнул к Чинье, положил ладонь ей на плечо, улыбнулся. Девчонка робко улыбнулась в ответ, и подалась вперед, хоть и видел — с едва заметной оглядкой. Еще бы. У мальчишки не злое сердце, но разве энихи даже в благостном расположении духа можно назвать добрым и безопасным? И — хоть и учил младшего

обращаться с женщинами так, чтобы и те оставались довольны, заигравшись, он про все забывает.

— Поделишься?

Зубы сверкнули в довольной улыбке. Кивок, челка падает на глаза. Это хорошо, малыш. Ты не вцепляешься в свою "собственность"... неважно, что тому причиной — признание прав более сильного или нормальное человеческое — у нас одна кровь...

— Идем, — протянул Чинье руку, сдержал улыбку, заметив поспешность, с какой девушка поднялась.

Когда-то дед говорил про груз, который бросают на дно, не давая лодке уплыть. Обернулся. Всмотрелся в брата попристальней. В глазах младшего был не просто интерес, и не просто довольное осознание победы — так он смотрел на свое, что не подлежит обсуждению, и не будет выброшено просто так. Отлично.

Чинью привел к себе — она и повеселела, и смотрела просительно. Правда, устала: стоит ее сейчас отпустить, больно уж много всего на нее свалилось.

— Сейчас иди, отведут туда, где будете жить.

Она кивнула, продолжая послушно смотреть огромными карими глазами, умело подведенными, блестящими. Так и тянуло потрепать ее за ухом, словно грис, бросить небрежно: хорошая девочка...

— Он будет звать тебя еще не раз.

— Да? — испуг в ее глазах встрепенулся маленькой черной птицей. — Но я...

— Скажем так... ты ему понравилась. И еще кое-что, о чем пока знать не следует. Выдержишь?

— Я... не знаю... — прошептала вконец испуганная, но вместе с тем заинтригованная девушка. Ее выделяют из прочих... это приятно, более чем.

— На, — ловко бросил ей красивую золотую цепочку с хрустальными шариками на концах, бросил так, что та повисла на плече девушки, дополняя и преображая неброский наряд.

— Ахх... — засияла девчонка, и вскинула повлажневшие от счастья глаза, согласная на все, на любые жертвы.

**

Тейит

На сей раз Лайа встретила его не просто в другом зале — кажется, в другом конце этого каменного муравейника. Огонек не знал, действительно ли здесь настолько огромные расстояния, или он просто спускается в недра горы, ходя при этом по кругу. Но комната, где женщина его приняла, мальчишке понравилась: пускай не тот огромный зал, но и не серая высоченная нора, освещенная узкими полосами света из прорезей в камне, а место, где по-настоящему жили. Неважно, пусть вещей тут почти не было, все несло на себе отпечаток вкусов хозяйки: кресло с пушистым, затканым узором пледом, жаровня в виде лебедя, запах фиалок...

— Здесь я люблю сидеть и смотреть на закат, — сказала сидевшая в кресле Лайа, заметив, что он осматривается. Подле нее на столике поблескивали какие-то склянки и камешки.

— Твоя память хоть что-нибудь сохранила? — вопрос застал мальчишку врасплох. —

Что-нибудь из событий, пережитых тобой до встречи с южанами?

— Нет, элья.

— Хочешь, чтобы я помогла тебе вспомнить? — резко спросила Лайа, и хрустнула пальцами. — Я не хочу тебя принуждать. Если решишь не рассказывать, твое дело. Но разорвать паутину трудно, твое искреннее желание необходимо для этого.

— Я даже не знаю, хочу ли я вспоминать, — сказал Огонек. Он не доверял этой женщине, но сейчас не видел смысла хитрить. — Что такое эта паутина?

— Замок на памяти... ее накладывает уканэ, обладающий большой Силой, и рисунок у каждого свой. Распутать ее невероятно трудно — можно по ошибке не ослабить узел, а затянуть гораздо крепче. А если порвать... можно убить человека или сделать его идиотом.

— Настоящая паутина не вечна, может ли эта исчезнуть со временем?

Лайа слегка нахмурилась. Похоже, ее сердило, что он спрашивает сам, вместо того, чтобы послушно отвечать. Но она почему-то терпела.

— Мальчик, ничто не вечно, и ты в том числе. Ты хочешь все вспомнить в глубокой старости?

— Мне порой снятся кошмары, — тихо сказал Огонек. — Всё чаще. Этого не было раньше. Может быть, паутина... она ведь колеблется, когда паук ее задевает. Если я так вспоминаю?

Взгляд женщины стал острым, а голос, напротив, смягчился:

— Не исключаю такую возможность... у тебя сохранились в голове образы, и они начинают всплывать со дна. В тебе пробудили Силу, и это могло сжечь некоторые запоры. Быть может, со временем ты вспомнишь не так уж мало, и нам будет, за что зацепиться. Скажи, каковы твои кошмары?

— О, разные. Я вечно откуда-то убегаю, падаю, чудом спасаюсь. Это и огонь и вода, и скалы, — улыбнулся мальчишка. — Я просто не мог бы чудом избежать стольких опасностей наяву.

— Понятно, — вздохнула Лайа, откидываясь на спинку кресла. Внезапно Огонек испытал желание ей довериться — не потому, что она показалась приятной или безобидной, просто... а вдруг и впрямь что-то получится?

— Но однажды я вспомнил птичку, серебряную.

— Интересно, — женщина вновь нахмурилась, на сей раз недоуменно, потом спросила: — Детская игрушка? Ты помнишь ее хорошо?

— Не знаю, элья.

— Можешь нарисовать? Это может пригодиться, и нам, и тебе.

— Да, элья, — Огонек на мгновение зажмурился. Птичку он никогда не забудет, как и обломок другой игрушки, далеко на юге... А потом в голову пришел еще один вопрос:

— Если окажется, что я знаю нечто важное, кто поручится, что меня попросту не убьют? Не лучше ли мне оставаться без прошлого?

— Какой ты беспокойный ребенок... Никто не желает тебе зла.

— Я уже прошел через это, элья.

Он всей кожей ощущал взгляд женщины, неприятный, как гудение роя диких ос. Но она вдруг улыбнулась — скорее, шевельнула уголком рта — и сказала:

— Не знаю, каких гарантий ты хочешь и не представляю, чему ты готов поверить. Но я готова показать, что я друг.

Она встала, извлекла из шкатулки прозрачный камень на серебряной цепочке:

— Носи, не снимая. Разрешаю тебе выходить в город. Этот самоцвет — твоя защита.

"Куда бы я ни пошел, наверняка будет слежка", — подумал Огонек, но это не беспокоило. Напротив, он опасался каменного муравейника и не уверен был, что так уж хочет гулять по бесконечным уровням улочек. В Астале было много людей, но там и места, и зелени было много.

Однако он склонил голову и поблагодарил Лайа, стараясь, чтобы в голосе прозвучала радость.

**

— Что ты возишься с этим крысенком? — брезгливо сказала Элати; она видела с галереи, как полукровка выходил от сестры. — Подумаешь, его Сила! Ошибка природы, и только.

— Ее подарил Кайе Тайау.

— Да пусть хоть сам Хаос Изначальный! Он на юге и про свою игрушку давно уже позабыл.

— И все же... — Лайа задумчиво потерла подбородок, набросила на колени край пледа. — И эта паутина на памяти, интересно, знали про нее южане или нет? Я забыла спросить мальчишку. Могли и не знать, кому он сдался, если подумать. Так вот паутина... она запечатала его прошлое наглухо, без его согласия не распутать. Интересно, кто это сделал и зачем? Это должен быть мастер... Но силой тут ничего не добьешься. Я хочу, чтобы этот мальчишка с рук у меня ел, тогда есть шанс все распутать.

— Не заблуждайся. Это хитрый звереныш — иной бы с дикарями не выжил. И я видела, как он косит глазами по сторонам, пока шел. Ослабь мы надзор, сбежал бы мигом, леса он не боится. А перед тобой строит простачка.

— Это же прекрасно. Чем больше он играет, тем больше запутается, — худая рука протянулась над столиком, взяла пустой серебряный кубок и перевернула его, поставив со звоном. — Я все гадаю, откуда он, — проговорила Лайа. — Меня не покидает смутное ощущение, что черты мальчика чем-то знакомы мне. И говор у него странный, в нем и северное, и южное одновременно. В Чема и Уми все же иное наречие, хоть и намешано всякое. И он говорит... не как простые рабочие или земледельцы. Я могу представить любую историю, даже что он рожден южанкой из Сильнейших Родов, которая потом сплвила его на задворки. Но его речь все только запутывает. Ему между тринадцатью и пятнадцатью веснами, как ты сказала сама...

— Я тут подумала... Шестнадцать весен назад в сердце Тейит были послы, — произнесла Элати, привычно начиная ходить взад и вперед.

— И что же, анни? Они вполне могли сбить с толку какую-нибудь девицу, силой вряд ли взяли — скандал им не нужен. Но что потом? Девица родила и отвезла ребенка на южный прииск?

— Неужто даже ты не можешь заставить его вспомнить? — спросила Элати.

— Я сделала, что могла. Но полностью память вряд ли к нему вернется, в ближайшее время уж точно — запечатавший ее был очень силен и немного безумен, если я все поняла правильно. Есть только крохи, но вдруг. Вот птичка, — она подвинула к сестре кусочек тростниковой бумаги. — Мне будет очень приятно, если этим рисунком займешься ты тоже. У тебя ведь тоже везде свои люди. Но Лачи не должен знать ничего.

— Поздно, с этим я и пришла. Моя дочь проболталась, что я нашла этот подарочек, и

новость дошла до Лачи, — Элати выглянула в окно, посмотрела вправо, где находились владения Хрустальной ветви. — Будь готова, что скоро он попытается сунуть нос в твое блюдо с молоком.

— Я уж не надеюсь, что Атали поумнеет, девчонке скоро двенадцать, а мозгов на три, — Лайа налила себе травяного товара, выпила, чуть поморщилась — горько. Но помогает сохранить молодость. — А Лачи... ну его совсем. Узнал и узнал. Если вдруг полукровка имеет к нему отношение, скорее пойдем.

**

Ворот или калиток здесь не было, или он их еще пока не нашел. Зато множество лесенок — от одной ступеньки до пары десятков, и всевозможные переходы, то под арками, то под открытым небом. Возможно, Огонек ходил по кругу весь этот час, он запутался и понемногу начал отчаиваться. Он уже в городе? Или это все еще огромный дом здешних правителей?

Мостовая была чистой, и клочку шерсти грис он обрадовался, как родному. Наверное, все же город, не станут же таскать грис по собственному жилью?

Тут повсюду были большие и малые изображения, высеченные в камне, двух или одноцветные — они так отличались от пестрых мозаик и фресок Асталы! Иногда попадались узоры, выложенные из недорогих самоцветов, но камня, похожего на те речные агаты с уже далекого прииска, нигде не было. То тут, то там крохотные фонтанчики были вделаны в стены, вода стекала по желобам, исчезала в камне. А людей тут было немного, и он вновь начинал сомневаться — так не бывает утром на городских улицах. Где у них торговая площадь, в конце концов?

Мальчишка чувствовал себя беспомощным, он не помнил случая раньше, чтобы не смог сориентироваться. Взгляд цеплялся за все, все было новым и непривычным, и голова понемногу начинала плавиться. В Астале пугала масса народу, но там был простор, много зелени, там он уж точно понимал, где находится.

А еще у него появилась живая тень. Он не сразу подал вид, что заметил ее, поначалу не был уверен, что не совпадение, что следуют именно за ним. Потом стало занятно, и он намеренно нырнул в пару узких проулков, и, наконец, обернулся, разглядывая упорную девочку, которая под его взглядом не засмушалась, а напротив, вскинула подбородок.

— Ты что за мной ходишь? — спросил он беззлобно, только удивленно — не похожа эта девчонка на приставленную следить охранницу.

Странная была она, волосы выцветшие, будто почти седые — маленькая старушка. Да, Огонек знал, что здесь это признак большой Силы, но все же такие волосы смотрелись неестественно как-то.

— Я-то думала... — протянула она, поведя носиком. Держалась так, словно это он был застигнут за слезкой.

Огонек развернулся полностью, разглядывая девочку. С виду немного младше его самого, тоненькая, и, хоть смуглая, какая-то полупрозрачная. Эдакий цветок лесной, всю жизнь росший в тени. И кожа тонкая, почти видно, как кровь под ней бежит, и синие жилки на висках. Пряди волос перевиты бусами и скреплены на затылке. Лицо приятное, хотя седина эта...

— Ты кто такая?

Она не ответила снова, смотрела немного свысока, отстраненно и с любопытством — и

любопытство это просвечивало сквозь маску «взрослой».

— Но имя-то есть у тебя? — спросил по-другому.

— Атали, — она чуть опешила. И тут же гордо выпрямилась: — Атали Обсидиановой ветви, Эдельвейс Тейит, дочь Элати-Охотницы.

— Значит, та, с косой, Лайа — твоя тетя?

Девочка только дернула уголком рта. Мол, это же очевидно...

— Она дала мне вот это, — Огонек показал камень. — Что это такое?

— Это пропуск и способ следить за тобой. Но с чего...

— Мне не полагалось этого знать?

— Тоже мне, тайна... попробуй снять — и тебя вмиг задержат.

— Я и сам никуда не уйду, заблудился уже, — вздохнул он. — Может, ты покажешь мне город... или это огромный дом? Я не понимаю, где кончается он, где скала, а где уже улицы.

— Ты с ума сошел? — возмутилась она. — Кто ты, и кто я.

— Но ты шла за мной несколько поворотов, значит, тебе интересно.

— Я присматривала, чтобы ты не натворил лишнего!

— Так тебя послали следить?

— Много чести! Я сама захотела.

Снова вскинула голову. А сама одета в серую чуть мерцающую ткань с алой вышивкой, точь-в-точь болотный журавль! Да, и шея такая же длинная, и нос островатый.

Огонек хихикнул, представив журавля, гордо шагающего по коридорам Тейит. Брови девочки сдвинулись.

— Ты смеешь еще смеяться?

— Почему нет.

Он не хотел злить или дразнить эту северянку, но устал уже от того, что каждый встречный пытается сказать ему — ты ничего не стоишь. Лучше б эта девчонка вовсе ушла!

— Я никогда не видел ничего, похожего на ваш город, — он задумчиво провел пальцем по выбитой на камне фигуре — пещерный медведь. Рууна рисовали его, но совсем иначе, парой длинных штрихов; этот был объемным, но неживым. — На всё это, наверное, ушла уйма весен...

— Тейит была, когда не родились прадеды основавших Асталу. Что, нравится? — ему почудилась насмешка в голосе девочки.

— Даже не знаю. Мне непонятно, зачем это все. Когда вокруг только камень, хочется все как-то украсить, наверное... но почему таким же камнем? Что заставляет такую массу людей селиться на манер муравьев?

— Да ты просто... — Атали вскинулась, позабыв изображать взрослую. — Тебя самого достали из пещеры!

— Нет, это был оползень. Настоящих пещер мы не видели, — он помолчал какое-то время, добавил: — Знаешь... Твоя мать меня спасла, но не спросила, хочу ли я на север.

— Ах, вот как? Тварь ты неблагодарная! — оскорбилась девочка, двинула рукой, будто ища, чем швырнуть в наглеца, и пошла прочь.

— Если придешь снова, я буду рад! — крикнул ей вслед Огонек.

Кажется, он все же что-то не то сказал. Жаль, похоже, придется осматриваться в одиночку... Надо, если он хочет здесь выжить.

Здесь, над обрывом, всегда было ветрено, даже когда ниже по склону все погибали от зноя. Ветер выдергивал из косы прядки, трепал их, и это раздражало Лайа, но сейчас ей было спокойней на свежем воздухе. Обычно она не любила покидать Ауста — северную часть крыла Тейит, огромный, на много уровней, дом для Обсидиановой ветви и ее опоры, Серебра. Но сегодня стены давили. Предчувствия не были ее сильной стороной и она охотно списала бы тревогу на погоду или недомогание. Но лучше прислушаться, раз неведомое намекает столь явно...

— Не ожидал застать тебя здесь, но рад, что не придется спускаться вниз. Хотя ветер омерзительный, — услышала за спиной знакомый с юности голос.

— Я вспоминала, — сказала Лайа, не отрывая взгляд от дальних горных склонов, лугов, на которых темнели гребни деревьев. — Так давно не бывала там.

— Что же мешает? Твоя сестра, напротив, не любит города.

— Вот именно. Кто-то из нас должен быть здесь, а без леса или лугов я проживу без труда.

Мужчина улыбнулся, облокотился на парапет рядом с ней. Высокий, с кожей светлее чем у многих, с крупными, правильными чертами лица — его многие находили привлекательным, но не она. Лачи Восход Луны, тот, кто продумывает каждый звук своего голоса, но любит казаться искренним и дружелюбным. Сегодня он был в сером и темно-синем, тонкая шерстяная накидка окаймлена несколькими рядами вышивки, зажимы у ворота и браслеты выше локтя медные с молочным камнем... Он ухитрялся никогда не надеть цвет, металл или самоцветы, в которых была она — кроме белого. Но белый она носила почти всегда, не отказываться же вовсе!

Теперь они оба смотрели вдаль, где склоны постепенно переходили в холмы, а те — в равнины, но все были равно прикрыты сизой дымкой, темнеющей внизу, розоватой сверху.

— Когда-то наши предки шли за солнцем, покидая Тевеерику, но многие в Тейит солнца не видят, — сказал Лачи.

— Какая разница. И Тевееррика давно стала почти что мифом. Мне жаль только, что наши подземелья битком набиты древними премудростями, но воспользоваться мы ими больше не можем.

— Я знаю, тебе принесли очередную рукопись. Настолько разочаровала? — подначил ее Лачи. Лайа только дернула уголком рта:

— Ах, ну конечно... ты вечно все знаешь. Только и тебе она бесполезна. Но зато мы можем и умеем ждать, наше преимущество в этом. А ты все пытаешься тратить наши силы вместо того, чтобы копить.

— Пока Юг ленив и беспечен, и всем доволен — показывает зубы, но не кусает. Но так будет недолго; им уже становится скучно, одной искры достаточно, чтобы всё изменилось. Они берут Силу лишь из самих себя. Ни золото, ни камни им не нужны.

— И поэтому Астала сама себя уничтожит, как ее предшественники, а мы будем стоять, — сказала Лайа.

— Мертвой глыбой.

— Ох, любишь ты пророчить дурное, — вздохнула Лайа. Но все-таки, хоть доверять Лачи нельзя ни на волос, хоть у них совершенно разное понимание, что лучше для Тейит, он человек дела. А еще он, даже споря, все равно понимает. Поэтому и повелась когда-то...

— Ладно, — сказала женщина. — Выкладывай, что тебя привело.

— Твоя племянница, — Лачи улыбнулся светло и немного нахально. — И ваш

маленький рыжий гость.

— Не сомневалась, что ты сразу примчишься. Да, это невероятно! — Лайа переплела пальцы. — Полукровка иницирован Кайе Тайау!

— Как зовут мальчика?

— Какая разница. Да и не имя у него, прозвище — Огонек.

— Интересно, почему же ему позволили покинуть Асталу, раз он, как признался, сбежал? — задумчиво проговорил Лачи. — Къятта, конечно, своими страстями не всегда управляет, но дураком я назвать его не могу. А уж их дед...

— Мог и не знать, чем развлекается его младшенький внучек.

— Но не Къятта. Ты думаешь, за ними не наблюдали наши люди в Астале? Он не выпускает из виду брата. Кессаль не следит пристальней за бегущей в траве добычей.

— Желание позабавиться, — надменно вскинула голову Лайа. — Он знал, что у полукровки нет шансов спастись!

— Все это чепуха, — голос Лайа стал холоднее. — Но трудно поверить, что такой заморыш все-таки выжил. Или это просто изящный ход... Мальчишка шел в нашу сторону — случайно или намеренно? Я его проверила, он и не заметил, как заснул и отвечал на мои вопросы — но тщетно, он ничего не знает.

— Вовсе он не заморыш, — заметил Лачи. — Я успел мельком увидеть его. Ты судишь как женщина — не сердись, — умиротворяюще улыбнулся, — Да, его подобрали грязным и тощим, но он, похоже, очень вынослив, ловок... а еще он растет. Будет высоким, если доживет, конечно. Сколько ему, четырнадцать? У меня в этом возрасте тоже отовсюду торчали кости. А у дикарей вряд ли его хорошо кормили.

— Чем тебя заинтересовал этот полукровка, настолько приглядываться, — сухо сказала Лайа. Мелькнула мысль — хорошо, что он не разведал про "паутину". И не дождетя! А тот смотрел цепко, будто мысли пытался прочесть:

— Тебе ли не знать, в какой грязи можно порой найти золото.

— Золото? Ты о его невеликой Силе? Это забавно и необычно, но сам знаешь, такое случалось. А Кайе все равно далеко.

— Однажды я предложил тебе сделку, и она была тебе выгодна, — Лачи отошел от парапета. Широкоплечий и статный, он напоминал изваяние — и в закатном свете кожа его была совсем светлой, больше походила на золотой мрамор. — Не стану с тобой хитрить, я пришел не с пустыми руками.

— Чего же ты хочешь? В разговорах с тобой надо начинать с этого, а не с того, что собираешься предложить.

— Мне нужен этот мальчик. И я хочу иметь к нему доступ — и без свидетелей. Не поджимай губы, это может быть выгодно всем.

— Вот уж не вижу в том для себя выгоды.

— Ты знаешь, что на Юге связь ведущего и ведомого сильнее, чем у нас, они чувствуют друг друга какое-то время.

— Несколько суток. Иначе их служители Домов Солнца с ума бы сошли.

— Но они обучены, — Лачи вновь улыбнулся. — И это еще не все... Так ты согласна пообещать?

— Я... Бездна с тобой, говори.

— Сначала поклянись.

— Клянусь! — Лайа подняла алый камень, висевший на шее,дохнула на него и прижала

к сердцу. — Пусть он будет свидетелем, что я согласна с твоими условиями. Можешь секретничать с полукровкой, все равно его потом расспрошу.

— Дело не только в том, что Кайе не имеет опыта Дома Солнца. Мы не знаем, сколько такими он развлекался. Но в моих архивах есть пара историй о том, когда в древности владеющие очень большой Силой инициировали слабых и, чтобы не убить их случайно, создавали особую связь. У мальчишки может быть такая же.

— Кайе далеко, мы не можем проверить, — разочарованно сказала Лайа.

— Можем. Выманить одного, другого подвезти поближе...

— И зачем тебе это?

— Если эта связь существует, нам не нужны никакие шпионы, мы всегда будем знать, где сейчас Дитя Огня. А может сумеем и повлиять на его самочувствие по этой их связи.

— Хм. Звучит... любопытно, — сказала Лайа. — Если эта связь, конечно, продлится хоть сколько-то приличное время.

— Да, разумеется. Только вот как именно ее использовать, ты вряд ли узнаешь без моей помощи. Я уже выяснил, у тебя нет таких книг. А полукровка тебе не помощник.

— Ты наглая пронырливая лисица, — женщина вновь поправила волосы, но жест был расслабленным, и говорила сейчас почти добродушно. — Толку с твоих догадок, ведь если ты прав, но полукровка почует неладное — южный мальчишка будет чувствовать то же самое?

— С его-то огнем? Да он не заметит такую ниточку, будь она вдесятеро толще! И что ему бывшая игрушка.

— А этот заморыш...

— Да погляди на него. Разве он ненавидит южанина?

— Так, что звал во сне! — фыркнула Лайа. — Что ж. Говори с ним, сколько угодно. Раз полукровка у нас, надо найти ему достойное применение.

— Они кое-что должны нам за реку Иска... — задумчиво проговорил Лачи. — Стоит приручить мальчика.

Больше книг на сайте - Knigoed.net